

ВЕСТНИК Брянского государственного университета

№2(60)
2024

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№2(60)
2024

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (60) 2024:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2024. 202 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибю (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуженая Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаже – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Лицов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** **Абинякин Р.М.**
ДЕВИАЦИИ ОБЛИКА НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГГ.)
- 16** **Арбеков А.Б.**
СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ В ЛОНДОНЕ
- 26** **Бирюкова К. В.**
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2020-2023 ГГ.)
- 31** **Ваниев Э. С.**
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. ГАСПРИНСКОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ Г. БАХЧИСАРАЯ (1879-1882)
- 40** **Гольшкин А.О.**
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ
- 52** **Дубровский А.М.**
«КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ УКРАИНЫ» А. ПАЛИЯ И ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
- 61** **Ерофеева Г.И.,**
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ
- 79** **Лошкарёв И.Д., Жучков В.В.**
РЕФОРМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН: ПОЗИЦИЯ АФРИКАНСКИХ СТРАН
- 86** **Лупанова Е.М.**
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XVIII В.: ПРИОРИТЕТЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
- 96** **Манукян А.Р., Юдин Н.О.**
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
- 108** **Мирошников А.В., Шишкина И.Б.**
КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В ИРЛАНДИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
- 116** **Мокрова Е.М.**
ФОРМИРОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ XX СТОЛЕТИЯ

Мега Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна – доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Розинский Вадим Вадимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая

125 Музыченко О.А.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗЕМЕЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КРЕСТЬЯН СТАРОДУБЬЯ (ЮГО-ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ) ПО РЕФОРМЕ 1861 Г.

131 Петросова Т. Г.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГГ. В ОТРАЖЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

142 Поляков В. Е., Ковалеров А.Е.

ДЕЙСТВИЕ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ КРАСНОЙ И БЕЛОЙ АРМИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В 1920 ГОДУ

151 Романов В.В.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПОРТА ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

160 Симоненко Е.С.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАНАДСКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

166 Тихомиров Н.В.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В ОТЧЕТАХ СТУДЕНТОВ ВКСХУ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

174 Фельдман А.Д.

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕРМАНОФОБСКИХ ВЗГЛЯДОВ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ В 1880-1890-Х ГГ.

178 Черноперов В.Л., Анисимова А.П.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАСЛЕДИЯ РЕПАТРИАНТОВ ИЗ СССР В МУЗЕЯХ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

189 Щупленков О.В., Щупленков Н.О.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ А. БРИАНА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 2(60) 2024: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2024. 202 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.2 – No.60 Scientific peer-reviewed journal JUNE

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Abinyakin R.M.**
DEVIATIONS IN THE APPEARANCE OF THE COMMANDING STAFF OF THE RED ARMY (THE SECOND HALF OF THE 1920S)
- 16 Arbekov A.B.**
GREAT BRITAIN'S STRATEGY ON THE EVE OF THE GREAT WAR AS ASSESSED BY RUSSIAN MILITARY AGENTS IN LONDON
- 26 Biryukova K.V.**
MODERN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS (2020-2023)
- 31 Vaniev E.S.**
I. GASPRINSKIY'S ACTIVITIES IN LAND AND LEGAL RELATIONS (1879-1882)
- 40 Golyshkin A.O.**
THE HISTORY OF THE STUDY OF SETTLEMENT MONUMENTS OF THE SARMATIAN PERIOD IN THE FOREST-STEPPE REGION
- 52 Dubrovskii A.M.**
«A SHORT COURSE IN THE HISTORY OF UKRAINE» BY A. PALII AND PREVIOUS HISTORIOGRAPHY
- 61 Erofeeva G.I.**
THE DOCUMENTARY LEGACY OF GRAND DUKE MIKHAIL ALEXANDROVICH IN FOREIGN ARCHIVES
- 79 Loshkariov I.D., Zhuchkov V.V.**
REFORM OF THE UN SECURITY COUNCIL: THE POSITION OF AFRICAN COUNTRIES
- 86 Lupanova Ye.M.**
SCIENTIFIC RESEARCHES OF THE 18TH CENTURY: PRIORITIES AND PRACTICAL MEANING
- 96 Manukyan A.R., Yudin N.O.**
SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITIES OF THE MODERN WORLD: TRENDS AND PROSPECTS
- 108 Miroshnikov A.V., Shishkina I.B.**
THE CONCEPT OF CULTURAL NATIONALISM AND ITS IMPLEMENTATION IN IRELAND IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES
- 116 Mokrova E.M.**
THE FORMATION OF THE OIL AND GAS INDUSTRY IN THE CONTEXT OF WORLD EVENTS OF THE XX CENTURY

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

125 Muzychenko O.A.

FEATURES OF THE LAND STRUCTURE OF THE PEASANTS OF STARODUBYE (SOUTH-WESTERN BRYANSK REGION) ACCORDING TO THE PEASANT REFORM OF 1861

131 Petrosova T.G.

THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905. IN THE REFLECTION OF THE BRITISH PRESS

142 Polyakov V.E., Kovalerov A.E.

THE ACTION OF THE MILITARY AVIATION OF THE RED AND WHITE ARMIES ON THE TERRITORY OF CRIMEA IN 1920

151 Romanov V.V.

HISTORICAL ASPECTS OF THE USE OF HIGH ACHIEVEMENT SPORTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE SOFT POWER CONCEPT

160 Simonenko E.S.

PAY AND ALLOWANCES OF CANADIAN MILITARY AND NAVAL FORCES IN THE FIRST WORLD WAR

166 Tikhomirov N.V.

THE FINAL STAGE OF COLLECTIVE FARM CONSTRUCTION IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE REPORTS OF VKSU STUDENTS ON INDUSTRIAL PRACTICE

174 Feldman A.D.

THE FORMATION OF WINSTON CHURCHILL'S GERMANOPHOBIC VIEWS IN THE 1880S AND 1890S.

178 Chernoperov V.L., Anisimova A.P.

REPRESENTATION OF THE USSR REPATRIATES' LEGACY IN THE MUSEUMS OF THE STATE OF ISRAEL

189 Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O.

THE EUROPEAN IDEA OF A. BRIAND IN THE INTERWAR PERIOD

Абинякин Р.М., кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» (Россия)

ДЕВИАЦИИ ОБЛИКА НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РККА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГГ.)

В статье исследуются самоубийства лиц начальствующего состава Красной Армии во второй половине 1920-х гг. как весьма специфический и болезненный симптом слома старого и формирования нового общества в целом и складывания его военно-корпоративной структуры в частности. Эта проблема является одним из характерных и малоизученных показателей социальных и морально-нравственных особенностей и настроений военнослужащих в условиях поствоенного психологического травматизма, радикальных общественных преобразований, политической борьбы, новой экономической политики и последствий «военной реформы СССР». Выявлены, систематизированы и проанализированы причины, мотивы и специфика должностного, материального, повседневно-бытового, ценностного, эмоционального и даже медицинского состояния военнослужащих РККА. Особое внимание уделено начальствующему составу, в том числе бывшим офицерам как носителям воинских традиций и недостатков старой русской армии в ходе формирования преемственности с Красной Армией. Его служебный и домашний психологический микроклимат в изучаемый период отличался серьезными лабильностью и девиациями, что неблагоприятно влияло как на чисто военную сферу, так и на общее социально-политическое благополучие. Основная масса использованных источников представлена архивными документами, которые вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Красная Армия, начальствующий состав, самоубийства, бывшие офицеры, морально-нравственный облик, военная реформа 1920-х гг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-07-15

Введение. Ко второй половине 1920-х гг. завершались широкие преобразования РККА, известные как «военная реформа 1924–1925 гг.» [3]. Современные исследователи справедливо полагают, что ее хронологические рамки следует определять более расширительно, от подготовки и разработки до первых результатов и формального перехода на пятилетнее строительство Красной Армии [12, с. 4–5]. Начальствующий состав к середине 1920-х гг. был серьезно отфильтрован в ходе массовой демобилизации, аттестаций, проверок и чисток – и представлял собой, как тогда казалось, лучший человеческий материал. Неоднократно подчеркивалось, что «в настоящее время мы имеем в Красной Армии однородно-тактически подготовленный и сплоченный корпус красного командного состава ... наиболее преданный, вполне сроднившийся с Красной Армией» [7, с. 107–108]. Бесспорно, подготовка высокопрофессионального и позитивного командира является важнейшей государственной задачей и особенно необходима сейчас, в столь же непростых внешнеполитических условиях.

В действительности же до полного морально-политического благополучия в 1920-е гг. было еще далеко, как показывают недавно проведенные исследования социально-психологических особенностей и настроений бывших офицеров как влиятельной группы начальствующего состава РККА [1, с. 110–114; 2, с. 47–52]. Обращения к данной проблематике вообще исключительно редки: С.Т. Минаков [10] предпринял их лишь в отношении высшего командного состава,

а Я.А. Тинченко [21] относительно лишь некоторых высокопоставленных «военспецов»; наиболее профессиональны и содержательны работы А.В. Ганина [4; 5], хотя они затрагивают также довольно специфическую часть красного состава – бывших «генштабистов».

Целью исследования является выявление мотивов и причин самоубийств как специфического фактора служебного, материального, повседневно-бытового, эмоционального состояния и девиантного поведения начальствующего состава Красной Армии в условиях политической и экономической нестабильности переходного периода развития СССР после Гражданской войны.

Объекты и методы исследования. Объектом изучения являются начальствующие лица Красной Армии, предметом – самоубийства среди них, в совокупности причин, мотивов и условий. Методологической основой исследования являются принципы объективности и историзма: непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений на базе осмысления совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Используются приемы статистического анализа: методика абсолютных и относительных статистических величин, сводки, корреляции. Применен метод историко-психологической реконструкции, основанный на воссоздании целостной картины процесса, явления, ситуации путем детального и комплексного анализа его составляющих.

Результаты и их обсуждение. Самоубийство вообще, а особенно самоубийство армейского командира, всегда является чрезвычайным происшествием. Распространение суицидов служит симптомом неблагополучия в армии и обществе, поэтому исследование причин и обстоятельств данного явления открывает широкие перспективы для характеристики служебного, повседневного-бытового, эмоционального и даже медицинского состояния армии и облика начальствующего состава в особенности.

При этом необходимо учитывать, что подавляющее большинство кадрового состава Красной Армии было участниками Первой Мировой и Гражданской войн, то есть являлось образцом типичного «человека с ружьем» – командира, привыкшего приказывать, применять насилие и морально готового к этому. Не стоит забывать и неизбежные эмоциональные перегрузки, которые, продолжаясь в течении войн годами, либо закаляли и огрубляли психику, либо усиливали ее лабильность.

Поэтому самоубийства, как признак крайнего неблагополучия в кажущихся благополучными условиях, чрезвычайно беспокоили не только командование, но и высшее политическое руководство. И если сначала, до 1927 г., статистика причин этого велась довольно поверхностно, по четырем чисто формально обозначенным направлениям (служебно-бытовые, внеслужебно-бытовые, индивидуальные, болезни) [14, д. 65, л. 53 об.], которые были явно неполными и недостаточными, то уже к 1928 г. отчетная документация насчитывала 21 мотив в 24 пунктах [14, д. 65, л. 48–49], то есть велась скрупулезно, персонализированно, учитывая даже незначительные нюансы.

Информационные обзоры и сводки ВЧК – ГПУ – ОГПУ о положении в стране и документы Главного Управления РККА о моральном состоянии армии являются, пожалуй, наиболее подробными и объективными источниками, так как их секретный и относительно систематизированный характер гарантирует неприкрашенную, порой нелюбимую информацию, свободную от пропагандистских искажений. Она сильно отличается от бравурных приказов и публикаций к десятилетнему юбилею РККА в 1928 г. [9; 11]

Впервые тема суицидов в Красной Армии возникла в сводках ОГПУ в 1924 г., в разгар «военной реформы» и – не стоит об этом забывать – нэпа и борьбы за власть после смерти В.И. Ленина. Отмечалось, что «за последнее время участились случаи самоубийств. Из анонимной анкеты, проведенной партколлегией 3-й дивизии [Краснознаменной Кавказской армии – Р.А.], выяснилось, что до 30% коммунистов думают или думали о самоубийстве

как о выходе из тяжелого своего положения. В связи с попыткой покончить с собой одного краскома представители комполитсостава говорили, «что скоро очередь дойдет и до нас», и что это даст толчок для улучшения нашего положения» [19, с. 82]. Сам факт специального анкетирования по вопросу самоубийства является весьма красноречивым симптомом – очевидно, что вопрос этот стоял по-настоящему остро.

На первый взгляд, это сообщение странно: речь идет об «упадочническом настроении» в первую очередь комиссаров, командиров послевоенных выпусков и коммунистов в армии вообще, тогда как пристальному надзору, частым изгнаниям со службы и притеснениям в политико-моральном смысле чаще подвергались «военспецы», то есть бывшие офицеры. Однако из документа выясняется, что в это время чекисты фиксировали «консолидацию командного состава, превращение его в касту, с реставрацией старого офицерского быта», подражание молодых командиров старшим [19, с. 80–81], то есть нередкое объединение командиров против политсостава. Планировавшееся введение единоначалия воспринималось многими как упразднение власти комиссаров, а более широко, на фоне «угара нэпа», – как отход от идеалов и завоеваний революции. Впрочем, уже в следующем квартале сводка ОГПУ упоминает суицид командира из-за увольнения из армии, так как «в связи с проводимой чисткой среди комсостава наблюдается нервность и расхлябанность» [19, с. 152].

В 1925–1927 гг. выяснения причин и условий самоубийств велись, но весьма путанно по хронологии и потому выборочно. «Обзор ГУ РККА и Политуправления РККА самоубийств и покушений на самоубийства» от 10 сентября 1928 г. содержит попытку сопоставления и выявления динамики этого, но сравнивает почему-то данные не по годам, а лишь отдельные «зимние периоды». Например, за «зиму» 1925/1926 гг. покончил с собой 281 военнослужащий, за «зиму» 1926/1927 гг. – 312, за «зиму» 1927/1928 гг. – 381 (Документ частично изложен в примечаниях сборника «Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг.») [13, д. 72, л. 7–9; 12, кн. 2, с. 488]. Наиболее неблагополучной группой признавался средний комсостав, но конкретные цифры из общего количества не выделены. Так же голословно утверждалось снижение количества суицидов среди коммунистов и комсомольцев и росте среди беспартийных, – настолько неубедительно, что делалась оговорка о необходимости проверки сведений в силу их неполноты. Именно эта неполнота «Обзора» вызывает наибольшие вопросы. Очень похоже на то, что и командиры, и политработники

старались затушевать истинные масштабы проблемы и выдать желаемое сокращение самоубийств «сознательных» за действительное. Рейтинг причин суицидов «Обзор» выстраивает так: состояние здоровья; затем связанные со службой; далее внеслужебные [15, д. 72, л. 7–9].

В 1928 г. в постановлении РВС СССР самоубийства названы на втором месте в списке «явлений отрицательного порядка среди комсостава» – именно комсостава, а не армии в целом, – сразу после пьянства [8, с. 225]. С этого момента начался вестись не только количественный учет суицидов, но и подробное выявление их причин и распределения по служебным группам. Негативной стороной оставалось несоответствие отчетных периодов с календарными годами, но теперь они охватывали все события, а не отдельные сезонные отрезки.

Выясняется, что львиную долю среди них составляли лица кадрового состава, то есть представители начальствующего состава (начсостав РККА тогда состоял из следующих служебных групп: командный, административный, политический, медицинский, ветеринарный состав [18, д. 1, л. 11]), а также немногочисленных сверхсрочнослужащих младших командиров. Так, за отчетный 1927/1928 г. в Красной Армии всего произошло 715 самоубийств, из них на кадровый состав пришлось 682, или 95,4%. В отчетном 1928/1929 г. покончило с собой 689 человек, в том числе лиц кадрового состава 659, что дало 95,7% [14, д. 65, л. 41]. За отчетный 1929/1930 г. всего случилось 609 самоубийств, среди которых на кадровый состав пришлось 586 человек, то есть их доля выросла до 96,2% [14, д. 69, л. 29]. Несомненно, что именно это привело к внимательнейшему выяснению причин суицидов, так как для борьбы с ними требовалось не только повышение моральной устойчивости начсостава, но и устранение факторов, толкавших на столь отчаянный шаг.

Однако данной работе серьезно мешали два обстоятельства.

Первое было чисто организационным и состояло в небрежном ведении статистики и документации в целом. Типичным примером могут служить обобщающие материалы Главного Управления РККА за 1927–1930 гг. Работая с документами ГУ РККА, иногда складывается впечатление, что их составление велось либо в стиле «игры в цифири» ради сокрытия истинных масштабов явления, либо просто безответственно. С одной стороны, распределение данных о самоубийствах по служебным группам фиксировалось только в процентном выражении, без указания абсолютных чисел. С другой стороны, приведенные проценты – выборочны, поэтому в сумме не равнялись 100%.

Так, за отчетный 1927/1928 г. доля самоубийств рядовых красноармейцев обозначена в

9,5%, младшего комсостава 14,7%, среднего и выше комсостава 19,8% и переменного состава военно-учебных заведений (то есть курсантов) 8,3% [14, д. 65, л. 43] – что суммарно дает всего 52,3%; при этом отсутствие остальных 47,7% в документе никак не объяснено. В отчетном 1928/1929 г. по суицидам красноармейцы составили 10,2%, младший комсостав 11,9%, средний и выше комсостав 15,5% и курсанты 11,4% [14, д. 65, л. 44], давая в сумме 49,0%; еще 51,0% в материалах вновь отсутствует. За отчетный 1929/1930 г. процент самоубийств по красноармейцам равен 8,2%, по младшим командирам 14,6%, по среднему и выше комсоставу 12,3%, по курсантам 8,3% [14, д. 69, л. 32 об.], складываясь в 43,4%; и снова остальные 56,6% в статистике не упомянуты.

Впрочем, этот недочет был серьезным для работы военного ведомства в те годы, а для современного исследования не критичен. Сравнивая с приведенной выше общей численностью суицидов, обратим внимание, что там говорится о начсоставе в целом, а здесь – лишь о командном составе. Можно выдвинуть гипотезу, что проигнорированные лица административного, политического, медицинского и ветеринарного состава входили в оставшиеся, не упомянутые, и их процент можно лишь высчитать. В таком случае следует вывод, что их доля среди самоубийц в РККА росла, составив в отчетном 1927/1928 г. 47,7%, в отчетном 1928/1929 г. – 51,0% и в отчетном 1929/1930 г. – 56,6%. Только сокрытию этого роста и была бы полезна неполнота статистических сведений, если признать ее преднамеренность.

Суммируя доли среднего и выше комсостава и выявленного остального начсостава, получаем процент лиц начсостава, покончивших с собой за 1927–1930 гг., распределяющийся по годам так: 67,5%, 66,5% и 69,1% соответственно. Теперь, зная общее число самоубийств в РККА за эти годы, можно высчитать то самое, скрытое документами, количество покончившего с собой начсостава – с точностью до одного-двух человек, с поправкой на округление при переводе процентов в абсолютные цифры. Оно составляет в отчетном 1927/1928 г. – 483 человека, в отчетном 1928/1929 г. – 458 человек и в отчетном 1929/1930 г. – 421 человек. Снижаясь численно, суициды начсостава, тем не менее, росли в процентном выражении от общего количества.

В тоже время следует подчеркнуть, что это лишь обоснованное предположение, но не более. Серьезным возражением против него является загадочный столбец «Всего» в таблицах «Процент самоубийств среди служебных групп», указывающий 11,5% за отчетный 1927/1928 г., 11,2% за отчетный 1928/1929 г. и 9,8% за отчетный 1929/1930 г. [14, д. 65, л. 43–44; 14, д. 69, л. 32 об.] Учитывая,

что общая численность личного состава Красной Армии в 1927 г. составляла 950640 человек [14, д. 65, л. 11 об.], очевидна абсурдность указанных 11,5% самоубийц: в противном случае они составляли бы огромную цифру 109323 человека.

Второе обстоятельство, мешавшее борьбе с самоубийствами начсостава, заключалось в политизированном, можно сказать, «комиссарском» подходе к проблеме. Оно исходило из абсолютизации воспитательного воздействия, общественного влияния и морального оздоровления, то есть общих, малоконкретных, лишенных индивидуального подхода способов. Это приводило к нелогичным и необъективным выводам. Например, сравнивая снижение доли самоубийств среднего и выше комсостава за 1927-1930 гг., констатировалось «политико-моральное укрепление» [14, д. 69, л. 32 об.] этой служебной группы – и совершенно игнорировалось упоминавшееся повышение процента самоубийц кадрового состава с 95,4% до 96,2% и начсостава в целом с 67,5% до 69,1%. Рост небольшой и не принципиальный, но это опровергает бодрые заявления ГУ РККА о моральном оздоровлении.

Выявление причин суицидов велось очень подробно – как уже указывалось, по 21 критерию. По крайней мере, такой вывод напрашивается из соответствующих статистических таблиц. Действительно, некоторые мотивы, указанные в разных столбцах, довольно близки и различаются лишь тонкими психологическими оттенками. Это неопенимый исследовательский материал, так как позволяет проанализировать не только причины как таковые, но и составить своеобразный рейтинг их значимости для военного и политического руководства. Учитывая, что более двух третей самоубийств приходилось на начальствующий состав, распределение общего количества и процента причин суицидов можно экстраполировать на начсостав и признать объективными. В силу их многочисленности и охвату четырех календарных и трех отчетных годов, данные целесообразно приводить здесь в хронологическом порядке, но без постоянного повтора года для каждой причины.

Исследуемые материалы почти по каждому утверждению опровергают «Обзор ГУ РККА и Политуправления РККА самоубийств и покушений на самоубийства» от 10 сентября 1928 г., но, будучи всеобъемлющими, представляются гораздо более объективными.

Самую крупную группу составляли причины, «связанные со служебным бытом», насчитывая 11 пунктов. В отчетном 1927/1928 г. с ними был связан 231 случай (32,3%), в отчетном 1928/1929 г. – 261 (38,4%) и в отчетном 1929/1930 г. 211 (38,4%). Пункт 1 касался «тяготы службой»:

28 суицидов (3,9%), 31 (4,6%) и 18 (3,0%) соответственно, и его показатели менялись мало. Пункт 2 указывал на «невнимание начальства» – 30 (4,2%), 21 (3,1%) и 37 (6,1%). Слабо меняясь количественно, данная причина выросла в удельном весе почти в полтора раза. Пункты 3 и 4 схожи. «Притеснение по службе» довело до самоубийства 11 (1,5%), 35 (5,1%) и 4 (0,7%) человек. «Насмешки и притеснения окружающих», выделенные в отдельный столбец, относились тоже к служебным обстоятельствам, но не иерархическим, а бытовым, и унесли жизни 16 (2,2%), 17 (2,5%) и 11 (1,8%) человек. Думается, что именно они касались не начсостава, а рядовых красноармейцев. Пункты 5 и 7 отражали самые малочисленные причины: «снижение по службе» стоило жизни 5 (0,7%), 6 (0,7%) и 1 (0,2%), а «отказ в отпуске» стал роковым для 4 (0,6%), 4 (0,6%) и 6 (1,0%) военнослужащих. Устойчивое снижение показывал пункт 6 «Отсутствие служебных перспектив» – 17 (2,4%), 12 (1,8%) и 8 (1,3%) [14, д. 65, л. 44 об.–45; 14, д. 69, л. 32 об.].

Причины, содержащиеся в пунктах 8 – 11, за отчетный 1927/1928 г. указаны суммарно, составляя 120 (16,8%) случаев, и лишь потом начали фиксироваться порознь. Пункт 8 «Страх перед наказанием» насчитывал 76 (11,2%) и 78 (12,8%) и тоже представляется более присущим рядовому составу, так как начсостав был старше, эмоционально закален, дисциплинирован и потому нарушений допускал меньше. В пункте 9 отмечались «раскаяние, стыд, недовольство собой», повлиявшие на 18 (2,6%) и 22 (3,6%) суицидов. «Увольнение из армии, вскрытие чуждого элемента» (пункт 10) стали роковыми для 12 (1,8%) и 17 (2,8%) человек. Пункт 11 указывал на «исключение, непринятие в партию, комсомол» и демонстрировал резкое снижение, с 29 (4,3%) до 9 (1,5%) [14, д. 65, л. 44 об.–45; 14, д. 69, л. 31].

В качестве примера можно привести случай со слушателем артиллерийских курсов усовершенствования комсостава (АКУКС) Давиденко, который «застрелился после разоблачения на партсобрании его службы в Белой армии» [14, д. 65, л. 49 об.]. Анализируя данный факт, видно, что покончил с собой не просто командир РККА, но бывший офицер, к тому же служивший у белых и скрывший это, а главное, член или кандидат ВКП(б). В его лице сошлось сразу несколько причин для суицида – по пунктам 8, 10, а, возможно, и 11.

Данная группа причин позволяет выявить основные служебные проблемы, среди которых преобладали воинские и дисциплинарные нарушения и конфликты с начальством, зачастую на базе его формализма и предвзятости. Другие причины этой группы тоже зависели от отношения

начальников и подчиненных. Заметное место занимали противоречия политического характера: разоблачения скрывших свое прошлое (несомненно, неблагонадежное) и недоверие, выразившееся в отказе в высшем социальном признании при приеме в ряды большевиков.

Следующая группа причин связана с «внеслужебным бытом» и насчитывает три показателя, хотя фактически все остальные мотивы тоже могут быть отнесены к этой рубрике. В отчетном 1927/1928 г. в нее входило 119 случаев (16,6%), в отчетном 1928/1929 г. – 95 (13,9%) и в отчетном 1929/1930 г. – 73 (12,1%). Пункт 13 фиксирует «тяжелое материальное положение» у 34 (4,7%), 33 (4,8%) и 14 (2,3%) человек соответственно и резкое улучшение этого показателя к 1930 г. Предельно малочислен пункт 14, связанный с «утерей близких, одиночеством»: 5 (0,7%), 2 (0,3%) и 3 (0,5%). Это естественно, так как мощное омоложение начсостава РККА в ходе демобилизаций и введения предельного служебного возраста в первой половине 1920-х гг. делали смерть членов их семей маловероятной. Это «компенсировал» пункт 15, а именно «разлад в семье», количественно уступая только наркомании – 80 (11,2%), 60 (8,8%) и 56 (9,3%) [14, д. 65, л. 44 об.–45; 14, д. 69, л. 31].

Типичным до заурядности является пример помощника командира 98-го стрелкового полка по хозяйству Жемчуга (СКВО), застрелившегося «из-за семейных неурядиц»: жена ушла с двумя детьми, при этом «отсутствовало товарищеское отношение по службе», которое после распада семьи еще усилилось [14, д. 69, л. 33 об.]. Похоже, здесь соединились все три причины данной группы, хотя о материальных проблемах судить трудно в силу крайней скудности сведений.

Сугубо бытовые причины, естественно, связаны прежде всего с семейным положением и материальной обеспеченностью. Но косвенно можно отметить и немногочисленные социальные деформации, выражающиеся в одиночестве, то есть оторванностью от коллектива, и не только в силу потери близких. Несомненно, часть начсостава, особенно из числа бывших белых офицеров, была вынуждена жить замкнуто и скрывать свое прошлое. А вот материальная необеспеченность как мотив самоубийств (хотя и не самый распространенный) вызывает недоумение, так как в 1927 г. жалование начсостава было существенно увеличено [6, с. 189–190; 16, д. 629, л. 35; 20, с. 256]. В условиях дефляционной финансовой политики это ощутимо улучшало уровень жизни кадровых военнослужащих.

Причины, объединенные в следующую группу, обозначены как «индивидуальные» и разделены тоже на три рубрики. За отчетный 1927/1928 г. они вызвали 104 самоубийства

(14,5%), за отчетный 1928/1929 г. – 101 (14,9,4%) и за отчетный 1929/1930 г. – 110 (18,2%). Пункт 17 вполне «декадентский» – «Разочарование в жизни» – и мало отличается от интеллигентских психологических изломов начала XX в., насчитывая 33 (4,6%), 22 (3,2%) и 31 (5,1%) случая. Пункты 18 и 19 за отчетный 1927/1928 г. приведены общей цифрой, составляя 71 (9,9%) эпизод, и разделены только за следующие годы. Хотя их названия кажутся совсем не тождественными, но следует помнить активное насаждение в первые послереволюционные десятилетия презрение к личным чувствам в угоду формирования ценностной ориентации на общественные и трудовые идеалы. Пункт 18 содержит причины прямо-таки «маяковского» толка: «романтические (любовь, ревность)»: 55 (8,2%) и 47 (7,8%). А вот пункт 19 «Моральное разложение» немногочислен, но демонстрирует резкий, на 75%, рост – 24 (3,5%) и 32 (5,3%) [14, д. 65, л. 45 об.–46; 14, д. 69, л. 31 об.]. Это отчасти говорит о сохранении нравственного стержня основной массы начсостава, хотя можно привести и другое объяснение: аморальные проступки для совершающих их аморальных же лиц вполне естественны и привлекательны, и потому наименее способны вызвать стремление добровольно уйти из жизни с помощью револьвера. Показателен пример военного медика-мужеложца, который, пользуясь своим служебным положением врача, вовлекал красноармейцев, за что был уволен из армии [17, д. 12, л. 8–17] – но никаких поползновений к «смыванию позора кровью» предпринять и не подумал.

Эта группа причин обращает внимание произведенным не сразу, но все же разделением романтики и аморалки, то есть конкретизацией мотивов самоубийств уже в ходе статистической работы и даже вопреки идеологическим установкам, что указывает на стремление к адекватному их отражению.

Типичные примеры можно разделить на два тематических направления. С одной стороны, это «беспорядочно запутанная семейная жизнь (двоеженство, алименты, связь с несколькими женщинами)» [14, д. 65, л. 50 об.]. Фактически речь часто идет даже не о семейных отношениях, а о половой распущенности и ее последствиях (одно из которых – венерические заболевания – отражено в другой группе причин), хотя не стоит преувеличивать ее глубину: обычная супружеская измена и отношения с двумя женщинами в документах порой именуется «половыми извращениями», по сути не являясь таковыми.

С другой стороны, это бессмысленные «игры со смертью» из-за утраты чувства ценности жизни или из дикого молодечества. Речь идет о «стрельбе «на судьбу» из нагана», именуемой в

документах «чечеткой» [14, д. 65, л. 51 об.]. Очевидно, имеется в виду либо знаменитая «русская рулетка», либо опасная забава со стрельбой на голос в темноте, более известная под названием «кукушка», причем явно как подражание или усвоение староофицерских традиций. Не случайно в документах подчеркивается, что это свойственно именно старшинам и курсантам.

Весьма неожиданной для ГУ РККА стала информация о том, что «у партийцев и комсомольцев группа мотивов индивидуальных значительно выше, чем у беспартийных. А в разделе «индивидуальные» группа «моральное разложение» у партийцев занимает большее место, чем у комсомольцев и беспартийных» [14, д. 69, л. 37]. Это противоречит суицидальным настроениям коммунистов в 1924 г., о которых упоминалось выше и которые были вызваны служебными тяготами. Преобладание же количества самоубийц-партийцев над комсомольцами объясняется их более старшим возрастом, а, следовательно, более частыми семейно-бытовыми неурядицами и большим опытом беспорядочных отношений с женщинами.

Последняя группа причин состоит из четырех пунктов и, названная «Болезни», посвящена все же более широкому взгляду на состояние здоровья в целом. В отчетном 1927/1928 г. к ней отнесены 193 случая (27,1%), в отчетном 1928/1929 г. – 169 (24,9%) и в отчетном 1929/1930 г. 170 (28,1%). В пункте 21 упоминаются «физические» болезни, составляя 27 (3,8%), 33 (4,9%) и 35 (5,8%). И это является вопиющим доказательством безответственного отношения к проверке состояния здоровья кадрового состава РККА и на его стремление максимально скрывать серьезные заболевания во избежание увольнения из армии.

В пункт 22 выделены венерические болезни – 34 (4,8%), 32 (4,7%) и 22 (3,6%) случаев. В отличие от общих заболеваний, такие диагнозы в те годы были не только трудноизлечимы, но и позиционировались как позорные, способные нарушить социальные и семейные связи. Единственным утешительным фактом было их постоянное снижение.

Показатели пунктов 23 и 24 за отчетный 1927/1928 г. объединены, включая 132 (18,5%) случая, и разделены впоследствии. В отчетном 1928/1929 г. и в отчетном 1929/1930 г. пункт 23 «Нервные болезни и наркотики» насчитывает 84 (12,4%) и 94 (15,5%) самоубийств, являясь лидером среди всех причин и со временем увеличиваясь. Трудно заподозрить молодых здоровых крестьян – основную массу рядовых красноармейцев – в пристрастии к наркотикам (и в наличии у них денег на это) и серьезных нервных расстройствах, поэтому данная причина представляет относящейся исключительно к начсоставу. Пункт 24, воистину «шариковско-чугункинский», именовался

«Алкоголизм и наследственность», но включает незначительное количество суицидов: 20 (2,9%) и 19 (3,2%) [14, д. 65, л. 45 об.–46; 14, д. 69, л. 31 об.].

Причины самоубийств, связанные с состоянием здоровья, по суммарному количеству в группе уступают только служебным причинам, а поодиночке даже лидируют. Они представляются еще более серьезными, так как провоцируют социально-поведенческие отклонения и алкогольно-наркотические деформации личности, разлагающе влияя на морально-нравственный облик начсостава Красной Армии. При этом следует учитывать, что, с другой стороны, это было следствием как чрезвычайных психических перегрузок недавних войн, так и реалий социальной революции в широком смысле.

К 1930 г. определилась устойчивая тенденция, связанная с партийностью начсостава: «У беспартийных значительное количественное снижение вообще случаев самоубийств. То же и по мотивам служебного быта» [14, д. 69, л. 37]. Следовательно, при общем сохранении пропорционального уровня суицидов, доля членов ВКП(б) среди них возрастала. Учитывая, что все крупные оппозиционные группировки к этому времени были разгромлены, такое явление не вызывалось напряжением борьбы с ними. Гораздо логичнее объяснить это как разочарованием в революционной романтике и деморализацией от крушения прежним партийных кумиров, так и вполне обыденной усталостью от роста организационных требований к коммунистам и морально-бытовым разложением.

Завершая анализ причин самоубийств в 1927-1930 гг., необходимо отметить, что небольшая, но заметная их часть выявлена не была. В отчетном 1927/1928 г. невыясненными остались 68 (9,5%) случаев, в отчетном 1928/1929 г. – 54 (7,9%) и в отчетном 1929/1930 г. – 41 (6,8%) [14, д. 65, л. 45 об.–46; 14, д. 69, л. 32]. Налицо постепенное снижение, однако данная рубрика представляется самой мутной, так как могла использоваться для сокрытия и несчастных случаев с оружием, и той же самой «кукушки», и даже конфликтов и дуэлей: по неофициальным сведениям, поединки случались уже в 1921 г., а в 1925 г. их было около 90 случаев, в том числе 60 со смертельным исходом [10, с. 196].

Так или иначе, но причины почти каждого десятого происшествия остались не выясненными. Влияло и несовершенство практики расследования самоубийств, но закрытость и тесное взаимодействие внутри армейской структуры со временем должны были максимально облегчать ее, так как утаить что-либо становилось все более проблематично.

Следует отметить, что борьба с суицидами

юридически была почти невозможна. Уголовное законодательство СССР того времени предусматривало ответственность за содействие или подговор к самоубийству лишь двух категорий пострадавших: «несовершеннолетнего либо лица, заведомо неспособного понимать свойство или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» (ч. 1 ст. 148 УК РСФСР 1922 г.). Ни одна из них не применима к красноармейцам и тем более к начальствующему составу. Новый Уголовный кодекс добавлял еще «жестокое обращение с зависимым лицом» как способ доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г.), но касался опять же доведения до суицида. Сам факт попытки покончить с собой наказанию не подлежал.

В то же время в документах военного ведомства встречаются одиночные упоминания о реальных приговорах и сроках заключения для выживших самоубийц. В частности, военный трибунал Отдельного корпуса железнодорожных войск осудил человека из числа начсостава «на 1,5 года лишения свободы» [15, д. 70, л. 11]. Какими юридическими нормами обосновывался такой приговор – неизвестно.

Заключение (выводы). Таким образом, исследование самоубийств во второй половине 1920-х гг. позволяет утверждать, что «военная реформа РККА» не достигла оздоровления и качественного отбора начальствующего состава. Она проводилась в сложной и малоблагоприятной обстановке социальной нестабильности, психического и соматического поствоенного состояния военнослужащих, материальной необеспеченности и внутривнутрипартийной борьбы. При несомненном повышении политической однородности и лояльности в целом – морально-нравственная и нервно-психологическая обстановка оставалась весьма напряженной.

Во-первых, более двух третей самоубийств военнослужащих Красной Армии приходилось на начальствующий состав, свидетельствуя о серьезном неблагополучии его состояния – как морально-политического, так и служебно-бытового.

Во-вторых, среди причин суицидов лидировали суммарно по группам служебные, а по характеру – связанные с семейными проблемами, нервными расстройствами и алкогольно-наркотическими пороками.

В-третьих, именно они были наиболее свойственны начсоставу, тогда как мотивы рядовых красноармейцев больше провоцировались тяготами службы, притеснениями сослуживцев, страхом перед наказанием и раскаянием за совершенные проступки. Кроме того, среди причин самоубийств начсостава заметное место занимали невнимание начальства, отсутствие служебных перспектив, понижение в должности и увольнение из армии.

В-четвертых, преимущественную группу риска составляли члены партии, тогда как беспартийный начсостав демонстрировал значительное устойчивое снижение покончивших с собой. Характерно, что «партийцы» преобладали среди случаев не только и не столько служебных и политических, но и индивидуально-бытовых, поэтому связывать их суициды исключительно с политическим напряжением борьбы с оппозициями и участия в них было бы ошибочно.

В-пятых, статистика самоубийств постоянно совершенствовалась, свидетельствуя о пристальном внимании к морально-политическому облику командиров РККА, но при этом была сопряжена с документационной небрежностью и попытками сокрытия негативных фактов местным командованием.

В-шестых, количественное снижение общего числа самоубийств не означало сокращения их процента, а по вышеназванным наиболее острым проблемам, напротив, наблюдался небольшой, но постоянный рост.

Требовалось серьезное изменение организационной и воспитательной работы и развитие социальной адаптации начальствующего состава в мирное время и в новой общественно-политической обстановке. Представляется необходимым продолжить научный поиск в этом направлении.

Список литературы

1. Абинякин Р.М. «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 110–114.
2. Абинякин Р.М. Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета: Научный журнал. 2013. № 4 (54). С. 47–52.
3. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925). М.: Воениздат, 1958. 460 с.
4. Ганин А.В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М.: Кучково поле, 2022. 768 с.
5. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. – 2-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2017. 680 с.
6. Доклад РВС СССР. [Не позднее 27 июня 1929 г.] // Вестник Архива Президента Российской

- Федерации: Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 175-226.
7. Ефимов Н.[А.] Командный состав Красной Армии // Гражданская война 1918–1921 гг. В 3 т. Т. 2. М.–Л., 1928. С. 107–108.
 8. Из постановления РВС СССР «О политико-моральном состоянии Красной Армии». 27 июня 1928 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 2. М.: Летний сад, 2006. С. 223–231.
 9. Красная панорама. 1928. № 11.
 10. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М.: Русское слово, 2004. 504 с.
 11. Приказ № 55 РВС СССР с обращением к личному составу Красной Армии в связи с 10-й годовщиной ее создания. 23 февраля 1928 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 2. С. 174–178.
 12. Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. М.: Летний сад, 2006. 720, 525 с.
 13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 14.
 14. РГВА. Ф. 54. Оп. 4.
 15. РГВА. Ф. 54. Оп. 15.
 16. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2.
 17. РГВА. Ф. 37837. Оп. 10.
 18. РГВА. Ф. 37837. Оп. 11.
 19. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Г.Н. Севостьянова, А.Н. Сахарова и др. Сост. Н.М. Перемышленникова, А.И. Шишкин и др. В 10 т. Т. 2. 1924 г. М.: ИРИ РАН, 2001. 516 с.
 20. Тезисы доклада начальника снабжений РККА и РККФ о бюджете НКВМ СССР в 1924/1925 бюджетном году. 2 ноября 1924 г. // Реформа в Красной Армии: Документы и материалы 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1. С. 253–258.
 21. Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы: Монография. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

DEVIATIONS IN THE APPEARANCE OF THE COMMANDING STAFF OF THE RED ARMY (THE SECOND HALF OF THE 1920S)

The article examines the suicides of the commanding officers of the Red Army in the second half of the 1920s as a very specific and painful symptom of the breakdown of the old and the formation of a new society in general and the folding of its military-corporate structure in particular. This problem is one of the characteristic and poorly studied indicators of the social and moral characteristics and attitudes of military personnel in the conditions of post-war psychological trauma, radical social transformations, political struggle, new economic policy and the consequences of the "military reform of the USSR". The causes, motives and specifics of the official, material, everyday, value, emotional and even medical conditions of the Red Army servicemen have been identified, systematized and analyzed. Special attention is paid to the commanding staff, including former officers as bearers of military traditions and shortcomings of the old Russian army during the formation of continuity with the Red Army. His office and home psychological microclimate during the period under study was characterized by serious lability and deviations, which adversely affected both the purely military sphere and the general socio-political well-being. The bulk of the sources used are represented by archival documents, which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: the Red Army, commanding staff, suicides, former officers, moral character, military reform of the 1920s.

References

1. Abinyakin R.M. (2015) «Za ryumkoj vodki my kosnulis' ryada politicheskikh voprosov...»: Nastroeniya byvshih oficerov v Sovetskoj Rossii i SSSR v 1920-1930-e gg. [«Over a glass of vodka we touched on a number of political issues...»: The sentiments of former officers in Soviet Russia and the USSR in the 1920s and 1930s.] // Rodina. 2015. № 9. S. 110–114.
2. Abinyakin R.M. (2013) Nastroeniya byvshih oficerov na sluzhbe RKKA v 1920-e gg. [The sentiments of former officers in the service of the Red Army in the 1920s.] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta: Nauchnyj zhurnal [Scientific notes of the Orel State University: A scientific journal]. 2013. № 4 (54). S. 47–52.
3. Berhin I.B. (1958) Voennaya reforma v SSSR (1924–1925) [Military reform in the USSR (1924–1925)]. М.: Voenizdat, 1958. 460 s.
4. Ganin A.V. (2022) Voenspecy. Oчерki o byvshih oficerah, stoyavshih u istokov Krasnoj armii [Military experts. Essays on former officers who stood at the origins of the Red Army]. М.: Kuchkovo pole, 2022. 768 s.
5. Ganin A.V. (2017) Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trockom [The daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. 2-e izd., ispr. М.: Kuchkovo pole, 2017. 680 s.
6. Doklad RVS SSSR. (2007) [Ne pozdnee 27 iyunya 1929 g.] [The report of the RVS of the USSR. No

- later than June 27, 1929] // Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii: Krasnaya Armiya v 1920-e gody [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation: The Red Army in the 1920s]. M., 2007. S. 175–226.
7. Efimov N.[A.] (1928) Komandnyj sostav Krasnoj Armii [The command staff of the Red Army] // Grazhdanskaya vojna 1918–1921 gg. [The Civil War of 1918–1921]. V 3 t. T. 2. M.–L., 1928. S. 107–108.
8. Iz postanovleniya RVS SSSR «O politiko-moral'nom sostoyanii Krasnoj Armii». (2006) 27 iyunya 1928 g. [From the decree of the RVS of the USSR «On the political and moral state of the Red Army». June 27, 1928] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 2. M.: Letnij sad, 2006. S. 223–231.
9. Krasnaya panorama (1928) [The Red panorama]. 1928. № 11.
10. Minakov S.T. (2004) Voennaya elita 20–30-h godov XX veka [The military elite of the 20–30s of the twentieth century]. M.: Russkoe slovo, 2004. 504 s.
11. Prikaz № 55 RVS SSSR s obrashcheniem k lichnomu sostavu Krasnoj Armii v svyazi s 10-j godovshchinoj ee sozdaniya. (2006) 23 fevralya 1928 g. [Order No. 55 of the RVS of the USSR with an appeal to the personnel of the Red Army in connection with the 10th anniversary of its creation. February 23, 1928] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 2. S. 174–178.
12. Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. (2006) [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. M.: Letnij sad, 2006. 720, 525 s.
13. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA) [The Russian State Military Archive]. F. 4. Op. 14.
14. RGVA. F. 54. Op. 4.
15. RGVA. F. 54. Op. 15.
16. RGVA. F. 33988. Op. 2.
17. RGVA. F. 37837. Op. 10.
18. RGVA. F. 37837. Op. 11.
19. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.) (2001) [«Top secret»: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)] / Pod red. G.N. Sevost'yanova, A.N. Saharova i dr. Sost. N.M. Peremyshlennikova, A.I. Shishkin i dr. V 10 t. T. 2. 1924 g. M.: IRI RAN, 2001. 516 s.
20. Tezisy doklada nachal'nika snabzhenij RKKA i RKKF o byudzhetе NKVM SSSR v 1924/1925 byudzhetnom godu. (2006) 2 noyabrya 1924 g. [Abstracts of the report of the Chief of Supplies of the Red Army and the Red Fleet on the budget of the NKVM of the USSR in the 1924/1925 budget year. November 2, 1924] // Reforma v Krasnoj Armii: Dokumenty i materialy 1923–1928 gg. [Reform in the Red Army: Documents and materials of 1923–1928]. V 2 kn. Kn. 1. S. 253–258.
21. Tinchenko YA.YU. (2000) Golgofa russkogo oficerstva v SSSR. 1930–1931 gody: Monografiya [Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931: Monograph]. M.: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2000. 496 s.

Об авторе

Абинякин Роман Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева». E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

Abinyakin Roman Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University (Russia). E-mail: taurus.ra75@yandex.ru

УДК 94(481).081

Арбеков А.Б., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (Россия)

СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ В ЛОНДОНЕ

В статье подвергается изучению британская военная стратегия в годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, сквозь призму аналитики российских военных агентов в Лондоне. Подобная исследовательская оптика позволяет более объективно рассмотреть с позиции компетентных военно-дипломатических представителей Российской империи действия правительства Соединенного Королевства и высшего командования британской армии в предвоенное десятилетие в контексте развивавшегося военно-политического кризиса в Европе. Источниковой базой для исследования послужили материалы донесений российских военных агентов в Лондоне за период 1905–1913 гг. Эти рапорты содержат ценные сведения о процессе подготовки британской армии и ее высшего военного командования к Первой мировой войне. Подготовка выражалась в оптимизации сухопутных вооруженных сил и отработке посредством ежегодных военных маневров различных боевых сценариев, в которых британская армия могла принять непосредственное участие. На основе проведенного исследования формулируется вывод, что российские военные агенты достаточно верно считывали актуальную стратегию Великобритании, направленную на поддержку Франции в предстоящем вооруженном конфликте с Германией. В свою очередь сведения, поставлявшиеся из Лондона в Петербург, ложились в фундамент российского военно-стратегического планирования накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, Германия, Россия, Франция, военная разведка, военная стратегия, военные агенты, военные маневры.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-16-25

Введение. В 2024 г. отмечается 110-летие с начала Великой войны, приведшей к глобальным изменениям в мировой политической и социально-экономической архитектонике. Несмотря на то, что пламя этого масштабного конфликта угасло более столетия назад, многие его аспекты с исторической точки зрения сохраняют свою актуальность до сих пор.

Сегодня многие исследователи занимаются анализом предпосылок и причин вспыхнувшего в 1914 г. мирового пожара и задаются вопросом, был ли он действительно неизбежным? [4; 6; 19] Не вдаваясь в суть этой научной полемики, отметим, что одной из дискуссионных площадок по истории Первой мировой войны выступает проблема позиции Великобритании и избранной ее правительством стратегии в предвоенное десятилетие. Некоторые историки, такие как Н. Фергюсон, полагают, что противоречия Соединенного Королевства со Вторым рейхом не носили неразрешимого характера, поскольку «ни колониальные, ни военно-морские вопросы до 1914 г. не вели неминуемо к англо-германскому столкновению» [19, с. 110]. Поэтому, с точки зрения британского историка, на процесс эскалации конфликта между двумя державами в значительной степени влиял личностный фактор. Так, глава британского Форин-офис лорд Эдвард Грей, взявший курс на конфронтацию с Берлином, с одной стороны, заверял французских политиков в оказании военной помощи на случай столкновения с

Германией, о чем также уведомлял во время Агдирского кризиса 1911 г. российских дипломатических и военных представителей в Лондоне [14, л. 21]. С другой – внешне придерживался позиции «свободы рук», поскольку данные Третьей республике обязательства не фиксировались на бумаге [6, с. 263–264; 10, с. 120]. По мнению австралийского историка К. Кларка, двойственная риторика главы британского Форин-офиса создавала в Берлине обманчивое впечатление «как будто бы Британия может остаться в стороне от континентальной коалиции, особенно если франко-российский альянс проявит агрессивную инициативу против Германии» [6, с. 263–264]. Соответственно, из этого тезиса следует, что более твердая и прямолинейная позиция Лондона во франко-германском конфликте могла послужить инструментом сдерживания агрессивных настроений в Берлине и позволила бы остудить «горячие головы» перед перспективой развязывания мировой бойни, в горниле которой погибнет и сама Германская империя.

Наряду с критикой действий ангийерманской партии лорда Грея в британском правительстве накануне Первой мировой войны, некоторые исследователи подвергали осуждению и переориентацию «старой военной политики Англии», ранее успешно избегавшей полномасштабного вовлечения в сухопутные военные конфликты в Европе, на континентальную борьбу с Германией. Подобных взглядов придерживался, например, знаменитый

британский военный историк и теоретик, автор концепции «стратегии непрямых действий», Б. Лиддел-Гарт [7, с. 204]. Он считал, что именно тесные контакты военных кругов Великобритании и Франции в 1904–1914 гг. «подготовили почву» для «европеизации» британского военного мышления [7, с. 205]. Следует указать, что изменения британской военной стратегии происходили на рубеже XIX–XX столетий в первую очередь под влиянием фактора «русской угрозы» Индии. К 1902 г. высшие чины Военного ведомства и Адмиралтейства признали невозможность проведения эффективных военно-морских и десантных операций против России, как это было во времена Крымской войны 1853–1856 гг. В этой связи британское командование стало придерживаться именно континентальной концепции противостояния с Российской империей на ближайших подступах к Индии, в частности в Афганистане [22, р. 99–112]. Соответственно, после достижения Тройственного соглашения континентальная логика британского военного мышления, ранее нацеленная на борьбу с империей Романовых, стала экстраполироваться на Германию.

Не претендуя поставить точку в этих дискуссиях, тем не менее считаем необходимым для изучения стратегии Великобритании и предпосылок ее «европеизации» накануне Первой мировой войны обратиться к аналитике российских военных агентов в Лондоне.

Российская военная разведка в Великобритании в начале XX столетия уже становилась объектом научных изысканий Е.Ю. Сергеева и А.А. Улуныяна [18], которые в совместной монографии проанализировали основные направления ее деятельности. Однако за счет привлечения новых источников из российских архивов и результатов исследований последнего десятилетия по истории Первой мировой войны представляется возможным дополнить имеющиеся научные данные и представления о стратегии Великобритании в предвоенные годы на основе донесений российских военных агентов в Лондоне.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является деятельность российских военных агентов в Лондоне, направленная на изучение и анализ военной стратегии Великобритании накануне Первой мировой войны. Методологической основой для исследования выступили принципы историзма и объективности, специально-исторические методы, такие как историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Военными агентами называли офицеров, прикрепленных к составу российского дипломатического корпуса в стране-аккредитации. В их задачу входило скрупулезное изучение вооруженных сил иностранных

государств на основе данных, носивших открытый, т.е., публичный характер, хотя нередко «дипломаты в погонах» прибегали к незаконным методам приобретения различной, в том числе секретной, информации. Согласно тексту «Инструкции военным агентам и лицам их заменяющим» от 5 (18) августа 1912 г., Великобритания к этому моменту не входила в категорию государств, подобно Германии и Австро-Венгрии, из столиц которых «дипломаты в погонах» обязались пересылать в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) «все» официальные военные уставы, инструкции и сметы, изданные в стране пребывания. Военным агентам в Лондоне было достаточно информировать Петербург лишь о «главных» постановлениях местного Военного министерства [18, с. 450]. Подобная расстановка акцентов демонстрирует, что после соглашения от 31 августа 1907 г. о разделе сфер влияния на Среднем и Дальнем Востоке, в России перестали воспринимать Великобританию как однозначно ключевого внешнеполитического соперника, поставив на первое место в этом списке именно блок центральных держав. Как указывают Е.Ю. Сергеев и А.А. Улуныяна, в исследуемый период «главное внимание русской военной разведки на британском направлении ее деятельности было сосредоточено на сборе информации и прогнозировании такой стратегической ситуации, при которой Соединенное Королевство не смогло бы уклониться от выступления против Тройственного союза на стороне России и Франции» [18, с. 198].

С 1907 по 1917 гг. пост военного агента в Лондоне занимал генерал-майор (с 1909 г. – генерал-лейтенант) Николай Сергеевич Ермолов, ранее исполнявший аналогичную должность в британской столице в 1891–1905 гг. Учитывая богатый опыт военно-дипломатического представительства в Великобритании, следует констатировать, что генерал Н.С. Ермолов в то время являлся наиболее компетентным российским военным специалистом по британским вооруженным силам. Военному агенту в Лондоне был положен помощник, пост которого в 1906–1912 гг. занимал подполковник Николай Лаврентьевич Голевский и сменивший его полковник Борис Анатольевич Семенов в 1912–1913 гг.

К исходу первой декады XX столетия генерал Н.С. Ермолов фиксировал в своих донесениях нарастающую тревогу на Туманном Альбионе в связи с провозглашением в Германии курса на «мировую политику» (*Weltpolitik*). Она подразумевала значительное развитие германского военно-морского флота и, как следствие, гонку военно-морских вооружений с Великобританией, правящие круги которой традиционно болезненно воспринимали любые попытки попирания безоговорочного господства своей страны на

морях [8]. На этом фоне генерал Н.С. Ермолов в рапорте от 18 (31) марта 1909 г. сообщал в Петербург: «Раздаются в прессе и в общественном мнении жалобы на Адмиралтейство, на адмирала сэра Джона Фишера, что прозевали быстрый рост могущества Германии на море» [13, л. 48/об.]. В сложившейся ситуации существенно повышалось значение сухопутных вооруженных сил как средства защиты от возможного вторжения Германии на Британские острова. В этой связи российский военный агент в Лондоне указывал, что различные слои британского социума были «весьма озабочены возможным столкновением с Германией и желали бы знать, хотя бы в общих чертах, взгляды Генерального штаба по вопросу о государственной обороне против возможного германского нашествия» [13, л. 1/об.].

Германская ориентация британского военно-стратегического планирования в преддверии Первой мировой войны, помимо обострения гонки военно-морских вооружений, была также взаимообусловлена разрядкой прежних внешнеполитических противоречий Великобритании с Францией и Россией. В 1904 г. между Лондоном и Парижем было заключено «сердечное соглашение» по разделу сфер влияния в Африке, в Индокитае и бассейнах Индийского и Тихого океанов. В 1907 г. Лондон также частично урегулировал спорные вопросы с Петербургом в Персии, Тибете и Афганистане, что способствовало складыванию Тройственного соглашения [17, с. 105–106].

Вопрос о вероятном военном столкновении Германии и Великобритании в союзе с Францией приобрел актуальность в свете Танжерского кризиса 1905–1906 гг. В январе – мае 1905 г. начальник оперативного отдела британского Генерального штаба генерал-майор Дж. Гирсон организовал большую трехстороннюю стратегическую игру, которая моделировала сценарий довольно приближенный к событиям 1914 г. Предполагалось, что столкновение Франции и Германии на их совместной границе зашло в позиционный тупик, в связи с чем германское командование решило осуществить глубокий обход левого фланга французской армии через территорию Бельгии силами 8 армейских корпусов и 3 кавалерийских дивизий общей численностью 470 тыс. чел. Поскольку 100-тысячная бельгийская армия не могла успешно сопротивляться германскому вторжению, подразумевалось, что для ее поддержки Великобритания отправит экспедиционный корпус в Антверпен. Однако результаты стратегической игры 1905 г. для британского генералитета были неутешительными. Оказалось, что из-за ограниченного количества транспортных средств переброска британского десанта в

Бельгию занимала целый месяц. За это время германская сторона была способна одержать вверх прежде, чем англо-бельгийская коалиция организует достаточный отпор интервентам. В этой связи становилось очевидно, что прежние британские военные приготовления не отвечали актуальной ситуации в Европе: Бельгия и Франция могли потерпеть поражение до того, как Великобритания вмешается в ход конфликта. В общем выводе по итогам стратегической игры констатировалось, что «будет мало шансов остановить немецкий фланговый обход [через Бельгию, чтобы миновать французские позиции на Маасе], если британские войска не придут на театр военных действий быстро и в значительном количестве» [22, р. 108; 23, р. 46–47].

События последовавшего Танжерского кризиса привели к консолидации англо-французской Антанты и обострению англо-германских отношений, что своевременно фиксировали в своих донесениях российские «дипломаты в погонах». 15 (28) декабря 1905 г. российский военный агент Константин Ипполитович Вогак, сменщик генерала Н.С. Ермолова на ответственном посту в Лондоне, сообщал в Петербург, что на предстоявшей Альхесирасской конференции по марокканскому вопросу британское правительство планировало «оказать поддержку Франции» и всячески воздерживаться от «официальных шагов по сближению с Германией» [11, л. 162]. Наряду с этим российские военные агенты информировали ГУГШ о негласных консультациях британского и французского генералитета на предмет совместных действий. Так, в рапорте от 23 июля (6 августа) 1906 г. докладывалось о командировке генерала Джона Френча во Францию для присутствия на военных маневрах. Однако, по имевшимся сведениям, «главнейшей целью этого путешествия является совещание генерала (Френча. – А.А.) с представителями французского военного ведомства по вопросу совместных в случае надобности операциях французской и английской армии на европейском материке, как результат последнего англо-французского соглашения» [11, л. 305].

В связи с новым витком англо-германской гонки военно-морских вооружений генерал Н.С. Ермолов в 1909 г. уведомлял ГУГШ о «кипучей» деятельности британского Генерального штаба по разработке «отдельных оперативных задач на случай войны Англии с разными державами», а также по проведению ряда реформ с целью реорганизации сухопутных вооруженных сил Великобритании [18, с. 201–202]. Несмотря на то, что после прихода к власти в декабре 1905 г. либерального кабинета Г. Кемпбелл-Баннермана основным лозунгом британского правительства стал

«Мир, экономия и реформы», значительное внимание английскими политиками в предвоенные годы было уделено именно состоянию армии [6, с. 280]. В результате преобразований военного министра Ричарда Холдейна в 1906–1912 гг. были сформированы Британские Экспедиционные силы (БЭС) и Территориальная армия (ТА) во главе с Имперским Генеральным штабом, осуществлявшим планирование и координацию действий войск метрополий и ее колоний.

Российские военные агенты в Лондоне довольно неоднозначно оценивали итоги военных реформ Р. Холдейна. По предвоенным планам Имперского Генерального штаба предполагалось, что БЭС общей численностью примерно 150 тыс. чел. будут состоять из 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий и соответствующих вспомогательных и тыловых частей [5, с. 46–47]. Однако генерал Н.С. Ермолов на основе разных сведений, имевшихся в его распоряжении, сделал вывод, что Великобритания в случае эскалации конфликта в Европе на первом его этапе сможет выставить на поле боя только 4 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады, в связи с чем общая численность БЭС уменьшится до 80 тыс. чел. [14, л. 47/об.] Прогноз опытного российского «дипломата в погонах» оказался полностью верным. В августе 1914 г. британское правительство решилось на отправку только 4-х дивизий, оставив 2 для защиты Британских островов от германского вторжения [20, р. 176]. Оставшиеся два соединения получили приказ о передислокации во Францию 23 августа и 8 сентября 1914 г. [21, р. 209]. На это решение оказывали серьезное влияние политический фактор и разобщенность британских военных и морских стратегов относительно характера мер, которые следовало предпринять в случае войны с Германией. Генерал Н.С. Ермолов в одном из донесений указывал, что «английский Генеральный штаб теоретически разработал план отправки на материк Европы всей регулярной армии, но план этот встретил неодобрение кабинета и решительное сопротивление со стороны флота» [14, л. 30/об.].

При этом российские военные агенты в Лондоне отмечали общую «рыхлую» основу БЭС, поскольку высших тактических соединений, таких как дивизии или корпуса, «в мирное время или вовсе не существует или имеют только слабые кадры или <...> те, организация которых в мирное время не соответствуют намеченной для них организации в поле» [5, с. 40]. Поэтому при мобилизации британская экспедиционная армия спорадично формировалась «не из определенных заранее частей», а из тех батальонов и полков, что располагались в мирное время в пределах самой метрополии [5, с. 46]. Данная мера была в значительной степени обусловлена возвратом в рамках реформ

Холдейна к системе баланса пехотных батальонов, по которой одна половина из них в мирное время служила в метрополии, другая – в колониях.

В гораздо большей степени в рапортах российских военных агентов подвергалась критике реформа по созданию ТА как альтернатива введению в Великобритании всеобщей воинской повинности. Реорганизация данной категории сухопутных вооруженных осуществлялась на основе прежних вспомогательных категорий войск – йоменри и волонтеров, предназначавшихся исключительно для защиты Британских островов. Однако после военных преобразований Холдейна в задачи ТА теперь входила «не только оборона метрополии, но и дальнейшее пополнение перволинейной (т.е., экспедиционной. – А.А.) армии» [5, с. 47]. В этой связи российские военные агенты уделяли значительное внимание уровню подготовки ТА, которая фактически должна была выступать в качестве резерва БЭС.

В донесении от 15 (28) февраля 1912 г. подполковник Н.Л. Голеевский констатировал, что за 5 лет существования ТА сохранялся хронический «некомплект, колеблющийся около 5% для офицеров и 13–15% для нижних чинов», который при этом «год от года увеличивается» [15, л. 16/об.]. Подготовка данной категории войск была «по-прежнему недостаточна», вследствие чего британская ТА, по заключению подполковника Н.Л. Голеевского, представляла собой «250 тыс. едва обученных обывателей» [15, л. 17/об.]. По этой причине трудно согласиться с точкой зрения историка К. Кларка, который, освещая события Агадирского кризиса 1911 г., утверждал, что «в гораздо большей степени, чем любая из двух изначально враждовавших сторон, Великобритания была готова к возможности резкой военной эскалации» [6, с. 272].

Свое мнение относительно результатов реформ Холдейна российские военные агенты формировали не только за счет официальных сведений, публиковавшихся британским правительством, но и по итогам наблюдений за военными маневрами, проводившимся в Великобритании в преддверии Первой мировой войны практически ежегодно (за некоторыми исключениями) [20]. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отложилось несколько отчетов российских военных агентов по итогам этих учений, которые позволяли военным аналитикам в Петербурге оценить уровень высшего командного состава и тактической подготовки британской регулярной армии, составлявшей фундамент БЭС, и рассмотреть конкретные сценарии боевых действий, последовательно «репетируемых» британскими генералами в предвоенное десятилетие.

По итогам маневров войск, проводившихся на равнине Солсбери с 1 по 6 сентября 1907 г., капитан Н.Л. Голеевский составил соответствующий рапорт. В учениях участвовало около 30 тыс. чел. различных родов войск, разделенных на две армии – синюю под командованием генерала Яна Гамильтона и красную под командованием генерала Фредерика Стопфорда. Знаменательно, что оба высокопоставленных офицера впоследствии примут участие в провальной Дарданелльской операции 1915–1916 гг., где проявят себя далеко не с лучшей стороны [21, р. 400–406].

По легенде маневров, синяя сторона приобрела полное господство на море, высадила на британском побережье 60-тысячный десант, заняла Мальборо и двинулась на Лондон с целью захватить его, прежде чем красная армия закончит свою мобилизацию [12, л. 3]. К 27 августа красным удалось сосредоточить свои основные силы у столицы, и 28–29 августа произошло столкновение сторон, в результате которого победитель не был выявлен, но обе армии понесли тяжелее потери. 30 августа синие начали отступление к побережью, так как их расчет на внезапное вторжение не осуществился [12, л. 3/об.]. По плану маневров в задачи Я. Гамильтона входило прикрытие отступления мнимых главных сил синей стороны, а красная армия Ф. Стопфорда имела цель преследовать и «сбросить противника в море» [12, л. 4–5/об.].

В течение следующих нескольких дней происходили активные боестолкновения между двумя противоборствующими отрядами, победы в которых, несмотря на частные успехи генерала Гамильтона, достигала именно красная армия генерала Стопфорда. В конечном итоге командующему синим отрядом к последнему дню маневров 6 сентября удалось эвакуировать всю свою кавалерию, одну пехотную бригаду и большую часть артиллерии, в то время как основная масса его войск (три пехотные бригады), прикрывавших отступление, фактически попали под перекрестный огонь и в полуокружение красной армии. Капитан Н.Л. Голеевский констатировал, что в обстановке реального боя оставшиеся части синего отряда «были бы <...> уничтожены», в связи с чем их «отступление, а тем более посадка на суда <...> становилась невозможной» [12, л. 33].

Анализируя действия обеих сторон, российские военные наблюдатели обращали особое внимание на то, что в большинстве случаев командующие отрядами не предпринимали необходимых мер по разведке позиций и месторасположения неприятеля, предпочитая действовать «втемную» [12, л. 12/об.], из-за чего ни генерал Гамильтон, ни генерал Стопфорд не имели «никаких определенных сведений о передвижениях»

друг друга [12, л. 10]. При этом командир синего отряда с первого дня маневров решил «взять инициативу в свои руки» и «прикрывать, наступая». 2 сентября, несмотря на численное превосходство противника, заранее расположившегося на возвышенности, генерал Гамильтон приказал атаковать войска генерала Стопфорда [12, л. 10/об.]. В результате атака синей армии полностью провалилась, после чего все оставшиеся дни маневров отряд генерала Гамильтона был вынужден отступать и действовать преимущественно в обороне [12, л. 10/об.–33]. Комментируя события 2 сентября, капитан Н.Л. Голеевский в отчете писал: «Причину этого решения надо, казалось бы, искать в неуверенности, граничащей с неосведомленностью, генерала Гамильтона относительно действий противника и в некоторой предвзятости решать все задачи исключительно наступлением» [12, л. 13/об.]. Кроме того, для командующего синим отрядом была характерна неверная оценка складывающейся ситуации на поле боя, в связи с чем он неоднократно отдавал приказы об отступлении, когда войска противника еще при свете дня подходили к позициям синего отряда на расстоянии «наиболее действительного ружейного огня, а местами прямого выстрела» [12, л. 22/об.]. Капитан Н.Л. Голеевский считал логику подобных решений генерала Я. Гамильтона совершенно «непостижимой».

В то же время критике подвергались и действия генерала Ф. Стопфорда, зачастую проявлявшего пассивность и излишнюю осторожность. По мнению российского военного агента, «нанеся накануне тяжелый удар отряду генерала Гамильтона, командующий красной стороной естественно должен был на следующий день развивать свой успех с возможной энергией» [12, л. 17]. Однако генерал Стопфорд решил отступить на безопасные позиции и только с рассветом следующего дня начать преследование отступавших. Дальнейшие планы командующего красной армией были сорваны в связи с полной дезорганизацией системы снабжения его отряда. В ночь с 2 на 3 сентября транспортные фургоны полностью загромодили дороги в тылу красных, из-за чего к утру 3 сентября войска генерала Стопфорда не имели «ни костров, ни одеял, ни палаток, ни пищи». При этом, по свидетельствам капитана Н.Л. Голеевского, британские солдаты «скитались по деревьям в поисках пищи, были случаи кражи и грабежа» [12, л. 14/об.]. Потеряв целый день, только к 4 сентября красная армия возобновила преследование синего отряда.

В ходе последующих столкновений генерал Стопфорд стремился осуществлять фланговые обходы оборонительных построений генерала Гамильтона с целью выхода к нему в тыл, предварительно проводя демонстративные атаки как с

фронта, так и с различных флангов. Тем не менее, нередко проявляя пассивность и нерешительность, командующий красной армией позволял раз за разом синему отряду отступать на новые оборонительные рубежи. В этой связи капитан Н.Л. Голевский критиковал генерала Стопфорда, поскольку тот предпочитал следовать «за отступающим противником по пятам, вместо того чтобы охватывать его с фланга» [12, л. 32/об.].

Таким образом, маневры 1907 г. выявили серьезные недостатки в системе подготовки британской армии, особенно ее высшего командного состава. Тем не менее эти учения наглядно продемонстрировали, что британское командование стремилось, с одной стороны, подготовить войска к борьбе с высадкой вражеского, прежде всего германского, десанта, с другой – рассмотреть вероятность успешного отступления и эвакуации десанта в случае его высадки на побережье другой страны.

Следующий отчет, обнаруженный нами в РГВИА, был посвящен маневрам, проводившимся в период с 19 по 23 сентября 1910 г. Они отличались гораздо большим масштабом: в учениях принимали участие около 50 тыс. чел., также разделенные на две армии – красную под командованием генерала Герберта Плюмера и синюю под командованием генерала Чарльза Дугласа. Важной особенностью маневров, по мнению российских военных агентов, стало участие в составе красного отряда полностью мобилизованной 2-й пехотной дивизии Олдершотского военного округа, что позволяло оценить новую организацию полевых частей БЭС по условиям военного времени [16, л. 25].

Легенда учений фактически воспроизводила контуры британского военно-стратегического мышления данного периода, направленного на сдерживание германского вторжения через территорию Бельгии в обход левого фланга французской армии. Предполагалось, что синий отряд генерала Дугласа, двигаясь из Шрусбери, осуществил обход левого фланга мнимых главных сил красной стороны в Глостершире через территорию графства Уилтшир с намерением наступать далее на Лондон. В задачи генерала Плюмера входило остановить продвижение неприятеля к столице в районе Солсбери [16, л. 29–30].

Как свидетельствуют документы, первоначально российские военные агенты в Лондоне не сочли данные мероприятия достойными внимания аналитиков ГУГШ, поскольку сам отчет был переслан в Петербург только спустя год после описываемых в нем событий, ввиду того, что учения 1911 г. были отменены из-за разгоревшегося Агадирского кризиса [16, л. 7]. В отчете подполковника Н.Л. Голеевского маневры 1910 г. характеризовались как «бессодержательные» и

«скучные», а главный бой, состоявшийся 23 сентября оказался, по его наблюдениям, совершенно «беспорядочным» [16, л. 34–40]. Вследствие чего, эти учения практически не давали «пищи» для соответствующего анализа. Однако российские военные наблюдатели выделяли и положительные стороны прошедших в 1910 г. маневров, в частности отмечая, что «как опыт действий мобилизованной дивизии и службы тыла маневры нужно признать не только интересными, но и удовлетворительно успешными» [16, л. 40].

В сентябре 1912 г. были проведены очередные маневры, которые расцениваются историками в качестве «генеральной репетиции» британской армии к Первой мировой войне [20, р. 99–131]. Довольно характерно, что в отчете по итогам этих учений российский военный агент генерал Н.С. Ермолов четко обозначил красную и синюю армии именно как «Германию» и «Англию» соответственно [3, с. 18], что позволяло специалистам ГУГШ с большей долей вероятности рассчитывать на участие Великобритании в предстоящем общеевропейском конфликте. Не вдаваясь в подробности проведения самих маневров, отметим, что они были завершены раньше изначально предполагавшегося срока. С точки зрения генерала Н.С. Ермолова, эта мера была продиктована политическими соображениями, поскольку к предпоследнему дню маневров синий отряд практически осуществил тактическое окружение красной армии, в связи с чем «было признано желательным дать общественному мнению впечатление, что победил обороняющийся, т.е. Англия» [3, с. 19].

С 22 по 26 сентября 1913 г. на территории графств Бакингемшир и Нортгемптоншир были проведены последние предвоенные маневры британской армии. Официально они именовались армейскими тактическими учениями (Army Tactical Exercise), поскольку участвовавшие в них войска следовали конкретному плану и графику передвижения, которые должны были привести к заранее определенному результату. В отличие от предыдущих ежегодных маневров эти учения проводились исключительно для оценки работы ставки главнокомандующего и штаба БЭС. В маневрах были задействованы 4 пехотные и 1 кавалерийская дивизии, объединенные в коричневый отряд, под общим командованием фельдмаршала Дж. Френча. В случае начала войны именно ему предстояло возглавить БЭС. По плану учений коричневому отряду противостояла белая армия под командованием генерал-майора Чарльза Монро [16, л. 87–90].

Важной деталью маневров 1913 г. было введение в легенду конкретной политической обстановки, которая в общих чертах соответствовала реальному раскладу сил накануне Первой мировой войны. При этом легенда наглядно отражала логику

мышления высшего военного командования Великобритании и избранную им стратегию противостояния со Вторым рейхом. Предполагалось, что вооруженный конфликт развернется между тремя странами – Белой, Зеленой и Коричневой или, проще говоря, между Германией, Францией и Великобританией соответственно. В докладе генерала Н.С. Ермолова указывалось: «Белая и Зеленая страна находятся между собой в традиционной вражде, Белая же и Коричневая страны были в дружеских отношениях. В виду сего главные силы Белой страны располагаются вдоль северо-западной границы ее соседа. Однако отношения Коричневой и Белой стран стали постепенно портиться, главным образом, благодаря зависти к коммерческому благосостоянию Белой страны. Коричневая страна заключила секретный союз с Зеленой страной. Обе эти союзные страны умышленно обостряют отношения с Белой страной и мобилизуют свои войска с целью перейти к совместному наступлению» [16, л. 92]. По легенде маневров армия Белой страны (Германии) составляла 12 пехотных и 4 кавалерийских дивизий против 9 пехотных и 3 кавалерийских дивизий у Зеленой страны (Франции). Тем не менее вступление в войну Коричневой страны (Великобритании) за счет ее 4 пехотных и 1 кавалерийской дивизий давало союзникам численное превосходство над белой армией [16, л. 92].

Генерал-лейтенант Н.С. Ермолов в отчете констатировал, что в сравнении с предыдущими годами «тактическая подготовка войск сделала несомненные успехи, в особенности в пехоте». Однако, по его общему заключению, «как и в предшествующие года, главным недостатком британской армии следует признать плохую работу войсковых штабов и отсутствие военных организаторских способностей» [16, л. 104]. Как указывал генерал Н.С. Ермолов, в ходе учений распоряжения по коричневому отряду регулярно «запаздывали», вследствие чего «24 сентября была потеряна связь между двумя бригадами наступавшего коричневого отряда, 25 сентября было замечено отсутствие должной связи между обходящей колонной и главными силами, что повело к преждевременной атаке сначала передового пункта главной позиции (противника. – А.А.), а затем и самой главной позиции недостаточными силами» [16, л. 93].

Несмотря на сохранявшиеся недостатки в системе подготовки британской армии, все же рапорты и наблюдения российских военных агентов в Лондоне позволяли, как нам представляется, в достаточной степени оценить вероятность участия Великобритании в предстоящем общеевропейском конфликте. Как справедливо указывают Е.Ю. Сергеев и А.А. Улунян, аналитика россий-

ских военных представителей «не оставляла сомнений в окончательном переходе Англии на рельсы форсированной подготовки <...> к схватке за сохранение мирового лидерства, вызов которому бросила Германия» [18, с. 204].

Взгляды российской военной разведки в Лондоне подтвердили события Агадирского кризиса 1911 г. По мере его эскалации российские военные агенты сообщали в Петербург о полной решимости Великобритании вмешаться во франко-германский конфликт. Данная информация подтверждалась сведениями, поступавшими из Парижа от российского «дипломата в погонах» генерал-майора Григория Ивановича Ностица [14, л. 32, 40–40/об.]. Согласно донесению генерала Н.С. Ермолова, на Британских островах представители различных военных, политических и общественных кругов сходились в едином мнении, что «если война вспыхнет, то она будет всеобщей...», в связи с чем Великобритания обеспечит всю необходимую поддержку Франции [14, л. 47].

Стоит отметить, что, в отличие от франко-британской Антанты, «согласие» Великобритании с Россией, как указывает Е.В. Романова, не являлось действительно «сердечным» [10, с. 124], ввиду сохранявшихся противоречий двух великих держав на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, лишь отошедших на второй план в связи с фактором германской угрозы [6, с. 410–411; 17, с. 106–107]. Во время разгоревшейся 1-й Балканской войны британские политики, согласно донесению генерала Н.С. Ермолова от 5 (18) декабря 1912 г., «не желали бы быть втянуты в войну из-за Сербии» [18, с. 349], что недвусмысленно демонстрировало расстановку стратегических приоритетов Лондона в рамках Тройственного соглашения, так как Балканское направление являлось традиционной сферой именно российских интересов.

Наиболее явственно хрупкость российско-британского «согласия» проявилась в свете отправления миссии военного министра Р. Холдейна в Германию с целью урегулирования противоречий Лондона и Берлина [6, с. 405–408; 19, с. 112–113]. Несмотря на ее провал, российский военный агент Н.С. Ермолов в донесении от 1 (14) февраля 1912 г. констатировал, что «прочность англо-русского соглашения со стороны Англии зиждется <...> главным образом на боязни Англии перед Германией». В случае же устранения англо-германской переменной из уравнения общеевропейского конфликта российский военный эксперт справедливо полагал, что «тогда опять тотчас же возникнут все прежние наши распри и пререкания с Англией из-за Средней Азии, Персии, Афганистана и Индии» [11, с. 130]. В связи подобной двойственной позицией британского

правительства совершенно не вызывает сомнений логика высшего российского командования, продолжавшего разрабатывать военные планы на случай войны с Великобританией в Центральной Азии вплоть до начала Первой мировой войны, невзирая на соглашение 1907 г. [1, 360–385].

Учитывая взаимное недоверие Петербурга и Лондона, уровень военного сотрудничества между Россией и Великобританией в преддверии Великой войны был очень низким. Как констатирует Е.В. Романова, «в британских планах войны с Германией гораздо больше места уделялось взаимодействию с Францией, чем с Россией» [10, с. 123]. Однако справедливости ради стоит указать, что логика Имперского Генерального штаба исходила из перспективы, что БЭС фактически станут дополнением французской армии [7, с. 204–205; 19, с. 106–107; 21, р. 176–179]. По этой причине кажется вполне естественным, что, согласовывая свои действия с командованием Третьей республики, британские генералы не видели нужды в аналогичных консультациях со специалистами российского ГУГШ. В то же время британские офицеры, напрямую причастные к планированию военной стратегии Соединенного Королевства накануне Первой мировой войны, все же считали необходимым своевременно информировать российских военных агентов о вероятных действиях Великобритании в случае эскалации конфликта с Германией.

После принятия решения британским правительством в 1912 г. о передислокации боевых судов в Северное море фактически защита средиземноморской акватории становилась обязанностью французского флота [8, с. 329–330]. В этой связи начальник оперативного отдела Имперского Генерального штаба Генри Вильсон в частном разговоре уведомил генерала Н.С. Ермолова о том, «что в настоящее время Англия считает себя еще более связанной с Францией в смысле оказания ей помощи, нежели даже во времена Агадира», и в случае войны с Германией «Англия несомненно <...> будет помогать Франции и флотом в Северном море, и оправкой на континент экспедиционной армии» [14, л. 47–47/об.; 18, с. 349]. 6 (29) ноября 1913 г. начальник Имперского Генерального штаба фельдмаршал

Дж. Френч также сообщил генерал-лейтенанту Н.С. Ермолову о том, что «всю <...> массу экспедиционной армии предположено в случае войны с Германией в 18-ти дневный срок мобилизовать и перебросить из Ньюхейвена в Дьеп, откуда двинуть их по соглашению с французским Генеральным штабом в Северную Францию» [14, л. 56].

Информация, поставляемая из Лондона в Петербург, закладывалась в фундамент российского военно-стратегического планирования накануне Первой мировой войны. Как свидетельствуют исследования О.Е. Алпеева, в апреле 1914 г. в Киеве была проведена большая стратегическая военная игра старших войсковых начальников, в легенду которой ложилось предположение о том, что в случае войны между Россией и Францией с одной стороны и Германией и Австро-Венгрией с другой Великобритания перебросит свои экспедиционные войска в Европу для поддержки союзников по Тройственному соглашению [2, с. 19]. Фактор британского вмешательства стал важным компонентом военной игры, поскольку высадка БЭС вынуждала командующего германской стороной начать спешную переброску трех корпусов с Восточного фронта на Западный, что в свою очередь позволяло российской стороне отразить нападение германских сил и успешно осуществить вторжение в пределы Восточной Пруссии [2, с. 21].

Заключение (выводы). Таким образом, следует констатировать, что российские военные агенты в Лондоне в предвоенное десятилетие в целом верно оценивали переориентацию внешней политики и военной стратегии Великобритании на конфронтацию с Германией. Об этом свидетельствовал прежде всего характер мероприятий, систематически проводимых британским Военным ведомством, по оптимизации и модернизации сухопутных вооруженных сил, а также по отработке конкретных боевых сценариев в ходе ежегодных армейских маневров. В связи с совокупностью всей информации, поступавшей от военных агентов в Лондоне, российские военные власти получали достаточно полную картину о стратегии Великобритании накануне Великой войны, что позволяло вносить соответствующие коррективы в российские предвоенные планы.

Список литературы

1. Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 26: Россия и война: междунар. науч. сб. в честь 75-летия Брюса Меннинга. М.: Модест Колеров, 2018. С. 320–387
2. Алпеев О.Е. Стратегическая военная игра старших войсковых начальников в Киеве 20–24 апреля 1914 года // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 14–23
3. Англия. Большие маневры в сентябре 1912 г. // Сборник Главного управления Генерального штаба. 1913. Вып. 4. С. 18–38

4. Власов Н.А. Путь к катастрофе. Внешняя политика Германской империи. 1871–1918. СПб.: Евразия, 2021. 224 с.
5. Вооруженные силы Британской империи: (по данным к 1 января 1911 года) / Гл. упр. Ген. штаба. СПб.: Изд. Отдела Генерал-квартирмейстера, 1911. 211 с.
6. Кларк К. Сомнамбулы: Как Европа пришла к войне в 1914 году. М.: изд-во Института Гайдара, 2023. 696 с.
7. Лиддел-Гарт Б. Решающие войны в истории. Развитие военного искусства от сражений в Древней Греции до Первой мировой войны. М.: Центрполиграф, 2021. 288 с.
8. Лихарев Д.В. Флот и военно-морское ведомство Великобритании на пути к Первой мировой войне. 1900–1914. СПб.: Евразия, 2021. 368 с.
9. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1939. 551 с.
10. Романова Е.В. Россия в британской стратегии // Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2-х кн. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб.: изд-во РХГА, 2014. С. 115–164
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 977
12. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 984
13. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 988
14. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3363
15. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3686
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3689
17. Сергеев Е.Ю. Российская и британская империи накануне Первой мировой войны: сотрудничество или противостояние? // Россия начала XX века в преддверии и в ходе Первой мировой войны (1913–1917 гг.). М.: Известия, 2021. С. 103–109
18. Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 480 с.
19. Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую. М.: АСТ: Corpus, 2019. 635 с.
20. Batten S. Futile Exercise?: The British Army's Preparations for War 1902–1914. London: Helion Limited, 2018. 235 p.
21. Beckett I., Bowman M., Connelly M. The British Army and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 482 p.
22. McDermott J. The Revolution in British Military Thinking from a Boer War to the Moroccan Crisis // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914. London: Routledge, 2014. P. 99–117
23. Williamson S.R. The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War, 1904–1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969. 409 p.

GREAT BRITAIN'S STRATEGY ON THE EVE OF THE GREAT WAR AS ASSESSED BY RUSSIAN MILITARY AGENTS IN LONDON

The article examines British military strategy in the years leading up to the outbreak of the First World War through the prism of analysis of Russian military agents in London. Such research optics allows us to more objectively consider, from the position of competent military-diplomatic representatives of the Russian Empire, the actions of the government of the United Kingdom and the high command of the British army in the pre-war decade in the context of the developing military-political crisis in Europe. The source base for the study was the materials of reports of Russian military agents in London for the period 1905 – 1913. These reports contain valuable information about the preparation of the British Army and its high military command for the First World War. The preparation consisted of optimizing the military forces and practicing, through annual military maneuvers, various combat scenarios in which the British Army could directly participate. Based on the study, a conclusion is formulated that Russian military agents quite correctly read the current British strategy aimed at supporting France in the upcoming armed conflict with Germany. In turn, information supplied from London to St. Petersburg formed the foundation of Russian military-strategic planning on the eve of the First World War.

Keywords: World War I, Great Britain, Germany, Russia, France, military intelligence, military strategy, military agents, military maneuvers.

References

1. Alpeev O.E. (2018) «Svyashchennyj ogon'» russkogo General'nogo shtaba. Planirovanie «pohoda v Indiyu» voennym ведомством России, 1885 – 1914 гг. // Russkij sbornik. Rossiya i vojna: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga, T. 26, [“Sacred Fire” of the Russian General Staff. Planning of a “campaign to India” by the Russian military department, 1885–1914 // Russian digest. Russia and War: International Scientific Digest in Honor of Bruce Manning's 75th Anniversary, Vol. 26], s. 320–387
2. Alpeev O.E. (2019) Strategicheskaya voennaya igra starshih vojskovykh nachal'nikov v Kieve 20–24 aprelya 1914 goda // Voенно-istoricheskij zhurnal [The Strategic War Game by Senior Army Leaders in Kiev on 20–24 April, 1914 // Military Historical Journal], No. 10, p. 14–23

3. Angliya. Bol'shie manevry v sentyabre 1912 g. // Sbornik Sbornik Glavnogo upravleniya General'nogo Shtaba [England. Great maneuvers in September 1912 // Compilation of the Main Directorate of the General Staff], 1913, No. 8, p. 18–38
4. Vlasov N.A. (2021) Put' k katastrofe. Vneshnyaya politika Germanskoj imperii. 1871–1918 [The Path to Disaster. Foreign Policy of the German Empire. 1871–1918]. Saint-Petersburg. 224 p.
5. Vooruzhennye sily Britanskoj imperii. Sankt-Peterburg [Military Forces of the British Empire]. Saint-Petersburg, 1911, 211 s.
6. Klark K. (2023) Somnambuly: Kak Evropa prishla k vojne v 1914 godu [The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914]. Moscow, 696 p.
7. Liddel-Gart B. (2021) Reshayushchie vojny v istorii. Razvitie voennogo iskusstva ot srazhenij v Drevnej Grecii do Pervoj mirovoj vojny. [The Decisive Wars of History]. Moscow, 288 p.
8. Liharev D.V. Flot i voenno-morskoe vedomstvo Velikobritanii na puti k Pervoj mirovoj vojne. 1900–1914 [The British Navy and Admiralty on the Road to the First World War. 1900–1914]. Saint-Petersburg, 368 p.
9. Mezhdunarodnye otnosheniya v epohu imperializma. [International Relations in the Era of Imperialism. Ser. 2. T. 19. Part 2]. Leningrad, 1939. 551 p.
10. Romanova E.V. (2014) Rossiya v britanskoj strategii // Rossiya v strategii Pervoj mirovoj vojny: v 2-h kn. Kn. 1. Rossiya v strategii Antanty. [Russia in British strategy // Russia in the strategy of the First World War: in 2 books. Book 1. Russia in the Entente strategy]. Saint-Petersburg, , p. 115–164
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 2000. Op. 1. D. 977
12. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 984
13. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 988
14. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 3363
15. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 3686
16. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 3689
17. Sergeev E.YU. (2021) Rossijskaya i britanskaya imperii nakanune Pervoj mirovoj vojny: sotrudnichestvo ili protivostoyanie? // Rossiya nachala XX veka v preddverii i v hode Pervoj mirovoj vojny (1913–1917 gg.). [Russian and British empires on the eve of the First World War: cooperation or confrontation? // Russia at the beginning of the 20th century on the eve of and during the First World War (1913–1917)]. Moscow, p. 103–109
18. Sergeev E.Yu. & Ulunyan A.A. (2003) Ne podlezhit oglasheniyu: Voyennyye agenty Rossiyskoj imperii v Yevrope i na Balkanakh, 1900 – 1914. [Confidential. Military Agents of Russian Empire in Europe and Balkan peninsula. 1900–1914]. Moscow, 480 p.
19. Ferguson N. (2019) Gorech' vojny: novyj vzglyad na Pervuyu mirovuyu. [The Pity Of War: Explaining World War I]. Moscow, 635 p.
20. Batten S. (2018) Futile Exercise?: The British Army's Preparations for War 1902–1914. London: Helion Limited, 235 p.
21. Beckett I., Bowman M., Connelly M. (2017) The British Army and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 482 p.
22. McDermott J. (2014) The Revolution in British Military Thinking from a Boer War to the Moroccan Crisis // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914. London: Routledge, P. 99–117
23. Williamson S.R. (1969) The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War, 1904–1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 409 p.

Об авторе

Арбеков Александр Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Arbekov Alexander Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tula State Arms Museum, senior lecturer, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Бирюкова К. В., кандидат исторических наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики (Россия)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (2020-2023 ГГ.).

Япония – один из ключевых стратегических партнеров России на Дальнем Востоке. Один из мощнейших геополитических и экономических игроков Азиатско-Тихоокеанского региона. А этот регион обретает всё большую значимость в мировой политике и экономике. Особенно актуальным это становится для России на фоне охлаждения отношений с США и рядом европейских стран: разворот на Восток в поисках союзников кажется логичным и естественным. Для устойчивого развития русско-японских отношений представляется чрезвычайно важным понимать специфику Японии. Особенности её исторического развития, общественную жизнь, культуру, религию. Хорошо представлять себе, как принимаются политические решения в современной Японии и каковы ее геополитические амбиции. Отдавать себе отчет в том, какие проблемные и спорные вопросы мешают дальнейшему устойчивому развитию русско-японских отношений и каковы их исторические корни. Не забудем, что Япония являлась одним из существенных акторов Второй Мировой войны, и условия её окончания оказались трагичными для страны и японского народа. И последствия этого ещё сказываются. Статья рассматривает актуальные исследования, касающиеся развития Японии и русско-японских отношений. Русско-японские связи в данном исследовании понимаются в широком контексте: дипломатические, геополитические, социокультурные, религиозные. Для автора представляет особый интерес конфессиональный контекст, поскольку в сфере его научных интересов деятельность русских духовных миссий в странах Дальнего Востока. Под актуальными имеются в виду исследования последних трех лет (2020-2023 гг.). В настоящее время мы наблюдаем существенный рост значимости Азиатско-Тихоокеанского региона, и конкретно Японии, для мировой геополитики и экономики. Пандемия, обострение многих конфликтов, смена политических векторов, формирование многополярного в политико-экономическом плане мира.

Ключевые слова: русско-японские отношения, дипломатия, геополитика, Япония, Россия историография
DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-26-30

Введение. Под современной историографией автор подразумевает исследования последних трех лет. Этот период стал временем существенных перемен во всех сферах: экономике, геополитике, социальной жизни.

Дальний Восток играет все более существенную роль в международной экономике и политике. Для России страны Дальнего Востока, в том числе Япония, являются ключевыми стратегическими партнерами, значение которых тем более возрастает в условиях санкционного давления на Россию и сложной международной обстановки.

Русско-японское сотрудничество имеет давнюю и очень непростую историю. Для автора представляют особый интерес русско-японские связи в области религии (деятельность российской духовной миссии в Японии и жизнь Японской православной Церкви).

Представляется важным, что многочисленные грани русско-японских взаимоотношений продолжают исследовать и осмысливать.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования являются исследования последних трех лет, посвященные Японии. Её истории, культуре, обществу. Восприятию Японии в России и России в Японии. Различным сферам русско-японских взаимоотношений (дипломатическим, геополитическим, экономическим, культурным и общественным связям и т.д.).

Используются историко-сравнительный и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение актуальной историографии русско-японской

тематики начнем с издания книги япониста и литератора А.М. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» [5]. Исследование структурно разделено на четыре части: Земля, Люди, Идеи и Отражения. Первая часть посвящена природе, её явлениям и их восприятием в японской культуре. В разделе «Люди» речь идет о демографических процессах, восприятии красоты, образе героя в Японии – о том, что имеет отношение к человеку. Часть «Идеи» рассказывает о некоторых концептах, вопросах идеологии и национальной идентичности. Раздел «Отражения» показывает восприятие Японии и японской культуры в России. «Я придерживаюсь мнения, что никакой единой на все времена «японской культуры» не существует. Ветер столетий то шквалист, а то умеряет свой пыл. Но отдыха он не знает. Под влиянием эпохальных событий и в силу «естественной» эволюции строй жизни и мысли во все времена меняются. ... Однако демонстрация таких изменений далеко не всегда оказывается простым делом. Интеллектуальные возможности одного человека выглядят довольно неубедительно на фоне того огромного исторического наследия, которое нам в принципе доступно. ... Я пытался понять, откуда дует ветер» [5, с. 11] - поясняет свою позицию автор.

В каком-то смысле переключается с этим исследованием диссертация А.В. Татариновой «Образ России в Японии, Китае и Юго-Восточной Азии». «Работа охватывает значительный период времени – от начала первых контактов русских с японцами, китайцами и жителями стран Юго-Восточной Азии и вплоть до настоящего

времени» [10]. Автор реконструирует элементы, из которых складывается образ страны, и проследивает его эволюцию в различные исторические периоды. Исследовательница утверждает важность позитивного образа государства для его успешного участия в международной жизни, отмечает тот факт, что «с того далекого исторического периода, когда она заявила о своем желании независимо участвовать в европейских делах, против нее ведется последовательная активная и целенаправленная политика по включению негативных коннотаций в образ страны» [10, с.6]. Исследовательница защищает положение о том, что «Образ России на Востоке, особенно в Китае и странах Юго-Восточной Азии, существенным образом отличается от традиционных представлений о России на Западе» [10, с.11].

Диссертация А.Г. Зорихина посвящена сложной и интересной теме «Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, а Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874 – 1922 гг.» [2]. По мнению исследователя «изучение деятельности японской военной разведки поможет лучше понять скрытые механизмы принятия руководством Японии судьбоносных для нее и для России решений по вопросам межгосударственных отношений, оценить степень влияния разведывательной информации на изменение военно-политической доктрины империи в первой четверти XX века» [2, с.3].

Еще одна диссертационная работа касается церковно-общественных отношений в годы русско-японской войны и революции (1904-1907 гг.) [3]. Автор рассматривает характер и содержание взаимоотношений Русской Православной Церкви и российского провинциального общества в исследуемых период на материалах Центрально-Черноземных губерний). Автор приходит к выводу, что «население Центрально-Черноземного региона к началу XX в. отличалось высокой степенью религиозности. Однако события 1905-1907 гг. ускорили процесс обмирщения традиционалистского крестьянского сознания. Сообразно своему положению, представители духовного сословия выступили против революции и заняли консервативную позицию – союзническую с государством» [3, с.21].

Тема дипломатических отношений увлекла М.Н. Малашевскую. Она исследует русско-японские дипломатические отношения, точнее, политику Японии по отношению к России в хронологических рамках 1985-2001 г. [4]. Период, названный в японской историографии «потерянное десятилетие», поскольку это было время снижения деловой активности [4, с.9]. Автор формулирует свою задачу как «реконструкция процесса выстраивания диалога Японии с Россией через чело-

веческое измерение в его дипломатическом и интеллектуальном ракурсе» [4, с.12]. В исследовании рассматривается процесс формирования концептуальной основы японской дипломатии по отношению к СССР и РФ, освещается интеллектуальный опыт японских дипломатов-русистов. В хронологических рамках исследования автор выделяет пять этапов формирования политики Японии по отношению к России, у каждого из которых были свои «архитекторы». Эти этапы коррелируют с конкретными историческими условиями и сформированными ими общественными настроениями, в которых развивались взаимоотношения двух стран.

Внешней политике Японии, правда, на другом временном отрезке, посвящена монография В.В. Нелидова «Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии» [6]. Хронологические рамки исследования охватывают 1955 – 1993 гг. Это период действия так называемой «системы 1955 года», время, когда у власти находилась Либерально-демократическая партия. «Принципиальный внешнеполитический курс Японии в этих условиях часто называют «доктрина Ёсида»... суть которой заключалась в том, что Япония отказывается от масштабного перевооружения, опираясь взамен на гарантии безопасности со стороны Соединенных Штатов, и сосредотачивается на внутреннем экономическом развитии» [6, с.6]. С внутриполитической точки зрения эта система характеризовалась таким явлением, как «полупартийность»: правящей партией была Либерально-демократическая, но «При этом ЛДП была далеко не монолитной организацией. На протяжении всего периода своего существования она оставалась довольно рыхлым конгломератом фракций» [6, с.7]. «настоящее исследование, нацеленное на то, чтобы изучить один из важных аспектов истории Японии данного периода, значимо и с теоретической, и с практической точек зрения. Его теоретическая значимость заключается в том, что оно позволит лучше понять закономерности, характерные для процесса выработки внешнеполитического курса и принятия решений в целом в политических системах, имеющих общие черты с Японией эпохи «системы 1955 года». Практическая значимость исследования обусловлена тем, что понимание специфики внешнеполитического процесса в Японии периода «системы 1955 года», имеющего немало сходств с современной Японией, сможет не только помочь более эффективно предсказывать будущие внешнеполитические решения японского государства, но и подсказать, какие подходы могли бы быть наиболее плодотворными при выстраивании отношений между Российской Федерацией и Японией, что особенно актуально в начале 2020-х годов в условиях все возрастающей

неопределенности на международной арене вообще и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в частности» [6, с.15].

Судьбу Японии в период Холодной войны исследует японский ученый Нобуо Симотомаи [9]. Исследование проведено в хронологических рамках 1945 – 1956 гг. «Настоящая книга представляет собой попытку заново прочесть политическую историю Японии в ракурсе холодной войны» [9, с.3]. «Странно, но до недавних пор в научных кругах никто не собирался рассматривать японскую политику или международные отношения в ракурсе холодной войны Востока с Западом, проходившей прежде всего между США и СССР. Но даже если и рассматривали, то лишь через призму японо-американских отношений» [9, с.3].

Автор обращает внимание на то, что ряд архивных материалов по теме по-прежнему не доступны. И осторожно ставит следующие вопросы:

«Во-первых, холодную войну нельзя рассматривать из предпосылок лишь внутренней японской динамики, или воспринимать ее как явление с центром в Европе и Америке; напротив, не существовали ли тенденции к холодной войне уже при крушении и распаде Японской империи? Не следует ли пересмотреть отношения СССР сталинского периода с Японией военного и послевоенного времени? Во-вторых, соответствует ли стереотип противостояния двух лагерей – западного - Великобритании/США и социалистического – пониманию контекста холодной войны в регионе, в том числе и отношений с СССР после возникновения Китайской народной республики? В-третьих, структуризация внутренней политики Японии послевоенного времени, когда страна заняла именно такую политическую позицию, образовалась в системе 55-го года; в этом смысле, какую трансфигурацию претерпела «ещё одна Япония?» [9, с.277].

Этого же исторического периода, точнее, точки перед его началом, касается исследование В. И. Немыченкова «Победа над Японией, 1945 год: факты, свидетельства, документы» [7]. Монография состоит из трех частей. В первой реконструируются события противостояния на Дальнем Востоке, во второй рассматриваются отдельные сложные вопросы русско-японских отношений, в третьей публикуется ряд важных документов по теме исследования. Автор напоминает, что одним из первых вооруженных противостояний Второй Мировой войны, еще до ее формального начала, был конфликт на реке Халхин-Гол (1939 г.), окончившийся поражением японских войск. «В последние годы Россия неизменно призывает Японию признать неотменяемость итогов Второй мировой войны, в том числе в части российского суверенитета над Южными Курилами и перейти к взаимовыгодному сотрудничеству наших стран.

Однако японская сторона продолжает ставить условием нормализации межгосударственных отношений удовлетворение неприемлемых территориальных претензий» [7, с.213]. Автор настаивает на неотменяемости итогов прошлого и утверждает важность исторической памяти о победе над Японией.

Японский исследователь Цуёси Хасэгава реконструирует важнейший исторический эпизод: капитуляцию Японии и окончание Второй Мировой войны [11]. «Спустя семьдесят пять лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки и капитуляции Японии мы все еще на имеем четкого представления о том, как закончилась Тихоокеанская война. Историки в США, Японии и Советском Союзе – трех ключевых странах – участницах драмы, разыгравшейся в конце этой войны, - как правило, интересовались ее частными аспектами: американцы писали об атомной бомбе, японцы о том, как император Хирохито решил прекратить сопротивление, а русские – о боевых действиях советских войск на Дальнем Востоке. Однако всю картину в целом никто так пока и не описал» [11, с.14] - замечает автор.

Интересный ракурс предлагает коллективная монография «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями» [8]. Географически рамки исследований, составляющих монографию, включают Корею, Тайвань, страны Восточной Азии, Сахалина, советско/русско японские отношения. Авторы исходят из того, что «Проблема разности восприятия истории своего и других народов в современном мире становится глобальным трендом, и феномен так называемых исторических войн вызывает большой интерес. В этом смысле Северо-Восточная Азия не является исключением, поскольку страны этого региона на только имеют в своем прошлом конфликты с соседями, но и используют память об этих конфликтах в политических целях в наши дни. ... Память о собственном прошлом, как и представления нации о собственной идентичности, - продукт искусственный, созданный умышленно. Этот феномен достаточно хорошо изучен...» [8, с.5].

Обращает на себя внимание исследование А. Бертовой о влиянии христианства на семейные отношения в Японии конца девятнадцатого – начала двадцатого века [1]. Христианский взгляд на семейные отношения отличался от традиционной японской культуры семьи. «Усилия японских христиан не прошли даром... Отношение христианских лидеров к построению семейных отношений значительно отличалось от общепринятых, и требовало от японских христиан значительной смелости, потому что они дерзали бороться с многовековыми устоями, прежде не подлежащими пересмотру... Таким образом, не будет преувеличением сказать,

сто японское христианское сообщество на описываемом этапе представляло собой весьма самобытную, специфическую общность, состоящую из людей, стремящихся совместить традиционное воспитание и ценности с новыми идеалами и моральными ориентирами, которые предлагала Японии христианская культура» [1, с.269].

Заключение (выводы). Выбор хронологических рамок исследования (2020-2023 гг.) обусловлен актуальными геополитическими тенденциями. Азиатско-Тихоокеанский регион стал одним из полюсов политической, экономической, культурной жизни современного многополярного мира. Охлаждение во взаимоотношениях России с США и рядом европейских стран всё более заметно. Не только Россия, но и многие страны видят стратегическую важность партнерства с Японией. В этой связи представляется интересным выявить, как представлены русско-японские связи в трудах русских и японских исследователей последних лет.

Исследуемые работы многообразны и открывают разные грани русско-японских пересечений. Их можно логически объединить в два больших блока: социокультурная проблематика и военно-политическая. При этом следует учесть взаимовлияние социокультурных и военно-политических отношений двух стран.

К первому блоку отнесем труды А.М. Мещерякова и А.В. Татариновой, посвященные не только стране и людям Японии, но и восприятию Японии в России, которое, конечно, менялось с течением времени и сменой исторического контекста.

Особый научный интерес для автора статьи представляет исследование А. Д. Бертовой, показывающее, как существенно повлияло распространение христианства на традиционный семейный уклад японцев, насколько оно изменило

взгляды на семейную жизнь и ее восприятие. И труд Е.А. Ледовских «Православная Церковь и общество во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. и революции 1905-1907 гг.» - в связи с тем, что в сфере научных интересов автора статьи православие в Японии, и русско-японская война не могла его не коснуться.

Военно-политическая тематика представлена следующими исследованиями.

Зорихин А.Г. «Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874 – 1922 гг.» - исследование, напрямую связанное с развитием русско-японских отношений.

Внешнюю политику Японии, в том числе по отношению к России, исследуют М.Н. Малашевская и В.В. Нелидов.

Ряд исследований посвящен окончанию Второй мировой войны и эпохе Холодной войны и роли, судьбе Японии в этот чрезвычайно сложный для нее период: упомянутая выше монография В.В. Нелидова, исследование японских ученых Нобуо Симотомай и Цуёси Хасэгава, монография В.И. Немыченкова. Последний настаивает на неотменяемости результатов Второй мировой.

Ознакомившись с исследованиями японских коллег (Нобуо С. и Цуёси Х.) создается впечатление, что в Японии пытаются переосмыслить период Второй Мировой и Холодной войны и судьбу Японии в эту эпоху. Не оспорить результаты, но обдумать заново, с позиций историзма, научности, объективности; рассмотреть со всех сторон, не только японской, русской или американской.

Русско-японская тема актуальна и многообразна, некоторые ее грани показывает проведенное исследование. Автор надеется, что приведенные данные об актуальных исследованиях станут полезным научным вкладом.

Список литературы.

1. Бертова А.Д. Христианство и семейные отношения в Японии в конце XIX – начале XX в. //Религия и общество на востоке. Выпуск V. 2021. С. 243-272.
2. Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874 – 1922 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. 25 с.
3. Ледовских Е.А. Православная Церковь и общество во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. и революции 1905-1907 гг.; Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов: 2019. 23 с.
4. Малашевская М.Н. Дипломатия Японии в отношении России: люди и идеи в эпоху перемен (1985-2001 годы). Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2022. 402 с.
5. Мещеряков А.Н. Япония. В погоне за ветром столетий. Москва: Лингвистика, 2022. 512 с.
6. Нелидов В.В. Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии. Москва: ФГБУН Институт востока (ИВ) РАН, 2022. 228 с.
7. Немыченков В.И. Победа над Японией, 1945 год: факты, свидетельства, документы. Москва: Вече, 2021. 480 с.
8. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: монография. Москва: Аспект-пресс, 2022. 336 с.
9. Симотомай Н. Япония в холодной войне (1945-1956). Москва: Серебряные нити, 2021. 303 с.
10. Татаринова А.В. Образ России в Японии, Китае и юго-восточной Азии: Автореф. дисс. ...

канд. ист. наук. Москва: 2022. 33 с.

11. Хасэгава Ц. Гонка за врагом: Сталин, Трумэн и капитуляция Японии. Санкт-Петербург: Academic Studies Press, Библиороссика, 2022. 551 с.

MODERN HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-JAPANESE RELATIONS (2020-2023)

Japan is one of Russia's key strategic partners in the Far East. One of the most powerful geopolitical and economic players in the Asia-Pacific region. And this region is becoming increasingly important in world politics and economics. This becomes especially relevant for Russia against the background of cooling relations with the United States and a number of European countries: a U-turn to the East in search of allies seems logical and natural. For the sustainable development of Russian-Japanese relations, it seems extremely important to understand the specifics of Japan. Features of its historical development, social life, culture, religion. It is good to imagine how political decisions are made in modern Japan and what its geopolitical ambitions are. Be aware of the problematic and controversial issues that hinder the further sustainable development of Russian-Japanese relations and what their historical roots are. Let's not forget that Japan was one of the significant actors of World War II, and the conditions for its end turned out to be tragic for the country and the Japanese people. And the consequences of this still affect. The article considers current research regarding the development of Japan and Russian-Japanese relations. The Russian-Japanese relations in this study are understood in a wide context: diplomatic, geopolitical, socio-cultural, religious. Relevant means research of the last three years (2020-2023). Currently, we are seeing a significant increase in the importance of the Asia-Pacific region, and specifically Japan, for global geopolitics and the economy. Pandemic, aggravation of many conflicts, change of political vectors, formation of a multipolar in the political and economic plan of the world.

Keywords: Russian-Japanese relations, diplomacy, geopolitics, Japan, Russia historiography

References

1. Bertova A.D. (2021). Hristianstvo i semejnye otnosheniya v Yaponii v konce XIX – nachale XX v. [Christianity and family relations in Japan in the late XIX - early XX centuries]. //Religion and society in the east. Issue V. 2021. P. 243-272.
2. Zorikhin A.G. (2021). Deyatel'nost' organov voennoj razvedki Yaponii protiv Rossii na Dal'nem Vostoke, v Zabajkal'e, Sibiri, Man'chzhurii i Koree v 1874 – 1922 gg.: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [The activities of the military intelligence agencies of Japan against Russia in the Far East, in Transbaikalia, Siberia, Manchuria and Korea in 1874-1922: Autoref. diss.... Ph.D. Candidate of Historical Sciences]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2021. 25 p.
3. Ledovskikh E.A. (2019). Pravoslavnaya Cerkov' i obshchestvo vo vremena Russko-yaponskoj vojny 1904-1905 gg. i revolyucii 1905-1907 gg. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [Orthodox Church and Society during the Russo-Japanese War of 1904-1905 and the Revolution of 1905-1907; Autoref. diss.... Ph.D. Candidate of Historical Sciences]. Tambov: 2019. 23 p.
4. Malashevskaya M.N. (2022). Diplomatiya Yaponii v otnoshenii Rossii: lyudi i idei v epohu peremen (1985-2001 gody). [Japan's diplomacy towards Russia: people and ideas in the era of change (1985-2001)]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2022. 402 p.
5. Meshcheryakov A.N. (2022). V pogone za vetrom stoletij. [Japan. Chasing the wind for centuries]. Moscow: Linguistics, 2022. 512 p.
6. Nelidov V.V. (2022). Vneshnepoliticheskij process v poslevoennoj Yaponii. [Foreign policy process in post-war Japan]. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of the East Russian Academy of Science. 2022. 228 p.
7. Nemychenkov V.I. (2021). Pobeda nad Yaponiej, 1945 god: fakty, svidetel'stva, dokumenty. [Victory over Japan, 1945: facts, evidence, documents]. Moscow: Veche, 2021. 480 p.
8. Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyah Yaponii so stranami-sosedyami: monografiya. (2022). [Problems of the historical past in Japan's relations with neighboring countries: a monograph]. Moscow: Aspect Press, 2022. 336 p.
9. Shimotomai N. (2021). Yaponiya v holodnoj vojne (1945-1956). [Japan in the Cold War (1945-1956)]. Moscow: Silver threads, 2021. 303 p.
10. Tatarinova A.V. (2022). Obraz Rossii v Yaponii, Kitae i yugo-vostochnoj Azii: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [Image of Russia in Japan, China and Southeast Asia: Autoref. diss.... Ph.D. Candidate of Historical Sciences]. Moscow: 2022. 33 p.
11. Hasegawa C. (2022). Gonka za vrugom: Stalin, Trumen i kapitulyaciya Yaponii. [Race for the Enemy: Stalin, Truman and the Surrender of Japan]. St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika, 2022. 551 p.

Об авторе

Бирюкова Кристина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики (Россия), E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

Biryukova Kristina Viktorovna - Candidate of Historical Sciences, (Russia), Moscow Technical University of Communications and Informatics, E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

Ваниев Э.С., кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела истории Крыма НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, г. Симферополь (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. ГАСПРИНСКОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ Г. БАХЧИСАРАЯ (1879-1882)

На основе анализа архивных данных, содержащих практику реализации И. Гаспринским прав на землю г. Бахчисарая на посту бахчисарайского городского головы в период 1879-1882 г.г. выявлены основные аспекты его деятельности. Установлено, что она осуществлялась в административно-управленческой, правоприменительной и правозащитной формах. Основными направлениями его деятельности являлись: осуществление городских прав на землю и реализация земельных прав местного населения. В пределах своей компетенции, И. Гаспринский от имени г. Бахчисарая возбуждал гражданские и уголовные иски против нарушителей прав городской собственности и представлял интересы города на судебных заседаниях; издавал определения и постановления, обязательные для исполнения в пределах г. Бахчисарая всеми должностными лицами и населением; предоставлял просителям земельную собственность, принадлежащую городу, в их владение и пользование; выдавал заинтересованным лицам на основании их заявлений документы на земельные участки; осуществлял взаимодействие с иными государственными органами и должностными лицами и координировал их совместную деятельность в правоприменительной и превентивной сферах; извлекал прибыль и доходы из городской земельной собственности в пользу г. Бахчисарая; делегировал осуществление своих полномочий иным подчинённым ему должностным лицам. Изучен комплекс административно-управленческих и организационных мер, которые были им применены для упорядочивания контроля за землями, принадлежащими г. Бахчисараю. Отмечено, что при реализации своих полномочий он учитывал интересы населения и содействовал их достижению в установленных законом пределах. Указано, что его деятельность оказала положительное влияние на динамику развития земельных правоотношений в Бахчисарае.

Ключевые слова: земля, собственность, земельный спор, землепользование, землевладелец, городской голова, местное самоуправление, судебная защита.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-31-39

Введение. Достаточно глубоким исследованием административно-правовой и муниципальной деятельности И. Гаспринского занимались В. Ю. Ганкевич и В. А. Гладун. Однако, в их работах не была затронута проблематика, связанная с деятельностью И. Гаспринского по защите городских прав на землю. Ученые не раскрыли взаимосвязи, возникшие между И. Гаспринским и бахчисарайским населением в сфере земельных отношений, в том числе повлекшие за собой и судебные процессы. Изучение официально-публицистической и юридической сторон деятельности И. Гаспринского позволит глубже раскрыть личность выдающегося крымского деятеля и оставленное им наследие.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования являются земельные и связанные с ними правоотношения, которые возникали, изменялись и прекращались в связи с защитой земельных прав г. Бахчисарая в результате деятельности И. Гаспринского на посту городского головы. В работе использован ряд общенаучных и специально-научных методов. Так, метод анализа позволил выделить виды и направления деятельности И. Гаспринского в сфере земельных отношений в процессе защиты земельных прав города. С помощью метода абстрагирования удалось проследить характерные особенности, присущие деятельности И. Гаспринского в данной сфере. Метод дедукции помог выявить непосредственные практические меры, предпринятые И.

Гаспринским для решения поставленных перед ним задач. Статистический метод позволил соотнести правовые и организационные меры И. Гаспринского с количественными показателями, достигнутыми в процессе их реализации. С помощью системного метода была целостно исследована деятельность И. Гаспринского на посту городского головы г. Бахчисарая по защите земельных прав города в качестве историко-правового явления. Логический метод был использован для осмысления историко-правовых, социальных и организационных явлений и процессов, которые влияли на деятельность И. Гаспринского, обусловили особенности ее осуществления в данном регионе и временном промежутке.

Историко-юридический метод позволил выявить закономерности, присущие деятельности И. Гаспринского по защите земельных прав г. Бахчисарая. Использование историко-сравнительного метода помогло проследить динамику изменения развития земельных отношений в рассматриваемом временном промежутке вследствие мероприятий, осуществленных И. Гаспринским. С помощью историко-герменевтического метода были проанализированы нормативно-правовые акты, действовавшие на момент отправления И. Гаспринским полномочий бахчисарайского городского головы, а также содержание архивных материалов рассматриваемого периода.

Результаты и их обсуждение. 13 февраля 1879 г. И. Гаспринский официально вступил в

должность бахчисарайского городского головы, хотя фактически находился на ней в качестве заместителя предыдущего головы Сеит Мемета Топузова, с 23 октября 1878 г. Для заштатного города Симферопольского уезда Бахчисарая, некогда столицы Крымского ханства, это было особенным временем, поскольку с указанного периода в городе было введено в действие новое Городовое Положение от 16 июня 1870 г., которое предусматривало принципиально иные начала осуществления местного самоуправления. Бахчисарайская городская дума (далее – БГД, Э. В.) в прежнем виде была упразднена, и на ее месте были образованы новая БГД в качестве законодательного органа, и Бахчисарайская городская управа (далее – БГУ, Э. В.) – исполнительный орган.

И. Гаспринский в качестве городского головы возглавлял заседания БГД и осуществлял непосредственное руководство деятельностью БГУ. Кроме него, в штат управы на постоянной основе входили: казначей и заместитель городского головы К. М. Константинов, а также хозяйственный член М. А. Дремджи. Третьим членом БГУ без жалования числился мурза Сеит Ягья Баллов. В его обязанности входило замещение членов управы во время их отсутствия по служебным или личным делам. Секретарем управы являлся Д. Сальников.

И. Гаспринский возглавил местное самоуправление в г. Бахчисарае в достаточно сложный для города период. В частности, права земельной собственности населения и городской земельной собственности не были должным образом упорядочены и защищены. 17 марта 1879 г. И. Гаспринский выступил с докладом перед БГД, в котором указал, что во время личного объезда городской земли в сопровождении хозяйственного члена управы он установил многочисленные факты нарушений ее границ со стороны соседних владельцев и сделанных ими захватов, в связи с чем он предложил думе точно определить границы и количество городской земли, выяснить недоразумения с соседями и приобрести на городскую землю бесспорный план и совершить ввод во владение [5, л. 1]. Городской голова настаивал на том, что «по гражданским законам всякий владелец, в том числе и общество, должен иметь все установленные акты и документы на все свое имущество» [5, л. 1 об.].

В своем выступлении И. Гаспринский затронул давно назревшую проблему, возникшую при прежнем, дореформенном руководстве города: «мы владеем более 100 лет по разным документам и планам тысячами десятин земли и леса, и до сих пор общество и старшины общества не позаботились о вводе во владение, установленного законами, для совершения всего необходимого по закону для спокойного и бесспорного владения» [5,

л. 1 об.], в связи с чем 19 марта 1879 г. БГУ на основании постановления БГД от 17 марта 1879 г. и руководствуясь ст. 118 Городового Положения, выдала городскому голове доверенность «для ходатайства ... об укреплении за городом принадлежащих ему земель и лесов, об утверждении генерального плана на земли, об окончании споров и недоразумений с частными владельцами» [5, л. 3], для чего он «может подавать куда будет следовать, всякого рода прошения, иски, отзывы, возражения, апелляции, кассации определений и решений и частные жалобы, предъявлять отводы и отвечать по таковым, предъявлять спор о подлоге, преследовать лиц, нарушающих городские интересы гражданским и уголовным порядком, начинать и вести споры о праве владения и собственности; просить о возобновлении меж и восстановлении границ» [5, л. 3-3 об.]. Доверенность предусматривала право передоверия всех или части выше указанных полномочий другому лицу путем заключения с ним отдельного договора и выплатой ему вознаграждения.

В должностные обязанности И. Гаспринского в качестве бахчисарайского городского головы, помимо прочего, входило и обеспечение реализации городских прав на землю. Данная правореализационная деятельность подразделялась на 2 вида: 1) осуществление прав города на землю; 2) обеспечение реализации земельных прав бахчисарайских мещан.

Осуществление земельных прав г. Бахчисарая производилось по поводу: 1) владения, пользования и распоряжения землями, находящимися в городской собственности, для городских нужд; 2) восстановления прав городского владения; 3) исполнения иных полномочий, возложенных законом на местное самоуправление. Обеспечение реализации земельных прав бахчисарайских мещан реализовывалось в следующих направлениях: 1) предоставление земельных участков из городской собственности просителям в собственность или аренду на основании их письменных заявлений; 2) предоставление односторонних земельных участков под разведение фруктовых садов и виноградников просителям на основании их письменных заявлений.

Способами реализации земельных прав бахчисарайских мещан со стороны городского самоуправления являлись: а) выдача земельно-правовых документов (свидетельств, удостоверений, данных) на основании заявлений и прошений заинтересованных лиц; б) издание определений и постановлений по вопросам, в соответствии с законодательством относящимся к компетенции местного самоуправления; в) невмешательство в осуществление законных земельных прав мещан; г) пресечение правонарушений в сфере земле-

пользования; взаимодействие с иными государственными органами и должностными лицами по вопросам, входящим в их общую сферу действия.

Распоряжение землями, находящимися в городской собственности, для городских нужд осуществлялось БГУ под руководством И. Гаспринского путем извлечения из них доходов с целью наполнения городского бюджета. Доходы от земельного фонда города Бахчисарая можно разделить на 2 вида: 1) доходы от предоставления земель в аренду; 2) доходы от продажи плодов, выращенных на городских землях хозяйственным управлением. Термин «хозяйственное управление» означал, что объект недвижимости оставался в непосредственном заведывании БГУ [2, с. 191].

В соответствии со ст. 72 Городового Положения, непосредственное взимание городских сборов было возложено на городскую управу [19, с. 830]. Исполнение данной нормы было делегировано И. Гаспринским хозяйственному члену БГУ М. Дремджи. В течение месяца он регулярно подавал в БГУ рапорты о вырученных средствах. В основном, земля отдавалась в г. Бахчисарае в аренду под табачные и огородные плантации. Например, 7 июля 1879 г. он подал в БГУ рапорт о сборе 58 рублей 34 копеек за пользование городской землей [17, л. 9]. 6 июля 1879 г. за продажу сена им было представлено в управу 160 рублей [17, л. 8].

При продаже плодов, собранных или выращенных на городской земле, в присутствии БГУ производились торги, результаты которых фиксировались в торговых листах. Так, 11 июля 1880 г. в БГУ бахчисарайский городской голова И. Гаспринский проводил торги на продажу лесного ореха, собранного на городской земле, на которых участвовало 5 человек. Всего БГУ было выручено 1012 рублей 50 копеек [10, л. 105]. 23 июля 1882 г. также было проведено 9 торгов на продажу лесного ореха из разных местностей, принадлежащих г. Бахчисараю на праве собственности, на которых БГУ было выручено в общей сумме 198 рублей 35 копеек [16, л.л. 71-79].

Кроме того, БГУ была уполномочена выделять земельные участки из городского земельного фонда под застройку зданий, принадлежащих городу. Так, 26 ноября 1880 г. было принято решение о постройке в г. Бахчисарае здания бойни в приходе Ени Маале, оформленное соответствующим постановлением БГД [12, л. 10]. Во исполнение данного постановления, члены БГУ в период с 28 марта по 1 апреля 1881 г. выезжали на указанное место с целью выбора удобного места для начала постройки [12, л. 10]. 1 апреля 1881 г. бахчисарайские резники обратились в БГУ с заявлением, в котором просили перенести постройку бойни с выбранного членами БГУ места в приходе Ени Маале на площадке в фруктовом базаре в связи с его логистическим неудобством, на другое, указанное

ими, поскольку считали его для себя более удобным как для транспортировки изготавливаемой продукции, так и для исполнения служебных обязанностей [1, л. 50]. 22 апреля 1881 г. БГД отказала просителям в ходатайстве о постройке бойни [1, л. 50]. 10 апреля 1881 г. с похожим прошением обратились в БГУ и 27 бахчисарайских мясопромышленников [1, л. 51], однако, их обращение также было оставлено без последствий.

Исполнение иных полномочий, возложенных законом на местное самоуправление, было связано со взаимодействием БГУ с иными губернскими органами и учреждениями. Например, 20 апреля 1882 г. симферопольский уездный землемер Шелковников на основании ст. 359 т. X Свода межевых законов обратился в БГУ с прошением о назначении на 26 апреля 1882 г. депутата от города для присутствия при выделе им в натуре земельного надела в даче деревни Мангуш, которая граничит с бахчисарайской городской землей [14, л.л. 5-5 об.]. 23 апреля 1882 г. И. Гаспринский командировал для этой цели хозяйственного члена управы М. Дремджи [14, л. 6], который в рапорте от 20 сентября 1882 г. доложил, что «во время прохода по линии никакого захвата (городской земли – авт.) не было» [14, л. 6 об.]. 23 сентября 1882 г. уездный землемер вновь обратился в БГУ с аналогичным прошением о присутствии городского депутата на даче деревни Биюк Яшлав Симферопольского уезда [14, л. 7]. И. Гаспринский снова командировал в деревню М. Дремджи, однако, он не присутствовал при межевании, мотивировав это тем, что не получил формального извещения от землемера [14, л. 8].

Восстановление прав городского владения осуществлялось путем возвращения земельных участков, принадлежащих городу, от недобросовестных пользователей или правонарушителей. Так, еще 23 января 1879 г., во время замещения должности городского головы вместо отсутствовавшего по личным делам С.-М. Топузова, И. Гаспринский издал определение о предложении членом БГУ М. А. Дремджи бахчисарайскому купцу 2 гильдии В. Н. Михайли немедленно очистить принадлежащий городу застроенный тротуар вследствие выявленного факта неправомерной застройки [3, л. 1].

Пресечение правонарушений в сфере землепользования являлось эффективным механизмом защиты земельных прав города. Оно осуществлялось двумя способами: превентивным и судебным. Превентивный способ предполагал принятие городским головой и управой мер к недопущению потенциально возможного нарушения городских прав на землю со стороны землепользователей. Например, 26 января 1879 г. БГУ направила письмо, подписанное исполнявшим должность городского головы И. Гаспринским,

дворянину Али Челеби Гафарову с просьбой воздержаться от самоуправного распоряжения принадлежащим городу участком земли: не отдавать его под посевы другим лицам и не пользоваться самому без разрешения управы [3, л. 4]. Поводом послужила неуплата А. Гафаровым денежного сбора за землепользование в городской доход, вследствие чего 29 января 1879 г. было издано определение БГУ с предложением к арендатору А. Ч. Гафарову оставить указанные участки [3, л. 5] – город в одностороннем порядке разрывал заключенный с указанным лицом договор аренды.

На основании рапорта хозяйственного члена управы М. Дремджи от 21 февраля 1879 г. о самовольном захвате арендатором Аджи Куртпедин Аджи Рахмед оглу 25 саженей земли сверх установленной в договоре 1 десятины, исполнявший должность городского головы И. Гаспринский издал постановление о запрещении арендатору захвата и обработки излишнего участка земли [3, л. 8] и одновременно направил нарушителю извещение с запрещением обработки захваченной городской земли [3, л. 9].

На основании донесения бахчисарайского мещанина Абибуллы Сетгар оглу от 2 марта 1879 г. о самовольном присоединении бахчисарайским мещанином Аджи Муждабой Аджи Асан оглу городской земли к своему саду, 6 марта 1879 г. бахчисарайский городской голова И. Гаспринский поручил своему заместителю К. Константинову осмотреть спорный участок [3, л. 11]. 22 марта 1879 г. на основании осмотра и допроса свидетелей из числа соседей Аджи Асан оглу, К. Константиновым был составлен акт, подтверждавший факт захвата городского земельного участка [3, л.л. 18-19 об.], вследствие чего И. Гаспринский определил направить нарушителю извещение с предложением предоставить в управу документы на свой земельный участок и приостановить возведение любых построек на нем [3, л.л. 21-21 об.]. 16 ноября 1879 г. И. Гаспринский подал рапорт в БГУ о личном осмотре имения Аджи Муждабы и выявленном захвате земли с вызовом нарушителя в управу [3, л. 22]. Аджи Муждаба явился 3 декабря 1879 г. и подал заявление о готовности исправить все нарушения [3, л. 24].

В случае, если превентивный метод не достигал своей цели – восстановления прав города на принадлежащие ему земельные участки, применялась судебная защита. Она производилась на основании ст. 118 Городового Положения, устанавливавшей, что ее может осуществлять особо уполномоченное лицо, которым может быть и должностное лицо городского общественного управления [19, с. 834]. Это предполагало соблюдение необходимой формальной процедуры – выдачи доверенности лицу, уполномоченному городской властью представлять ее интересы в суде

и выступать от ее имени. В БГУ такими лицами были: И. Гаспринский – в силу занимаемой должности, и хозяйственный член управы М. Дремджи. Так, 3 февраля 1879 г. И. Гаспринский выдал доверенность на имя М. Дремджи, которой предоставлял ему полномочия подавать иски, жалобы и вести судебные процессы по делам:

1) О захвате и застройке торгующего на прудах бахчисарайского купца 2 гильдии В. Михайли части городской улицы – гражданским порядком;

2) О самовольной порубке городского леса бахчисарайскими мещанами Муртазой Мамут оглу и Смаилом Асан оглу – уголовным порядком;

3) О самовольном пользовании дворянином А. Ч. Гафаровым удобной городской землей около 3 десятин в местности Катана Хора – гражданским порядком [3, л. 6].

28 февраля 1879 г. было вынесено решение суда по иску А. Ч. Гафарова о нарушении владения его землей бахчисарайским мещанином М. Дремджи. Истец утверждал, что никогда не платил десятинный сбор в пользу города, поскольку на протяжении 23 лет эта земля является его собственностью [3, л. 13], однако, приглашенные с его стороны 3 свидетеля подтвердили показания ответчика, в связи с чем суд отказал в удовлетворении исковых претензий А. Гафарова [3, л. 14].

Одним из наиболее сложных дел, которые лично вёл И. Гаспринский от имени г. Бахчисарая, стал затяжной процесс с помещиком деревни Шуры Г. Киркопуло. Сущность дела состояла в несоблюдении губернскими землемерами при проведении генерального межевания в деревне Шуры формальных требований, в связи с чем город оспаривал его проведение, и соответственно – законность владения спорным участком земли. В свою очередь, у Г. Киркопуло также были встречные иски к городу. И. Гаспринскому неоднократно приходилось выезжать в служебные командировки на судебные заседания сначала в Симферополь, а затем – в Одессу.

23 июля 1880 г. хозяйственный член БГУ М. Дремджи подал в БГУ рапорт о незаконном выпасе 309 коз в городском лесу [11, л. 1]. На основании рапорта, 24 июля 1880 г. И. Гаспринский издал определение управы об извещении виновных лиц с просьбой к ним о принятии в течение 2 месяцев соответствующих мер к недопущению коз на городскую землю под угрозой уничтожения таких коз [11, л.л. 1 об.-2]. По нашему мнению, данная мера (пусть и в виде устрашения) являлась чрезмерно жестокой. Практика того времени свидетельствовала, что более безопасной и взаимовыгодной мерой для всех сторон являлся арест таких животных с их последующим выкупом (фактически – уплатой штрафа за потраву) виновным лицом, их хозяином. С хозяйственной стороны, для

местной власти это, возможно, могло сопровождаться единственным неудобством – необходимостью в наличии специально оборудованного места для таких животных и наймом персонала для их содержания до выкупа. Существовал риск, что бедный собственник просто не вернется за своим животным. С другой стороны, не понятно, как следовало поступать с тушей убитого животного и на кого возлагать издержки.

3 июля 1881 г. 12 жителей района Салачик обратились в БГУ с прошением об отводе им земли под выпас коз, мотивируя его их небольшим количеством и своим тяжелым материальным положением, при котором козы являются их источником для существования [11, л.л. 3-3 об.]. На основании их прошения, 10 июля 1881 г. было поручено хозяйственному члену БГУ М. Дремджи отвести просителям землю для выпаса [11, л. 4], что было им исполнено 31 июля 1881 г. В данном прецеденте, защита прав городского владения была осуществлена местной властью во главе с И. Гаспринским с учетом интересов бахчисарайского населения.

Предоставление земельных участков из городской собственности в собственность или аренду физических лиц осуществлялось И. Гаспринским на основании письменных заявлений просителей. Указанные заявления городской голова докладывал на заседании БГД, и в случае положительного решения, производил непосредственное выделение земельных участков на месте через уполномоченных лиц БГУ.

Например, 11 сентября 1879 г. бахчисарайский мещанин Абдуль Керим Асан оглу просил об отводе ему 30 саженей усадебной земли под постройку дома со двором в местности Аккаш на условиях БГД [8, л. 1]. Управа доложила указанное заявление на заседании Думы 22 декабря 1879 г., которая единогласно постановила поручить гласным Думы Бекиру Сулейман оглу и мулле Мемету Амет оглу лично исследовать и оценить просимое место для последующего доклада Думе [8, л.л. 1-1 об.]. После произведенных 14 марта 1880 г. осмотра и оценки земельного участка, Дума в заседании 17 марта 1880 г. разрешила его отвод просителю по цене 50 копеек за 1 сажень [8, л. 3]. 13 июня 1880 г. Абдуль Керим приобрел в БГУ земельный участок, уплатив за него 7 руб. 50 коп. [8, л. 64] и получив удостоверение на пользование им.

24 мая 1879 г. мурза Сеит Ягъя Балов подал в БГУ прошение об отводе ему около 200 саженей свободной земли под скалой Топ Кая для постройки дома и разведения фруктового сада. Прошение докладывалось Думе 25 мая и 22 декабря 1879 г., которая на последнем заседании большинством 2/3 голосов постановила продать эту землю с публичных торгов [6, л. 1 об.]. Торги были проведены 10 марта 1880 г. На них явилось 5 человек.

Высшую цену предложил Усеин Мустафа оглу – 41 копеек за 1 сажень, и внес в Управу 15 руб. [6, л.л. 9-9 об.]. 11 марта 1880 г. в БГУ было подано заявление, подписанное 34 бахчисарайскими ремесленниками, которые просили не отчуждать указанный земельный участок, мотивируя его необходимостью пространства для их производственных нужд [6, л. 10]. 14 марта 1880 г. И. Гаспринский провел переторжку, на которой высшую цену 60 копеек за 1 сажень предложил мурза Сеит Ягъя Балов и внес десятую часть суммы – 20 руб. [6, л. 12]. 5 апреля 1880 г. С. Я. Балов подал в БГУ заявление о переуступке указанного участка бахчисарайскому мещанину Муждабе Аджи Осман оглу, который уплатил Управе 193 руб. 20 коп. за всю землю [6, л. 14]. 14 апреля 1880 г. БГУ выдала новому собственнику удостоверение [6, л. 16].

В практике БГУ встречались прецеденты, когда заявители отказывались от приобретения земли. Например, 19 марта 1881 г. бахчисарайский мещанин Аджи Зиядин Мустафа оглу обратился в БГУ с прошением об уступке ему городской земли по цене 25 коп. за 1 сажень [13, л. 1]. Заявление просителя было доложено БГД, которая 23 ноября 1881 г. в своем заседании уступила ему землю по цене 60 копеек за 1 квадратную сажень [13, л. 3]. 15 декабря 1881 г. проситель отказался от приобретения участка вследствие невозможности уплатить требуемую сумму с обязательством отгородить его в течение 3 дней от принадлежащей ему земли [13, л. 3 об.].

Происходили и случаи, когда прошения впоследствии оборачивались громкими судебными делами. Так, 9 февраля 1879 г. в БГУ обратился с прошением бахчисарайский мещанин Ш. Д. Кизильштейн об отводе ему якобы свободного места напротив его дома для постройки двора [4, л. 1]. 10 марта 1879 г. на основании его заявления И. Гаспринский поручил члену Управы К. Константинову произвести осмотр указанного места [4, л. 2]. 22 марта 1879 г. К. Константинов осмотрел участок в присутствии 4 понятых-старожилов местности Умгульсум, а 26 марта подал в БГУ рапорт, в котором указал, что «это место и ныне сохраняет действительные следы кладбища» [4, л. 4 об.], на основании чего вынес заключение, что его «ни в каком случае не следует отдавать под двор уже потому, что сам Кизильштейн из своего дома выливает на то место различные нечистоты» [4, л. 4 об.].

Проситель в своем заявлении также указывал, что прежняя БГД отказала ему в отводе земельного участка на основании того, что оно является древним мусульманским кладбищем [4, л. 1]. 12 апреля 1879 г. И. Гаспринский направил в бахчисарайское городской полицейское управление (далее – БГПУ, Э. В.) определение об отказе просителю в продаже указанного в его заявлении

земельного участка и его понуждении к очищению кладбища от нечистот [4, л. 5]. 16 апреля 1879 г. Ш. Д. Кизильштейн отказался выполнять распоряжение БГУ, мотивируя свой отказ тем, что он не выливал нечистоты, а указанное правонарушение производили смежные торговцы [4, л. 7]. 13 июля 1879 г. И. Гаспринский поручил гласному БГД Бекиру Сулейман оглу проверить заявление Ш. Кизильштейна и привлечь виновных лиц к ответственности. В августе 1879 г. исполнитель в присутствии 3 понятых произвел осмотр места и подтвердил результаты осмотра К. Константинова, но акт о правонарушении не составил, мотивируя это своей болезнью [4, л.л. 13-13 об.]. Вследствие рапорта Бекира Сулейман оглу, И. Гаспринский 21 декабря 1879 г. повторно поручил санитарному члену Г. Каракашу выполнить осмотр земельного участка в соответствии с формальными требованиями [4, л. 13 об.].

22 апреля 1880 г. И. Гаспринский выступал в БГД с докладом о прекращении сброса нечистот на кладбище за домом Ш. Кизильштейна, на основании чего Дума постановила поручить гласным Сеит Ягье Балову и Мемету Амет оглу осмотреть местность и принять все необходимые меры к ее очистке и запрещению Ш. Кизильштейну выхода на кладбище и вообще завладения этим местом [4, л. 14]. Для выполнения указанного поручения, 27 мая 1881 г. БГУ обратилась за содействием в БГПУ. 10 июня 1881 г. гласными С. Я. Баловым и Меметом Амет оглу был составлен акт осмотра земельного участка, а 28 июня 1881 г. помощник бахчисарайского пристава Челебиев подал рапорт в БГПУ об оказании содействия гласным БГУ при очистке кладбища от мусора [4, л. 16].

5 августа 1881 г. 22 бахчисарайских жителя подали в БГУ прошение с жалобой на Ш. Кизильштейна, утверждая, что он незаконно присоединил землю кладбища к своему земельному участку [4, л. 20]. 27 октября 1881 г. мировым судьей 4 участка Симферопольского уезда К. Вяткиным было разобрано судебное дело по гражданскому иску БГУ к бахчисарайскому мещанину Ш. Д. Кизильштейну о восстановлении владения городской кладбищной землей. Суд обязал ответчика снять свои ограждения на земле, принадлежащей кладбищу, назначив срок до 7 января 1882 г. [4, л. 21]. В случае неисполнения судебного предписания, суд предоставлял полномочие БГУ исполнить его за счет ответчика, выдав соответствующий исполнительный лист [4, л. 23]. На основании судебного решения, 7 января 1882 г. БГУ уполномочила своего члена С. Я. Балова привести его в исполнение. 25 августа 1882 г. было издано повторное определение о приведении в исполнение судебного решения, а его фактическое исполнение было осуществлено лишь 7 декабря 1882 г., что было зафиксировано в рапорте помощника

бахчисарайского пристава Челебиева [4, л. 29 об.].

Предоставление однодесятичных земельных участков под разведение фруктовых садов и виноградников просителям на основании их письменных заявлений осуществлялось БГУ в соответствии с Правилами «О раздаче земель, принадлежащих городам Новороссийского края и Бессарабской области, для разведения садов и виноградников» от 2 ноября 1842 г. Целью указанного акта являлось стимулирование населения южных регионов Российской империи к занятию аграрной деятельностью. Нормы правил устанавливали достаточно высокие требования к пользователям. Так, в соответствии со ст. 6 Правил, было необходимо посадить не менее 100 фруктовых деревьев или 1200 виноградных кустов [18, с. 72]. Впоследствии, после выполнения всех предусмотренных в законе условий, такие земельные участки могли быть выкуплены владельцами. Например, 30 января 1882 г. вдова капитан-лейтенанта Е. К. Ханджогло приобрела 1,5 десятин фруктового сада, разведенного на городской земле, за 37 руб. 50 коп. [7, л. 33]. И. Гаспринский поручил совершение нотариального оформления сделки и выдачу данной на земельный участок казначею Управы К. М. Константинову [7, л. 36].

6 ноября 1879 г. в БГУ обратились с заявлением 3 наследника бахчисарайского мещанина И. Хтисти о выдаче свидетельства на полное пользование однодесятичным участком, выданном наследодателю на основании Правил от 2 ноября 1842 г. [9, л. 22]. На основании заявления, 27 декабря 1879 г. И. Гаспринский поручил хозяйственному члену БГУ М. Дремджи произвести осмотр участка. 26 ноября 1881 г. исполнитель в присутствии бахчисарайского полицеймейстера и 2 понятых составил акт осмотра, выявив, что на нем было посажено 1300 виноградных кустов, по 100 абрикосов и вишен [9, л. 25]. На основании акта осмотра, 19 февраля 1882 г. БГУ было издано определение о выдаче просителям Открытого листа на пользование участком, предложив им внести согласно постановления БГД от 5 февраля 1881 г. 25 руб. [9, л. 27].

8 мая 1881 г. в БГУ обратилась бахчисарайская мещанка М. Н. Апостолаки с заявлением о передаче однодесятичного участка поселянину деревни Уппы Каралезской волости Симферопольского уезда Усеину Мустафа оглу. Заявительница просила сделать на ее Открытом листе надпись о переходе участка к новому владельцу и выдать ему новый Открытый лист [15, л. 14]. Со своей стороны, претендент также подал в Управу заявление и уплатил 25 руб. за 1 десятину [15, л. 16], в связи с чем их ходатайство было удовлетворено.

Заключение. И. Гаспринский осуществлял разнообразную деятельность по защите городских прав на землю во время нахождения в должности городского головы г. Бахчисарая. В его

должностные обязанности взаимосвязанно входили: административно-управленческие, правоприменительные и правозащитные полномочия, направленные на соблюдение баланса интересов города и населения. Ему удалось придать положительный импульс в разрешении сложных земельных проблем населения и защите земельных прав города, которые накопились со времен управления прежней местной дореформенной администрации. Для осуществления поставленных административно-управленческих задач, он лично осуществил комплекс мероприятий, обусловленных той или иной ситуацией, либо на основании закона поручал их проведение уполномоченным лицам и органам.

В правоприменительной практике в центре его внимания постоянно находилось содействие интересам жителей в установленных законом преде-

лах. При рассмотрении заявлений, жалоб и иной документации он неукоснительно соблюдал предусмотренную законом процедуру их воплощения в жизни, что предотвращало поступление жалоб населения на неправомерные действия со стороны городской власти. В то же время, он заботился об обеспечении целостности и доходности земельного фонда. Как правозащитник, он реализовывал задачу отстаивания прав муниципального владения на земельную собственность путем ее изъятия у правонарушителей или недобросовестных владельцев административным либо судебным порядком. Он начал осуществление полного учета принадлежащих городу земельных владений. Ему удалось достичь стабильного поступления доходов от земельной собственности в городской бюджет, роста аграрной активности населения и сохранности бахчисарайского земельного фонда.

Список литературы

1. Бумаги бахчисарайской городской управы для доклада Думе за 1881 г. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 188.
2. Ваниев Э. С. О некоторых аспектах административно-правовой деятельности И. Гаспринского (1879-1881 гг.) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2023. Вып. 15. С. 188-193.
3. Дело бахчисарайской городской управы о восстановлении прав городского владения недвижимыми имуществами, нарушенными разными лицами. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 70.
4. Дело бахчисарайской городской управы об уступке Ш. Д. Кизильштейну городского пустопорожного места в приходе Кешер Капу для присоединения к своему двору. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 79.
5. Дело бахчисарайской городской управы об уполномочии городского головы Исмаила мурзу Гаспринского доверенностью на ведение дел в мировых и судебных учреждениях и укреплению городской земли и леса, а также взыскания городского запасного капитала с разных лиц. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 84.
6. Дело бахчисарайской городской управы об уступке городской земли в приходе Табана Маале г. Бахчисарая мещанину Муждабе Аджи Осман оглу для постройки дома. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 87.
7. Дело бахчисарайской городской управы по прошению вдовы полковника Т. Я. Шостак о переводе 1,5 десятинного фруктового участка в местности Намаз Як на имя вдовы капитан-лейтенанта Е. К. Ханджогло. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 88.
8. Дело бахчисарайской городской управы об уступке городской земли в приходе Орта Аккаш г. Бахчисарая бахчисарайскому мещанину Абдуль Кериму Асан оглу для постройки дома. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 89.
9. Дело бахчисарайской городской управы об отводе бахчисарайскому мещанину И. Хтисти одностенного участка для разведения виноградного сада с выдачей ему Открытого листа на пользование оным участком. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 91.
10. Дело бахчисарайской городской управы о доходах и расходах по г. Бахчисарая за 1880 г. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 119.
11. Дело бахчисарайской городской управы о воспрещении жителям г. Бахчисарая содержать на городской земле коз. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 139.
12. Дело бахчисарайской городской управы о заготовлении и продаже бойничных книжечек для резания на бойне крупного и мелкого скота, а также о постройке и отдаче городской бойни в откупное содержание на 1881 г. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 157.
13. Дело бахчисарайской городской управы об отводе бахчисарайскому мещанину Аджи Зиядину Мустафа оглу пустопорожного места для присоединения к двору в приходе Кучук Аккаш. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 169.
14. Дело бахчисарайской городской управы о назначении от города депутатов для присутствия при вводе во владение разных лиц имуществ в окружности городской земли. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 172.
15. Дело бахчисарайской городской управы о переуступке вдовой, бахчисарайской мещанкой М. Апостолаки 1-десятинного виноградного сада, разведённого на городской земле в местности Аджи Апай поселянину деревни Уппы Каралезской волости Усеину Мустафа оглу с выдачей от Управы данной для владения. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 174.
16. Дело бахчисарайской городской управы о доходах и расходах по г. Бахчисарая за 1882 г. ГАРК.

Ф. 64. Оп. 1. Д. 195.

17. Приходные документы бахчисарайской городской управы за июль 1879 г. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 101.

18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ): Собр. 2. Т. 17. № 16.153: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Министромъ Внутреннихъ Дель. – О раздаче земель, принадлежащихъ городамъ Новороссійскаго края и Бессарабской области, для разведения садовъ и виноградниковъ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

19. ПСЗ: Собр. 2. Т. 45. № 48.498: Высочайше утверждённое Городовое Положеніе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

I. GASPRINSKIY'S ACTIVITIES IN LAND AND LEGAL RELATIONS (1879-1882)

On the base of archive sources analysis which have the practice of land and legal relations realization by I. Gasprinskiy as a Bakhchisaray mayor on 1879-1882 years was investigated the main aspects of his activities. It was founded that it implemented on administrative and management, enforcement and human rights forms. The main ways of that activities was the implementation of city's rights on land and realization of local population's land rights. In the borders of his jurisdiction, I Gasprinskiy from Bakhchisaray city initiated the civil and criminal proceedings against the city's property rights violators and represented the interests of the city on the court sessions; issued binding decisions and orders on the Bakhchisaray city borders by all officials and people; provided to applicants the land property, which was owned by the city, in their possession and use; issued land deeds to interested persons on the basis of their applications; interacted with other State bodies and officials and coordinated their both activities in the enforcement and preventive spheres; capitalizing and profit from city's land property for Bakhchisaray; delegated his jurisdiction rights to other officials under his authority. We investigated the complex of administrative, management and organizational measures which he used for the control ordering by Bakhchisaray lands. In the exercise of his powers he took into account of people interests and contributed to their achievement within the limits established by law. His activities had a positive impact on the dynamics of land relations in Bakhchisaray city.

Key words: land, property, land dispute, land use, landlord, mayor, local government, judicial protection

References

1. Bumagi bahchisarayskoy gorodskoy upravly dlya doklada Dume v 1881 godu (1881). Gosudarstvenniy arhiv Respubliki Krym (GARK). Fond 64. Opis'. 1. Delo 188 [The papers of Bakhchisaray city government for the reporting to Duma in 1881 year].

2. Vaniyev E. S (2023). O nekotorykh aspektah administrativno-pravovoy deyatel'nosti I. Gasprinskogo (1879-1881) [About something aspects of I. Gasprinskiy's administrate-law activities (1879-1881)]// Vorprosi krimskotatarskoy filologii, istorii i kulturi. 2023. Vipusk 15. S. 188-193.

3. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly o vosstanovlenii prav gorodskogo vladeniya nedvizhimimi imuschestvami, narushennimi raznimi litsami (1879). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 70 [Case of Bakhchisaray city government about urban repossession of real estates which was violated by different persons].

4. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly ob ustupke Sh. D. Kizilshteinu gorodskogo pustoporozhnego mesta v prihode Keshher Kapu dlya prisoedineniya k svoemu dvoru (1879-1882). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 79 [Case of Bakhchisaray city government about city free place's concession in Keshher Kapu region to Sh. D. Kizilstein for accession to his yard].

5. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly ob upolnomochii gorodskogo golovi Ismaila murzu Gasprinskogo doverennostiye na vedenie del v mirovii i sudebniikh uchezhdeniyakh I ukrepleniye gorodskoy zemli i lesa, a takzhe vyzskaniya gorodskogo zapasnogo kapitala s raznikh lits (1879). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 84 [Case of Bakhchisaray city government about power of attorney to mayor I. Gasprinskiy on the litigation in peace and justice institutions].

6. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly ob ustupke gorodskoy zemli v prihode Tabana Maale goroda Bahchisaraya meschaninu Muzhdabe Adzi Asan oglu dlya postroyki doma (1879-1880). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 87 [Case of Bakhchisaray city government about city land's concession in Tabana Maale region to Bakhchisaray citizen Muzhdaba Adzhi Asan oglu for building house].

7. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly po prosheniye vdovi polkovnika T. Y. Shostak o perevode 1,5 desyatinnogo fruktovogo uchastka v mestnosti Namaz Yak na imya vdovi capitan-leytenant'a E. K. Khandzhoglo (1879-1882). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 88 [Case of Bakhchisaray city government upon a petition of lieutenant colonel's widiw T. Y. Shostak about transfer of 1,5 tithing fruit plot in Namaz Yak region to captain-lieutenant's widow E. K. Khandzhoglo].

8. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly ob ustupke gorodskoy zemli v prihode Orta Akkash goroda Bahchisaraya bahchisarayskomu meschaninu Abdul Kerimu Asan oglu dlya postroyki doma (1879-1882). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 89 [Case of Bakhchisaray city government about city land's concession in Orta Akkash region to Bakhchisaray citizen Abdul Kerim Asan oglu for building house].

9. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravly ob otvode bahchisarayskomu meschaninu I. Htisti odnodesyatinnogo uchastka dlya razvedeniya vinogradnogo sada s vidachey yemu Otkritogo lista na polzovaniya

onim uchastkom (1871-1882). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 91 [Case of Bakhchisaray city government about land transfer to Bakhchisaray citizen I. Khtisti 1 tithing plot for vineyard farming with issuing to him the Open list for using to this plot].

10. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy o dohodah i rashodah po gorodu Bahchisarayu za 1880 god (1880). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 119 [Case of Bakhchisaray city government about income and expenses in Bakhchisaray city in 1880 year].

11. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy o vospreschenii zhitelyam goroda Bahchisaraya sodержat' na gorodskoy zemle koz (1880-1881). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 139 [Case of Bakhchisaray city government about prohibition to Bakhchisaray citizen's to keep goats on city land].

12. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy o zagotovlenii i prodazhe boynichnih knizhechek dlya rezaniya na boyne krupnogo i melkogo skota, a takzhe o postroyke i otdache gorodskoy boyni v otkupnoe sodержaniya na 1881 god (1881). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 157 [Case of Bakhchisaray city government about preparation and selling of slaughter books for cutting of livestock and small animals and also about building and renting of city slaughter].

13. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy ob otvode bahchisarayskomu meschaninu Adzhi Ziyadinu Mustafa oglu pustoporozhnego mesta dlya prisoedineniya k dvoru v prihode Kuchuk Akkash (1881). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 169 [Case of Bakhchisaray city government about free place transferring to Bakhchisaray citizen Adzhi Ziyadin Mustafa oglu for accession to his yard in Kuchuk Akkash region].

14. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy o naznachении ot goroda deputatov dlya prisutstvovaniya pri vvode vo vladeniye raznikh lits imuschestv v okruzhnosti gorodskoy zemli (1881-1882). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 172 [Case of Bakhchisaray city government about appointment of deputies from the city for presence at the taking possession and property by different persons on the city land's district].

15. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy o pereustupke vdovoy bahchisarayskoy meschankoy M. Apostolaki odnodesyatinnogo vinogradnogo sada, razvedyonnogo na gorodskoy zemle v mestnosti Adzi Apay, poselyaninu derevni Uppi Karalezskoy volosti Useinu Mustafa oglu s vidachey ot upravyy dannoy dlya vladeniya (1881). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 174 [Case of Bakhchisaray city government about assignment by Bakhchisaray citizen's widow M. Apostolaki by 1 tithing vineyard, which was dissolved on the city land in Adzhi Apay region, to Usein Mustafa oglu, settler of Uppa village in Karalez parish, with issuin from the government the document for the possession].

16. Delo bahchisarayskoy gorodskoy upravyy o dohodah i rashodah po gorodu Bahchisarayu za 1882 god (1882). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 195 [Case of Bakhchisaray city government about income and expenses in Bakhchisaray city in 1882 year].

17. Prihodniye dokumenty bahchisarayskoy gorodskoy upravyy za iyul' 1879 goda (1879). GARK. Fond 64. Opis'. 1. Delo 101 [Receipt documents of Bakhchisaray city government in July of 1879 year].

18. Polnoe sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii (PSZ): Tom 17. № 16.153: Visochayshe utverzhdyonnoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta, obyavlennoe Ministrom Vnutrennih Del. – O razdache zemel, prinadlezhaschih gorodam Novorossiyskogo kraya i Bessarabskoy oblasti, dlya razvedeniya sadov i vinogradnikov (1842). [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php. [Complete collection of Russian Empire laws. Vol. 17. The highest approved opinion of the Council of State, which was declared by the Minister of the Interior. About distribution of lands which was belonged to Novorossiya and Bessarabiya for gardening and vineyards]

19. PSZ: Tom. 45. № 48.498. Visochayshe utverzhdyonnoe Gorodovoye Polozheniye (1870). [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php. [Complete collection of Russian Empire laws. Vol. 17. The highest approved City Regulations]

Об авторе

Ваниев Эльдар Серверович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела истории Крыма НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Республика Крым, г. Симферополь, E-mail: poyas-orion@mail.ru

Vaniev Eldar Serverovich - the candidate of science of law, Senior Researcher, Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol city, E-mail: poyas-orion@mail.ru

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ

Целью статьи является освещение истории изучения городищ и поселений первых веков н.э. на Верхнем Дону. Автор обосновывает выделение в истории поселенческой археологии верхнедонского региона трех хронологических этапов. Первый из них связан с дореволюционными исследованиями краеведческих обществ, а также с работами экспедиций – Верхне-Донской в Липецкой области и Воронежского госуниверситета в Воронежской области. В это время происходил процесс накопления материала первых веков, а его интерпретация ограничивалась понятием «ранний железный век». Второй этап исследований берет начало в 1978 году с создания Скифо-сарматского отряда ВГУ (А. П. Медведев) и целенаправленного изучения им курганных могильников и поселений сарматского времени в лесостепном Подонье. В этот же период проводят работы экспедиции ЛГПИ (А. Н. Бессуднов), Госдирекции по охране культурного наследия Липецкой области (И. Е. Бирюков, И. А. Козмирчук), а также сотрудники кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ (Ю. Д. Разуваев, М. В. Цыбин, А. С. Саврасов, А. Д. Пряхин, Н. А. Тропин и др.). Третий этап отличается работой как научных экспедиций (А. М. Обломский, И. Е. Бирюков, Г. Л. Земцов, Ю. Д. Разуваев, Д. В. Акимов и др.), так и охранными археологическими работами. Рассмотрены дискуссии о выделении групп городищ и поселений сарматского времени, а также выявлены спорные вопросы их датировки. Из проведенного историографического анализа современного состояния проблемы логично вытекают и дальнейшие направления ее исследования: выделение культурного своеобразия поселений Верхнего Дона и, особенно, их хронологии.

Ключевые слова: лесостепное Подонье, Верхний Дон, сарматы, городища, поселения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-40-51

Введение. На сегодняшний день на территории Верхнего Дона известно большое количество памятников, оставленных сарматами и местным оседлым населением I–III вв. н.э. (более 200 поселений и городищ, а также несколько крупных курганных и грунтовых могильников). На протяжении последних 40 лет ведутся целенаправленные раскопки и активно изучаются материалы поселенческих памятников этого периода, однако наблюдается явный дисбаланс между количеством исследованных памятников, введении их в научный оборот и, особенно, осмысления всего их массива. Назрела задача комплексного изучения накопленного археологического материала I–III вв. н.э.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является история изучения городищ и поселений сарматского времени на Верхнем Дону (I–сер. III в. н.э.), а также анализ дискуссионных вопросов о их деления на разные группы и хронологии.

Используются сравнительно-исторический и типологический метод.

Результаты и их обсуждение. На территории Верхнего Дона насчитывается свыше 200 городищ и поселений сарматского времени (Рис. 1). Историю археологического изучения этих памятников и исторической интерпретации выявленных материалов можно разделить на три этапа.

Первый этап (конец XIX–70-е гг. XX в.). Берет свое начало с конца XIX в., когда впервые были описаны городища в низовьях р. Воронеж любителями-краеведами (Михайловский кордон, Егеревский кордон, II Белогорское и др.), на которых

позднее будут найдены немногочисленные материалы первых веков н.э. [32, с. 29–32; 33, с. 7]. Идею о возможном присутствии сарматов на Верхнем Дону высказал чисто умозрительно более ста лет назад известный российский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский [36, с. 117], однако, тогда она не подкреплялась археологическим материалом, да и позднее, вплоть до 70-х годов XX в. границы сарматского мира обычно проводили по южным рубежам Воронежской области [23, с. 11]. Долгое время специалисты считали, что сарматы вели исключительно кочевой образ жизни и поселений у них не было, за исключением кратковременных стоянок-зимников. Эти соображения были высказаны как по отношению к нашему региону, так и для всего ареала обитания сарматов на Юге Восточной Европы [37, с. 33–44].

В археологическом плане ситуация начала меняться с конца 50-х – начала 70-е гг. XX в., когда Верхне-Донской экспедицией под руководством В. П. Левенка, В. И. Матвеевой и Р. Ф. Ворониной проводилось обследование территории Липецкой области. Ими было изучено достаточно много памятников разных культур и эпох, но материалы, связанные с сарматским временем в то время так и не были выделены в отдельную группу. Для этого еще не была накоплена достаточная источниковая база, а памятники датировали достаточно широко – «ранним железным веком». Впервые в регионе материалы для выделения памятников интересующего нас времени погребения были получены при археологическом исследовании Ново-Никольского курганного могильника Верхне-Донской экспедицией под

руководством В.П. Левенка, а затем Р.Ф. Ворониной, однако сколь-нибудь точной его датировки тогда еще установить не удалось, так как указанные археологи не были специалистами в области сарматской археологии [24, с. 165; 13, с. 86-93; 9, с. 87-89]. К памятникам сарматского времени, обследованных этой же экспедицией, в последствие были отнесены такие городища как Малый Липяг, Крутогорье, Ленино (1-е Романово), Липецкое, Гудово, Верхнее Казачье, Нижний Воргол [34; 35]. Следует указать, что не на всех проводились раскопки, а полученные материалы сарматского времени, как правило, были атрибутированы позже.

Параллельно с Верхне-Донской экспедицией в это же время ведут исследования памятников эпохи бронзы, славянского времени, ряда городищ севернее г. Воронеж экспедиция ВГУ под руководством А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхина и А. З. Винникова. Как позднее было установлено, среди материалов раскопок и разведок были встречены и артефакты сарматского времени.

Второй этап (1978-2000 гг.). Связан, прежде всего, с работами Скифо-Сарматского отряда экспедиции Воронежского государственного университета под руководством А. П. Медведева. Он впервые приступил к целенаправленному изучению памятников сарматского времени в лесостепном Подонье. На рубеже 70-80 гг. А.П. Медведевым проведена археологическая разведка по правому берегу р. Воронеж от с. Чертовицкое и практически до г. Липецка (с. Ленино), в ходе которой была обнаружена серия городищ и поселений сарматского времени [20;21]. Вначале им были исследованы I и II Чертовицкий, Писаревский (низовья р. Воронеж), Вязовский и Ново-Никольский (Верхний Дон) курганные могильники, давшие массовый материал, а значит, и представление о культуре лесостепного населения сарматского времени. Благодаря этим раскопкам были получены многочисленные находки лепной и гончарной посуды I-III вв. [16]. Итогом этой работы стала защита А.П. Медведевым кандидатской диссертации «Лесостепное Подонье в сарматское время» [17], затем выход в свет первой книги по истории сарматов в лесостепи [24]. Она стала главным результатом второго этапа изучения сарматских памятников на р. Воронеж и Верхнем Дону. В ней были собраны и опубликованы все известные на то время материалы погребений сарматского времени на Верхнем Дону, а также выделена небольшая группа городищ, где были найдены постройки и материалы определенно сарматского времени. Так встал вопрос о важности изучения поселений, синхронных сарматским курганным могильникам.

Важно, что в результате открытия и изучения А.П. Медведевым погребальных памятников сарматов появился надежный археологический

индикатор для выделения в бассейне Верхнего Дона городищ и поселений – гончарная и лепная керамика. Благодаря этому рядом с некоторыми сарматскими могильниками были открыты городища с культурным слоем, датируемые широко в пределах I-III вв. н. э. Так появился новый источник, позволяющий изучить бытовую сторону жизни сарматов и местного оседлого населения, о взаимодействии кочевников с обитателями городищ [23, с. 64-65].

С конца 80-х годов А.П. Медведев проводит раскопки ряда городищ (Подгорное, Пекшево, Чертовицкие I, II, III, IV) и поселений (Староживотинное 3), содержащих материалы сарматского времени. Наиболее масштабные из них произведены на III Чертовицком городище, где широкой площадью впервые исследована система укреплений сарматского времени и изучена значительная часть культурного слоя. Напомним, что на этом городище открыты жилища сарматского времени, содержащие хорошо датированные материалы первых веков н.э. Они были опубликованы и дали исследователям представление о культуре оседлого населения этого времени, а также в дальнейшем широко использовались другими археологами для поиска поселенческих памятников [15, с. 233-255]. Следует также отметить, что в первой половине 80-х годов Славянским отрядом экспедиции ВГУ под руководством А. З. Винникова проводились раскопки Животинного городища, на котором были открыты материалы сарматского времени, в том числе остатки жилища [24, с. 171-174].

В 90-е годы выпускники кафедры археологии и истории древнего мира ВГУ продолжают изучение поселений и городищ в бассейне Верхнего Дона. В частности, Ю. Д. Разуваев в 1992-1993 году проводит небольшие, но важные археологические раскопки на городище Иштутино на р. Красивая Меча, где была получена коллекция гончарных и лепных сосудов, а также датирующие материалы. Сравнительный анализ керамики показал ее сходство с материалами, обнаруженными в Вязовском и Ново-Никольском могильниках позднесарматского времени [35, с. 85-96].

В 1987 г. на базе Липецкого государственного педагогического института формируется археологический отряд (руководитель А. Н. Бессуднов), который активно проводил археологические обследования территории Липецкой области [4]. За несколько лет (1987-1996 гг.) было открыто более четырехсот новых памятников. Часть из них изучались раскопками, в ходе которых выявлены и материалы сарматского времени (городища Липецкое и Сырское; поселения Курино 1, Студеновка 3, Замятино 14 и др.).

В это же время выявляются материалы сарматского времени и на соседних водораздельных

территориях: верховья р. Сейм в Курской области (Ратское городище – раскопки В. В. Енукова, материалы интерпретированы А. П. Медведевым), р. Оскол Белгородской области (городище Холки – раскопки А. З. Винникова), а также и на территории Поволжья – в Саратовской и Самарской областях (Алексеевское городище, Царев Курган и др.) [6, с. 393-403; 12, с. 253-257].

В 1993-2000 гг. И. Е. Бирюковым раскапывалось Сырское городище в черте г. Липецка, где исследованы две постройки сарматского времени, получена большая коллекция находок [5].

В 1998 году издан сборник статей, посвященный памятникам первой половины I тысячелетия н.э., где впервые были обобщены имеющиеся на тот момент материалы первых веков и высказана точка зрения об особой группе поселенческих памятников этого времени [2]. Сборник подвел определенные итоги и задал направление дальнейшего научного поиска.

Третий этап наступил с начала 2000-х гг. В начале века активно изучаются памятники в верховьях р. Дон (И. Е. Бирюков, Ю. Д. Разуваев, А. Н. Бессуднов, Г. Л. Земцов, А. М. Обломский и др.) и на р. Воронеж (Д. В. Акимов). На основе совокупности полученных данных И. Е. Бирюковым предложено выделять три зоны концентрации памятников интересующего нас времени: 1. – бассейн р. Воронеж (Рис. 2); 2 – северо-западная часть Липецкой области (участок р. Дон и Красивая Меча) (Рис. 3); 3 – бассейн р. Быстрая Сосна [7, с. 111]. Позднее им были уточнены как границы зон распространения памятников первых веков н.э., так и конкретизированы их названия – Нижневоронежский, Средневоронежский, Северо-Западный и Центральный [8, с. 89].

На этом этапе, с одной стороны, продолжилось накопление материалов сарматского времени с поселений Верхнего Подонья, а с другой, расширилась география поиска памятников благодаря обследованию Тамбовской и Тульской областей. Публикуются материалы первых веков нашей эры, активно дискутируются вопросы их археологического наименования, культурной принадлежности и хронологии.

В тоже время следует отметить, что в последние годы явно снижается активность в изучении памятников первых веков. И в то же время всё больше поселений открывается в рамках проведения охранных археологических работ. Выявление и изучение сарматских древностей первых веков на разных участках Верхнего Дона продолжают вести Ю. Д. Разуваев, А. М. Обломский, Г. Л. Земцов, В. О. Гончаров и др. [27, с. 23-34; 11, с. 35-40].

В 2008 г. выходит монография А. П. Медведева «Сарматы в верховьях Танаиса», где автор подводит итоги многолетним исследованиям как погребальных, так и поселенческих памятников

на Верхнем Дону [23]. Им проведен сравнительный анализ материалов курганных могильников и верхнедонских городищ первых веков н.э., выявлена специфика хозяйственно-культурного типа лесостепных сарматов. А. П. Медведев выделяет три хронологических группы и четыре локальных варианта памятников сарматского времени в Донской лесостепи, два из них на Воронеже и Верхнем Дону. Целая глава посвящена городищам сарматского времени на Верхнем Дону и Воронеже. Отметим, что А.П. Медведевым предложена целостная концепция истории населения региона со II в. до н.э. по III в. н.э. [23, с. 102-110]. В качестве приложения к монографии публикуются и анализируются материалы Липецкого кургана, содержащего элитарное захоронение сарматки «царского» ранга [23, с. 116-125].

В 2019 году Ю. Д. Разуваев обобщил информацию об имеющихся городищах раннего железного века и попытался их систематизировать [34, с. 152-153]. Проанализировав их укрепления на территории лесостепного Подонья, автор пришел к выводу, что памятников с фортификациями, относящихся надежно к сарматскому времени, не более восьми (I и III Чертовицкое, Подгорное, Вертячьё, Малый Липяг, Сырское, Ксизово, Рябинки) и четыре – под вопросом (Ленино, Дубики, Александровка, I Белогорское). Следует отметить, что на некоторых городищах были заложены только шурфы, а линии укреплений не изучались, поэтому автор не решился уверенно соотносить их с оборонительной функцией, вследствие чего и не включил их в общую статистику (Каверинское, Манино и др.). Кроме этого, Ю.Д. Разуваевым не были включены в число памятников сарматского времени и такие городища как Ишутинское, Паженьское, Липецкое и др.

По нашим данным, всего городищ, где зафиксированы поселенческие материалы сарматского времени, не менее двадцати [8, с. 89]. Большинство из них локализуется в нижнем и среднем течении р. Воронеж. На всех городищах, за исключением Вертячьёго и III Чертовицкого, валы и рвы обустроивались на ранее сооруженных укреплениях скифского времени. Практически все укрепленные поселения расположены на правых высоких берегах рек (исключение Каверинское городище). По размерам площадок и наличию построек, а также концентрации находок, исследованные городища первых веков можно условно разделить на два типа. Первые – небольшие по площади с простой линией укреплений, состоящие из вала и рва – они являлись местом проживания небольшой группы людей или могли быть сторожевым (наблюдательным) пунктом. Вторые – более крупные со сложными линиями укреплений, которые включают в себя несколько

валов и рвов), они могли быть общинным центром округи, а некоторые большие городища со слабым культурным слоем могли являться убежищем для скота в случае опасности.

Неукрепленных поселений сарматского времени на Верхнем Дону сейчас известно более двухсот. Установлено, что значительное их число располагались на высоких участках террас и коренных берегов рек, гораздо меньше в поймах. В количественном отношении преобладают небольшие поселения со слабонасыщенным культурным слоем, при этом наблюдаются зоны концентрации их вокруг некоторых крупных городищ – видимо остатков территориальных общин. Это скорее временные стоянки. Раскопки отдельных из них выявили наличие небольшого количества находок, практически отсутствуют постройки, что дополнительно свидетельствует об их кратковременном характере.

Представляет большой научный интерес и развернувшиеся с 90-х годов прошлого столетия дискуссия между А. П. Медведевым и А. М. Обломским об интерпретации памятников оседлости сарматского времени. Итоги спора нашли отражение на страницах журнала «Краткие сообщения института археологии» [28; 18]. В частности, А.М. Обломский, опираясь на сходный, по его мнению, керамический материал с территории Верхнего Дона и Днепра (в первую очередь острореберных и округлобоких мисок), а также на единичные краниометрические данные, высказал мнение о захвате сарматами в плен отдельных представителей позднесарматских племен, от которых к кочевникам и попадала характерная острореберная столовая посуда [28, с. 48-55]. В свою очередь, А. П. Медведев не согласился с доводами оппонента и убедительно обосновал своё видение данной проблемы. Соглашаясь с фактом внешнего сходства некоторых типов горшков и мисок сарматского времени с территории Верхнего Подонья и позднесарматской культуры, связывает появление последних с традициями лесостепной культуры скифского времени в бассейнах Днепра и Дона. Выстроенный А.П. Медведевым типологический ряд керамической коллекции городища Пекшево, позволил ему проследить истоки керамической традиции первых веков нашей эры [18, с. 56-59]. Следует указать, что позднее А. М. Обломский, изучая фибулы, происходящие с поселений на Верхнем Дону, признал, что все их типы тяготеют к южному кочевническому сарматскому миру, а не к позднесарматской культуре [30, с. 150].

До открытия массива поселенческих памятников сарматского времени на Верхнем Дону, в качестве рабочего названия А. П. Медведевым предложено понятие «верхнедонские курганные могильники позднесарматского времени». Позд-

нее он же обосновал его расширение до «верхнедонских могильников и городищ позднесарматского времени», не выделяя при этом культуры или локального варианта [23, с. 114]. В то же время А. М. Обломский предложил называть памятники этого времени типом III Чертовицкого городища, ввиду того, что на нем были обнаружены яркие материалы сарматского времени, а проживающее местное население называл скифидным или позднескифским [31, с. 235-246].

Заметим, что термин «позднескифские памятники» относится к городищам и могильникам предгорного Крыма и степного Нижнего Поднепровья, в связи с чем включение верхнедонских древностей в этот же ареал требует дополнительного обоснования, а его не последовало. К тому же пока так и не доказана принадлежность даже более ранних городищ среднедонской культуры скифского времени с собственно скифами [22]. Встречается в публикациях и отчетах А. М. Обломского и термин «раннеримское время», который он использует по отношению к курганным могильникам и поселениям сарматского времени в Верхнем Подонье, что также вряд ли правомерно ввиду очень большой удаленности Римской империи от собственно территории Верхнего Дона. В то же время вслед за А. П. Медведевым напомним, что в отличие от далекого Рима на р. Воронеж и Верхнем Дону в начале н.э. сарматы были исторической реальностью [14]. Поэтому, на наш взгляд, правомернее использовать устоявшуюся периодизацию «среднесарматское время», «позднесарматское время» с соответствующими хронологическими рамками. Термин же «памятники типа III Чертовицкого городища» А.М. Обломским позже стал применяться к поселениям более позднего гуннского периода в связи с открытием в верхнем слое данного памятника материалов IV-V вв. [31]. В 1999 году А. П. Медведев сделал попытку подвести итог работе по изучению древностей раннего железного века. Исследователь поднял вопрос о датировке культур и их названии. Обосновывая неправомерность термина А. М. Обломского «позднеримское время» (которое идет вслед за позднесарматской культурой), А. П. Медведев предлагает называть памятники 2-й четверти – середины I тыс. н.э. «постсарматскими» [19, с. 17-21].

В качестве нейтрального названия И. Е. Бирюковым был введен термин «постскифские памятники», однако, А.М. Обломский его не принял, апеллируя своим понятием. В 2017 году А. М. Обломский предложил называть городища оседлого населения первых веков нашей эры «памятниками типа Иштутино», так как на этом памятнике были выявлены достаточно выразительные материалы [26, с. 323]. По-нашему же мнению, выделение из общего массива единственного памятника II – нач.

III вв. н.э., не вполне обосновано, так как он исчерпывающе не характеризует данный хронологический промежуток существования верхнедонских городищ и поселений.

В 2019 году А. М. Воронцовым и Е. В. Столяровым была поддержана позиция А. М. Обломского. Но в отличие от последнего, исследователи выделили типы по наличию групп керамики – «тип Иштутинского городища» (округлобокие горшки с плавно отогнутым венчиком) и «тип Липецкого городища» (горшки с раструбообразными венчиками с насечками). К сожалению, выделение двух керамических традиций не подкрепляется в работе авторов сравнительным иллюстративным рядом образцов керамики, а датировка верхнедонских памятников ограничена I-II вв. н.э. [10, с. 70]. На своеобразии керамического комплекса Иштутинского городища также обращали внимание Ю. Д. Разуваев и А. П. Медведев. Но использовать в качестве эпонимного памятника Липецкое городища нам представляется не уместным в виду многослойности этого памятника, так как главное – двумя десятилетиями раньше более представительный керамический комплекс с доминирующим типом горшков с раструбовидным верхом с III Чертовицкого городища был опубликован А. П. Медведевым [16].

В 2020 году А. М. Обломский на основании изучения памятников верхневоронежской группы под г. Мичуринском уточнил свои позиции по датировке поселенческих древностей сарматского времени. Он предложил считать начальной датой культуры II в. до н.э., а заключительной – II в. н.э. [29, с. 378]. Ранняя дата культуры очень размыта, отдельные небольшие находки амфор с III Чертовицкого городища символизировали только ее зарождение, однако, находок этого времени в слое не обнаружено [23, с. 71]. Возможно, амфорный материал связан с финальным рубежом скифской эпохи на Верхнем Дону. В то же время считаем, что единичные находки фибул из многослойных памятников, на наш взгляд, не являются надежным основанием для датировки культуры до рубежа н.э.

В 2020 году И. Е. Бирюков предложил называть пласт поселенческих и погребальных памятников I в. до н.э. – нач. III в. н.э. верхнедонской группой. Приняв во внимание мнение А. М. Обломского, А. М. Воронцова и Е. В. Столярова, исследователь разделяет ее на два типа – 1) Иштутино и 2) III Чертовицкого и Сырского городищ.

Эти типы, по его мнению, различаются не только набором лепной керамики (одна восходит к традициям среднедонской культуры скифского времени, другая – к позднескифским), но и наличием датирующих вещей [6, с. 394].

До получения дополнительных максимально данных о памятниках первых веков н.э. на территории лесостепного Подонья, мы пока воздержимся от принятия названий, предложенных предшественниками, ограничившись вышеизложенными критическими соображениями. Но, исходя из наиболее устоявшейся в сарматской археологии периодизации и с учетом очевидного вхождения верхнедонского населения в «Сарматский мир», нам наиболее близко определение, предложенное А. П. Медведевым [25, с. 44], расширив его до «городища и могильники сарматского времени».

Завершая историографический обзор изучения бытовых памятников на Верхнем Дону и Воронеже считаем важным обратить внимание на изданный в 2022 г сборник статей, посвященный исследованиям городищ и поселений рубежа эр и первых веков нашей эры. Большинство из них посвящено древностям Верхнего Подонья – территории современных Липецкой и Тамбовской областей [3]. В него включены результаты исследований последних лет, которые, тем не менее, пока не дают оснований говорить о завершении третьего этапа в изучении этой проблематики. Однако, явственно определились основные направления дальнейшего исследования.

Заключение (выводы). Несмотря на различия подходов к делению на разные группы памятников оседлого населения первых веков н.э. на Верхнем Дону и их терминологический разницей, все исследователи сходятся во мнении о необходимости создания обобщающего свода, который бы позволил разрешить накопившиеся проблемы и расхождения в интерпретации древностей этого времени. К тому же многие памятники, раскопки которых приводилось в 80-90-е гг. прошлого столетия, не были опубликованы полностью. До сих пор нет пока и обобщающих работ по некоторым ярким памятникам, изученным широкими площадями. Настало время написания итогового исследования по городищам и поселениям сарматского времени бассейна Верхнего Дона.

Список литературы

1. Акимов Д.В., Медведев А.П. Керамический комплекс верхнедонских поселений типа III Чертовицкого городища // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2002. С. 159-172.
2. Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Ответственный редактор А. П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998. 200 с.
3. Археологическое наследие / Ответственный редактор А.М. Воронцов. – №1(5). – Воронеж:

ИПЦ «Научная книга», 2022. 218 с.

4. Бессуднов А.Н., Ивашов М.В. Археологические исследования Липецкого государственного педагогического института за 20 лет (материалы к археологической карте) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. Бессуднов А.Н. Липецк: ЛГПИ, 1999. С. 217-231.

5. Бирюков И.Е. Материалы сарматского времени с Сырского городища в Верхнем Подонье // Древности Волго-Донских степей: Сб. науч. ст. Выпуск 6. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1998. С. 94-100.

6. Бирюков И.Е. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы. Номер журнала посвящен 70-летию юбилею профессора Александра Павловича Медведева. № 1(3). Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2020. С. 393-403.

7. Бирюков И.Е. Поселения первых веков нашей эры на Верхнем Дону // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк: Липецкий государственный педагогический институт, 1999. С. 110-112.

8. Бирюков И.Е. Среднее течение р. Воронеж в первые века н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001. С. 89-108.

9. Воронина Р.Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское // КСИА. 1982. Выпуск 170. С. 87-89.

10. Воронцов А.М., Столяров Е.В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. 2019. №4. С. 51-74.

11. Гольшкин А.О. Отчет об археологической разведке в Задонском районе Липецкой области в 2021 году. Архив ИА РАН. Р.-1. №72094. Т. 1. Липецк, 2022. 83 с.

12. Енуков В.В., Медведев А.П. О новом типе поселений в бассейне р. Сейм // Stratum plus. № 4. Кишинев, 2003. С. 253-257.

13. Левенок В.П. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА. 1973. Выпуск 133. С. 86-93.

14. Медведев А. П. Сарматы-гиппофаги // Нижневолжский археологический вестник. 2000. № 3. С. 129-132.

15. Медведев А.П. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 233-255.

16. Медведев А.П. Керамика сарматского времени лесостепного Подонья // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 93-111.

17. Медведев А.П. Лесостепное Подонье в сарматское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Л., 1983. 22 с.

18. Медведев А.П. О культурной принадлежности лепной керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 56-59.

19. Медведев А.П. Опыт разработки региональной системы хронологии и периодизации памятников раннего железного века лесостепного Подонья // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тезисы докладов научной конференции. Липецк: Издательство ЛГПИ, 1999. С. 17-21.

20. Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета по исследованию памятников раннего железного века за 1979 год. Архив ИА РАН. Р.-1. №7447. Воронеж, 1980. 44 с.

21. Медведев А.П. Отчет отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета по исследованию памятников раннего железного века в 1980 году. Архив ИА РАН. Р.-1. №7806. Воронеж, 1981. 190 с.

22. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья: археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

23. Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: «Таус», 2008. 252 с.

24. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.

25. Медведев А.П. Этнокультурные процессы на верхнем Дону в сарматское время (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 1. С. 33-45.

26. Обломский А.М. Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск: Изд-во "Свиток", 2017. С. 312-344.

27. Обломский А.М. Новые памятники первых веков нашей эры в Верхнем Подонье // Старожитності Лівобережного Подніпров'я: Збірник наукових праць і матеріалів X науково-практичного

семинару «Охорона та дослідження пам'яток археології» (м. Комсомольськ, 14-16 серпня 2010 р.). Київ-Полтава, 2010. С. 23-35.

28. Обломский А.М., Томашевич Т.В. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 48-55.

29. Обломский А.М. Позднескифские материалы конца I тыс. до н.э. и первых вв. н.э. из верховьев р. Воронеж // Stratum plus. 2020. №4. С. 365-380.

30. Обломский А.М. Фибулы Днепровского лесостепного левобережья и Подонья раннеримского времени. Проблема связей оседлого населения // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 139-159.

31. Обломский А.М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеимское время // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии, Новгород, 26–31 августа 1996 года. Новгород: Институт археологии Российской академии наук, 1997. С. 235-246.

32. Пряхин А. Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Выпуск 1. Воронеж: ВГУ, 1997. 43 с.

33. Пряхин А. Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Выпуск 2. Воронеж: ВГУ, 1997. 44 с.

34. Разуваев Ю.Д. История изучения городищенских фортификаций эпохи раннего железа в лесостепном Подонье // Археологическое наследие. №1(2). Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2019. С. 146-158.

35. Разуваев Ю.Д. Иштутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья в первой половине I тысячелетия н.э. / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 85-96.

36. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова; под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского; [предисл. В. Семенова]. – СПб. : А. Ф. Девриен, 1902.

37. Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. – II в. н.э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. №3. С. 33-44.

THE HISTORY OF THE STUDY OF SETTLEMENT MONUMENTS OF THE SARMATIAN PERIOD IN THE FOREST-STEPPE REGION

The article reveals the history of the study of hillforts and settlements of the first centuries AD on the Upper Don. The author substantiates the identification of three chronological stages in the history of settlement archeology of the Upper Don region. The first of them is associated with pre-revolutionary studies of local history societies, as well as with the work of the Upper Don expedition in the Lipetsk region and the expedition of the Voronezh State University in the Voronezh region. At this time, the process of accumulation of material from the first centuries took place, and its interpretation was limited to the term "early Iron Age". The second stage of research began in 1978 with the creation of the Scythian-Sarmatian brigade of VSU (A.P. Medvedev) and its targeted study of burial mounds and settlements of the Sarmatian period in the forest-steppe Don region. During the same period, work was carried out by the LGPI expedition (A.N. Bessudnov), State Directorate for the Protection of Cultural Heritage of the Lipetsk Region (I. E. Biryukov, I. A. Kozmirchuk), as well as employees of the Department of Archaeology and History of the Ancient World of VSU (Yu. D. Razuvaev, M. V. Tsybin, A. S. Savrasov, A. D. Pryakhin, N. A. Tropin, etc.). The third stage is distinguished by the work of both scientific expeditions (A. M. Oblomsky, I. E. Biryukov, G. L. Zemtsov, Yu. D. Razuvaev, D. V. Akimov, etc.) and protective archaeological excavations. Discussions on the identification of groups of hillforts and settlements of the Sarmatian period are considered, and controversial issues of their dating are identified. From the historiographical analysis of the current state of the problem, further directions of its research logically follow: highlighting the cultural uniqueness of the settlements of the Upper Don and, especially, their chronology.

Keywords: forest-steppe Don region, Upper Don, Sarmatians, settlements, hillforts

References

1. Akimov D.V., Medvedev A.P. (2002). Keramicheskiy kompleks verkhnedonskikh poseleniy tipa III Chertovitskogo gorodishcha [The Upper Don settlements' ceramic complex of type III of the Chertovitsky settlement] // Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Yevropy [Archaeological sites of Eastern Europe]. Voronezh: University Press. P. 159-172.

2. Arheologicheskie pamyatniki Verhnego Podon'ya pervoy poloviny I tysyacheletiya n.e. [Archaeological sites of the Upper Don region of the first half of the 1st millennium AD.] (1998) / Ed. A.P. Medvedev. Voronezh: University Press. 200 p.

3. Arheologicheskoe nasledie [Archaeological Heritage] (2022) / Ed. A.M. Voroncov. – №1(5). – Voronezh: « Science Book Publishing House». 218 p.

4. Bessudnov, A.N., Ivashov, M.V. (1999). Arheologicheskie issledovaniya Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta za 20 let (materialy k arheologicheskoy karte) [Archaeological research of the Lipetsk State Pedagogical Institute for 20 years (materials for the archaeological map)] // Arheologiya Central'nogo Chernozem'ya i sopredel'nyh territorij: Tezisy dokladov nauchnoj konferencii [Archeology of the Central Black Earth Region and adjacent territories: Abstracts of scientific conference reports] / Ed. A.N. Bessudnov. Lipetsk: University Press. P. 217-231.

5. Biryukov, I.E. (1998). Materialy sarmatskogo vremeni s Syrskogo gorodishcha v Verhnem Podon'e [Artifacts of the Sarmatian period from the Syrskoye settlement in the Upper Don region] // *Drevnosti Volgo-Donskih stepej: Sb. nauch. st.* [Antiquities of the Volga-Don steppes: Collection of scientific art.]. Edition 6. Volgograd: University Press. P. 94-100.
6. Biryukov, I.E. (2020). Pozdneskifskij gorizont v lesostepi ot Dnepra do Volgi [Late Scythian horizon in the forest-steppe from the Dnieper to the Volga] // *Arheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty. Nomer zhurnala posvyashchen 70-letnemu yubileyu professora Aleksandra Pavlovicha Medvedeva* [Archaeological heritage. Antiquity. Scythians. Sarmatians. The magazine issue is dedicated to the 70th anniversary of Professor Alexander Pavlovich Medvedev]. № 1(3). Voronezh: «Science Book Publishing House». P. 393-403.
7. Biryukov, I.E. (1999). Poseleniya pervyh vekov nashey ery na Verhnem Donu [Settlements of the first centuries AD on the Upper Don] // *Arheologiya Central'nogo Chernozem'ya i sopredel'nyh territorij. Tezisy dokladov nauchnoj konferencii* [Archeology of the Central Black Earth Region and adjacent territories: Abstracts of scientific conference reports]. Lipetsk: University Press. P. 110-112.
8. Biryukov, I.E. (2001). Srednee techenie r. Voronezh v pervye veka n.e. // *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik* [The middle course of the Voronezh River in the first centuries AD.] // *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik* [The Upper Don archaeological collection]. Edition 2.: University Press. P. 89-108.
9. Voronina, R.F. (1982). Sarmatskij mogil'nik u s. Novo-Nikol'skoe [Sarmatian burial ground near the village of Novo-Nikolskoye] // *KSIA* [Brief reports of the Institute of Archeology]. Edition 170. P. 87-89.
10. Voroncov, A.M., Stolyarov, E.V. (2019). Vojna I veka na granice lesnoj zony: Oksko-Donskoj vodorazdel [The 1st Century War on the Border of the Forest Zone: the Oka-Don watershed] // *Stratum plus*. №4. Kishinev. P. 51-74.
11. Golyshkin, A.O. (2022). Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Zadonskom rajone Lipeckoj oblasti v 2021 godu [Report on archaeological exploration in the Zadonsky district of the Lipetsk region in 2021]. Archive of IA RAS. P.-1. №72094. V. 1. Lipetsk. 83 s.
12. Enukov, V.V., Medvedev, A.P. (2003). O novom tipe poselenij v bassejne r. Sejm [About a new type of settlements in the Seim River basin] // *Stratum plus*. № 4. Kishinev. P. 253-257.
13. Levenok, V.P. (1973). Novo-Nikol'skij mogil'nik sarmatskogo vremeni na Verhnem Donu [Novo-Nikolsky burial ground of the Sarmatian period on the Upper Don] // *KSIA* [Brief reports of the Institute of Archeology]. Edition 133. P. 86-93.
14. Medvedev, A.P. (2000). Sarmaty-gippofagi [Hippophagous Sarmatians] // *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga archaeological bulletin]. № 3. Volgograd: University Press. P. 129-132.
15. Medvedev, A.P. (2000). Arheologicheskie materialy o prisutstvii sarmatov na lesostepnyh gorodishchah [Archaeological materials on the presence of Sarmatians in forest-steppe settlements] // *Sarmaty i ih sosedi na Donu: Materialy i issledovaniya po arheologii Dona* [Sarmatians and their neighbors on the Don: Materials and research on the archeology of the Don]. Edition 1. Rostov-on-Don: LLC "Terra"; SPC «Hephaestus». P. 233-255.
16. Medvedev, A.P. (1987). Keramika sarmatskogo vremeni lesostepnogo Podon'ya [Ceramics of the Sarmatian time of the forest-steppe Don region] // *Arheologicheskie pamyatniki epohi zheleza vostochnoevropejskoj lesostepi* [Archaeological sites of the Iron Age of the Eastern European forest-steppe]. Voronezh: University Press. P. 93-111.
17. Medvedev, A.P. (1983). Lesostepnoe Podon'e v sarmatskoe vremya: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06. [Forest-steppe Don region in Sarmatian times: Abstract of the dissertation]. Leningrad. 22 p.
18. Medvedev, A.P. (1993). O kul'turnoj prinadlezhnosti lepnoj keramiki iz pogrebenij sarmatskogo vremeni donskoj lesostepi [About the cultural affiliation of molded ceramics from Sarmatian burials in the Don forest-steppe] // *KSIA* [Brief reports of the Institute of Archeology]. Edition 207. P. 56-59.
19. Medvedev, A.P. (1999). Opyt razrabotki regional'noj sistemy hronologii i periodizacii pamyatnikov rannego zheleznoogo veka lesostepnogo Podon'ya [Experience in developing a regional system of chronology and periodization of Early Iron Age monuments in the forest-steppe Don region] // *Arheologiya Central'nogo Chernozem'ya i sopredel'nyh territorij: tezisy dokladov nauchnoj konferencii* [Archeology of the Central Black Earth Region and adjacent territories: Abstracts of scientific conference reports]. Lipetsk: University Press. P. 17-21.
20. Medvedev, A.P. (1980). Otchet otryada arheologicheskoy ekspedicii Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta po issledovaniyu pamyatnikov rannego zheleznoogo veka za 1979 god [Report of the Voronezh State University archaeological expedition team for the study of early Iron Age monuments for 1979]. Archive of IA RAS. P.-1. №7447. Voronezh. 44 s.
21. Medvedev, A.P. (1981). Medvedev, A.P. (1981). Otchet otryada arheologicheskoy ekspedicii Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta po issledovaniyu pamyatnikov rannego zheleznoogo veka v 1980 godu [Report of the Voronezh State University archaeological expedition team for the study of early Iron Age monuments in 1980]. Archive of IA RAS. P.-1. №7806. Voronezh. 190 s.

22. Medvedev, A.P. (1999). Rannij zheleznyj vek lesostepnogo Podon'ya: arheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. [Early Iron Age of the forest-steppe Don region: archeology and ethnocultural history of the 1st millennium BC.]. M.: Nauka. 160 p.
23. Medvedev, A.P. (2008). Sarmaty v verhov'yah Tanaisa [Sarmatians in the Upper Tanais]. M.: «Taus». 252 p.
24. Medvedev, A.P. (1990). Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya) [Sarmatians and forest-steppe (based on materials from the Don region)]. Voronezh: University Press. 220 p.
25. Medvedev, A.P. (2006). Etnokul'turnye processy na verhnem Donu v sarmatskoe vremya (II v. do n. e. – III v. n. e.) [Ethnocultural processes on the Upper Don in Sarmatian times (II century BC – III century AD)] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.]. № 1. Voronezh: University Press. P. 33-45.
26. Oblomskij, A.M. (2017). Materialy rannerimskogo vremeni na poselenii YArrok-9 v verhov'yah r. Voronezh [Early Roman materials from the settlement of YArrok-9 in the upper of the Voronezh River] // De mare ad mare. Arheologiya i istoriya: sbornik statej k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archeology and history: collection of articles for the 60th anniversary of N.A. Krenke]. Smolensk: Publishing house "Svitok". P. 312-344.
27. Oblomskij, A.M. (2010). Novye pamyatniki pervyh vekov nashej ery v Verhnem Podon'e [New sites of the first centuries AD in the Upper Don region] // Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovy'a: Zbirnik naukovih prac' i materialiv H naukovu-praktichnogo seminaru «Ohorona ta doslidzhen-nya pam'yatok arheologii» (m. Komsomol's'k, 14-16 serpnja 2010 r.) [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper Region: Collection of Scientific Papers and Materials of the 10th Scientific and Practical Seminar "Protection and Research of Archaeological Monuments» (Komsomolsk, August 14-16, 2010)]. Kyiv-Poltava. P. 23-35.
28. Oblomskij, A.M., Tomashevich, T.V. (1993). O kontaktah pozdnezarubineckogo naseleniya vodorazdela Dnepra i Dona s sarmatami Podon'ya [On the contacts of the Late Zarubinec population of the Dnieper and Don watershed with the Sarmatians of the Don region] // KSIA [Brief reports of the Institute of Archeology]. Edition. 207. P. 48-55.
29. Oblomskij, A.M. (2020). Pozdneskifskie materialy konca I tys. do n.e. i pervyh vv. n.e. iz verhov'ev r. Voronezh [Late Scythian Materials of the End of the I millennium BC – First Centuries AD from Headwaters of the Voronezh River] // Stratum plus. №4. Kishinev. P. 365-380.
30. Oblomskij, A.M. (2021). Fibuly Dneprovskogo lesostepnogo levoberezh'ya i Podon'ya rannerimskogo vremeni. Problema svyazej osedlogo naseleniya [Fibulae of the Dnieper forest-steppe left bank region and the Don region during the early roman period. Issues of the contacts maintained by the sedentary population] // KSIA [Brief reports of the Institute of Archeology]. Edition. 265. P. 139-159.
31. Oblomskij, A.M. (1997). Etnicheskaya situaciya v lesostepnom Podon'e v pozdnerimskoe vremya [Ethnic situation in the forest-steppe Don region in late Roman times] // Problemy slavyanskoj arheologii: Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoj arheologii, Novgorod, 26–31 avgusta 1996 goda [Works of the VIth International congress of slavic archaeology, Novgorod, August 26–31, 1996]. Novgorod: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. P. 235-246.
32. Pryahin, A.D., Besedin, V.I., Razuvaev, YU.D., Cybin, M.V. (1997). Izuchenie mikroregiona pamyatnikov u severnoj okrainy g. Voronezha [Study of the microregion of monuments near the northern outskirts of Voronezh]. Edition 1. Voronezh: University Press. 43 p.
33. Pryahin, A.D., Besedin, V.I., Razuvaev, YU.D., Cybin, M.V. (1997). Izuchenie mikroregiona pamyatnikov u severnoj okrainy g. Voronezha [Study of the microregion of monuments near the northern outskirts of Voronezh]. Edition 2. Voronezh: University Press. 44 p.
34. Razuvaev, YU.D. (2019). Istoriya izucheniya gorodishchenskih fortifikacij epohi rannego zheleza v lesostepnom Podon'e [History of the study of fortifications of the hillforts of early iron age in forest-steppe region of the Don basin] // Arheologicheskoe nasledie [Archaeological heritage]. №1(2). Voronezh: «Science Book Publishing House». P. 146-158.
35. Razuvaev, YU.D. (1998). Ishutinskoe gorodishche na Krasivoj Meche [Ishutinskoye settlement on the Krasivaya Mecha River] // Arheologicheskie pamyatniki Verhnego Podon'ya v pervoj polovine I tysyacheletiya n.e. / Arheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi [Archaeological sites of the Upper Don region in the first half of the 1st millennium AD/ Archeology of the Eastern European forest-steppe]. Edition. 12. Voronezh: University Press. P. 85-96.
36. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkih lyudej (1902). [Russia. A complete geographical description of our Fatherland: a reference and travel book for Russian people] / edited by V. P. Semenov; under general hands P. P. Semenov and V. I. Lamansky; [preface by V. Semenov]. – St. Petersburg.: A. F. Devrien.
37. Smirnov, K.F. (1974). Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya i mezhdurech'ya Dona i Volgi v IV v. do n.e. – II v. n.e. (istoriko-arheologicheskij ocherk) [Sarmatians of the Lower Volga region and between the Don and Volga rivers in the 4th century. BC. – II century AD (historical and archaeological essay)] // SA [Soviet archeology]. №3. P. 33-44.

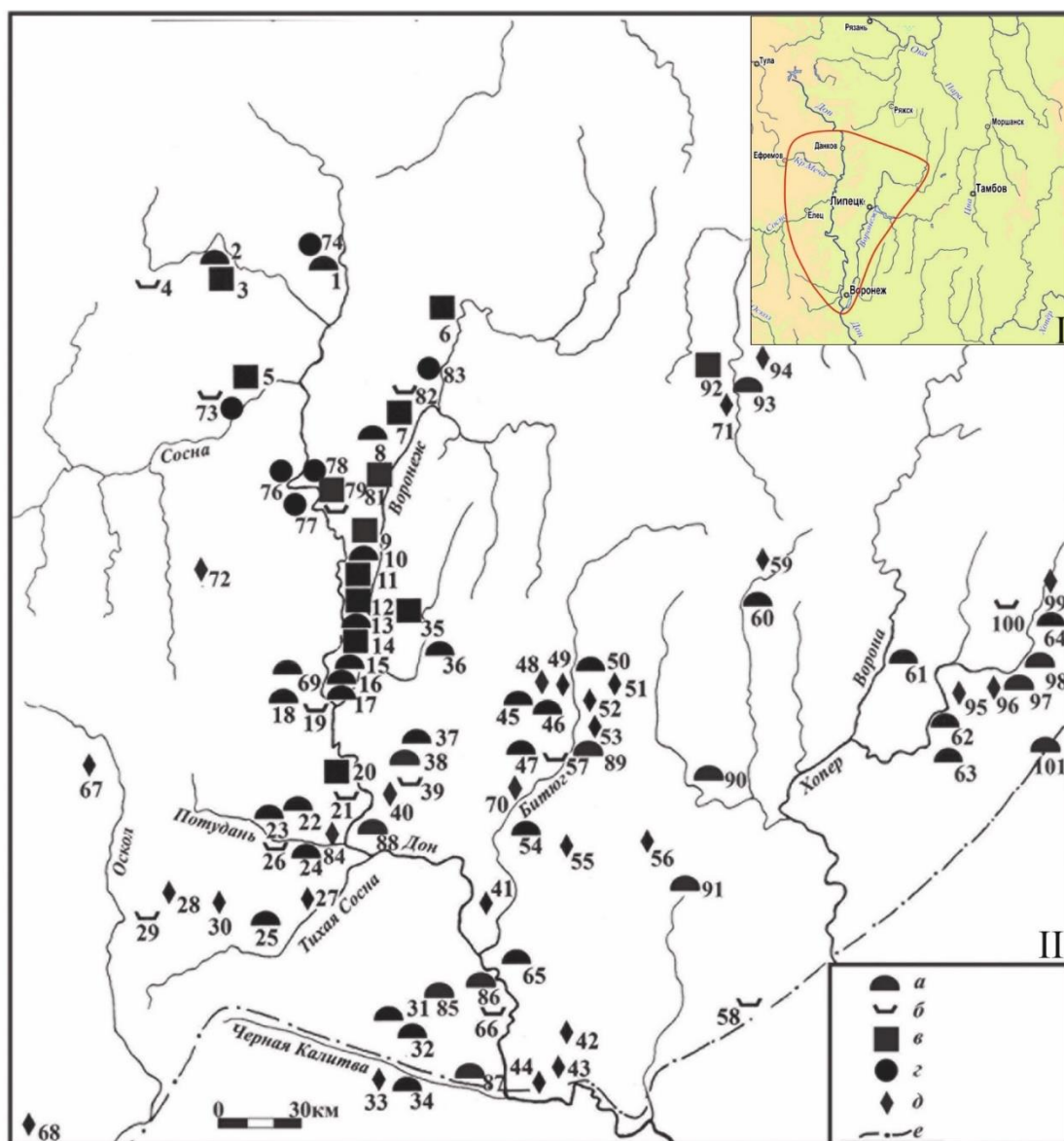

Рис. 1. Основные памятники сарматского времени лесостепного Подонья. I — карта с обозначенными границами поселенческих памятников сарматского времени в лесостепном Подонье, II — карта основных памятников сарматского времени лесостепного Подонья (по А.П. Медведеву, 2019. С. 176): 1 — Ново-Никольский могильник; 2 — Вязовский могильник; 3 — Ишутинское гор.; 4 — Кличино; 5 — Паженьское городище; 6 — Гудовское городище; 7 — Сырское городище; 8 — Княжеское погребение у южной окраины г. Липецк; 9 — Подгорное городище и могильник; 10 — Писаревский могильник; 11 — Пекшевское городище; 12 — Животинное городище; 13 — II Чертовицкий могильник; 14 — III Чертовицкое городище; 15 — I Чертовицкий могильник; 16 — Белая Гора; 17 — Сады; 18 — Богоявленское; 19 — Девица; 20 — Большое Сторожевое городище; 21 — Давыдовский клад; 22 — Рубцов; 23 — Заречье; 24 — Сасовка; 25 — Дуровка; 26 — погребение на Репьевском городище; 27 — Острогужск; 28 — Веселый; 29 — Мандрово; 30 — Расховец; 31 — Караяшник; 32 — Россошь; 33 — Базы; 34 — Архиповка; 35 — Каверинское городище; 36 — Усманский курган; 37 — Каширский; 38 — Левая Россошь; 39 — Ермоловка; 40 — Давыдовка; 41 — Антиповский клад; 42 — Русская Журавка; 43 — Нижний Мамон; 44 — Гороховка; 45 — Левашовка; 46 — Старая Тойда; 47 — Шишовка; 48 — Николаевка (Аннинская); 49 — Анна; 50 — Большие Ясырки; 51 — Островки; 52 — Моховое (Студенец); 53 — Новый Курлак; 54 — Красный-2; 55 — Бутуриновка; 56 — Сериково; 57 — Монастырка; 58 — Манино; 59 — Туголуково; 60 — Жердевка; 61 — Власовка; 62 — Третьяки; 63 — Ильмень; 64 — Таптулино; 65 — Александровка Донская; 66 — Верхний Карабут; 67 — Николаевка (Старооскольская); 68 — Клименковка; 69 — Дальние Солонцы; 70 — Липовка; 71 — Тамбов; 72 — Спасское; 73 — Цельковка 2 поселение и могильник; 74 — Пионерлагерь Солнечный 4; 75 — Скороварово 1; 76 — Каменка 1; 77 — Ксизово 17, 19; 78 — Нижнее Казачье 5; 79 — Верхнее Казачье гор.; 80 — Подгорное, могильник; 81 — Крутогорье городище; 82 — Липецк (Петровский Спуск), могильник; 83 — Большая Кузьминка; 84 — Ездочное (шлем); 85 — Луговой; 86 — Белогорье; 87 — Голубая Криница; 88 — Лосево; 89 — Новая Чигла; 90 — Сорокинский 3; 91 — Березовка; 92 — Голдым городище; 93 — Пичаево; 94 — Сосновка; 95 — Старый Хопер; 96 — Большой Мелик; 97 — Ключи; 98 — Машевка; 99 — Елань; 100 — Турки; 101 — Радущинка. а — курганы, б — грунтовые могилы, в — городища, г — поселения, д — случайные находки, е — южная граница лесостепи.

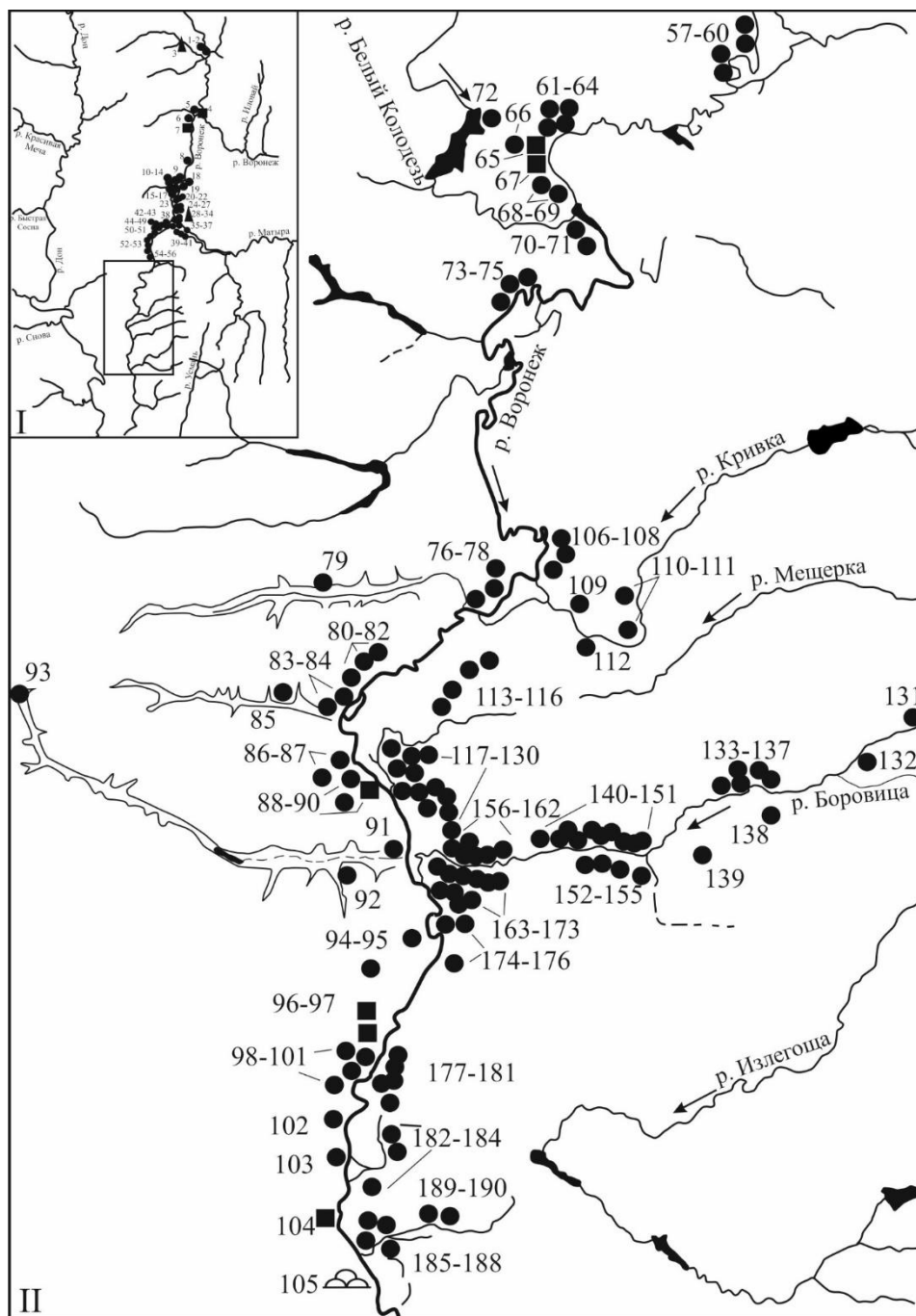

Рис. 2. Карта основных поселенческих памятников сарматского времени среднего и верхнего течения р. Воронеж (по И.Е. Бирюкову, 2001. С. 100-101): I — карта памятников сарматского времени верхнего течения р. Воронеж; II — карта памятников сарматского времени среднего течения р. Воронеж. 1-2 - Роцинский 5, 16; 3 - Журавинки; 4 - Ратчино (гор.); 5 - Делеховое; 6 - Студеновка 3; 7 - Гудово (гор.); 8 - Доброе; 9 - Филатовка, курган 2; 10-14 - Филатовка 2-6; 15-17 - Большая Кузьминка 1, 3, 4; 18 - ур. Бор (п. 90); 19 - Горицы (п. 91); 20 - ур. Калачик (п. 96); 21 - ур. Городище (п. 97); 22 - Шуркин бугор (п. 91); 23 - Желтые Пески 2; 24-27 - Сселки 12, 9, 5, 3; 28-34 - Сокольский мост 1-7; 35-36 - Мелкий брод 2 (п. 196), 3 (п. 197); 37 - профилакторий (п. 199); 38 - устье р. Матыра (п. 198); 39-41 - Новая жизнь (п. 214), Рыбное озеро 1 (п. 201); Рыбное озеро 2 (п. 202); 42-43 - Липецкое (гор.), Театральная площадь; 44-49 - Коровино 1-5, 7; 50-51 - Сырское (гор.), Сырское 3; 52-53 - Хрущевка 1, 6; 54-56 - Романово северное (гор.), Елецкое 4, Пады Романовские; 57-60 - Троицкое 7,8, 10,11; 61-64 - Большой Липяг 4, Крутогорье 1-3; 65 - Крутогорье 4; 66 - Малый Липяг (гор.); 67 - Крутогорье (гор.), 68-69 - Крутогорье 5,7; 70-71 - Пады 5,6; 72 - Боринское 3; 73-75 - Пады 2,3,4; 76-78 - Вербиллово 6,5,3; 79 - Круглынская балка 3; 80-82 - Малинино 3-5; 83-84 - Большой Мечек 1,2; 85 - Мечковская балка 2; 86-87 - Стерляговка 1 «а»,3; 88-90 - Вертячье 4, 3 (Вертячья гора 4,3), Вертячье (гор.); 91 - Курино 1; 92 - Курино 5; 93 - Блецкая Лозовка 1; 94-95 - Подгорное 1,4; 96-97 - Подгорное (гор.), Манино (гор.); 98-101 - у Манинского гор. 2,3, Манино 2,4; 102 - Синдякино 2; 103 - Воронежское Малинино 1; 104 - Сенное(гор.); 105 - Писаревский могильник; 106-108 - Гудовский кордон 6,5,2; 109 - устье р. Кривка 4; 110-111 - Колодецкое лесничество 5,6; 112 - Ур.Круча 1; 113-116 - Вербилловский кордон 6,7, Малининский кордон 2,7; 117-130 - оз.Клешня 1, ур. Пустошка 2-4, оз.Круглов 1,2,

устье р.Мещерка 2, оз.Круглое 1-3, оз.Долгое 1, Первомайское лесничество 1,2,4; 131 - Куликово 4; 132 - Куликово 10; 133-137 - Куликово 17, 21,22,23,25; 138 - Куликово 19; 139 - Боровое 7; 140-151 - Куликовский лесхоз 1,2,3, Лесохимучасток 1-3,5,6,8-10,13; 152-155 - Юшинский кордон 2,3,6,7; 156-162 - Лесохимучасток 18,19,20,22, устье р.Боровица 1,4,7; 163-173 - Барковский кордон 1,4-8, оз.Любовицкое 2,4,5, Барковский кордон 10, оз. Любовицкое 7; 174-176 - Савицкое 1,3,8; 177-181 - Излегоще 30, 3-6; 182-184 - Излегоще 14, 15, 26; 185-188 - устье р. Излегоща 5,1,2, Нелжа 2; 189-190-Юшинский заказник 11,14.

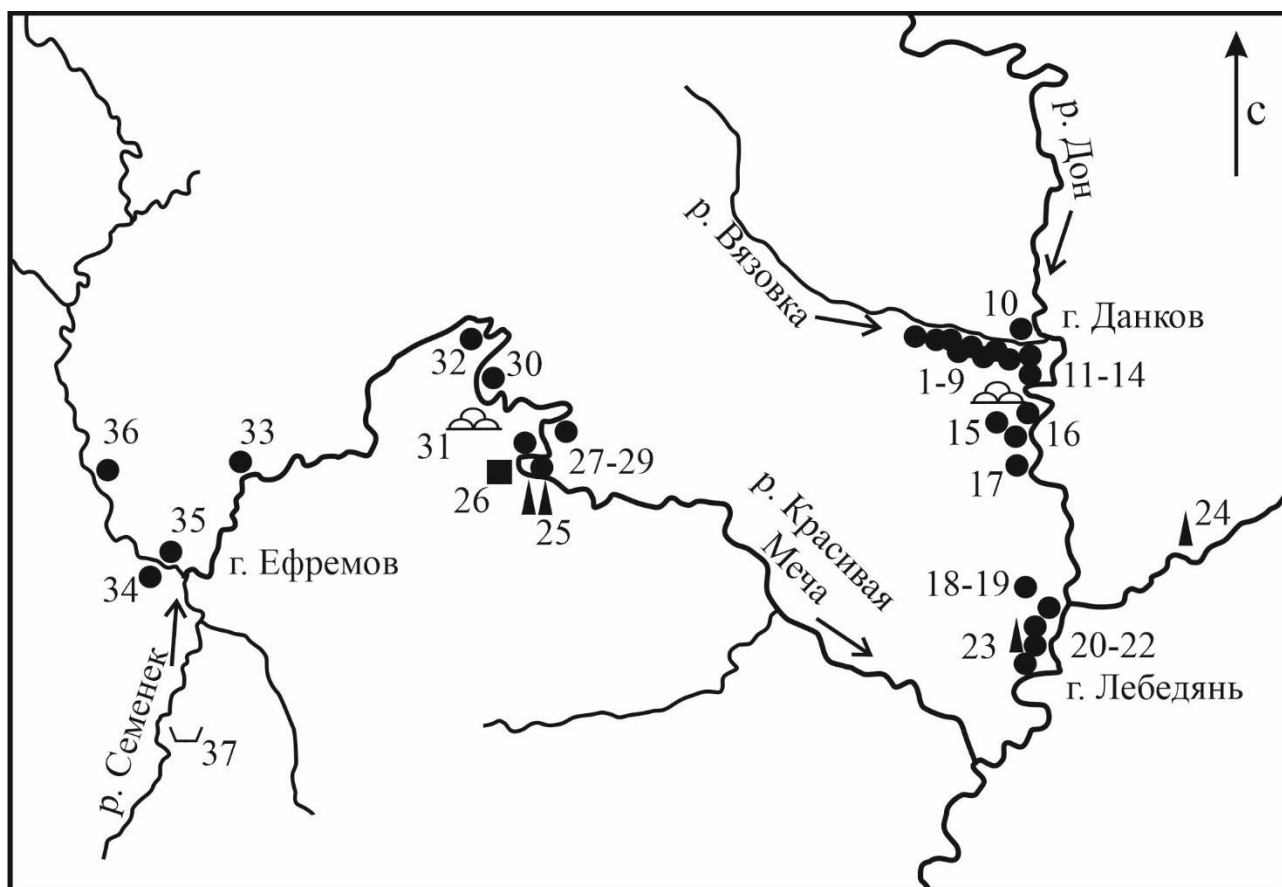

Рис. 3. Карта основных поселенческих памятников сарматского времени северо-западной части Верхнего Дона (по И.Е. Бирюкову, 2003. С. 289): 1, 2— Хвощевка 3, 4; 3— Пролетарский 1; 4— 6— п/л Солнечный 1, 2, 3; 7, 8— Барановка 1, 4; 9— Данков 2; 10— зап. окр. Данкова; 11— Анкина лощина; 12—14— Ново-Никольское 1; 15— Ново-Никольский могильник; 16— Сугробы 1; 17—Перехваль 1; 18— Старое Ракитино 6; 19— п/ф Лебедянская 6; 20— Лебедянь 3; 21—Тяпкина гора; 22— Покрово-Инвалидная 6; 23—р. Городянка; 24— с. Сезеново; 25— с. Ступино; 26— Иштутино (гор.); 27— Иштутино; 28— Круглое; 29— Шилово 2; 30— Вязово; 31— Вязовский могильник; 32— Красногорье; 33.— Чернятино; 34, 35— Красивый 1, 2; 36—Круглое; 37— Кличино.

Об авторе

Голышкин Александр Олегович – аспирант 2 курса кафедры археологии и истории Древнего мира Воронежского государственного университета, научный сотрудник ООО НПЦ «Черноземье», E-mail: 11.10.48@mail.ru

Golyshkin Alexander Olegovich – 2nd year postgraduate student of the Department of Archeology and History of the Ancient World of Voronezh State University, researcher at the Chernozemye Research and Production Center LLC, E- mail: 11.10.48@mail.ru

Список сокращений:

ВГУ – Воронежский государственный университет

КСИА – Краткие сообщения института археологии

М. – Москва

СА – Советская археология

Дубровский А.М., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г. Петровского (Россия)

«КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ УКРАИНЫ» А. ПАЛИЯ И ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ¹

В статье продолжен анализ историографической ситуации в украинской исторической науке. Проведено сравнение работы А.Палия «Краткий курс истории Украины» с более ранними трудами по истории Украины – «Украинская история. Краткий курс» (коллективная работа, 1948 г.) и «История Украины с древнейших времен до наших дней» (В.И. Семененко, Л.А. Радченко, 1999). В указанных работах отразились достоинства и недостатки украинской исторической науки в разные периоды ее развития. «Краткий курс», коллективный труд украинских и русских специалистов, включал в себя ряд политических идей, которые были характерны для 1940-х – 1950-х гг., в частности, идеализацию советского периода в истории Украины. Это был классический пример официальной советской версии истории Украины. Вместе с тем по сравнению с предыдущей литературой этот труд содержал в себе многочисленные факты особенно из социально-экономической истории. В книге 1999 г. издания авторы предприняли попытку преодолеть сложившиеся историографические традиции и представить читателям честную интерпретацию украинской истории, особенно ее советский период. Авторы осветили ряд важных и неизвестных ранее фактов, освободили свой труд от идеологизированности, характерной для науки советского периода. Из проведенного сопоставления выяснилось, как понизился уровень научной исторической мысли украинских специалистов, насколько примитивной и тенденциозной стала она в трудах таких историков как А. Палий, как познание прошлого сменилось голый пропагандой.

Ключевые слова: история Украины, А. Палий, наука, проблемы, казачество крестьянство

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-52-60

Введение. В предыдущей статье о книге А. Палия «Краткий курс истории Украины» был дан анализ идейного содержания этой работы современного украинского историка (Вестник БГУ. 2023 №3). Труд Палия был рассчитан на широкую аудиторию, издавался три раза, следовательно, он не случайное явление в украинской науке, а отражает по крайней мере важную тенденцию в ее развитии на современном этапе. В предлагаемой статье произведение Палия вписывается в историографический ряд, чтобы понять, какое место оно занимает в этом ряду, какие традиции украинской научной мысли продолжает или, наоборот, прерывает.

Объект исследования. Думается, этот ряд состоит из трёх звеньев, представленных тремя трудами по истории Украины, характерными для своего времени. Это, во-первых, «Краткий курс» истории Украины, подготовленный украинскими и русскими историками в 1948 г. Был издан макет книги. Однако массовым тиражом книга не была выпущена. Тем не менее, она как плод долголетней работы украинских специалистов, отразивший в себе все характерные черты времени, важна и интересна для анализа. Во-вторых, это книга В.И. Семененко и Л.А. Радченко «История Украины с древнейших времён до наших дней» (Харьков, 1999) и, в-третьих, произведение А. Палия. Каждая из этих работ была создана в разных социально-политических и идеологических условиях, что не могло не отразиться на их содержании. Но как бы ни была значительна печать времени, как бы ни было сильно стороннее давление,

серьезный труд остается серьезным трудом, так или иначе продвигающим науку вперед путем использования новых источников, накопления фактов, таких частных и общих обобщений, которые выдерживают испытание временем и остаются достоянием науки, несмотря на изменения политико-идеологической ситуации.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим первое из названных произведений. Эта книга вышла в ту пору, когда после создания новой концепции истории СССР (а главным образом истории России), в республиках Союза стали составляться обобщающие труды об их прошлом. В годы Великой Отечественной войны были написаны работы по истории Узбекистана и Казахстана. Далее последовали другие произведения, в частности, указанный краткий курс по истории Украины, классический пример официальной советской версии украинской истории. Книга была опубликована как макет для обсуждения и апробации местными историками. Хотя впоследствии вместо нее были изданы в 1950х гг. два двухтомника по истории Украины, эта работа настолько ярко и отчетливо отражает главнейшие идеи исторической науки того времени, что именно она была выбрана для анализа.

Как и в случаях с работами о Казахстане и Узбекистане, в написании этого труда участвовали как местные историки, так и сотрудники Института истории Академии наук СССР. По образу и подобию той концепции, которая была сконструирована в области изучения России, была создана и

¹ Исследовательская работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 3-28-00281 «Украинская историография древней Руси конца XX – начала XXI веков: концепции, источники, тенденции».

© Дубровский А.М.

© Dubrovskii A.M.

концепция истории Украины. Эта история была разделена на периоды в соответствии с советской теорией социально-экономических формаций. В каждом периоде была довольно подробно освещена история экономики и социальных отношений. Важное внимание было уделено социальным противоречиям и борьбе, особенно революционной. 9 глав из 23 были посвящены истории революции 1917 г. и послереволюционному периоду.

Как и в книге А. Палия, в этом труде разрешался вопрос о происхождении славян. О трипольцах, которым особую роль для украинской истории отвёл Палий, говорилось как о населении, чья культура «имела общеевропейское (то есть не узко украинское, а широкое – А.Д.) значение» [1, с.6]. Тут авторы были ближе к исторической правде, чем Палий. Трипольцы были представлены как «древнейшие земледельческие племена на нашей территории». И уже после (!) рассказа о трипольской культуре авторы книги разрешали вопрос о происхождении славян. Нужно признать, что решение этого вопроса тогда находилось под влиянием предвзятой идеи: немецкие учёные «пытались доказать, что славяне будто бы являются поздними пришельцами в Восточной Европе». Исходя из созданной Н.Я. Марром теории происхождения народов советские специалисты «убедительно доказали, что славяне в основной своей массе ниоткуда не приходили и представляют собой коренное население большей части тех территорий, которые они занимают теперь в Европе» [1, с.8]. Авторы книги опирались на теорию стадийности Марра: все общества развиваются на месте, по единой схеме, миграции не имеют особого значения. Отсюда и преемственная связь: трипольцы-скифы-славяне (венеды и анты).

С разложением первобытных порядков и формированием феодальных отношений авторы связывали возникновение Киевской Руси как государственного объединения славян. Киевская Русь определялась как «общая колыбель русского, украинского и белорусского народов».

Не считая, что Украина уже образовалась, авторы книги вели рассказ о распаде Киевского государства, описывали историю княжеств, расположенных на территории современной Украины.

Начиная с периода XIV-XVI вв., авторы стали употреблять термины «украинские земли», «украинские феодаль», «Украина» «украинское население». Напомним, что Палий с гордостью писал, что «слово «Украина» впервые зафиксировано в летописи от 1187 г., ... что подрывало имперские басни об «общей колыбели» Украины и России» [5, с.144]. Действительно, такое слово в Ипатьевской летописи употреблялось в связи со смертью переяславского князя Владимира Глебовича: «О нем же Оукраина много постана» [6. С.448]. Од-

нако это не означало, что вся Киевская Русь печалилась по поводу смерти правителя Переяславля Южного. Этот город был столицей окраинной земли, оборонявшей Русь от половцев и печенегов, чем и славилась Переяславское княжество среди иных русских земель. Таким образом «Украина» в данном тексте не обозначение всей земли, которую обычно называют в науке Киевской Русью, а только окраины этой Руси. Таким образом, при всей идеологизированности книга 1948 г. издания была ближе к правде, чем работа А. Палия.

В «Кратком курсе» истории Украины было уделено внимание формированию трёх народностей – русской, украинской и белорусской. Завершение этого процесса авторы отнесли к XIV-XV вв. Отмечалось, что «развитие русской народности в связи с наличием своей государственности шло более интенсивно и ускоренно, чем развитие украинской и белорусской народностей, оказавшихся под властью других государств» [1, с.71]. Тут нужно было исторически обосновать политико-идеологическую идею «старшего брата» – русского народа – в семье восточнославянских народов.

В книге то и дело возникала тема России, Русского государства. Видимо, авторы стремились показать неразрывную связь между украинским народом и русским. Идея была политически актуальна. Авторы писали о том, что «образование Русского централизованного государства сыграло важнейшую исторически прогрессивную роль также для украинских и белорусских народов, которые обрели в Русском государстве опору в борьбе против чужеземной власти и агрессии. Именно Русское государство стало той силой при помощи которой украинский народ был спасён от поглощения Турцией» [1, с.76].

Особое значение в книге традиционно имела глава «Освободительная война украинского народа 1648-1654 гг. присоединение Украины к России». В ней авторы, несколько принижая роль казачества, подчёркивали значение борьбы крестьян: «Готоя восстание, Богдан Хмельницкий возлагал главную роль на украинское крестьянство, которое испытывало особенно тяжёлый гнёт» [1, с.109]. В заглавии одного из разделов прямо указывалось: «Крестьянство – основная сила освободительной войны» [1, с.110]. Эта фраза повторялась в тексте [1, с.111]. Тут Палий, как и вся украинская историография более раннего времени, был ближе к правде. Вдобавок авторы заявляли, что «самой активной частью села» являлись «сельские рабочие» [1, с.110]. В этом сказывался классовый подход советских историков, которые отходили от реальной картины событий в угоду социологическим представлениям, а именно: основная социальная борьба в условиях феодализма могла идти только по линии «феодалы-крестьяне». А рабочие при

этом были самыми последовательными участниками любого повстанческого движения.

Особое внимание в книге было посвящено событию присоединения Украины к России. Оно, по словам автором, было подготовлено «всем ходом исторической жизни обоих братских народов. Присоединение Украины к России было меньшим злом, нежели поглощение Украины панской и султанской Турцией, что несло бы украинскому народу ещё больший гнёт – социальный и национальный». Событие «сыграло исключительно прогрессивную роль в общей классовой борьбе трудящихся масс русского и украинского народов против эксплуататоров, а также для защиты от иноземных захватчиков» [1, с.123, 125].

В дальнейшем развитие Украины авторы излагали в свете усиления феодально-крепостнического гнёта по отношению к народу, роста связей между украинцами и русскими. Социально-экономическое развитие Украины в XVIII в. излагалось довольно подробно: отдельно в первой четверти столетия, отдельно в 1730-60-х гг. Рассмотрение состояния экономики в конце столетия было соединено с рассказом о росте капиталистических отношений в первой половине XIX в. Важным достижением, в частности, было освещение истории народа, хотя и с непременным уклоном в сторону освещения гнёта, эксплуатации. Довольно обстоятельно было показано экономическое развитие Украины, что совершенно чуждо А. Палию. Заметное внимание было уделено борьбе против внешних врагов. Тема была актуальна в послевоенные годы.

При освещении истории Украины в следующем, XIX в., и здесь большое внимание было уделено развитию экономики, кроме того, много рассказывалось о крестьянских волнениях, о развитии революционного движения.

Отдельная часть в книге была посвящена положению украинских земель в Австро-Венгрии и революции в 1848 г. – «поворотному пункту к эпохе капитализма», которая отменила в Австрии крепостную зависимость.

В «Кратком курсе» истории Украины преувеличенное внимание было посвящено революционной демократии. Одна встреча Т. Шевченко с А. Церетели преподносилась как событие, которое «весьма способствовало укреплению давних дружеских связей между украинским и грузинским народами» [1, с.274]. Ранее о «давних дружеских связях» речи не было. В явно преувеличенном виде преподносилась деятельность оппозиционных кружков после реформы 1861 г.

Реформу 1861 г. на Украине авторы стремились показать как результат назревавшей революционной ситуации, классовой борьбы. Правда, говоря о ней, они привели как доказательство лишь статистические сведения о крестьянских выступ-

лениях. Ни о географическом размахе этих выступлений, ни о количестве выступавших, ни об их действиях читатель судить не мог. Зато о волнениях, прошедших *после* объявления реформы, сведения были представлены вполне конкретные и создававшие ясное представление об обстановке на Украине после 1861 г. Не получалось подтверждения ленинской мысли о реформах как побочном продукте революционной борьбы.

При изложении истории Украины во второй половине XIX-начале XX в. всё большее внимание посвящалось положению рабочего класса, его борьбе, революционному движению. При этом выдвигалась концепция двух вождей – Ленина и Сталина, «гениев марксистско-ленинской мысли, преемников Маркса и Энгельса» [1, с.329].

Авторы подробно рассказывали о событиях Первой русской революции, подчёркивая «высокую классовую солидарность украинских и русских рабочих» [1, с.353]. Подводя итоги революции, авторы писали: «Революция 1905 года воочию показала всю смехотворность теории "буржуазности" украинского народа, теории о том, что украинский рабочий класс имеет якобы свои "особые" задачи и что революционная борьба "чужда" украинскому народу» [3, с.374].

Освещая социально-экономическое развитие Украины в послереволюционные годы, авторы выдвинули тезис о «полукOLONIALном положении Украины в царской России». Вдобавок на украинской земле наблюдалось «разрушительное господство иностранных капиталистов в тяжёлой индустрии», что «тормозило развитие жизненно важных отраслей обрабатывающей промышленности» [1, с.396, 429]. Решение национального вопроса для украинцев книга связывала исключительно с революционной борьбой рабочих Украины и России.

Победа Февральской революции усилила национально-освободительное движение на Украине. Авторы представили Центральную Раду как буржуазную власть, которая «стремилась под национальным флагом повести за собой массы украинских солдат и крестьян» [1, с.461]. Важной чертой в политике Рады авторы считали боязнь революции, стремление получить помощь от русской буржуазии.

Авторы писали о том, что рабочие и крестьяне Украины восторженно встретили весть о приходе к власти большевиков. Очень подробно была освещена борьба в Киеве за установление новой власти. Однако силы революции были слабы, признавали авторы, и Центральная Рада сохранила своё положение. В книге подробно освещалось противостояние Рады и Совнаркома. Образование в Харькове украинского советского правительства объявлялось созданием «подлинно суверенного украинского государства» [1, с.499]. Три с половиной страниц текста книги были по-

священы развитию идеи о всемирно-историческом значении Октябрьской революции. Эта часть была украшена пятью цитатами из сочинений Сталина и ни одной не было из работ Ленина. Начиная особенно с этого фрагмента, цитаты из сочинений Сталина господствовали в тексте.

Отдельная глава была посвящена гражданской войне и интервенции на Украине. Авторы выдвигали политически важный тезис о том, что в 1918 г. «в организации обороны Украины большую роль сыграли указания товарища Сталина» [1, с.515]. В целом же «в освободительной борьбе украинский народ получал прямую и непосредственную помощь от русского народа, сыгравшего выдающуюся роль в борьбе за укрепление власти Советов» [1, с.529]. Часть главы называлась «Дружба украинского и русского народов и её значение для побед Советской власти на Украине» [1, с.561].

Естественно, что, говоря о послевоенном периоде, авторы показали восстановление хозяйства Украины, затем индустриализацию и коллективизацию. Каждой из этих тем была посвящена отдельная глава.

Специально освещая судьбу украинцев, которые оказались на территориях Польши, Венгрии, Чехословакии, авторы подошли к теме истории Второй мировой войны. Присоединение польских территорий, населённых украинцами и белорусами, авторы преподнесли как помощь «братьям-украинцам и белорусам, брошенным на произвол судьбы» [1, с.715, 716]. О советско-германском договоре 1939 г. не было сказано ничего. Положение освещалось так, будто бы уже *после* решающих военных действий «Германия вынуждена была подписать соглашение о демаркационной линии между советской и немецкой армиями» [1, с.716].

Большая глава была посвящена Украине в годы Великой Отечественной войны. В книге А. Палия об этом же сказано на одной странице [5, с.382], а война получила название «Советско-германской» [5, с.374]. Авторы коллективного труда упомянули героев войны, описали их подвиги, судьбы (А. Палий не назвал ни одного), показали партизанское движение, энтузиазм трудящихся в тылу советских войск, отдельно и подробно говорилось об оккупационном режиме в завоёванной гитлеровцами части Украины, кратко освещалось бандеровское движение (об этом движении у А. Палия – ни слова), обстоятельно говорилось об освобождении Украины, на всю страницу книги было помещено изображение ордена Богдана Хмельницкого.

Неполно было сказано о взятии гитлеровскими войсками Киева, авторы не указали численности окружённых советских войск, не раз говоря о потерях врага, они замалчивали потери со стороны советской армии, сглаживая впечатление от трагической стороны войны.

Поднимая роль Сталина в ходе войны, авторы писали о «сталинской тактике активной обороны», о «сталинской стратегии ведения войны», о том, что именно «Сталин подготовил немцам советские клещи под Москвой, чтобы сокрушить и уничтожить врага» [1, с.738, 739, 760]. Отдельная часть главы о войне называлась «Товарищ Сталин – организатор и вдохновитель советского народа в разгроме гитлеровской Германии и империалистической Японии». Здесь слово «Украина» не было упомянуто ни разу.

В рассказе о военных событиях жизнь Украины нередко растворялась в общесоюзном материале, заслонялась им, особенно когда речь шла о ключевых сражениях в войне, происходивших вдали от Украины. Авторы также полным голосом говорили о роли русского народа в войне, хотя книга была посвящена украинскому народу [1, 763, 764].

Поскольку книга вышла в свет в 1948 г., авторы не могли осветить полностью события первой послевоенной пятилетки. Они рассказали только о восстановлении Украины в 1946 г. смогли показать некоторые события 1947 г.

Краткий курс истории Украины должен был не только дать картину истории Украины, но и внедрить в сознание людей определённые представления и идейные ценности. Подробное освещение социально-экономической стороны в истории Украины должно было формировать материалистическое понимание истории у читателей. Это было реализовано в полной мере. Идейно важные представления о прошлом состояли в следующем – столетия украинский народ был разделён на части, скован русским царизмом и австро-венгерской монархией, его борьбу за социальное освобождение возглавляли лучшие его люди, эта борьба составляет важнейшую часть истории Украины, единство народов СССР при ведущей роли русского народа имеет глубокие исторически корни, главнейшим событием в истории Украины является социалистическая революция, второе важное событие это Великая Отечественная война, победа в этой войне имеет всемирно-историческое значение, а в победе исключительная роль принадлежит Сталину.

В насквозь политизированном историческом труде всё же содержался важный конкретный материал по истории экономики Украины, в преувеличенном виде были преподнесены внутренние социальные конфликты в крае, каждый раздел книги освещал культурные достижения украинцев, последнему А. Палий уделил минимальное внимание. Здесь при всей идеологической упаковке, то и дело заметной в тексте, был представлен новый материал, произошло накопление знаний, картина исторического прошлого Украины стала более полной.

Прошли годы и, в частности, поворотный в

судьбе исторической науки 1991 г. Историки получили возможность писать о том, что ранее считалось по разным соображениям неудобным, политически неуместным. Открылась дорога к прежде запретным для исследователей архивным залежам. И в этой обстановке творческой раскованности началось создание работ, в которых украинские историки (без всяких указаний и помощи извне, как это было в 1940-х гг.) попытались по-новому, свежим взглядом обозреть отечественное прошлое. Блестящим образцом того, что было сделано в ту пору, явилось указанное выше пособие «История Украины с древнейших времен до наших дней», написанное В.И. Семененко и Л.А. Радченко и опубликованное в Харькове в 1999 г. В 2000-м оно было признано учебником для высших учебных заведений, что заметно повышало его роль в формировании исторического сознания народа и оправдывало выбор именно этой книги для анализа в данной работе.

Эта книга отразила искреннее стремление представить украинское прошлое в более правдивом и полном изображении, трезво оценивая те или иные события из отечественной истории. Книга была рассчитана на широкую аудиторию, имеющую знания в объёме школьного курса. В этом отношении замысел создания книги был аналогичен цели А. Палия. Авторы решили известные периоды рассмотреть кратко, а дискуссионные – более подробно. Забегая вперед, нужно сказать, что это не помешало цельности их труда. Авторы были современниками оформления самостоятельного украинского государства, и потому вопрос о предпосылках его образования, о степени, так сказать, государственной зрелости руководящих групп украинского народа в разные периоды истории был стержневой линией в книге Семененко и Радченко. Этот подход был поддержан и другими историками [2, с.597]. Вопрос был поставлен временем. Разрешить его было долгом украинских историков, их ответом на исторический заказ.

Рассказывая о древности, авторы «Истории Украины» не могли не осветить вопроса об исторических корнях украинского народа. В рассказе о трипольцах они трезво указали на то, что носителями этой культуры было пришлое население из восточного Средиземноморья и Балкан, которое слилось в культурном отношении с местным населением. Как справедливо отмечали авторы, «на территории Украины в I тысячелетии нашей эры сосуществовали одновременно германские, балтийские, фракийские, иранские, славянские протоэтноты, шёл сложный, противоречивый природный процесс формирования человеческого общества на полиэтничном фундаменте» [8, с.21]. Таким образом, роль трипольцев в формировании будущего украинского народа была представлена более взвешенно и объективно, чем это

было сделано в книге Палия.

И вместе с тем В.И. Семененко и Л.А. Радченко не могли удержаться от внесения в картину ранней истории на территории Украины весьма спорного заявления о том, что деятельность греческих городов-полисов, находившихся в Причерноморье, «способствовала возникновению и росту индивидуально-предпринимательских тенденций в жизни украинского народа, стремлению к формированию свободолюбия, демократического строя жизни» [8, с.23]. Как это доказать тем более, что в III в. эти города прекратили своё существование? Из каких источников видна непосредственная или опосредованная преемственность украинцев от древних греков? Авторы хотели избежать рождения мифов, но в данном случае этого у них не получилось. Чего здесь было больше – стремления объяснить современные авторам процессы демократизации на Украине или сказать о выдающихся предках? Читателю ответить на этот вопрос со всей определённой непростото.

Далее авторы посвятили своё внимание проблеме древнерусской народности. Представление об этой народности возникло, по их словам, «ещё в период феодализма» и, самое главное, «под влиянием политической конъюнктуры» [8, с.26]. Это ставило под сомнение факт существования такой народности. Здесь авторы, подобно А. Палию, оказались на зыбкой почве, поскольку совершенно не разобрали вопросов о древнерусском языке, о территории – первейших признаках народности. Иначе, пришлось бы говорить о новгородской части территории Киевской Руси, далекой от современной территории Украины.

Важной темой для украинской исторической науки является тема истории казачества. Эта тема, как правило, разрабатывалась в плане известной идеализации казачества с его самоуправлением, демократизмом, вольностями. Авторы рассматриваемой книги обратили внимание на иное. Они отметили, что «за более чем 300-летнюю историю существования Запорожской Сечи казачество так и не выработало частную собственность на землю, поэтому часть угодий предоставлялась пользователям пожизненно, а большая часть распределялась ежегодно по жребию» [8, с.103]. В этом замечании тоже видится связь с современной авторам экономической ситуацией, в которой определяющую роль стали играть частная собственность и рыночные отношения, что заставило искать (и не находить!) их истоки в казачьей жизни. И здесь авторы проявили здравый смысл, отходя от безудержной идеализации казачества.

В книге содержалось важное наблюдение, которое преодолеvalo традиционную для украинской историографии односторонность, связанную

с отождествлением типа украинца с казаком и идеализацию казачества. Авторы заявили о формировании двух типов украинского характера – крестьянского и рыцарско-казачьего. К сожалению, характеристика того и другого давалась предельно краткая: «Если для носителей первого из них главной, стержневой идеей жизни являлась Божья защита, то для вторых – оборона веры, групповых святынь, презрение к земному, духовный аскетизм (но в причудливом сочетании с бытовым разгулом)» [8, с.127]. Нужно признать, что, выдвигая представление о двух социальных типах, характерных для украинцев, авторы пошли дальше Н.И. Костомарова, который видел в основе украинской народности только тип казака; в этом типе проявились «старорусские элементы», развитые еще в XII в. [4]. А именно идеализированного казака и только казака усмотрел в украинце А. Палий.

Создатели книги смогли преодолеть навязанный историкам в советское время исключительно классовый подход к объяснению социально-политического смысла освободительной борьбы украинцев против поляков в XVII в. Очень хорошо и предельно чётко авторы сформулировали так: «События 1648-1676 годов невозможно квалифицировать исключительно в русле национально-освободительного движения. В них присутствовали зримые, глубокие проявления религиозного, социального, экономического противоборства» Это была «попытка создать вассальную государственность на базе вооружённых сил казачества при условии протекции со стороны более мощной державы». Вместо принятого в литературе советского периода термина «вхождения Украины в состав России» (т.е. превращения Украины в часть России, однородную с иными её частями) авторы предложили несколько иное, что точнее отражало историческую действительность: «Б. Хмельницкий не ставил перед собой задачи провозглашения юридически независимой казачьей Украины, понимая прежде всего опасность такого лозунга в атмосфере тогдашних политических правил и реального веса Украины в системе европейского миропорядка. Но фактом свободного выбора суверена он как бы резервировал за собой статус практически самостоятельного правителя» [8, с.131].

Украинские историки не скрыли противоречий, которые проявлялись в ходе антипольской борьбы между Хмельницким и русским царём: «Попытки Б. Хмельницкого закрепить за собой белорусскую территорию встретили отпор царя, считавшего эти земли своими. Во взаимном соперничестве за подчинение Белоруссии и казацкие старшины и русские воеводы допускали жестокость, грабили населённые пункты, силой принуждали жителей давать присягу на верность царю или гетману» [8, с.149]. Откровенно писали и о менявшейся позиции Хмельницкого, который

вёл переговоры со Швецией, предлагал сформировать то антипольский, то антимосковский союз. С другой стороны, и позиция русского царя показана без утайки «неудобных» фактов: в 1656 г. под Вильно русское правительство вело переговоры с польским, был заключен мир с объявлением царем войны шведам. Делегация гетмана на эти переговоры допущена не была, что вызвало негодование Хмельницкого [8, с.151]. Алексей Михайлович в обмен на обещание избрать его королем Речи Посполитой был готов оставить за Польшей все украинские земли. Это был шаг к исторической правде, важный как для украинской, так и для российской науки. Приоткрылась картина сложных и менявшихся взаимоотношений, от которых оказался страшно далек рассказ А. Палия.

Правда тут же авторы «Истории Украины» заявили, противореча вышесказанному, что в результате событий 1648-1657 гг. была создана украинская казачья держава (!). «Наметился процесс экономической интеграции украинских земель, произошло продвижение общества по пути прокапиталистического развития» [8, с.152]. Как это высказывание о «казачьей державе» сочетается с трезвой оценкой «реального веса Украины в системе европейского миропорядка», с пониманием Хмельницким опасности лозунга «юридически независимой казачьей Украины»? Сами украинские историки тут же указывали на агрессивные устремления соседей Украины, что делало существование независимого казачьего государства несбыточным.

Итогом событий середины-второй половины XVII в. В.И. Семененко и Л.А. Радченко считали «поражение в Украине национальной революции». Термин «революция» оказался закреплённым в позднейшей историографии.

Авторы книги остановились на таком интересном для науки явлении как рождение украинского национализма в начале XIX в. По их мнению, он «первоначально носил социально-психологическую направленность». В нём преобладали «идеалистическое мировоззрение, тенденция к прославлению прошлого, подчёркнутая эмоциональность, налёт иррационализма, склонность к этническому радикализму» [8, с.237]. Характеристика интересная, объективная, достойная более глубокой разработки в дальнейшем.

В произведении В.И. Семененко и Л.А. Радченко преодолевалась устоявшаяся тенденция российской историографии, которая заключалась в идеализации декабристов. Тема для украинцев была особенно близкой, ведь деятельность «Южного общества» декабристов, «Общества соединённых славян», восстание Черниговского полка происходили именно на их земле. А. Палий обошёл молчанием эту тему. В книге Семененко и Рад-

ченко указывалось на то, что «П. Пестель и его соратники отрицали право на самоопределение всех народов России, кроме польского. Кавказские народы подлежали в случае победы заговорщиков насильственному расселению, а цыгане и евреи – выселению за пределы страны. Планировалось установить жёсткую цензуру, контроль над ввозом книг из-за рубежа, предусматривалось создание тайной политической полиции... и Тайной канцелярии». В 1990-х гг. читатели книги воспринимали такую позицию Пестеля крайне отрицательно. И не только читатели более поздних времён: «Не случайно такие лидеры декабристов как Н. Муравьёв, К. Рылеев, С. Трубецкой считали П. Пестеля опасной и слишком себялюбивой личностью. Ужаснул их и провокационный план главы "Южного общества" организовать убийство всех 13 членов царской семьи группой добровольцев, а затем казнить самих исполнителей» [8, с.242].

Продолжая по-новому рассматривать революционно настроенных деятелей истории, авторы дали такое объяснение большевизму на украинской земле: «Поскольку большевизм в Украине не являлся естественным фактором ни в идеологическом, ни в организационном отношении, а питался стихийным экстремизмом люмпенизированных масс, то в конце 1917 года он не мог получить здесь осознанной поддержки. Она пришла несколько позже, когда большевики реализовали заветную цель мелких собственников – ликвидировали крупные латифундии» [8, с.285]. Вероятно, такая оценка требует более глубокого обоснования или, во всяком случае, исследования. Но как рабочая формулировка она вполне достойна серьезного рассмотрения.

Характеризуя положение на территории бывшей Российской империи после 1917 г. В.И. Семенов и Л.А. Радченко не без оснований писали как о закономерности революции и гражданской войны об ожесточении людей, о том, что «никакие центры власти не могли сдержать озверевших маргиналов», что «в геометрической прогрессии» возросло число членов экстремистских партий; всё это «нельзя квалифицировать ни как большевистский, ни как националистический террор. В расколовшемся социуме произошла аномалия общественного сознания, старые морально-нравственные нормы казались непригодными, а поиск новых шёл с огромными издержками» [8, с.289].

Авторы «Истории Украины» пытались понять, почему в Украине не удалось создать национального государства. Для А. Палия ответ был заранее ясен: мешала Россия.

В.И. Семенов и Л.А. Радченко осветили работу первого национального правительства Украины – Центральной Рады. «Её деятельность продемонстрировала противоречивый характер

политизации сознания украинской нации и ознаменовалась появлением нового, хотя и крайне аморфного государственного организма – Украинской Народной Республики». В книге очень обстоятельно были раскрыты причины падения Рады: раскол украинского общественного движения, политическая неопытность лидеров, утопизм законодательства, отсутствие эффективных органов управления, анархические тенденции украинского менталитета, неумение создать регулярную армию, неготовность национально-демократических сил к построению государства. [8, с.298-299]. Нужно признать, что была сделана серьёзная попытка осмыслить падение Рады, причём без какой бы то ни было идеализации народа и его участия в общественном движении. Эта попытка получила поддержку в украинской науке [2, с.530].

Сменивший Раду Гетманат, по справедливому мнению авторов, «не смог стать решающим фактором в деформированном украинском обществе, раздираемом противоречиями» [8, с.300]. Отдавая должное проделанной работе, авторы писали, что к концу деятельности Гетманата «были созданы предпосылки для реального экономического роста» в виде запасов денег и продовольствия, «большая работа была проведена в сфере культуры, просвещения и науки!» [8, с.304]. Однако «построить национальное государство на фундаменте консервативной идеи» не удалось [8, с.307]. И только после советско-польской войны украинская государственность была создана большевиками в советской форме.

Украинские историки впервые показали сложность крестьянского движения в годы гражданской войны. Причины протеста заключались не только в продразвёрстке. Почти половину помещичьих земель получили в первую очередь коммуны, совхозы, артели. «Именно поэтому первыми против большевиков выступили бедняцкие слои деревни, не получившие земли по принципу уравнительного передела». Отсюда понятно, почему в четырёх волостях Киевщины движение крестьян подавляла не только Красная армия, но и отряды зажиточных хозяев [8, с.319]. Авторы откровенно писали, что в этой борьбе Красная армия «применяла варварский метод – сжигание сёл» [8, с.319].

Говоря о нэп, которую в советской литературе преподносили как политику, благоприятную и эффективную для развития страны, В.И. Семенов и Л.А. Радченко обратили внимание на то, что частное предпринимательство в Донбассе душили непомерные налоги, придирки фининспекторов, требования властей достичь в кратчайшие сроки максимальной прибыльности, чиновничья волокита [8, с.344].

В 1920-е гг. проводилась политика украинизации (коренизации) – привлечение к работе местных кадров. Потом пошла реакция – обратное дви-

жение. В соответствии с новым курсом были уволены все заведующие районными отделами народного образования, 200 сотрудников Наркомпроса, четыре тысячи учителей. В 1932 г. под Харьковом расстреляны более 200 кобзарей и их поводырей – хранителей народного эпоса [8, с.364].

Относительно коллективизации авторы писали о том, что ещё до постановки задачи ликвидации кулачества как класса этот процесс начался. Уже весной 1929 г. было распродано имущество 68 тыс. хозяйств, объявленных кулацкими [8, с.367]. Исчезли более трех сот тысяч хозяйств, которые могли бы превратиться в фермерские. Авторы отметили изменения в менталитете (скорее – психологическом настрое) украинского крестьянства. Проявлялись такие черты как «эгоцентризм, подчёркнутый индивидуализм, углублённость в свой внутренний мир, склонность к иллюзорным мечтаньям, социальной уравниловке, консерватизму и провинциализму» [8, с.371].

В противовес утверждениям А. Палия о постоянной борьбе украинцев с российской властью можно было бы привести меткое наблюдение В.И. Семененко и Л.А. Радченко о том, что в пору коллективизации и голодомора «украинские села умирали молча, даже случаев спонтанного протеста наблюдалось крайне мало» [8, с.371].

При освещении истории Украины в советский период авторы часто сбивались на рассказ о том, что происходило в столичном центре страны. Это понятно, так как речь шла о предельно централизованном унитарном государстве, в котором власть стремилась все и вся взять под свой контроль. Авторы подчеркивали уникальный статус Москвы: «Имея всего два процента населения Советского Союза, столица получала из общегосударственного фонда мясных продуктов – 40%, жиров, сыра, шерстяных тканей – 25%, сахара, рыбных продуктов, круп и других товаров – 15%» [8, с.375].

В книге была сделана попытка дать более объективную картину Великой Отечественной войны. Откровенно было сказано об ошибочных сведениях, которые добыла как советская, так и нацистская разведка в начале войны. Даны вполне конкретные факты о восстановленных предприятиях на территории Украины во время оккупации, их оказалось немало. Показаны меры немецкой администрации по смягчению режима с весны 1943 г. Однако, по убеждению авторов «большая часть населения Украины... была настроена в пользу восстановления советской власти» [8, с.404]. С пониманием сложности освободительного движения в книге откровенно говорилось о том, что борьбу с оккупантами вели разные силы: большевистское партизанское движение и партийно-комсомольское подполье, структуры ОУН-УПА, а также сти-

хийное сопротивление [8, с.408]. Показаны трудности и провалы в этой борьбе.

Объективно оценивая современное для них положение Украины, В.И. Семененко и Л.А. Радченко писали о том, что это «страна со слабо-развитым обществом и развивающейся экономикой полурыночного типа... Наложение парламентской системы на общество, которому не хватает предпосылок демократии, – честной бюрократии, среднего класса, прочных моральных устоев, уважения к закону, приводит к беззакониям и анархии» [8, с.451].

Работа В.И. Семененко и Л.А. Радченко поэтому удостоилась столь пристального внимания и подробного освещения, что от последующих трудов по истории Украины читатель вправе ожидать усвоения материала этой книги и развития содержащихся в ней идей. Но если не получается согласия между историками, то от А. Палия можно и нужно было бы требовать спора, выдвижения аргументов, представления новых фактов... Если же ничего этого нет, то можно с уверенностью сказать, что произошел регресс в литературе, падение уровня исторической мысли, упрощение и уплощение исторических представлений. Таково положение книги А. Палия в том историографическом ряду, который был предложен в настоящей работе.

Трудно без конкретных сведений сказать, куда и как позже идейно эволюционировали историки типа В.И. Семененко и Л.А. Радченко – добросовестные исследователи с обостренным чувством нового в исторической науке.

Относительно же А. Палия можно сказать с полной определенностью, что он представляет собой тип историка-пропагандиста. Его было бы несправедливо называть, как об этом писала И.И. Колесник, «мыслителем, который по-философски осмысливает события и факты» [3, с.90-91]. Историк типа А. Палия также чужд «исследователю, имеющему вкус к поиску источников, выявлению фактов». Скорее всего он ближе к «художнику, который художественно изображает прошлое», и – дополним – с соответствующим (не научным) методологическим багажом, с набором более или менее известных фактов, уже освоенных наукой и перетолкованных им в соответствии с политическим заказом.

На базе собранных в литературе фактов А. Палий и выстроил антироссийскую историческую концепцию. Такой характер выявляется не только потому, что в концептуальную систему включены идеи известного содержания. А потому, что из выявленных нами ранее четырех концептуальных идей две (половина!) относятся к России, и это притом, что книга посвящена истории совсем другой страны; в этом построении России уделено неумеренно большое внимание в ущерб осмыслению внутреннего развития Украины и ее народа.

Список литературы

1. История Украины. Краткий курс. Киев, 1948 – 836 с.
2. История Украины. Научно-популярные очерки. Киев, 2008 – 1070 с.
3. Колесник І.І. Українська історіографія: концептуальна історія. К., 2013 – 566 с.
4. Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. 1861. № 3. С.33-80.
5. Палий А. Краткий курс истории Украины. Киев, 2018 – 459 с.
6. Полное собрание русских летописей. Т.2 Ипатьевская летопись. Спб, 1908 – 638 с.
7. Рuzская С.Б. Как пишут историю на постсоветском пространстве (на примере анализа ряда учебников по истории Украины и Казахстана // Наше отечество. Страницы истории. сб. науч. трудов. Вып.2. М., 2005. С.197-218.
8. Семененко В.И., Радченко Л.А. История Украины с древнейших времён до наших дней. Харьков, 1999 – 480 с.

«A SHORT COURSE IN THE HISTORY OF UKRAINE» BY A. PALII AND PREVIOUS HISTORIOGRAPHY

The article continues the analysis of the historiographical situation in Ukrainian historical science. A comparison of the work of A.Palii "A short course in the history of Ukraine" with earlier works on the history of Ukraine – "Ukrainian history. A short course" (collective work, 1948) and "The history of Ukraine from ancient times to the present day" (V.I. Semenenko, L.A. Radchenko, 1999). These works reflect the advantages and disadvantages of Ukrainian historical science in different periods of its development. The "Short Course", a collective work of Ukrainian and Russian specialists, included a number of political ideas that were characteristic of the 1940s – 1950s, in particular, the idealization of the Soviet period in the history of Ukraine. It was a classic example of the official Soviet version of Ukraine's history. At the same time, compared with previous literature, this work contained numerous facts, especially from socio-economic history. In the 1999 book The authors made an attempt to overcome the established historiographical traditions and present readers with an honest interpretation of Ukrainian history, especially its Soviet period. The authors highlighted a number of important and previously unknown facts, freed their work from the ideologization characteristic of the science of the Soviet period. The comparison revealed how the level of scientific historical thought of Ukrainian specialists has decreased, how primitive and tendentious it has become in the works of historians such as A. Paliy, how knowledge of the past has been replaced by naked propaganda.

Keywords: history of Ukraine, A. Palii, science, problems, cossacks, peasantry.

References

1. Istoriya Ukrainy. Kratkij kurs (1948) [History of Ukraine. Short Course] Kyiv – 836 p.
2. Istoriya Ukrainy. Nauchno-populyarnye ocherki (2008) [History of Ukraine. Popular science essays] Kyiv – 1070 p.
3. Kolesnik I.I. (2013) Ukraïns'ka istoriografiya: konceptual'na istoriya [Ukrainian historiography; conceptual history] Kyiv – 566 p.
4. Kostomarov N.I. (1861) Dve russkie narodnosti [Two Russian nationalities] Osнова.No.3 P.33-80.
5. Palii A. (2018) Kratkij kurs istorii Ukrainy [The Short Course in the History of Ukraine]. Kyiv – 459 p.
6. Polnoe sobranie russkih letopisej (1908) [Complete collection of Russian chronicles]. T.2 Ipatiev chronicle. St. Petersburg – 638 p.
7. Ruzskaya S.B. (2005) Kak pishut istoriyu na postsovetskom prostranstve (na primere analiza ryada uchebnikov po istorii Ukrainy i Kazahstana [How history is written in the post-Soviet space (using the example of an analysis of a number of textbooks on the history of Ukraine and Kazakhstan] Our Fatherland. Pages of history. Collection of scientific works. Issue 2. M. - Pp.197-218.
8. Semenenko V.I., Radchenko L.A. (1999) Istoriya Ukrainy s drevnejshih vremyon do nashih dnei [History of Ukraine from ancient times to the present day] Kharkov – 185 p.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени акад. И.Г Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovich – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: alexdubr48@mail.ru

УДК 930.253

Ерофеева Г.И., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБУК «Брянский государственный краеведческий музей» (Россия).

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВАХ

В статье приводится обзор архивного наследия великого князя Михаила Александровича. В документах отражена личная жизнь, военная служба великого князя Михаила Александровича, его увлечения, досуг, заграничные поездки, Орловский период и др. Также освещаются страницы биографии Алексея Сергеевича Матвеева, управляющего делами великого князя. Помимо этого, в статье приводятся письма и телеграммы великого князя из Перми, места ссылки Михаила Александровича. Ранее эти документы в полном объеме не привлекались. Материалы находятся в частной собрании, архив семьи П. Грей, Великобритания. Особенное внимание в работе отводится зарубежным архивам. Личность великого князя является одной из ключевых фигур переломного момента российской истории. С 1899 по 1904 г. он являлся наследником престола Российской империи. 3 марта 1917 г. Николай II подписал манифест об отречении именно в пользу великого князя Михаила Александровича. Таким образом, введение в научный оборот материалов из зарубежных архивов позволит дополнить страницы биографии великого князя Михаила Александровича и поможет сформировать фонды и экспозицию будущих музеев, посвящённых великому князю в Перми и п. Локоть Брянской области.

Ключевые слова: архивное наследие великого князя Михаила Александровича; Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа, Лондон; архив семьи П. Грей, Великобритания; Имперские военные музеи, Великобритания; Музей современного искусства, Нью-Йорк.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-61-78

Введение. Целью данной статьи является освещение документального наследия великого князя Михаила Александровича в зарубежных архивах. Выбор темы обусловлен практически полным отсутствием исследований по данному вопросу, между тем личность великого князя Михаила Александровича, являющаяся одной из ключевых фигур переломного момента российской истории, заслуживает особенного внимания. С 1899 по 1904 г. он являлся наследником престола Российской империи. 3 марта 1917 г. Николай II подписал манифест об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича.

Архивное наследие великого князя Михаила Александровича значительно и представляет собой большую ценность. Наиболее важными источниками являются личные фонды Михаила Александровича и его супруги Н.С. Брасовой, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), соответственно это фонды 668 и 622 (*Делопроизводственная документация, письма*).

Значительный объём документов, связанных с великим князем, находится в личных фондах А.А. Сиверса² (ГА РФ. Ф. 1068. Оп. 1) и графа И.И. Воронцова-Дашкова (разделён на две части). Первая часть фонда И.И. Воронцова-Дашкова хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 58. П. 138. Д. 24-27; П. 140. Д. 47-48; П. 141. Д. 14; П. 142. Д. 8). Вторая часть находится в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 444). Особенного внимания заслуживают фонд 545 «Управление делами великого князя Михаила Александровича» (РГИА. Ф. 545. П. 1-49) (*Делопроизводственная документация*).

Данные фонды общедоступны и ознакомиться с ними не представляет большой сложности. Но, к сожалению, большой объём материалов, имеющих непосредственное отношение к великому князю, находится в зарубежных архивах и труднодоступен для русского исследователя. Данная статья отчасти восполняет этот пробел.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является архивное наследие великого князя Михаила Александровича. Источниками данного исследования стали документы, отложившиеся в зарубежных архивохранилищах. В основе исследования лежат принципы историзма и объективности. Из специально-исторических методов в работе применялся проблемно-хронологический метод, при помощи которого общая тема «документальное наследие великого князя Михаила Александровича» была разделена на ряд более узких проблем: «окружение великого князя Михаила Александровича», «Орловский период», «имение Брасово», «Первая мировая война», «Пермский период» и др. Важное значение для раскрытия темы статьи имели визуальные источники, в том числе фотоматериалы.

Результаты и их обсуждение. Первостепенное значение среди зарубежных архивохранилищ, в которых находятся документы великого князя Михаила Александровича, имеет Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа, Лондон (School of Slavonic and East European Studies, London). Это 14 фотоальбомов: UCL BRS/1 «Гатчина 1909»; UCL BRS/2 «III 15 июня – 10 сентября 1909»; UCL BRS/3 «IV Орёл – Москва Осень – Зима 1909/1910»; UCL BRS/4 «V Весна – Лето 1910»; UCL BRS/5 «VI Путешествие

© Ерофеева Г.И.

© Erofeeva G.I.

² Сиверс Александр Александрович (1866 – 1954) – действительный тайный советник, чиновник Главного управления уделов, являлся членом Комитета по опеки над имуществом великого князя Михаила Александровича.

за границей Осень 1910»; UCL BRS/6 «IX Брасово – Москва Весна 1911»; UCL BRS/7 «X Брасово май, июнь»; UCL BRS/8 «XI Брасово июль, сентябрь Киссинген август»; UCL BRS/9 «XII Путешествие за границей осень 1911 года»; UCL BRS/10 «XIV Лето 1912 года Гатчина»; UCL BRS/11 «XV Лето 1912 года Гатчина»; UCL BRS/12 «XVI»; UCL BRS/13 «XVII»; UCL BRS/14. Документы ранее не были введены в научный оборот.

Альбомы охватывают период с 1909 по 1913 гг. В них отражена личная жизнь, военная служба великого князя Михаила Александровича, его увлечения, досуг, заграничные поездки и пр. Изучая лица, запечатлённые на фотографиях, мы можем понять, кто именно составлял близкий «интимный» круг общения великого князя. Отдельно хотелось бы отметить пребывание Михаила Александровича на яхте «Зарница» (1909 г.), военные построения в Гатчине (1909 г.), сцены охоты и пр. 24 мая 1909 г. в Санкт-Петербурге (Волхонское шоссе) состоялась Верстовая гонка, организованная журналом «Автомобиль», великий князь Михаил Александрович присутствовал на гонке. Среди его увлечений был и автомобильный спорт. (см. рис. 1).

Также в данных фотодокументах отражён и Орловский период великого князя Михаила Александровича. С 1909 по 1911 гг. он являлся командиром 17-го гусарского Черниговского полка, расквартированного в г. Орле. (Приложение 1). Михаил Александрович проживал в доме по адресу: Орёл, улица Борисоглебская, 34. К сожалению, дом до настоящего времени не сохранился, поэтому особую ценность представляют фотографии запечатлевшие его интерьеры на период проживания в нем великого князя (кабинет, приёмная, спальня и т.д.). Обстановка выглядит более чем скромной. (см. рис. 2).

Нужно отметить, что великий князь Михаил Александрович являлся богатейшим помещиком Российской империи. В его собственности находились Аббас-Туманский дворец (Тифлисская губерния), имения – Острова (Петроковская губерния), Брасово и Дерюгино (Орловская и Курская губернии), городская усадьба в Гатчине. Владения великого князя представляли собой прекрасный пример передового усадебного хозяйства конца XIX – первой четверти XX вв. В этой связи его частная жизнь

как помещика землевладельца заслуживает особого внимания. Необходимо отметить, что изучение повседневной жизни дворянской усадьбы рубежа XIX – XX вв. сложно представить без использования визуальных источников, в том числе фотодокументов. В контексте истории Брасовского и Дерюгинского имений особую важность имеют альбомы UCL BRS/6-8 (1911 г.). Причём многие из снимков сделаны великим князем. Михаил Александрович серьёзно увлекался фотографией и был в курсе новинок фотографического дела¹, в частности он являлся покровителем СПб. фотографического общества (25.04.1902). На фотографиях лондонских альбомов запечатлены хозяева (великий князь Михаил Александрович и его будущая супруга Н.С. Брасова), гости усадеб, их досуг: прогулки, пикники, катание на лодке, охота и пр. (см. рис. 3). Альбомы также дают целостную картину о хозяйственной (сельское хозяйство, опытное дело, лесозаготовки и пр.), производственной деятельности поместий. В двух альбомах UCL BRS/6-7 отражён приезд четы Рахманиновых в Брасовское имение.

Нередким гостем Брасовской усадьбы был и А.С. Матвеев, именно он входил в ближайшее окружение Михаила Александровича [8]. Тем не менее, биография А.С. Матвеева остаётся ещё недостаточно исследованной и требует дальнейшего изучения. Алексей Сергеевич Матвеев (1871 – 1952) – крестный Г.М. Брасова (сына великого князя Михаила Александровича), присяжный поверенный, далее управляющий делами великого князя Михаила Александровича, был женат на О.С. Шереметевской² (сестре Н.С. Брасовой), брат известного художника Н.С. Матвеева. А.С. Матвеев также являлся казначеем Императорского Московского общества воздухоплателей и Комиссаровского технического училища. Согласно «Списку служащих по Управлению делами великого Князя Михаила Александровича» (1917 г.) размер жалования (содержания) А.С. Матвеева составлял 11500 руб. в год, для сравнения секретарь Н.Н. Жонсон и адъютант великого князя Н.Н. Абаканович³ получали 6000 руб. [6]. В дальнейшем находясь в эмиграции А.С. Матвеев стал видным религиозным деятелем русского зарубежья⁴. (см. рис. 4).

Вторым, но не уступающим по значимости,

¹ Отдельно хотелось бы отметить роль великого князя Михаила Александровича в судьбе фотографа, пионера цветной фотографии С.М. Прокудина-Горского. 30 мая 1908 г. фотохудожник демонстрировал свои достижения на вечере, устроенном для членов Государственной Думы, в зале присутствовал и великий князь Михаил Александрович, пригласивший мастера «показать ему сделанные снимки и ознакомить со способом получения цветных изображений с натуры; а затем такое же приглашение поступило от императрицы Марии Фёдоровны». *Гаранина С.П. Дело канцелярии совета министров о приобретении в казну коллекции фотографических снимков достопримечательностей России С.М. Прокудина-Горского 1910 – 1912. Российский архив. М.: Студия «ТРИТЭ», 1999. Т.1Х. С.467.*

² Запись в метрической книге церкви Николая Чудотворца в Хамовниках от 11 февраля 1895 г.

³ Абаканович Николай Николаевич – гвардии штабс-ротмистр, адъютант великого князя Михаила Александровича (8.10.09 – 14.11.09 и 7.01.1915 – 1917); состоящий в распоряжении великого князя с 14.11.1909 по 1.04.1913. Супруга – Маргарита Васильевна Абаканович (ур. Гот) – крестная Георгия Брасова.

⁴ С 1932 по 1949 гг. А.С. Матвеев был старостой Свято-Александро-Невского собора в Париже. В 1933 г. он стал казначеем Епархиального комитета «Братская лепта», который был организован митрополитом Евлогием (Георгиевским) для оказания помощи

зарубежным архивом является частное собрание семьи П. Грей¹ (P. Gray): GR D Mikhail Aleksandrovich (Romanov) (1878 – 1918) & Brasova, Natal'ia Sergeevna. Это документы личного происхождения (письма, телеграммы, выдержки из дневников Михаила Александровича (английский перевод; 1915 – 1918 гг.), фотодокументы. Данный архив важен тем, что содержит материалы, отражающие разные периоды жизни Михаила Александровича. В архиве также находятся документы Н.С. и Г.М. Брасовых, Н.С. Мамонтовой (падчерицы великого князя Михаила Александровича), в том числе периода эмиграции.

Уникальные фотографии запечатлевшие интерьеры усадебного дома Брасовского имения более позднего периода находятся именно в этом архиве (1915 – 1916 гг.), в русских архивах данные материалы не выявлены. Это очень важный источниковый материал. (см. рис. 5). В 2019 году Брасовская усадьба вошла в туристический проект «Императорский маршрут». В настоящее время в усадьбе ведутся реставрационные работы с последующим открытием музея. Введение в научный оборот данных материалов поможет сформировать фонды и экспозицию будущего музея усадьбы Брасово.

Отдельно хотелось бы выделить фотоматериалы периода Первой мировой войны (Галиция, Юго-западный фронт, 1916 г.). (см. рис. 6-7). 23 августа 1914 г. великий князь Михаил Александрович получил звание генерал-майора с зачислением в свиту императора и назначение командующим Кавказской туземной конной дивизией. В армии великий князь пользовался уважением и любовью солдат и офицеров, за проявленное мужество и смелость он был награждён орденом Святого Георгия 4-й ст. и Георгиевским оружием за храбрость. Нужно отметить, что многие из современников Михаила Александровича отмечали его природную скромность и простоту в общении. Американский военный корреспондент газеты «Таймс» Стэнли Вашбурн (S. Washburn)² так отзывался о великом князе Михаиле Александровиче: «Он очень демократичный человек настолько насколько можно себе представить. Я почти час беседовал с ним о ситуации не только на его непосредственном участке, но и на театре

военных действий в целом. <...> он не был ни подавлен, ни обескуражен, но проявлял тот же упрямый оптимизм, который можно встретить в российской армии. Когда кто-нибудь видел его в простой форме, на которой не было ничего указывающего на его звание, кроме погон и Георгиевского креста (завоёванного за личную доблесть на поле боя) было странно думать, что этот человек, живущий так просто в грязной деревне на этом дальнем краю Русского фронта, мог быть русским царём» (4 июля 1915 г.) [10, с. 161]. (Перевод с английского – Г. Ерофеевой).

С началом военных действий по инициативе Михаила Александровича был открыт лазарет в его доме на Английской набережной, 54. В 1915 г. при Пензенском госпитале Российского общества Красного Креста в городе Львове был устроен лазарет имени великого князя Михаила Александровича³ [1]. На средства Михаила Александровича содержался эвакуационный лазарет № 11 в Гатчине (Багговутовская улица, 9) и лёгочный санаторий (лазарет на 50 мест) «Здравница» (до 1918 г. Териоки, Финляндия) [5, с. 173; 186]. Под покровительством великого князя Михаила Александровича находилось Сергиевское православное братство [7]. Брасовское и Дерюгинское поместья великого князя также принимали активное участие в помощи фронту. В сентябре 1914 г. в имениях были открыты лазареты для легкораненых и выздоравливающих нижних чинов [2].

Помимо этого, на средства великого князя Михаила Александровича был сформирован санитарный поезд № 157. (см. рис. 8). Согласно краткому отчёту уполномоченного санитарного поезда № 157 Н.М. Стрижевского⁴ (2 августа 1916 г.) всего за период с 21 ноября 1914 г. по 1 августа 1916 г. было «сделано рейсов – 84. Перевезено офицеров – 662, нижних чинов – 35709. Сделано вёрст поездом – 5711 вёрст. Сделано перевозок – 10000. Истрачено на содержание поезда – 68447 руб.» [1]. И далее: «В эту сумму входит содержание больных и раненых, жалование и содержание персонала и команды, а также мелкий ремонт и оборудование поезда. Отопление, освещение, перевязочный материал в этот отчёт не входят и расходы на них были сделаны непосредственно Общедворянской Организацией. Кроме указанной суммы оборудование

голодающим в России. Состоял членом Союза ревнителей памяти императора Николая II, членом правления «Союза русских адвокатов», был активным членом «Парижской православной культовой ассоциации». А.С. Матвеев – автор воспоминаний «Великий князь Михаил Александрович в дни переворота» (Возрождение, 1952, № 24). Вторым браком был женат на В.П. Матвеевой.

¹ Архивное наследие великого князя Михаила Александровича и его супруги Н.С. Брасовой находится в семейном архиве потомков Н.С. Брасовой.

² Стэнли Вашбурн – автор издания «Полевые заметки с русского фронта» (1915 г.). Иллюстрации к книге были выполнены британским фотографом и кинооператором Джорджем Мьюзом (George H. Mewes), работавшим на лондонскую газету Daily Mirror. Д. Мьюз – автор известной фронтовой фотографии великого князя Михаила Александровича с Георгиевским крестом (1915 г.).

³ В ГА РФ сохранились отчёты старшей сестры княгини Нины Владимировны Надбольской и старшего врача лазарета на имя Н.С. Брасовой. (Ф. 668. Оп. 1. Д. 105).

⁴ Стрижевский Николай Михайлович – потомственный дворянин, брат В.М. Юзефович. Награждён орденом Святого Станислава 3 ст. с мечами и Георгиевской медалью.

поезда во Львове и годовой ремонт прошлого года в Киеве стоили 16000» [1].

Медицинский персонал поезда работал самоотверженно, 23 человека были награждены Георгиевскими медалями 4 ст. «За храбрость» (приказ по войскам 9-й армии от 4 августа 1915 г.)¹, 9 – серебряными медалями «За усердие» (приказ по 7-й армии от 30 января 1917 г.) и др. знаками отличия. Персонал поезда состоял из врача, сестёр милосердия (В.М. Юзефович, В.Н. Старосельская, Т.Г. Нахичеванская и др.)², санитаров (на этой ставке работали в том числе и монахи). На должности старшего врача (1916 г.) находился статский советник Николай Сахаров, был награждён орденом Святого Владимира 4 ст. (17.04.1916). Из дневника великого князя Михаила Александровича от 7 августа 1916 г.: «...были у меня доктора Сахаров и Н.М. Стрижевский (они с моим санитарным поездом находятся сегодня в Чорткове, а теперь поезд будет ремонтироваться в Киеве)» [4, с. 280].

С 20 по 27 февраля 1916 г. великий князь Михаил Александрович находился в г. Каменец-Подольске (теперь Хмельницкая область Украины). Одной из главных достопримечательностей города является католический собор (костёл) Святых Апостолов Петра и Павла. В период турецкого правления (1672 – 1699) кафедральный костёл стал главной мусульманской мечетью Каменца-Подольского. К нему был пристроен минарет высотой 36,5 м. 21 февраля 1916 г. Михаил Александрович, его адъютант Н.А. Врангель и Керим Хан Эриванский (полковой адъютант Кабардинского конного полка Кавказской туземной конной дивизии) посетили собор. (см. рис. 9). Из

письма Михаила Александровича Н.С. Брасовой: «Я раз сделал маленькую прогулку по городу, смотрели на вид, Каменец, когда-то принадлежал туркам, и ещё сохранились с того времени башни и стены. Зашли также посмотреть старинный костёл, переделанный из мечети» [4, с. 327].

Значительный интерес представляют фотодокументы, отображающие посещение великим князем Михаилом Александровичем 31-го автомобильного пулемётного взвода, который перешёл в распоряжение 2-го кавалерийского корпуса. (Архив семьи П. Грей. Ед. хр. 295-298). (см. рис. 10). Из дневника великого князя от 8 августа 1916 г.: «... после завтрака я смотрел 31-й автопулеметный взвод, который придан моему корпусу, состоит из трёх бронированных автомобилей, трёх легковых и трёх грузовиков – три офицера, 40 нижних чинов»³ [4, с. 280]. И далее запись от 17 августа 1916 г.: «Утром я раздавал людям автопулеметного взвода кресты и медали» [4, с. 282]. Особенного внимания заслуживают фотографии осмотра великим князем Михаилом Александровичем броневых автомобилей появились в начале 20 века, массово стали использоваться в годы Первой мировой войны. Бронемшины изготавливали на Путиловском заводе. В качестве базы был выбран грузовик американской фирмы Garford Motor Truck Co, специализировавшейся на постройке машин такого класса. Инициатором создания броневых автомобилей был генерал-майор Н.М. Филатов. Броневик имел самое мощное вооружение среди бронемашин Первой мировой войны – 76-мм пушка и три пулемёта. В армии «Гарфорд – Путилов» поступали на

¹ Имеются ввиду бои у г. Залещики, сопровождавшиеся сильным огнестрельным огнём (с 11-го на 12-е марта 1915 г.). Из письма Михаила Александровича Н.С. Брасовой от 14 марта 1915 г.: «раздал медали на Георгиевской ленте (за храбрость) Стрижевскому, сёстрам и санитарам, т. к. накануне ночи, когда они в г. Залещики принимали раненых, то их поезд довольно сильно обстреливался австрийцами с трёх сторон». *Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича 1915 – 1918 / отв. ред. и сост. В.М. Хрусталёв. М.: Прозаик, 2012. С. 182.*

² *Вера Михайловна Юзефович* (урождённая Стрижевская) – супруга начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса Я.Д. Юзефовича. Работала сестрой милосердия в передовом отряде Красного Креста № 22 при Кавказской Туземной конной дивизии имени графини Е.А. Воронцовой-Дашковой, в Петроградской общине сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М.П. Фон Кауфмана Российского общества Красного Креста, санитарном поезде № 157 имени великого князя Михаила Александровича. Награждена Георгиевскими медалями «За храбрость» 2-й, 3-й, 4-й ст., золотой медалью «За усердие» (20.06.1916). *Список сестёр милосердия РОКК, назначенных для ухода за ранеными и больными войнами...». Петроград: Государственная Типография, 1915.*

Старосельская Варвара Николаевна – супруга командира Кабардинского конного полка В.Д. Старосельского. Работала сестрой милосердия в передовом отряде Красного Креста № 22 при Кавказской Туземной конной дивизии имени графини Е.А. Воронцовой-Дашковой, в Петроградской общине сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М.П. Фон Кауфмана Российского общества Красного Креста, санитарном поезде № 157 имени великого князя Михаила Александровича. Награждена Георгиевской медалью 3-й, 4-й ст. «За храбрость», серебряной медалью «За усердие».

Нахичеванская Татьяна – дочь генерала-адъютанта, генерала от кавалерии Нахичеванского Гусейн Хана. Работала сестрой милосердия в санитарном поезде № 157 имени великого князя Михаила Александровича. Награждена Георгиевской медалью 4 ст. «За храбрость» (04.08.1915).

Лебедева Мария Николаевна – работала сестрой милосердия в передовом отряде Красного Креста № 22 при Кавказской Туземной конной дивизии имени графини Е.А. Воронцовой-Дашковой, в Петроградской общине сестёр милосердия имени генерал-адъютанта М.П. Фон Кауфмана Российского общества Красного Креста, санитарном поезде № 157 имени великого князя Михаила Александровича. Награждена Георгиевской медалью 3 ст. «За храбрость» (19.04.1916).

³ В составе 31-го автомобильного пулемётного взвода на 1916 г. значились: Страдецкий Вячеслав Константинович (штабс-капитан, награждён орденами Святой Анны 3-й ст., Святого Станислава 2-й и 3-й ст. В эмиграции – бухгалтер Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса); Иванов Дмитрий Данилович (капитан, награждён орденом Святого Владимира 4-й ст.) и др.

вооружение автомобильных пулемётных взводов. Машина 31-го взвода получила название «Сибиряк 2-й», так как в составе 6-го взвода находился броневик «Сибиряк».

Отдельно хотелось бы выделить дела, относящиеся к Пермскому периоду великого князя Михаила Александровича: это его письма, телеграммы (ед. хр. 16-37). (см. рис. 12). Документы охватывают март – июнь 1918 года. (Приложение 2-11). Представляют значительный интерес письма, отправленные из гостиницы «Королевские номера», тем более что в 2023 г. в здании открылась музейная экспозиция.

Среди зарубежных архивохранилищ также необходимо выделить Имперские военные музеи, Великобритания, коллекцию фотодокументов Адриана Симпсона (Imperial War Museums. 2013-12-03. Collection: Adrian Simpson Collection Photographs). Это серия фотографий Первой мировой войны: русская пехота в окопах; Татарский конный полк Кавказской туземной конной дивизии, великий князь Михаил Александрович на фронте, русский военный оркестр, перевозка раненых, русский медицинский персонал в англо-русском госпитале в Петрограде и др. Всего 18 единиц хранения.

Личность Адриана Симпсона заслуживает внимания. Адриан Фрэнсис Хью Сиббальд Симпсон (1880 – 1960) родился в Эдинбурге. Отец, Бенджамин Симпсон, работал главным хирургом Индийской медицинской службы, был удостоен рыцарского командорского ордена Индийской империи. После службы в индийской армии Адриан Симпсон стал работать в области беспроволочной телеграфии [9]. В 1911 г. он занял пост директора правления Русского общества беспроволочного телеграфирования (филиальное отделение компании Marconi's Wireless Telegraph Company), также он являлся издателем первого в России радиотехнического журнала «Вестник телеграфии без проводов» (1912 – 1914) [3, с. 277-279]. Данные интересы были близки и великому князю Михаилу Александровичу. Нужно отметить, что он являлся покровителем Электротехнического института императора Александра III (21.01.1898) и Электротехнического

отдела Императорского Русского технического общества (11.12.1903). В 1915 г. А. Симпсон состоял в штабе Кавказской Туземной конной дивизии при великом князе Михаиле Александровиче¹, также он работал на британскую радиотехническую разведку. Вместе с супругой Моникой де Уилтон Рош Берроуз он неоднократно посещал Михаила Александровича в Гатчине. В дальнейшем после отъезда Симпсона из России они переписывались.

Заслуживает внимания и коллекция фотодокументов в Нью-Йоркском музее современного искусства² (MoMA. 483.2011.1-123. Панорамные снимки из альбома семьи российского царя). Темы фотосюжетов разнообразны: манёвры, военные парады, осмотр судов, бытовые фотографии и др. Снимки сделаны в Гатчине, Петергофе, Ропше, Ревеле, Красном Селе, Рамоне, Саровской пустыне, на яхтах «Александрия», «Штандарт», «Полярная звезда», броненосце «Слава» и др. На некоторых фотографиях присутствует и великий князь Михаил Александрович. (см. рис. 13).

Заключение (выводы). Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Документальное наследие великого князя Михаила Александровича значительно и отложилось не только в отечественных архивах, но и зарубежных. Причём зарубежные архивы по своему содержанию не уступают, а по отдельным темам, например, личная жизнь великого князя Михаила Александровича, Пермский период превосходят архивы РФ. Значительный объем представлен фотодокументами. Многие лица, изображённые рядом с великим князем Михаилом Александровичем не идентифицированы, особенно это касается фотографий периода Первой мировой войны. Это очень важный источник материал. Поэтому данные фотодокументы требуют тщательного изучения и атрибуции.

Таким образом, введение в научный оборот документов из зарубежных архивов позволит дополнить страницы биографии великого князя Михаила Александровича и поможет сформировать фонды и экспозицию будущих музеев, посвящённых великому князю в Перми и п. Локоть Брянской области.

¹ Известный британский журналист, корреспондент «Таймс» в России Роберт Уилтон (Robert Wilton) в статье «За кулисами в России: III – Приключения британского военного корреспондента на Восточном фронте» так писал о связи А. Симпсона с Кавказской туземной конной дивизией: «Я имел косвенное отношение к кавказской местной лошади. Наместник граф Воронцов-Дашков спросил меня, могу ли я порекомендовать некоторых наших офицеров, служивших в индийских кавалерийских полках, присоединиться к новым силам. Я сообщил об этой просьбе другу в Петрограде, занимавшему высокий пост в службе беспроволочной связи, который был капитаном в Хайдарабадском контингенте. Мне показалось, что это отличный способ наладить личный контакт с индийской и кавказской кавалерией с возможной выгодой для обеих сторон. Благодаря моему скромному вмешательству два британских офицера смогли несколько месяцев служить в С.Н.Н. капитан (ныне майор) Адриан Симпсон и капитан (ныне полковник) Джон Кирквуд». *MIS's Wireless Radio Advisor – Lt. Col. Adrian Francis Hugh Sibbald Simpson. 3 декабря 2018.*

² The Museum of Modern Art (MoMA). Альбом фотографий был приобретён музеем благодаря щедрости Говарда Штайна (Howard Stein). В 1999 году Штайн основал Joy of Giving Something, Inc. (JGS, Inc.), некоммерческую благотворительную корпорацию, занимающуюся фотографическим искусством.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 668. Оп. 1. Д. 105. 1914 – 1916 г.
2. Государственный архив Брянской области. Известия Главной Конторы Брасовского и Дерюгинского имений Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича. 1915. № 1. С. 9-10.
3. Глуценко А.А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900 – 1917 гг.). СПб.: ВМИРЭ, 2005, 718 с.
4. Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича 1915 – 1918 / отв. ред. и сост. В.М. Хрусталёв. М.: Прозаик, 2012. 800 с.
5. Краткий очерк Главноуполномоченного Северного района Российского Общества Красного Креста. Петроград: Типография Главного управления уделов, 1916. 205 с.
6. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 545. Оп. 1. Д. 30. 1917 г.
7. РГИА. Ф. 545. Оп. 1. Д. 46. 1910 г.
8. Majolie Nathalie. Step-daughter of imperial Russia. London: Stanley Paul, 1940. 259 p.
9. MI5's Wireless Radio Advisor – Lt. Col. Adrian Francis Hugh Sibbald Simpson. 3 декабря 2018. [Электронный ресурс]. <https://josefjakobs.info/2018/12/mi5s-wireless-radio-advisor-lt-col.html>
10. Washburn S. Field Notes from the Russian Front / Illustrated by the Photographs of George H. Mewes. L., 1915. 348 p.

Публикации фотодокументов

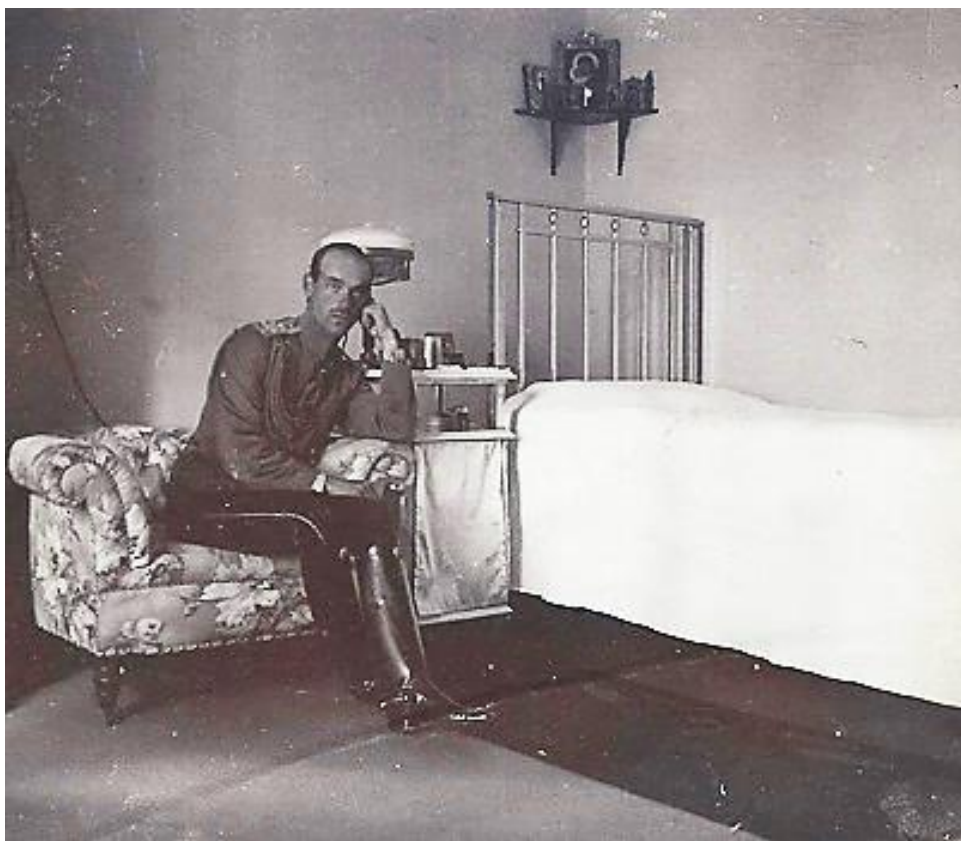

Ил. 1. Лист альбома «Гатчина 1909».

Групповая фотография: справа налево: Н.С. Вульферт (Брасова), Н.Н. Абаканович, великий князь Михаил Александрович, М.В. Абаканович, неизвестный офицер. Место съёмки: яхта «Зарница». 15 июня 1909 г.

Великий князь Михаил Александрович и граф И.И. Воронцов-Дашков. Гонка журнала «Автомобиль». 24 мая 1909 г.

Источник: Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа. UCL BRS/1. Л. 38.

Ил. 2. Дом в Орле. Великий князь Михаила Александровича в спальне.

Источник: Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа.
UCL BRS/3. Л. 19.

Ил. 3. Лист альбома «Брасово – Москва. Весна. 1911».

Великий князь Михаил Александрович, Н.С. Вульферт (Брасова), гости и служащие усадьбы Брасово.
Источник: Школа славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа.
UCL BRS/6. Л. 13.

Публикуется впервые.

Счётъ дней			Мѣсяцъ и день	Земль, имя, отчество и фамилия смертнца	Лѣтъ		Кто исповѣдалъ и причащалъ отъ Тѣла	Кто совершил погребеніе и на какомъ кладбищѣ
Мѣсяца года	Женска пола	Мѣсяца года			Женска пола			
10	1952	Барановъ, Василій Григорьевичъ		Тромбюзе (Grotthuz) 37		аудр Телатъ	Свято-Александровское кладбище, Парижъ, Франция.	
		Красошукъ, Ниноя Сидоръ		Матвеевъ		аудр Телатъ	Свято-Александровское кладбище, Парижъ, Франция.	
11	1952	Бывшій церковный сторожъ		Матвеевъ		аудр Телатъ	Свято-Александровское кладбище, Парижъ, Франция.	
7	1952	Немолодильникъ		Матвеевъ		аудр Телатъ	Свято-Александровское кладбище, Парижъ, Франция.	

Ил. 4. Запись о смерти А.С. Матвеева. Метрическая книга Свято-Александро-Невского собора. Источник: архив Свято-Александро-Невского собора (Париж, Франция). Публикуется впервые.

Ил. 5. Гостиная. Главный усадебный дом Брасовского имения. Крайняя слева А.Г. Вяземская (ур. Эшен). 1916 г. Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 447. Публикуется впервые.

Ил. 6. Второй слева Я.Д. Юзefович начальник штаба 2 кавалерийского корпуса. Второй справа великий князь Михаил Александрович. Юго-Западный фронт.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 294.

Публикуется впервые.

Ил. 7. «Санитар. Снимали в Сцянке. Июль 1916 г.»

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 306.

Селение Сцянка находилось недалеко от Поток Злоты, где размещался штаб 2-ой кавалерийской дивизии.

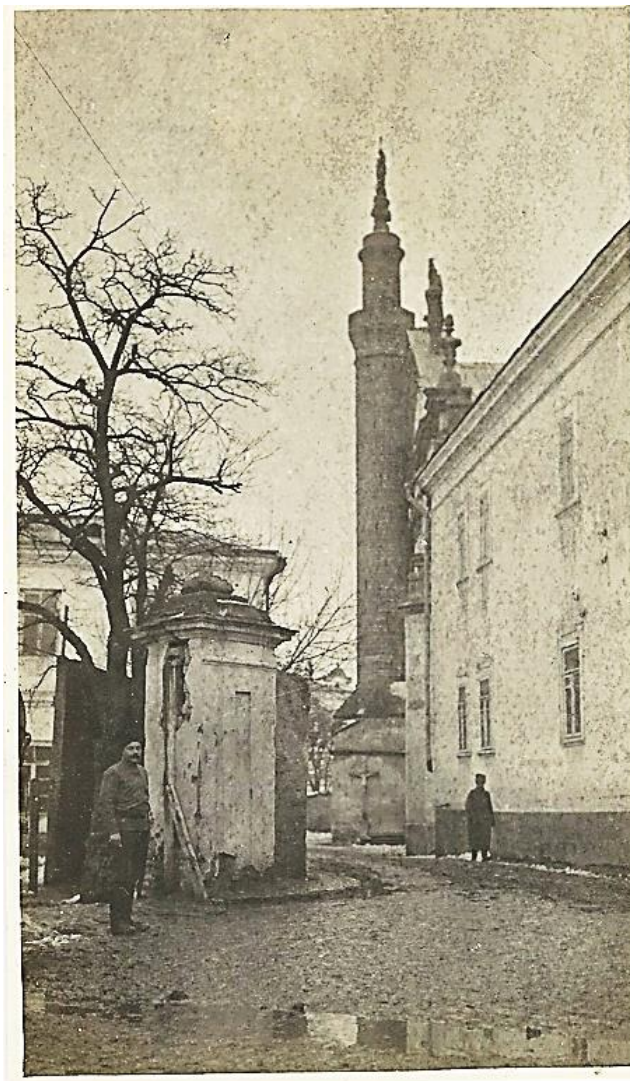
Публикуется впервые.

Ил. 8. Надпись на обороте: «Война 1914 – 1918. Персонал санитарного поезда Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила».

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 318.

Публикуется впервые.

Ил. 9. Собор Святых Апостолов Петра и Павла. Каменец-Подольск.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 315.

Публикуется впервые.

Ил. 10. Великий князь Михаил Александрович осматривает 31-й автомобильный пулемётный взвод. 1916 г.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 298.

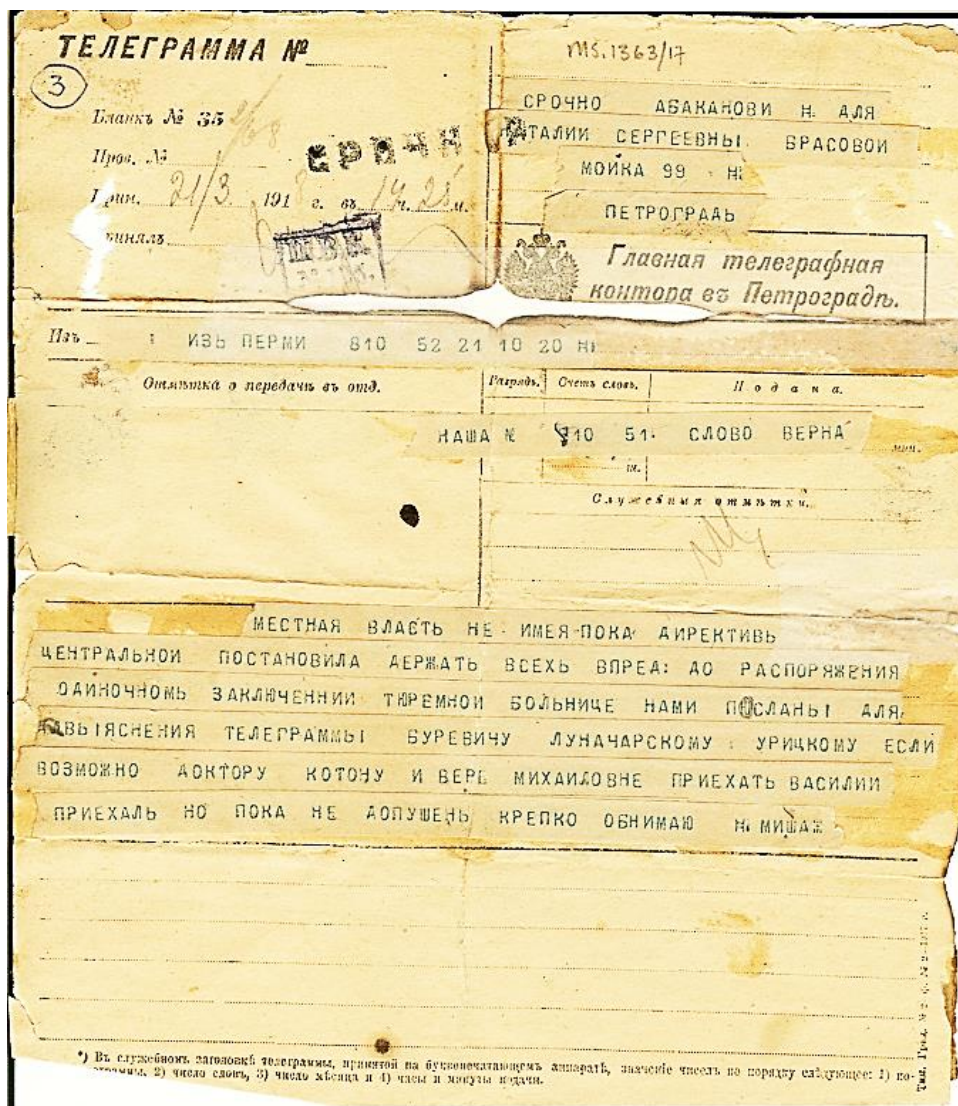
Публикуется впервые.

Ил. 11. Осмотр Великим князем Михаилом Александровичем броневедомобиля «Сибиряк 2-й». 1916 г.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 295.

Публикуется впервые.

Ил. 12. Телеграмма Н.С. Брасовой. Пермь 21 марта 1918 г.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 17.

Публикуется впервые.

Ил. 13. Великие князя Михаил Александрович и Александр Михайлович с великой княгиней Ольгой Александровной. Манёвры. Петергоф. 1905 г.

Источник: Нью-Йоркский музей современного искусства (MoMA. 483.2011.12).

Приложения

Приложение 1.

Источник: ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 126.

Управление 2-й Отдельной Кавалерийской бригады
19 января 1911 г. Орёл

Секретно. В собственные руки
Его Императорскому Высочеству
Командиру 17 гус. Черниговского полка

На основании ст. 16 Временного положения об аттестациях (пр. В. В. 1906 г. № 701) довожу до сведения Вашего Императорского Высочества утверждённое Командующим войсками окончательное решение по аттестации за 1910 год: «Командир 17 гус. Черниговского полка, флигель-адъютант, полковник Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович достоин выдвижения на должность командира гвардейского кавалерийского полка и начальника отдельной кавалерийской бригады вне очереди».

Начальник бригады генерал-майор Стахович¹

Приложение 2.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 16.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Пермь 19 марта 1918 г.

Приехали благополучно. Пока разместились все в одной комнате. Помещения другого нет. Василия² ещё нет. Беспokoимся. Это вторая телеграмма.

Моро

Приложение 3.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 17.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Срочно
Абаканович Н.³ для
Натальи Сергеевны Брасовой
Петроград, Мойка, 99
Пермь 21 марта 1918 г.

Местная власть не имея пока директив < от > центральной постановила держать всех впредь до распоряжения < в > одиночном заключении < в > тюремной больнице. Нами посланы для выяснения телеграммы: Бруевичу, Луначарскому, Урицкому. Если возможно доктору Котону⁴ и Вере Михайловне⁵ приехать. Василий⁶ приехал, но пока не допущен. Крепко обнимаю.

Миша

¹ Стахович Павел Александрович – начальник 2-й отдельной кавалерийской бригады (1908 – 1912).

² Чельшев Василий Фёдорович – камердинер великого князя Михаила Александровича.

³ Абаканович Николай Николаевич проживал по адресу: Петроград, Мойка, 99.

⁴ Котон Константин Антонович – ассистент придворной медицинской части Министерства императорского Двора и Уделов, врач-ассистент Гатчинского городского госпиталя, старший врач Гатчинского эвакуационного лазарета № 11 на Багговутовской улице, 9 (содержался на средства великого князя Михаила Александровича). *Весь Петроград. Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1917 год.*

⁵ Знамеровская Вера Михайловна – супруга начальника Гатчинского жандармского железнодорожного управления П.Л. Знамеровского.

⁶ Чельшев Василий Фёдорович – камердинер великого князя Михаила Александровича, ранее служил у него денщиком. *Major-jolier Nathalie. Step-daughter of imperial Russia. London: Stanley Paul, 1940. С. 112.*

Приложение 4.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 18.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Срочно
Наталье Сергеевне Брасовой
Пермь 26 марта 1918 г.

На телеграммы Хозяина < из > комиссариата ответа ещё нет. Все вместе живут < в > прежних условиях. Крайне необходимо подтверждение народными комиссарами местному совету права на свободу. Запрошенный местным советом < по > прямому проводу Урицкий ответил уклончиво: всё < на > усмотрение местного совета. Ввиду чего если не будет немедленно официального центрального распоряжения будут переведены < в > тюремную больницу. Собираюемся приехать необходимо < разрыв листа > бумагой разрешающей совместное жительство. Впредь телеграфируйте < до > востребования мне.

Челышев

Приложение 5.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 20; 36.1-6.

Письмо великого князя Михаила Александровича Н.С. Брасовой

Пермь
Королёвские номера

Моя собственная дорогая душечка Наташечка, наконец-то я имею возможность писать тебе открыто, т.к. до сих пор, т.е. до вчерашней ночи мы сидели под арестом, и вся моя корреспонденция контролировалась здешним Советом. Писать письма и знать, что они будут всеми перечитываться я не хотел. <...> Сегодня Василий ходит в Совет и потребует выдачу всех телеграмм. <...> Благодаря настойчивому требованию Василия мы наконец в 11 ч. вечера были освобождены и немедленно переехали в нанятые комнаты в Королевских номерах. У нас у каждого своя комната – у Джонсона, Василия и у меня. Котон, Борунов¹ и Власов² в гостинице которая находится совсем рядом. Бедного Знамеровского пока не выпускают и переведут в тюремную больницу. <...> Было бы очень хорошо, если бы Мария Васильевна³ могла с тобою приехать и пробыть здесь хотя бы неделю, зачем ей так торопиться? А кроме того привези Снегурочку⁴ и Бориса Яковлевича⁵, которые оба решили ещё раньше следовать за нами, когда разговор был о Вятке. Жить здесь будет очень скучно, поэтому необходимо составить маленькую компанию, в особенности, если нам суждено будет пробыть в ссылке несколько месяцев. Когда же наконец осуществится наша с тобою самая главная заветная мечта – отъезда за границу? Мировые события идут таким темпом, и каждая неделя приносит столько нового и самого неожиданного, что может быть все это не так далеко за горами.

Ты видишь, как я ужасно пишу, но дело в том, что у меня совсем нет с собою бумаги, а также и моих у. репс, а писать при таких условиях очень трудно, в особенности для меня с моей пудовой рукой, которая создана для более мускульной и грубой работы. Книги мы здесь получаем из городской библиотеки. Я начну читать Достоевского, как только Котон уедет «Преступление и наказание». Я прочёл смешной рассказ того же автора «Дядюшкин сон». Затем я кончил другую книгу, перевод с франц. «Робеспьер». Какое счастье, что ты мне привезла в Смольный в день отъезда две книги Маркевича⁶. Они были для меня настоящим спасением, я читал в вагоне и через несколько дней по приезде сюда я кончил обе книги. Котон должен их вернуть Снегурочке. Продуктов здесь очень много, а цены в два с половиной раза ниже петроградских; главное, что хлеба сколько угодно, молоко дивное, масло хорошее,

¹ Борунов Пётр Яковлевич – личный шофёр великого князя Михаила Александровича, расстрелян в Перми в 1918 г.

² Власов Александр Михайлович – делопроизводитель Гатчинского дворцового управления. В 1918 г. вместе с великим князем Михаилом Александровичем был сослан в Пермь.

³ Гужон Юлий Петрович (1852 – 1918) – российский предприниматель. Супруга – Мария Васильевна Гужон (1877 – 1937), дочь артистов Московского Малого театра Н.М. Медведевой и В.А. Гайдукова (по сцене – Охотина). В первом браке была замужем за Б.П. Шеллапутиным. В годы Первой мировой войны старшая сестра и уполномоченная транспорта передового перевязочного отряда № 3 РОКК. Награждена Георгиевской медалью 3-й, 4-й ст. «За храбрость», серебряной медалью «За усердие». Похоронена на русском православном кладбище Берлин-Тегель.

⁴ Абаканович Маргарита Васильевна.

⁵ Ляпунов Борис Яковлевич надворный советник, служащий Крестьянского поземельного банка.

⁶ Маркевич Болеслав Михайлович (1822 – 1884) – русский писатель, публицист, литературный критик.

творог и сметану тоже можно получить¹. Погода теперь весенняя, да уже и пора! По улицам текут ручьи, солнце высоко светит, но на сердце невыносимо тоскливо и безотраднo. Моё сердце и душа отсутствуют, они остались там, где меня любят и думают обо мне и где ты кого я люблю, и кто мне дорог. Ты можешь быть спокойна и довольна, что продолжаешь занимать самую большую часть моего сердца, < далее зачёркнуто > «viage adorable»² < далее зачёркнуто > так любил и по прежнему люблю твою ласку. Я все время думаю о тебе мой Ангел и мне ужасно обидно за тебя, что тебе приходится переживать такое ужасное время. Здесь ничего не поделаешь и приходится только запастись терпением и надеяться на Бога. Как досадно не быть в нашей милой Гатчине в это чудное время года, я так привык там встречать весну, где столько хороших и отраднх воспоминаний как детства, так и нескольких последних лет. Мне всегда кажется, что только там бывает настоящая весна, и, если ты будешь в Пушкино, которое ты так любишь, то ты меня лучше поймёшь. Теперь, дорогая моя ненаглядная Наташечка, я окончу моё письмо и очень надеюсь, что дней через пять ты получишь его. Котон надеется приехать завтра вечером с экспрессом, если такого не окажется, то он возьмёт почтовый поезд днём. Теперь вся моя надежда тебя скоро, скоро здесь увидеть. Да хранит и благословит тебя Бог. Нежно, крепко и с любовью целую и обнимаю тебя. Горячо любящий тебя и весь твой Миша.

28 марта (10 апреля) 1918 г.

Продолжение письма – Г.Е.

Дорогая моя Наташечка, ещё несколько слов. Прошу тебя привезти бумагу для писем, мою красную печатку, ручку для пера и перья, которые мы всегда употребляем; затем синий бювар и такую же чернильницу (бювар находится в среднем ящике письменного стола); рамку – ширмой с твоими фотографиями; словарь русско-анг.-фран.-нем. в одном томе; наконец самопишущую машинку, только в том случае если ты найдёшь это возможным. Мыла у меня много, а большую склянку While Rose прошу привезти, а также мои свечки, которые находятся в шкапу в уборной около умывальника и захвати побольше пакетов с бумагой для WC. Что касается повара, то мне кажется мы здесь найдём, а Мотю³ и одного человека взять надо. Теперь 9 ч. вечера. Котон рассчитывает уехать во всяком случае не позже как завтра днём. Должен ему сдать сейчас всю мою корреспонденцию. И так до скорого свидания, моя прелестная Наташечка, будь здорова, мыслями крещу тебя и нежно обнимаю. Весь твой Миша.

11 апреля 1918 г.

Приложение 6.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 24.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Наталье Сергеевне Брасовой
Петроград, Мойка, 99
Пермь 19 апреля 1918 г.
(Дата по старому стилю)

Послал две телеграммы. За последние десять дней от тебя ничего нет. Беспokoюсь. Квартиру нанимать очень неудобно. Можно устроиться < в > нашей гостинице. < С > нетерпением жду тебя. Сообщи, когда выезжаешь и сколько приедут. Целую.

Миша

¹ С мая 1918 г. в Петрограде был введён нормированный хлебный паек. Из книги Н.С. Мамонтовой (N. Majolier): «У нас оставался только недельный паек на каждого человека. Это было ужасно, так как купить было особо нечего, кроме вяленой селеной рыбы. Потом кто-то, очевидно, человек, которому можно было доверять, приехал в Гатчину из Перми и привёз нам огромную корзину с провизией. Там еды пока ещё было в избытке. Мама воспользовалась случаем, чтобы прислать провизию. Должно быть в те дни я была голодная, так как хорошо помню содержание той корзины: копчёный окорок, масло, мука, сахар, чай, крупы, яйца». *Majolier Nathalie. Step-daughter of imperial Russia. London: Stanley Paul, 1940. P. 127. (Перевод с английского – Г. Ерофеевой).*

² Восхитительный брак – перевод с английского.

³ Горничная Н.С. Мамонтовой (Таты). Из книги Н.С. Мамонтовой (N. Majolier): «Арест моей матери стал сигналом к окончательному разгону домашнего персонала. Возможно, моя мать отдала распоряжение сократить домашнее хозяйство. Я знаю, что Сергей, мажордом, ушёл с её разрешения и тоже самое относилось к Моте, моей горничной, которая тоже ушла примерно в это же время». *Majolier Nathalie. Step-daughter of imperial Russia. London: Stanley Paul, 1940. P. 132.*

Приложение 7.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 23.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Срочно
Наталье Сергеевне Брасовой
Петроград, Мойка, 99
Пермь 23 апреля 1918 г.
(Дата по старому стилю)

< В > среду десятого послал телеграмму. Котон, Власов выехали. Будут < в > Петрограде во вторник. Сообщи сколько человек привезёшь. Как здоровье? Обнимаю.

Миша

Приложение 8.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 28.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Наталье Сергеевне Брасовой
Москва, Лубянка, 14
Квартира Гужон¹
Пермь 27 мая 1918 г.

Мать Михаила Алексева телеграфирует из Гатчины, < что > папа скончался. Похороны 28 мая. Скучаю. Крепко обнимаю. Это вторая телеграмма.

Точный смысл телеграммы требует уточнений – Г.Е.

М.

Приложение 9.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 32-33.

Из письма великого князя Михаила Александровича Н.С. Брасовой

22 мая (4 июня) 1918 г.

(Продолжение письма от 21 мая (3 июня) 1918 г. – Г.Е.)

Кончаю письмо сегодня. Только что получил от тебя из М. пятую телеграмму. Обещанное письмо и посылку буду ждать с нетерпением. Слава Богу, что бедному Кирюше лучше. Надеюсь ты сегодня смогла выехать в Петр. Знамеровская с сыном должна приехать сегодня или завтра. Будь осторожна – все телеграммы и письма я получаю вскрытыми в Чрезвычайном комитете. Буду рад знать, что ты наконец дома и очень, очень надеюсь, что мы скоро увидимся с тобою, моя Наташечка нежная. Мои мысли всегда с тобою, дай Бог всего хорошего. Крепко обнимаю. Весь твой.

Приложение 10.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 29.

Телеграмма Н.С. Брасовой

Наталье Сергеевне Брасовой
Москва, Лубянка, 14
Квартира Гужон
Пермь 29 мая 1918 г.

¹ Супруги Гужон проживали по адресу: Москва, М. Лубянка, д. 14.

Неделю без известий. Беспokoюсь. Нарышкин кажется в Москве. Как здоровье Кирюши¹? Бабушке телеграфировал².

Приложение 11.

Источник: архив семьи П. Грей. Ед. хр. 32-33.

Автор документа неизвестен.

Р.С. Ближайший политический обзор: целую ручку. Н.Д. – у нас все наружно спокойно, хотя власти признают момент острым. Продолжаем ежедневно расписываться в комитете «прелестей»³. На площадях города обучаются военной выправке, маршировке и прочим телодвижениям все железнодорожники и партийные рабочие, а Борегар стара, пил у неё чай и уехала. Город весь живёт слухами и волнуется благодаря тому, что на востоке, не очень далеко, в Катеном Бурге⁴ ковыряются не то чешские словаки, не то словацкие чехи. Говорят, они осадили Катю с трёх сторон, по слухам взяв Челябинск и отрезав таким образом Сибирь. Какие их дальнейшие планы никто не знает, только наш город объявлен на военном положении, а со вчерашнего дня и стрелка часов переведена на 2 часа вперёд, т. е. в человеческих отношениях наступила такая же неразбериха как с индюшками Широкова⁵. < далее неразборчиво >. Поезда с запада все задерживаются, газет нет ежедневно, а с промежутками. Что-то кругом непонятное творится. Сегодня получили газеты от среды 29-го. Поезда отсюда на восток ходят только на 90 вёрст. Надеемся, что все грозы пронесутся мимо нашего милого города.

Корреспондент – Обозреватель на гастролях

THE DOCUMENTARY LEGACY OF GRAND DUKE MIKHAIL ALEXANDROVICH IN FOREIGN ARCHIVES

The article provides an overview of the documentary heritage of Grand Duke Mikhail Alexandrovich. Special attention is paid to foreign archives. The documents reflect the personal life, military service of Grand Duke Mikhail Alexandrovich, his hobbies, leisure, foreign trips, the Orel period, etc. The pages of the biography of Alexei Sergeyevich Matveev, the Grand Duke's business manager, are also highlighted. In addition, the article contains letters and telegrams from the Grand Duke of Perm, the place of exile of Mikhail Alexandrovich. Previously, these documents were not fully involved. The materials are in a private collection, the archive of the P. Gray family, Great Britain. The personality of the Grand Duke is one of the key figures of a turning point in Russian history. From 1899 to 1904, he was the heir to the throne of the Russian Empire. On March 3, 1917, Nicholas II signed the manifesto of abdication in favor of Grand Duke Mikhail Alexandrovich. Thus, the introduction of materials from foreign archives into scientific circulation will make it possible to supplement the pages of the biography of Grand Duke Mikhail Alexandrovich and help form the funds and exposition of future museums dedicated to the Grand Duke in Perm and the locality of the Bryansk region.

Keywords: the archival legacy of Grand Duke Mikhail Alexandrovich, School of Slavonic and East European Studies (London), archive of the P. Gray family (Great Britain), Imperial War Museums. Collection: Adrian Simpson Collection Photographs (Great Britain), The Museum of Modern Art (New York City).

References

1. State Archive of the Russian Federation. F. 668. Op 1. D. 105. (1914 – 1916).
2. The State Archive of the Bryansk region. News from the Main Office of the Brasovo and Derugino Estates of His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Alexandrovich. 1915. № 1. S. 9-10.
3. Glushchenko A.A. (2005). Mesto i rol' radiosvyazi v modernizacii Rossii (1900 – 1917 gg.) [The place and role of radio communications in the modernization of Russia (1900 – 1917)]. SPb.: VMIRE. 718 s.
4. Hrustal'ov V.M. (2012). Dnevnik i perepiska Velikogo Knyazya Mihaila Aleksandrovicha 1915 – 1918 [Diary and correspondence of Grand Duke Mikhail Alexandrovich 1915 – 1918]. M.: Prozaik. 800 s.
5. Kratkij ocherk Glavnoupolnomochennogo Severnogo rajona Rossijskogo Obshchestva Krasnogo

¹ Кирилл Иннокентьевич Сабашников (18 февраля 1900 – ?) – сын почётного потомственного гражданина Иннокентия Иннокентьевича Сабашникова и Веры Сергеевны Крафт (в первом браке Сабашниковой; 1875 – 1915), племянник Н.С. Брасовой. Здесь имеется ввиду несчастный случай произошедший с К.И. Сабашниковым. Из дневника великого князя Михаила Александровича от 10 (23 мая) 1918 г.: «Бедный Кирюша очень расшибся с мотоциклетки». *Дневник и переписка Великого Князя Михаила Александровича 1915 – 1918 / отв. ред. и сост. В.М. Хрусталёв. М.: Прозаик, 2012. С. 524.*

² Юлия Владиславовна Шереметевская (1855 – ?) – мать Н.С. Брасовой, дворянка, дочь коллежского секретаря Владислава Александровича Свентицкого. С 1875 г. в браке с С.А. Шереметевским (родился в 1852 г в Рязани, закончил Московскую 4 гимназию, выпускник Московского университета, далее присяжный поверенный). *Очерк истории Московского коммерческого суда 1833 – 1908 и его современные деятели. С.-П., 1909. С. 199.*

³ Чрезвычайный комитет.

⁴ г. Екатеринбург.

⁵ Сохранился документ следующего содержания: «Срочно. Наталье Сергеевне Брасовой. Королевские номера. Пермь. Индюшки ваши. Енсон – Фонсон». Автор неизвестен, возможно Н.Н. Жонсон. (*Архив семьи П. Грей. Ед. хр. 21-22.*)

Kresta (1916). [A brief sketch of the Chief of the Northern District of the Russian Red Cross Society]. Petrograd: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 205 s.

6. Russian State Historical Archive (hereafter RSHA). F. 545. Op. 1. D. 30. (1917).

7. RSHA. F. 545. Op. 1. D. 46. (1910).

8. Majolier Nathalie (1940). Padcherica Rossijskoj imperii [Step-daughter of imperial Russia]. London: Stanley Paul. 259 s.

9. Sovetnik MI-5 po radiosvyazi - podpolkovnik. Adrian Frensis H'yu Sibbal'd Simpson (2018). [MI5's Wireless Radio Advisor – Lt. Col. Adrian Francis Hugh Sibbald Simpson] <https://josefjakobs.info/2018/12/mi5s-wireless-radio-advisor-lt-col.html>

10. Washburn S. (1915). Polevye zametki s russkogo fronta / Illyustrirovany fotografiyami Dzhordzha H. M'yuza [Field Notes from the Russian Front / Illustrated by the Photographs of George H. Mewes]. L. 348 s.

Об авторе

Ерофеева Галина Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБУК «Брянский государственный краеведческий музей» г. Брянск (Россия), E-mail: nosoreva1987@mail.ru.

Erofeeva Galina Igorevna - Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Bryansk State Museum of Local Lore (Russia), E-mail: nosoreva1987@mail.ru

УДК 327.7

Лошкарёв И.Д., кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Центра африканских исследований, Институт международных исследований МГИМО МИД России (Россия)

Жучков В.В., стажер Центра африканских исследований, Институт международных исследований МГИМО МИД России (Россия)

РЕФОРМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН: ПОЗИЦИЯ АФРИКАНСКИХ СТРАН

В статье рассматривается история и текущее состояние процесса обсуждения реформы ООН африканскими странами, приводится анализ позиций лидеров африканских стран по данному вопросу. Выявляется сущность и значение позиции стран Африки в контексте трансформации системы международных отношений. Анализ позиций африканских стран по вопросу реформы ООН показал, что, несмотря на одобрение консенсуса Эзулвини в 2005 году, который предполагает единство позиций африканских государств по проблеме реформирования ООН, многие лидеры стран Африки на протяжении последних десятилетий высказывали различные мнения и подходы по данному вопросу. Однако, в 2022-2023 годах наблюдается не только значительный рост числа заявлений на уровне лидеров стран и официальных представителей в ООН, но и отсутствие противоречий в сущности этих заявлений, так как все лидеры говорят о необходимости предоставления мест для Африки, не заявляя о своих личных амбициях. В рамках статьи сделана попытка определить перспективы удовлетворения требований стран Африки. Исследование показало, что в 2022-2023 году наблюдается резкий рост интереса африканских стран к проведению реформы ООН, который также подкрепляется серьезными успехами Африки в аспекте экономического развития, которые наблюдаются в последние годы.

Ключевые слова: реформа ООН, Африка, Африканский союз, Совет Безопасности ООН, консенсус Эзулвини.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-79-85

Введение. С момента создания ООН в 1945 году мир и его динамика сильно изменились. Расклад сил, экономические центры и вызовы, стоящие перед международным сообществом, сегодня отличаются от тех, что существовали на протяжении прошлых десятилетий. В этой связи требуется «донастройка» институционального механизма ООН, приведение ее структуры в соответствие с политическими реалиями XXI века. Реформа ООН должна поспособствовать развитию и укреплению международного сотрудничества в различных областях, включая решение глобальных проблем.

Важнейший элемент реформы Организации Объединенных Наций – это реструктуризация Совета Безопасности ООН [9, с. 67]. Расширение и диверсификация членства в Совете Безопасности и других органах ООН может способствовать принятию более сбалансированных и представительных решений. Расширение представленности различных мнений поможет справиться со сложными глобальными проблемами и повысит легитимность принимаемых решений. Вместе с тем, наиболее дискуссионный вопрос представляет собой судьба права вето [1, с. 122].

В прежние десятилетия африканские государства были недостаточно представлены в Совете Безопасности ООН. В частности, за 1945-2010 гг. 14 государств континента вообще ни разу не входили в состав Совета – в качестве непостоянных членов. За этот период, лишь 23 африканских страны побывали членами СБ более одного раза [20, с. 85]. Иными словами, за более чем полвека существования ООН более половины госу-

дарств континента не имело возможности участвовать в работе основного института Организации на системной, а не ситуативной основе.

В этой связи, для африканских государств реформа ООН имеет огромное значение. Африка является вторым по населенности континентом в мире, но ее представительство в ООН не соответствует этому факту. Африканские страны сталкиваются с множеством сложных проблем, таких как вооруженные конфликты, неравномерное экономическое развитие, борьба с бедностью и климатические вызовы. Но из-за недостаточного представительства в СБ эти проблемы решаются, в большей степени, внешними игроками [13]. Поэтому реформа ООН поможет повысить легитимность организации и позволит более внимательно подходить к региональным проблемам, угрозам международному миру и безопасности.

Объекты и методы исследования. В рамках данной статьи мы рассмотрим три основных предложения реформы, которые были выдвинуты при прямом или косвенном участии африканских стран – это группы «Большая четверка», L.69 и консенсус Эзулвини.

Исследование опирается на элементы рефлексивистской методологии, что позволяет сочетать анализ компонентов общеафриканской идентичности и практических рекомендаций государств Африки по реформе Совета Безопасности ООН. В качестве метода исследования выбран метод сравнения соответствия (congruence procedure): существующие предложения по реформе СБ сравниваются с инициативами африканских

государств. Это позволяет оценить степень совпадения позиций государств континента и перспективы их дальнейшего сближения.

Результаты и их обсуждение. Усилия по реформированию структур и процессов принятия решений ООН с целью повышения ее эффективности и результативности последние годы являются полем дискуссий и столкновений различных группировок стран. Важным элементом дискуссии является недостаточное представительство стран в нынешнем составе СБ ООН [11, с. 9-14]. Совет Безопасности, созданный в 1945 году, отражает баланс сил, сложившийся после Второй мировой войны, с пятью постоянными членами – США, Россией, Китаем, Францией и Великобританией – обладающими правом вето. Многие страны утверждают, что такая структура неадекватно отражает геополитические реалии XXI века и стремятся к постоянному членству [13, с. 11]. Право вето, которым эксклюзивно распоряжаются постоянные члены СБ ООН, – еще один источник разногласий. Критики структуры ООН утверждают, что право вето используется странами для защиты национальных интересов в ущерб глобальному миру и безопасности. То есть, речь идет о том, что в критических ситуациях Совет Безопасности бездействует или принимает неэффективные решения [4, с. 120-136].

Африканские страны активно выступают за реформу Совета Безопасности ООН. Лидеры африканских стран считают, что текущая структура Совета Безопасности недостаточно отражает новую политическую реальность и не предоставляет Африке достаточное представительство и возможность влияния на принятие важных решений. В основе данной позиции лежит аргумент о «непредставленном большинстве» и необходимости компенсировать недостатки системы ООН за счет частичного ослабления принципа суверенного равенства государств [23, с. 231-253]. В этой связи было выдвинуто несколько предложений по изменению ситуации.

Первый проект реформы был выдвинут в 2005 году без прямого участия стран Африки. Бразилия, Германия, Индия и Япония объединились в коалицию «Большая четверка» (G4) и представили международному сообществу согласованную позицию по вопросу реформы Совета Безопасности ООН [10, с. 12]. Их основным аргументом заключался в том, что с момента последнего расширения состава СБ с 1965 года численность членов ООН выросла на 60%, что требует, в том числе, обязательного пропорционального расширения числа постоянных членов СБ [15, с. 90].

Согласно данному проекту количество постоянных членов Совета Безопасности должно было

быть увеличено на 6, в том числе 2 места предполагалось отдать Африке, а также страны предложили создать 4 новых места непостоянных членов, в том числе 1 для Африки. Участники «Большой четверки» также подчёркивали, что расширение состава Совета подразумевает изменение применения права вето – по крайней мере, новые постоянные члены могут временно не использовать это право.

В 2005 году представители африканских стран подняли вопрос о необходимости выработки общей позиции по вопросу реформы ООН. По итогам обсуждений на Генеральной Ассамблее Африканского союза группа из 15 министров иностранных дел государств-членов АС провели рабочую встречу в Эзулвини (Эсватини). В итоге Африканским союзом была принята Общая Африканская позиция, известная как консенсус Эзулвини [10, с. 14].

Консенсус Эзулвини стал важным шагом на пути консолидации и координации внешнеполитического курса стран Африки. Интеграция в политической сфере, в том числе выраженная через согласование позиций, позволит усилить голос и влияние континента в глобальных процессах принятия решений. Африканские страны стремятся к тому, чтобы их интересы и проблемы были адекватно учтены при обсуждении и принятии решений, касающихся международного мира и безопасности, экономического, культурного и политического развития [7, с. 68-80].

Вслед за «Большой четверкой» государства Африки выдвинули предложение предоставить 2 места постоянных членов СБ ООН африканским странам, а также добавить для континента 1 место непостоянного члена, что увеличивает общее число непостоянных членов от Африки до 3. Важнейшим пунктом документа было обязательство африканских стран соблюдать единство подхода к реформе и не вступать в противоречия друг с другом. В случае успешного удовлетворения требований, обозначенных в консенсусе Эзулвини, Африканский союз должен был выбрать две страны, которые стали бы постоянными членами Совета Безопасности ООН [21]. Вероятными претендентами на получение статуса постоянного члена СБ на середину 2000-х годов были – ЮАР, Нигерия, Египет, Сенегал и Ливия [8, с. 206-2014].

По вопросу права вето африканские страны обозначили, что в целом не считают его существование необходимым, но в случае его сохранения новые постоянные члены Совета Безопасности должны получить это право [16, с. 58]. Южная Африка и Нигерия, одни из основных претендентов на постоянное членство в Совете Безопасности, солидаризировались с предложением группы G4 и признавали, что возможен временный мораторий на применение права вето для новых постоянных членов. Третий ключевой претендент от Африки,

Египет, а также Ливия, Кения, Сенегал, Зимбабве заявили о требовании немедленно предоставить новому постоянному члену СБ ООН право вето. Эта ситуация, сложившаяся вскоре после принятия консенсуса, показала, что страны были не готовы соблюдать принцип единства позиции африканских стран по вопросу реформы ООН.

В свою очередь, L.69 представляет собой группу развивающихся стран, названную в соответствии с условным обозначением проекта резолюции, предложенного ими в 2007 году. В своем докладе на Совете Безопасности они высказали призыв к улучшению представительства развивающегося мира в ООН. Группа согласна с необходимостью расширения состава Совета Безопасности как постоянными, так и непостоянными членами, основываясь на справедливом географическом распределении. Всего проект резолюции был поддержан представителями более 20 стран. Группа в основном состоит из небольших островных государств, в Африке это – Кабо-Верде, Маврикий, Сейшельские острова; а также группа получила поддержку ряда континентальных стран, включая африканские государства Бенин, Бурунди, Либерия, Нигерия, Руанда и ЮАР [22]. Участники данной коалиции также поддерживают расширение числа мест в Совете Безопасности ООН для Африки в соответствии с Общей африканской позицией, выраженной в консенсусе Эзулвини и Сиртской декларации. Важно, что к этой группе не примкнули такие важные для Африки страны, как Египет, Алжир, Ангола и Эфиопия, которые имеют значительный политический вес в своих субрегионах.

Обсуждение реформы Организации продолжилось в условиях конкуренции позиций нескольких групп. С 2009 года в рамках Генеральной Ассамблеи проводятся межправительственные переговоры по возможной конфигурации реформы. Одновременно с 2010 года в рамках СБ ООН проводятся дебаты открытого состава по методам работы Организации. В результате, в 2015, 2016, 2017 и 2021 гг. были опубликованы рамочные документы по точкам сопряжения и расхождения в вопросах реформы Совбеза. В документе 2018 года появилась позиция о поддержке «легитимных устремлений» стран Африки и устранении исторической несправедливости в их отношении [19]. А документ 2021 года фиксирует «растущую поддержку» увеличения квоты африканских государств в соответствии с консенсусом Эзулвини [18].

При обсуждении данных документов африканские, арабские государства и некоторые региональные державы второго эшелона (Канада, Турция, Пакистан, Аргентина) выступили за дальнейшее согласование всех принципов реформы СБ ООН, за продолжение переговоров до

тех пор, пока не останется пунктов разногласий. Также эти государства поддержали идею отдельной квоты для малых островных государств, которые также слабо представлены в основном органе ООН. Напротив, «Большая четверка», страны Скандинавии и Бенилюкса, а также группа L.69, предлагают перейти к формальному обсуждению вопроса и вынести на обсуждение в Генеральную Ассамблею конкретный набор предложений, который станет предметом переговоров перед голосованием по реформе СБ [18].

Рост международной напряженности, связанный с началом открытой фазы украинского конфликта между Россией и коллективным Западом в начале 2022 года, вновь обострил ситуацию вокруг реформы Совета Безопасности ООН [12]. В странах Африки опасаются, что текущая напряженность может привести к глобальному вооруженному противостоянию и что у континента может не оказаться свободы маневра в этом противостоянии. Данное обстоятельство усиливает стремление государств континента к расширению СБ ООН и увеличению в нем африканской региональной квоты. Россия поддерживает стремление стран Африки [6], США занимают более сдержанную позицию [14].

Присоединение ряда стран Африки к БРИКС 1 января 2024 года и закрепление статуса Африканского союза в рамках G20 способствуют укреплению претензий стран Африки на включение в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Публичное признание роста важности стран Африки в отдельности в целом континента в лице Африканского союза, увеличивает их политический престиж и восприятие как влиятельных мировых акторов. Это повышает значимость их роли в решении глобальных проблем и признаёт их важность в мировой политике [2, с. 206-228]. Вхождение в БРИКС и участие в G20 обеспечивает странам Африки доступ к богатым экономическим ресурсам и инвестициям со стороны других членов этих форматов. Экономическая мощь и развитие являются ключевыми факторами при определении влиятельности государств в мировой арене. Поддержка со стороны других членов БРИКС и участников G20 может усилить призывы к проведению реформы ООН в соответствии с интересами африканских стран [5]. Отсутствие адекватной реакции со стороны Организации Объединенных Наций на кризисы в Африке свидетельствует о существовании острой необходимости проведения реформы для повышения эффективности работы и повышения внимания к проблемам африканского континента, а также для гарантирования их рассмотрения на основании базового принципа, выдвинутого в рамках Африканского союза, - африканским проблемам – африканские решения [3, с. 451-465].

Варианты реформы СБ ООН и позиция африканских государств.

Предлагаемая новация	Позиция стран Африки
Добавление 9-10 мест постоянных членов	+
Создание двухлетних мест непостоянных членов	+
Создание 8-10 мест непостоянных членов	+
Создание многолетних мест непостоянных членов с возможностью немедленного переизбрания	-
Введение отдельной внерегиональной квоты для малых островных государств	+
Введение отдельной внерегиональной квоты для арабских государств	+
Создание места непостоянного члена, ротлируемого между всеми регионами мира	-
Распространение права вето на новых постоянных членов	+
Отмена или кодекс этики в отношении права вето	- (исключение – Габон, Гана, Руанда, Танзания)

Источник: составлено авторами.

Важная тенденция состоит в том, что государства Африки в последнее время все меньше склоняются к компромиссам относительно реформы ООН и все в большей степени фиксируют свою приверженность консенсусу Эзулвини. При этом, страны континента отстаивают наиболее простой вариант реформы (табл. 1), отвергая ряд предложений западноевропейских и латиноамериканских государств. В частности, государства Африки не готовы поддержать создание «полупостоянных» (длительных и фактически не ротлируемых) мест в СБ, расбалансировку географического представительства за счет «гуляющего» между регионами места, а также попытки ограничить право вето с помощью этических кодексов (инициатива Франции) [17].

Однако, постепенно растет давление на страны континента со стороны коллективного Запада, что может привести к неожиданным комбинациям в дискуссии о реформе ООН, включая применение неконвенциональных механизмов (в частности, расширительное толкование резолюции ГА ООН №377 «Единство в пользу мира»).

Заключение. Итак, одно из главных требований стран Африки в сфере реформирования ООН – это увеличение числа постоянных членов Совета Безопасности и расширение представительства Африки в нем. Активизация требований африканских стран по увеличению числа постоянных членов Совета Безопасности свидетельствует о необходимости более справедливого представительства всех регионов мира в этом ключевом органе ООН. Иными словами, назрела необходимость скорейшего проведения реформы СБ ООН для обеспечения баланса интересов и эффективности принятия решений. Лидеры стран континента считают, что на постоянной основе должен быть представлен хотя бы два члена от

Африки, что позволит более эффективно защищать интересы и решать проблемы континента. Позиция стран Африки по данному вопросу вновь была активно обозначена в 2022-2023 годах – блок африканских стран в ООН сегодня занимает, пожалуй, самую четкую позицию по отношению ко всему спектру проблем (от общего числа дополнительных мест в СБ до формата использования права вето). Это свидетельствует о растущей готовности африканских лидеров активно вмешиваться в процесс международной дипломатии и формирования мирового порядка. Позиция африканских стран в отношении реформы ООН подчеркивает их стремление к укреплению международного порядка на основе принципов справедливости, равенства и уважения суверенитета государств. Реализация предложенных реформ в Совете Безопасности ООН может способствовать укреплению легитимности и авторитета самой организации. На наш взгляд, реформа ООН как важнейшей международной организации и Совета Безопасности ООН, как её ключевого органа, может стать одним из возможных путей выхода из нынешнего состояния повышенной напряженности в международных отношениях. По всей вероятности, компромисс возможен на основе позиции группы L. 69 – с учетом неформальных договоренностей в рамках межправительственных переговоров по реформе ООН и, в частности, рамочных документов 2018 и 2021 года. Все же, этот компромисс ухудшает позиции целого ряда государств (малые страны Западной Европы, Аргентина, Пакистан), так что возможны какие-либо уступки в их пользу, в том числе, за счет интересов стран Африки. Стремление африканских стран к участию в реформе ООН свидетельствует о их готовности принимать активное участие в решении глобальных вызовов и проблем.

Список литературы

1. Власова К.В., Тимченко В.А. Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений // Вестник Томского государственного университета, №. 476, 2022, С.121-129.
2. Дейч Т. Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – Т. 10. – №. 2. – С. 206-228.
3. Денисова Т. С., Костелянец С. В. «Африканским проблемам—африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – №. 3. – С. 451-465.
4. Калядин А. Н. Реформа, которая поможет Совету Безопасности ООН // Международная жизнь. – 2016. – №. 6. – С. 120-136.
5. Кикун Д. Позиции стран БРИКС по реформе Совета Безопасности ООН // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pozitsii-stran-briks-po-reforme-soveta-bezopasnosti-oon/?sphrase_id=133029081 (дата обращения: 10.03.24)
6. Лавров: Интересы Африки должны быть учтены при реформе СБ ООН. [Электронный ресурс]: Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/07/21/lavrov-interesy-afriki-dolzhen-byt-uchteny-pri-reforme-sb-oon.html> (дата обращения: 12.03.23)
7. Лебедева Э.С. К югу от Сахары // Свободная мысль. – 2012. – №. 7-8. – С. 68-80.
8. Мустафаева Наджиба Ильгар-Кызы. Совет Безопасности ООН как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права, №. 2 (63), 2016, С.206-214.
9. Сушенцова М.В. Реформирование ООН как объективная необходимость мирового развития // Русская политология, №. 2 (3), 2017, С.65-72.
10. Урнов А.Ю. Африка и Реформа ООН // Азия и Африка сегодня. 2011. № 5. С.10-17.
11. Щербак И. Н. О деятельности Совета Безопасности ООН на современном этапе // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – №. 6 (33). – С. 9-14.
12. At UN General Assembly, Africa renews call for Security Council seat. [Электронный ресурс]: Africa news. URL: <https://www.africanews.com/2022/11/18/at-un-general-assembly-africa-renews-call-for-security-council-seat/> (дата обращения: 12.03.23)
13. Brosig M., Lecki M. The African Three (A3) at the UN Security Council: Translating Agency into Influence? // Politikon. 2022. Т. 49. №. 3. P. 254-273.
14. Dersso Solomon, Murithi Tim, Stigant Susan. Will the U.S.-Africa Summit Address U.N. Security Council Reform? [Электронный ресурс]: United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/12/will-us-africa-summit-address-un-security-council-reform> (дата обращения: 12.03.23)
15. Hassler, S. (2013). Reforming the UN Security Council membership. Routledge. p. 90.
16. Mbara George Chimdi, Gopal Nirmala, Ehiane Stanley, Olayiwola Hosea Patrick. Re-evaluating the African Union's Ezulwini Consensus in the Reform of the United Nations' Security Council. Journal of African Union Studies, Vol. 10, No. 1 (April 2021), pp.53-70.
17. Revised Co-Chairs' Elements Paper on Convergences and Divergences on the question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters [Электронный ресурс]: Security Council Report. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Elements%20Paper.pdf> (дата обращения: 12.06.23)
18. Revised Co-Chairs' Elements Paper on Convergences and Divergences on the question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters [Электронный ресурс]: United Nations. URL: <https://www.un.org/pga/76/wp-content/uploads/sites/101/2022/04/GA76-Revised-Co-Chairs-Elements-Paper-on-Convergences-and-Divergences-on-the-question-of-equitable-representation-on-and-increase-in-the-membe.pdf> (дата обращения: 12.06.23)
19. Revised elements of commonality and issues for further consideration on the question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters [Электронный ресурс]: United Nations. URL: <https://www.un.org/pga/73/wp-content/uploads/sites/53/2019/06/06.07.19-Revised-Elements-of-Commonality-paper.pdf> (дата обращения: 12.06.23)
20. Souaré I. K. Africa and the UN Security Council, 1945–2010: a critical appraisal. African Security Review. 2011. Т. 20. №. 1. С. 83-94.
21. The Common African Position on the Proposed Reform of the United Nations: «The Esulwini Consensus». African Union. Executive Council. 7th Extraordinary Session. 7-8 March 2005. Addis Ababa, Ethiopia. Ext/EX.CL/2 VII. P.1-6.
22. Torcato Reis, Constança. Reform of the United Nations Security Council, Working Paper №112. [Электронный ресурс]: Observatório Político. URL: www.observatoriopolitico.pt (дата обращения: 12.03.23)
23. Winther B. Z., Lindegaard L. B. In the name of democracy: UNSC reform at the intersection of discourse and governmentality // Discourse & Society. 2021. Т. 32. №. 2. P. 231-253.

REFORM OF THE UN SECURITY COUNCIL: THE POSITION OF AFRICAN COUNTRIES

The article examines the history and current state of the process of discussing the UN reform by African countries, and analyzes the statements of African leaders on this issue. The essence and significance of the position of African countries in the context of the transformation of the system of international relations is revealed. An analysis of the positions of African countries on the issue of UN reform showed that despite the approval of the Ezulwini consensus in 2005, which implies the unity of positions of African states on the problem of reforming the UN, many leaders of African countries have expressed different opinions and approaches over the past decades. However, in 2022-2023, on the one hand, there is a significant increase in the number of statements at the level of leaders of countries and official representatives to the UN, and on the other hand, there are no contradictions in the essence of these statements, since all leaders talk about the need to provide seats for Africa, without declaring their ambitions. Within the framework of the article, an attempt was made to determine the prospects for meeting the requirements of African countries. The role and importance of Russia, China and the United States in this matter is indicated. The study showed that in 2022-2023 there is a sharp increase in the interest of African countries in the implementation of UN reform, which is also supported by Africa's serious successes in terms of economic development that have been observed in recent years.

Keywords: UN reform, Africa, African Union, UN Security Council, Ezulwini consensus.

References

1. Vlasova K.V., Timchenko V.A. (2022) Reforma OON i ee vliyanie na sovremennuju sistemu mezhdunarodnyh otnoshenij [UN reform and its impact on the modern system of international relations]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin], №. 476, S.121-129.
2. Deitch T. L. (2015) Regional'naya politika BRIKS v Afrike [Regional policy of BRICS in Africa] // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. [Bulletin of international organizations: education, science, new economics]. – T. 10. – No. 2. – pp. 206-228.
3. Denisova T. S., Kostelyanets S. V. (2023) «Afrikanskim problemam—afrikanskim resheniya»: mirotvorchestvo v deyatel'nosti Afrikanskogo soyuza i afrikanskih regional'nyh organizacij [“African problems—African solutions”: peacekeeping in the activities of the African Union and African regional organizations] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: International relations]. –T. 23. – No. 3. – pp. 451-465.
4. Kalyadin A. N. (2016) Reforma, kotoraya pomozhet Sovetu Bezopasnosti OON [Reform that will help the UN Security Council] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]. – No. 6. – pp. 120-136.
5. Kiku D. (2024) Pozicii stran BRIKS po reforme Soveta Bezopasnosti OON [Positions of the BRICS countries on the reform of the UN Security Council] // RIAC. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pozitsii-stran-briks-po-reforme-soveta-bezopasnosti-oon/?sphrase_id=133029081 (access date: 03/10/24)
6. Lavrov: Interesy Afriki dolzhny byt' uchteny pri reforme SB OON (2023) [Lavrov: Africa's interests must be taken into account in the reform of the UN Security Council]. [Electronic resource]: Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]. URL: <https://rg.ru/2017/07/21/lavrov-interesy-afriki-dolzhen-byt-uchteny-pri-reforme-sb-oon.html> (reference date: 12.03.23)
7. Lebedeva E.S. (2012) K yugu ot Sahary [South of the Sahara] // Svobodnaya mysl' [Free Thought]. – No. 7-8. – P. 68-80.
8. Mustafaeva Nadzhiba Il'gar-Kyzy (2016) Sovet Bezopasnosti oon kak prioritet reformy OON [The UN Security Council as a Priority of the UN Reform]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law], №. 2 (63), S.206-214.
9. Sushencova M.V. (2017) Reformirovanie OON kak obektivnaja neobhodimost' mirovogo razvitiya [Reforming the UN as an objective necessity of world development]. Russkaja politologija [Russian Political Science], №. 2 (3), S.65-72.
10. Urnov A.Ju. (2011) Afrika i Reforma OON [Africa and UN Reform]. Azija i Afrika segodnja [Asia and Africa Today]. № 5. S.10-17.
11. Shcherbak I. N. (2013) O deyatel'nosti Soveta Bezopasnosti OON na sovremennom etape [On the activities of the UN Security Council at the present stage] // Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University]. – No. 6 (33). – P. 9-14.
12. At UN General Assembly, Africa renews call for Security Council seat. [Электронный ресурс]: Africa news. URL: <https://www.africanews.com/2022/11/18/at-un-general-assembly-africa-renews-call-for-security-council-seat/> (дата обращения: 12.03.23)
13. Brosig M., Lecki M. (2022) The African Three (A3) at the UN Security Council: Translating Agency into Influence? //Politikon. T. 49. №. 3. P. 254-273.
14. Dersso Solomon, Murithi Tim, Stigant Susan (2023) Will the U.S.-Africa Summit Address U.N. Security Council Reform? [Электронный ресурс]: United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2022/12/will-us-africa-summit-address-un-security-council-reform> (дата обращения: 12.03.23)

15. Hassler, S. (2013) *Reforming the UN Security Council membership*. Routledge. p. 90.

16. Mbara George Chimdi, Gopal Nirmala, Ehiane Stanley, Olayiwola Hosea Patrick (2021) *Re-evaluating the African Union's Ezulwini Consensus in the Reform of the United Nations' Security Council*. *Journal of African Union Studies*, Vol. 10, No. 1, pp.53-70.

17. Revised Co-Chairs' Elements Paper on Convergences and Divergences on the question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters [Электронный ресурс]: Security Council Report. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Elements%20Paper.pdf> (дата обращения: 12.06.23)

18. Revised Co-Chairs' Elements Paper on Convergences and Divergences on the question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters [Электронный ресурс]: United Nations. URL: <https://www.un.org/pga/76/wp-content/uploads/sites/101/2022/04/GA76-Revised-Co-Chairs-Elements-Paper-on-Convergences-and-Divergences-on-the-question-of-equitable-representation-on-and-increase-in-the-membe.pdf> (дата обращения: 12.06.23)

19. Revised elements of commonality and issues for further consideration on the question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related matters [Электронный ресурс]: United Nations. URL: <https://www.un.org/pga/73/wp-content/uploads/sites/53/2019/06/06.07.19-Revised-Elements-of-Commonality-paper.pdf> (дата обращения: 12.06.23)

20. Souaré I. K. (2011) *Africa and the UN Security Council, 1945–2010: a critical appraisal*. *African Security Review*. Т. 20. №. 1. С. 83-94.

21. *The Common African Position on the Proposed Reform of the United Nations: «The Ezulwini Consensus»*. African Union. Executive Council. 7th Extraordinary Session. 7-8 March 2005. Addis Ababa, Ethiopia. Ext/EX.CL/2 VII. P.1-6.

22. Torcato Reis, Constança. *Reform of the United Nations Security Council, Working Paper №112*. [Электронный ресурс]: Observatório Político. URL: www.observatoriodpolitico.pt (дата обращения: 12.03.23)

23. Winther B. Z., Lindegaard L. B. (2021) *In the name of democracy: UNSC reform at the intersection of discourse and governmentality* // *Discourse & Society*. Т. 32. №. 2. P. 231-253.

Об авторах

Лошкарёв Иван Дмитриевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, научный сотрудник Центра африканских исследований, Институт международных исследований МГИМО МИД России (Россия), E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Жучков Валерий Викторович – стажер Центра африканских исследований, Институт международных исследований МГИМО МИД России (Россия), E-mail: valeratoo@mail.ru

Loshkariov Ivan Dmitrievich – Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Theory, Researcher at the Center for Middle Eastern and African Studies, Institute for International Studies, MGIMO, MFA of Russia, E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Zhuchkov Valery Viktorovich – intern at the Center for Middle East and African Studies, Institute for International Studies, MGIMO, MFA of Russia, E-mail: valeratoo@mail.ru

Лупанова Е.М., доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XVIII В.: ПРИОРИТЕТЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

История Российской академии наук насчитывает ровно три столетия. За это время отношение к знанию и исследовательские приоритеты претерпевали существенные изменения. Эволюция была постепенной, не всегда целенаправленно регулируемой и осознаваемой. В учебных курсах и обобщающих работах XVIII обычно представлен как время развития науки Нового времени; период, когда поворот от средневековой схоластики к современному экспериментальному научному познанию мира был уже свершившимся фактом. Такой стереотип сформировался и укрепился в прошлом веке. При внимательном рассмотрении однако оказывается, что в XVIII в. взгляд на науку имел много общего с казалось бы уже отжившими к тому времени традициями. XVIII в. был очень далек от технократических категорий мышления, сформировавшихся в XX в. и искусственно переносимых на более ранние периоды. Эпоха энциклопедизма характеризовалась институализацией науки, секуляризацией и рационализацией мышления, переосмыслением иерархии научного знания, способов применения математического и логического инструментария, отношения к «свободным» и «механическим» искусствам. При этом сильным оставалось наследие богословия. Полезность наук определялась перспективами преумножения символического капитала – прославления монарха, совершенствования государственного аппарата управления, жизни двора, поддержания дипломатических отношений, приближения к пониманию смысла и величия Творения, совершенствования нравственности. Таким образом, наиболее престижным было гуманитарное знание – история, филология (теория и практика стихосложения, изучение языков для международного общения), политическая и экономическая теория, философия. Коммерческие выгоды торговли и производства, совершенствование технологий, улучшение бытового комфорта не осознавались как сферы практического применения научных знаний.

Ключевые слова: Российская академия наук, Кунсткамера, наука Нового времени, история науки, иерархия научного знания, синкретизм, секуляризация, рационализация, свободные и механические искусства.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-86-95

Введение. В год трехсотлетия Академии наук историческое исследование приоритетов исследований имеет особую актуальность. XVIII век представляет собой интерес как период, когда формировалось современная светская система научного знания, исследовательской практики, экспертные сообщества, новые авторитеты.

Объекты и методы. В основе данной статьи – проблемный метод исторического исследования. Устоявшиеся историографические стереотипы подвергаются пересмотру на основе изучения опубликованных источников. Широко известные тексты до сих пор не использовались в качестве материала для изучения вопроса о приоритетах научного познания в период становления академической науки.

Эти тексты разные по своим «весовым категориям» – одни были широко известны и тиражировались на пределе типографских мощностей своего времени, другие были забыты вскоре после появления. Комплекс привлеченных источников позволяет реконструировать цельную непротиворечивую картину отношения к науке и знаниям в рассматриваемое время.

Объектом исследования являются обсуждавшиеся и пересматривавшиеся в период энциклопедизма представления о целесообразности научных исканий в различных направлениях.

Результаты и их обсуждение. В XIX–XX в. технический прогресс настолько увлек историков, обращавшихся к вопросам прошлого науки,

что коннотация выражения «средневековая схоластика» приобрела выраженный негативный окрас, а совершенствование техники стало осознаваться как один из главных результатов развития науки. Такой взгляд восходит корнями к движению Реформации – она повлекла за собой не только глубокий внутриконфессиональный конфликт, но и переосмысление взаимоотношений духовенства со светской властью: лютеранство провозгласило приоритет последней; в условиях распространения таких взглядов у приверженцев католической церкви естественно возникало желание сохранить свои позиции – приходилось делать ответное заявление о превосходстве духовной власти и демонстрировать силу посредством костров инквизиции [29; 30; 31; 32].

Начавшаяся борьба накладывалась на осмысление глобальных процессов Нового времени – распространения огнестрельного оружия, Великих географических открытий, совершенствования технологий, динамичного углубления и распространения знаний о мире. Логика протестантизма связывала изменения с научными опытами, наблюдениями, теоретическим объяснением накопленного эмпирического материала. Обновленный образ монарха, не нуждавшегося, как прежде, в благословениях, но облагораживался представлениями о необходимом для управления страной всесторонним серьезным образованием и непрерывным трудом на благо поддан-

ных. Ближайшими его помощниками вместо церковных иерархов становились просвещенные люди – деятели науки и искусства, которым покровительствовала просвещенная власть. Атрибутами парадных дворцовых интерьеров становятся научные инструменты.

В этих условиях продолжение средневековых традиций поиска философского камня в алхимических лабораториях, разработка новых технологий для обеспечения дальнейшего совершенствования огнестрельного оружия и освоения новых территорий привлекали к себе особое внимание духовной власти. Образ ученого демонизовался, что органично вписывалось в бытующие народные традиции, в которых любые отличия от большинства ассоциируются с негативными оценками и невозможностью принятия.

Говоря о средневековой науке, важно помнить о значении, придававшемся свободным искусствам. Их изучение было подготовительными этапами к схоластике – богословским диспутам, целью которых было приближение к правильному толкованию Священного Писания и максимальное приближение к пониманию мудрости Творца. В их число входили логика, арифметика и геометрия. Таким образом, объяснение происходящего в лабораториях посредством математических формул и теоретического обоснования становилось способом легитимации опытов в лаборатории перед лицом духовной власти и самозащиты от инквизиции. То, что может быть логически доказано и подтверждено расчетами, выражено посредством формул, является частью Божьего промысла, а не дьявольского наущения. Подобные идеи нашли отражение в философских трактатах Нового времени. Таким образом, инквизиция способствовала формулированию теоретических основ точных и естественных наук, обобщению и объяснению эмпирических данных [10; 11; 12; 13; 16].

Математические формулы и расчеты приобрели в Новое время еще одно, новое, значение. Перед правителями крупных национальных империй стояла сложная задача установления и поддержания контроля на обширной территории. Для ее выполнения было необходимо повысить эффективность существовавших институтов государственного и административного управления, детально изучить подвластные земли и их население. Одним из важнейших средств изучения и рационализации подвластных ресурсов стал точный математический подсчет и измерения. Для Нового времени характерны переписи населения, описания земель, разведки месторождений полезных ископаемых – стремление обнаружить, сосчитать и поставить на учет всё, имеющее потенциальную ценность с точки зрения хозяйствования.

В разных областях в течение XVIII в. накапливалась масса данных, особенно – выраженных при помощи чисел [36; 43]. Как писал М.В. Ломоносов, «все, что есть в природе, математически точно определено» [21, с. 149]. Геометрически правильная организация также представлялась средством упорядочения, сохранения природы [2, с. 198]. Измерение площадей, строгий учет количества и качества посадок огородных культур, расчет сроков возобновления лесов после вырубки, межевание земель, разработка планов и пропорций представлялись надежной гарантией понимания действующих в природе механизмов и рационального использования ресурсов [32, р. 258, 262]. Традиционный для Средневековья авторитет математического универсализма укреплялся посредством новых обоснований: «...чем более физика обогащается новыми открытиями, тем явственнее показывает нам, что все законы, управляющие миром, суть законы математические», «Естество во всех своих делах и в самых малейших по геометрическим правилам поступает» [21, с. 26-27]. Накопленные ранее знания получали новое, нетипичное для более раннего периода, применение. Формулы приобретали практическое значение не только в качестве одного из свободных искусств, прекрасного в своей абстракции. Они обретали значение, в большей степени связанное с организацией материального мира. Вместе с тем, интерпретация данных, выраженных посредством измерений и вычислений, обычно сохраняла связь с представлениями о том, что знание приближает к пониманию замысла Божьего. Значение математики перестало оцениваться с теологических позиций значительно позже, только в XIX в. [40, с. 86-87].

Возвращаясь к запущенным Реформацией процессам, нужно отметить, что дискуссии о приоритете духовной и светской власти привели к тому, что слово «схоластика» приобрело пренебрежительный оттенок. Тысячелетнее развитие науки и образования преимущественно в стенах монастырей и храмов сменилось противопоставлением духовных исканий истинному современному научному знанию и интересам исследователей [4; 5; 6; 7; 14, 24, 41]. В XVI–XVIII вв. это противопоставление было не очень явным. Предисловия к естественнонаучным трудам, работам, посвященным технике, архитектуре, экономике включали в себя рассуждения о значении подобных занятий. Необходимость таких текстов объясняется актуальностью для большинства читателей этого периода средневековых представлений о свободных искусствах как о ступенях, по которым человек поднимается к познанию мудрости Творца и об остальных занятиях как о механических искусствах, усиливающих связь с земным и суетным и потому,

напротив, отдаляющим нас от Бога.

Большое влияние на развитие процесса оказали трактаты французских философов эпохи Просвещения. В них современная наука и образование подчас уже прямо противопоставлялись средневековым предрассудкам и мракобесию. Особое значение в формулировке и укоренении такого взгляда стало удостоенное премии Дижонской академии «Рассуждение о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо. В начале труда авторитет характеризовал Европу Средних веков как «первобытное варварство», засилье враждебности к просвещению, когда «какая-то подделка под науку, еще более презренная, чем невежество, присвоила себе название знания и ставила возврату последнего почти непреодолимые преграды» [34, с. 44]. При том истинная наука под его пером не предстает идеалом и панацеей. Напротив, пафос автора направлен на осуждение роскоши и безнравственности, появляющихся вследствие повышения благосостояния и бытового комфорта, увеличения досугового времени, существенную часть которого благородные люди стали посвящать занятиям наукой и искусством. Ж.-Ж. Руссо пишет об опасности поощрения таких «приятных талантов» и пренебрежения более полезными вещами, способствующим воспитанию гражданственности, совершенствованию морали и нравственности в обществе.

Тревога, связанная с усилением наблюдавшихся в середине XVIII в. тенденций, не остановила дальнейшего прогресса, а взгляды на Средневековое общество как на враждебное познанию мира и на истинность науки Нового времени получили дальнейшее развитие и были широко растиражированы. Особый успех у публики получила книга В. Ирвинга «История жизни и путешествий Христофора Колумба», вышедшая в свет в 1828 г. В этом популярном издании, претендовавшим более на силу художественного слова, нежели на историческую достоверность, Х. Колумб представлен как герой, совершивший великое открытие в обстановке одиночества, непонимания и вражды. Его яростными недоброжелателями представлены клерикалы – консервативные, невежественные, жадные, властолюбивые противники любого прогресса и научных изысканий. Этот образ был с энтузиазмом подхвачен для добывания представлений о духовной власти как о некогда способствовавшей развитию познания. В течение первой половины XX в. формировалось представление об истории науки как об истории техники, о процессе становления естественных и точных наук в противоборстве с религиозными предрассудками. В этот же период создавались научные школы и исследовательские институты для изучения проблем истории науки. Особенно сильными эти тенденции

были в Германии и СССР.

Историки XIX–XX вв. уделяли много внимания процессу институализации науки Нового времени – созданию академий европейскими монархами. Академии создавались в рамках новых культурных установок, их работа была направлена на решение задач государственной важности, результаты исследований должны были соответствовать модернистским установкам рационализации государственного управления, социальных отношений, экономики, организации пространства и времени. Тем самым академическая наука в корне отличалась от сложившихся в Средние века традиций познания мира. Одновременно задачи, ставившиеся перед академиями, заставляли пересмотреть отношение к считавшимся ранее недостойными высокими умов механическим искусствам. Рационализация управления государством требовала знаний и научно обоснованных моделей обнаружения месторождений ископаемых, сбора максимально возможного урожая, развития коммуникаций и многих других средств повышения престижа монарха и улучшения жизни всех его подданных (т.е. средств достижения «общего блага»). Потребность решения этих задач влекла за собой приглашение ученых к участию в разработке законов, регламентов и официальных инструкций, к организации светских научно-исследовательских и образовательных учреждений и формированию экспертных сообществ специалистов в различных областях [10; 11; 13; 14; 20; 25; 26; 41; 44; 45].

Не оспаривая сам факт секуляризации знаний и институализации науки, следует отметить, что до начала XX в. английское слово «technical» ассоциировалось больше с некоторыми отдельно взятыми ремеслами или с торговым жаргоном, а важность научных исследований обосновывалась необходимостью развивать морально-нравственный, экономический и интеллектуальный порядок [28]. Особо следует сказать о механицизме. XVII–XVIII вв. в историографической традиции XX в. характеризуются как период механицизма – увлечение физикой, созданием механизмов, подходу к изучению мира природы как особого механизма (из чего вытекает идея о наличии закономерностей и возможностей совершенствования), стремления наладить работу государственного аппарата как особого рода машины. Не отрицая этот стереотип, подчеркнем, что такой взгляд не был, хотя и распространенным в Европе, но не общепринятым, а развитие практической механики было ориентировано, в первую очередь, на развлечение элиты. Техническое творчество проявлялось в реализации таких сложных проектов как создание Большого Готторпского глобуса, парк фонтанов в Петродворце, катальная горка в Ораниенбауме. В честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира И.И. Бецкой

устроил в своем имении праздник, где гости увидели, как на середину русла Невы выплыл искусственный остров, «на котором представлена была мыза с пахотною землею и с разными сельскими жилищами... во время ходу... играла наиприятнейшая сельская музыка, а жители упражнялись в сельских работах» [33, с. 50]. Вниманию гостей было предложено целое театральное представление на плавучем острове. По сравнению с такими сооружениями изобретение паровоза или механизация сельскохозяйственных работ была бы делом относительно простым. Технические достижения поражали воображение зрителей, были направлены на достижение сильного театрального эффекта, но не на облегчение ежедневной рутины. Поэтому роскошные имения И.И. Бецкого обустроивались при помощи самых простых орудий и тяжелого физического труда, а подаренный Петру I Готторпский глобус тащили в Петербург впряженные в сани 800 крестьян.

Только в трактатах рубежа XVIII–XIX естествознание и техника были примерно уравнены с совершенствованием государственного управления и совершенствованием нравственности каждого подданного как с наилучшим способом выполнения монархом своего предназначения богопомазанника. Французский естествоиспытатель Ж.-Л.-Л. Бюффон писал, полемизируя с расхожими сомнениями в целесообразности таких исследований о том, что все науки делятся на две группы – «история гражданская» и «история природы». Полезность первой очевидна – она способствует подготовке государственных деятелей; второй – не столь, она является сферой деятельности философов. Не смотря на неясность пользы изучения природы, ею нельзя пренебрегать, так как именно она «есть источник всех прочих физических наук и мать всех художеств» [3, с. 28-29]. Схож характер дискуссии с предполагаемым читателем Х.Г. Кратценштейна. Он обосновывал необходимость развития точных наук, которые, как считали многие его современники, изучаются исключительно из праздного любопытства и не могут иметь практического значения, в то время как польза богословия, юриспруденции и медицины не ставятся под сомнение [17, с. 11-12]. «Письмовник» Н.Г. Курганов был важным универсальным учебником для нескольких поколений людей конца XVIII – начала XIX в. Он также фиксирует распространенность подобных стереотипов и одновременно ставит своей задачей их деконструкцию: «Польза... художеств, всему свету известна». Выгоды, которые приобретает человечество, благодаря развитию математики и физики подробно излагаются: облегчается перенос тяжестей, строительство крупных сооружений, открываются но-

вые перспективы уменьшения количества тяжелого физического труда. При этом Н.Г. Курганов разделяет популярный взгляд на естествознание как на удел теологов «ибо токмо из натуральных изрядств и чудес могут почерпнуть сильнейший довод Божияго бытия» [18, с. 163].

Особняком стоит сочинение ректора Лионского университета 1597 г. П. Таверние, опубликованное в русском переводе в 1761 г. Механические искусства в нем являются явно приоритетными по сравнению со свободными. Ответ на вопрос «Что из наук и художеств нужнее всего?» начинается с агрономии и животноводства. На втором месте находятся «архитектура или строение домов, сапожное да портное мастерство, а по них манифактуры и купечество», военное дело и управление государством. Нужными автор считал также «рукодельи», которые «служат к нашему украшению»: золотое, серебряное и шелковое шитье; музыка и танцы. Особое внимание уделено медицине и фармации, которые П. Таверние характеризует как науки «не само нужные», хотя «роду человеческому без суда, без начальников да без лекарей пробыть трудно». Он осуждает развитие и распространение «излишеств» и «вредных роскошей» – такие «науки» как «конфетное мастерство с богатою поварнею и строение напитков» [36, с. 192-197].

В течение XVIII в. шла постепенная переориентация представлений о полезности. Тяготение к богословию сменялось приоритетами развития и укрепления государства. Так, В.Н. Татищев определял как «нужные науки» богословие, логику и медицину. Вторыми по значимости, «полезными», он называл математику, естествознание, физику, географию, ботанику, химию, историю, иностранные языки. К «щёгольским» наукам он отнес стихотворство, музыку, танцы, живопись, вольтежирование. Наконец, он говорил о «тщетных» (таких как астрология и хиромантия) и «вредных науках» (чернокнижничество) [37, с. 349–350]. Схожей логике следовал в своих рассуждениях Н.М. Максимович-Амбодик [22, с. 16–20]. В их работах проявляется перестановка значения наук по сравнению со Средними веками. Ж.-Ж. Руссо, не конкретизируя, что какие именно науки и искусства подразумеваются, писал об опасности поощрения «приятных талантов» и пренебрежения более полезными вещами, способствующим воспитанию гражданственности, совершенствованию морали и нравственности в обществе [34, с. 60].

Слова «практичность» и «полезность» XVII–XVIII вв., как и внимание к природным явлениям, тоже не следует понимать в современном утилитарном значении, сформировавшемся в эпоху капитализма и приоритета денежного накопления. Полезность оценивалась не с материальной,

а с государственной точки зрения – как часть концепции общего блага, заботы просвещенного монарха о процветании страны и об интересах каждого подданного. Только царь, непрестанно трудящийся во имя благой цели, мог соответствовать образу христианского государя и выполнять предначертанную свыше миссию [1; 8; 23; 38].

Еще одним приоритетом Нового времени стал человек. Эта трансформация, непосредственно связанная с секуляризацией сознания, сравнима с жизнью в доме с большими окнами, обращенными во вселенную, и с заменой их зеркалами. Место Бога, непостижимого и бесконечного, теперь должен был занять человек. К настоящему времени выработаны разные способы самопознания. XVIII в. был временем сосуществования и конкуренции разных тенденций – естественнонаучной (биологический, медицинский аспекты) и духовной. Это противостояние выразилась, например, в дискуссии между естествоиспытателем Ж.-Л.-Л. Бюффон и Н.М. Карамзиным, считавшим познание духовной сущности намного более важным и ценным [35]. С точки зрения средневековья целью земной жизни является спасение души. Спасение человека Нового времени состоит в создании максимально комфортных условий жизни на земле посредством познания и подчинения сил природы и вне зависимости от религиозных представлений.

Яркий пример незавершенности секуляризационных процессов представляют действия, связанные с падежом скота и распространением неизвестных вредителей, поражавших листву и цветы диких и садовых деревьев в 1749 г. Ревельской губернии. Сенат передал поступившее с от местного губернамента сообщение в Петербургскую академию наук, где были сформулированы следующие рекомендации: 1. окуривать скот дымом, 2. больных животных изолировать от здоровых, 3. хоронить умерший скот на глубине больше обычной, 4. с целью изучения болезни вскрывать тела животных – для сравнения как больных, так и здоровых, 5. сочинить особую молитву для отвращения явившегося зла и читать ее во всех

местных церквях. В этих рекомендациях рациональные научно обоснованные рекомендации курьезно сочетаются с религиозным сознанием, в рамках которых вредители растений и падеж скота воспринимались как это божья кара, остановить которую можно было только посредством усердных молитв и искреннего покаяния [27, т. XIII, 957-959, №9635].

Заключение. Становление науки Нового времени было длительным процессом. В течение долгого переходного периода она была тесно связана со средневековой схоластикой, не противопоставлявшийся тогда академической науке и опытному началу. Новые веяния проявлялись в:

- частичном и постепенном переосмыслении «полезности» наук, повышении статуса «механических искусств» и естествознания;
- появлении новых способов использования математического и логического инструментария;
- переориентации знания на материальные, секулярные и антропоцентрические приоритеты;
- рационализации науки – понимании ее как средства изучения ресурсов и поиска способов их эффективного использования, сохранения и преумножения посредством государственного учета и продуманного управления,
- институализации науки (появление академий).

Полезность наук определялась перспективами преумножения символического капитала – прославления монарха, совершенствования государственного аппарата управления, жизни двора, поддержания дипломатических отношений, приближения к пониманию смысла и величия Творения, совершенствования нравственности. Таким образом, наиболее престижным было гуманитарное знание – история, филология (теория и практика стихосложения, изучение языков для международного общения), политическая и экономическая теория. Коммерческие выгоды торговли и производства, совершенствование технологий, улучшение бытового благосостояния не осознавались как сферы практического применения научных знаний.

Список литературы

1. Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С.95-117.
2. [Болотов А. Т. (?)] Сельский житель. О сохранении лесов от порубки (письмо к уединену) // Экономический магазин. 1780. № 65. С. 198-210.
3. Бюффон Ж.-Л.-Л. Всеобщая и частная естественная история. Ч. I. СПб.: АН, 1798. 374 с.
4. Воскобойников О.С. О языке средневековой астрологии (о применении риторических понятий в истории культуры) // Одиссей. Человек в истории. 2007. С. 82.
5. Воскобойников О.С. Праздное и непраздное любопытство в XII веке // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2012. № 2 (10). С. 3-4.
6. Воскобойников О.С. Свобода средневекового искусства (несколько методологических размышлений) // Новое литературное обозрение. 2009. № 5 (99). С. 23-58.

7. Воскобойников О.С. Три взгляда на средневековое искусство (обзор книг французских исследователей) // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 289-307.
8. Герасина Е. В. Государство всеобщего блага по Петру I // Информационное общество и государственно-правовая система: правовая характеристика, соотношение, взаимосвязь. Сб. ст. международной научно-практической конференции. Уфа: Аэтерна, 2020. С. 26-29.
9. Готовцева А. Г. «Откровением естественных вещей»: развитие естественнонаучных знаний в России середины XVIII в. и русская журналистика // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 9–20.
10. Дмитриев И. С. Академия благих надежд (эффективность научной деятельности Петербургской Академии наук в XVIII столетии) // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 4. С. 9–31.
11. Дмитриев И.С. Институализация европейской науки Раннего Нового времени: Бэконский ракурс // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 89-99.
12. Дмитриев И.С. Наука как общественное благо и как источник личной выгоды (к истории создания телескопа Г. Галилеем) // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. Т. 22. С. 18-35.
13. Дмитриев И.С. Чисто английская карьера (почему английские интеллектуалы XVII века стали изучать природу?) // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 4. С. 9-27.
14. Зайцев Е. А. Искусственное и естественное движение: о трансформации средневековой натурфилософии в науку Нового времени // Актуальные проблемы истории естественно-математических и технических наук и образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Елабуга, 2014. С. 233–236.
15. Ильин Д. А. Эволюция взглядов на классификацию видов искусства (от античности до XX в.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 4(36). С. 107–110.
16. Ищенко Н.С. Трансформация образа Джордано Бруно в Новое время // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. №1(13). С. 117-124.
17. Кратценштейн Х. Г. Речь, которую говорил в публичном академическом собрании Христиан Готтлиб Кратценштейн о новых своих изобретениях в мореплавательной науке // Торжество Академии наук на вожденный день тезоименитства ее императорского величества... Елизаветы Петровы самодержицы всероссийской публично говоренными речами празднованное сентября 6 дня 1751 года. СПб.: АН, 1751. С. 5–17.
18. Курганов Н. Г. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавноговещесловия. Осьмое издание. СПб.: АН, 1809. 283 с.
19. Лаппо-Данилевский А. С. Петр Великий, основатель Императорской Академии наук в С.-Петербурге. СПб.: АН, 1914. 60 с.
20. Лега В. П. Христианство и наука Нового времени // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 10 (783). С. 329-342.
21. Ломоносов М. В. [276 заметок по физике и корпускулярной философии; темы будущих работ] // Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950. Т. 1. Труды по физике и химии. 1738–1448 гг. С. 103–167.
22. Максимович-Амбодик Н. М. Слово о цветущем благоустроенного государства состоянии сказыванное в двадцатипятилетнее торжество благоденственного царствования ее императорского величества... государыни Екатерины Алексеевны... , празднованное в публичном собрании императорского Медико-хирургического училища. СПб.: Имп. Тип., 1787. 22 с.
23. Манков Д. А. Осмысление идеи общего блага в докантовской философской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 66–69.
24. Марчукова С. М. Естественнонаучные представления в средневековой Европе. – СПб.: Европейский дом, 1999. 191 с.
25. Никифоров А. Л. Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 178–187.
26. Пирожкова С. В. «Чистая» или «полезная»: культурный статус науки и перспективы его изменений // Философия науки и техники. 2021. Т. 26. № 2. С. 52–67.
27. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Сенатская тип., 1833.
28. Портер Т. Как наука стала технической // Логос. 2020. № 1 (134). Т.30. С. 91–130.
29. Прокопьев А.Ю. Как сохранить единство? О возможностях интеграции в век религиозного раскола // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2014. № 11. С. 5-41.
30. Прокопьев А.Ю. Конфессия и политика в Ранней реформации: Фридрих Мудрый и Георг Бородатый // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 1996. № 1. С. 74-89.

31. Прокопьев А.Ю. На службе клира и мира: Св. Бенно в судьбах Саксонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1 (33). С. 28-38.
32. Прокопьев А.Ю. Светская и духовная власть в ранней лютеранской ортодоксии: Поликарп Лайзер старший (1552–1610) // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии*. 2016. № 5. С. 198-233.
33. Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: изд. Суворина, 1889. 526 с.
34. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в трех томах. Т. I. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. С. 41-65. С. 60.
35. Сапченко Л. А. Карамзин и Бюффон // *Вестник Московского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова*. 2015. № 4. С. 133–140.
36. Таверние П. Краткие разговоры о разных до наук и любопытства касающихся весьма курioзных вещах в вопросах и ответах представленные. СПб.: Сенат, 1761. 542 с.
37. Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // *Жажда познания. Век XVIII*. – М.: Молодая гвардия, 1987. С. 349–350.
38. Травникова Е. Г. Концепция «общее благо» в русском общественном сознании XVIII – первой трети XIX в. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки*. 2012. № 3. С. 72–77.
39. Фальк С. Светлые века. Путешествие в мир средневековой науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 440 с.
40. Шапошников В. А. Миф о трех кризисах в основаниях математики. Часть 2 // *Философия науки и техники*. 2021. Т. 26. № 2. С. 81–95.
41. Шоркин А. Д. Европейский путь к рациональным технологиям Нового времени (1400-1650 годы) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология*. Т. 3(69). 2017. № 1. С. 35–44.
42. Lowood H. E. The Calculating Forester: Quantification, Cameral Science, and the Emergence of Scientific Forestry Management in Germany // *The Quantifying Spirit in the 18th Century*. Berkley; Los Angeles; Oxford: University of California press, 1990. P. 315–342.
43. Mueller-Wille S. Names and Numbers: “Data” in classical Natural History, 1758–1859 // *Osiris*. 2017. Vol.32. P. 109–128.
44. Weinberg S. To explain the world: The Discovery of Modern Science. New-York: Harper, 2015. 432 p.
45. Wooton D. The invention of Science. New history of the Scientific revolution. New-York: Harper Collins, 2015. 784 p.

SCIENTIFIC RESEARCHES OF THE 18TH CENTURY: PRIORITIES AND PRACTICAL MEANING

General works usually present the 18th century as the time of modern sciences development; the period when the turn from the mediæval scholastics to the modern experimental sciences has already happened. This stereotype formed in the middle of the 20th century (especially German and Soviet). Basing on a number of publications of that period and modern researches the author of this article shows how much had the ideas of sciences values in the 18th century with traditions, which are so often regarded to be outmoded by that time: the understanding of God’s purpose, collecting wonders of the world and the proofs of His wisdom, monarch’s labour to realize His intentions. The 18th century was very far from the technocratic designations formed in the 20th century and factitiously transformed to some earlier periods of times. The encyclopedic epoch is characterized by the appearance of institutes, secularization and rationalization of mentality, rethinking the hierarchy of different science and the methods of applying mathematical and logical instruments, the attitudes to “liberal” and “mechanical” art. Academic recommendations on solving some practical tasks could include not only rational advices but also penance and eager invocation. The processes of modern science formation were complicated, gradual and multivalued. New trends included gradual and partial rethinking of sciences’ “use”, “mechanical arts” relative advantage in status, appearance of new ways of mathematics and logical reasoning application; refocusing knowledge to secular, material and anthropocentric values; rationalization of sciences as the turn to resource-studies and improving the efficiency of usage with the means of state management; institutionalization (appearance of academies, new universities and expert societies).

Keywords: Russian academy of sciences, Kunstkamera, sciences of the New time, history of sciences, hierarchy of knowledge, syncretism, universalization of results of special researches, secularization, rationalization, liberal and mechanical arts

References

1. Akishin, M. O. (2010) «Obshcheye blago» i gosudarev ukaz v epohu Petra Velikogo [“Common welfare” and tsar’s decree during the epoch of Peter the Great]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad lawyers’ magazin]. № 3 (21). pp. 95–117. (In Russian)
2. [Bolotov A. T. (?)] (1780) The villager. O sohranenii lesov ot porubki (pis'mo k uyedinenu) [On the preserving forests from chopping]. *Ekonomicheskii magazine* [Economic magazine]. № 65. pp. 198. (In Russian)
3. Buffon, G.-L.-L. (1798) Natural history, general and particular. Part. I. St. Petersburg: AS. 374 p. (In Russian)

4. Voskoboynikov, O.S. (2007) O yazyke srednevekovoy astrologii (o primenenii ritoricheskikh ponyatiy v istorii kul'tury) [About the language of mediaeval astrology (appliance of rhetorical forms in cultural history)]. *Odyssey. Chelovek v istorii* [Odiseus. Human in history]. S. 82. (In Russian)
5. Voskoboynikov, O.S. (2012) Prazdnoe i neprazdnoe lyubopytstvo v XII veke [Leisure and not-leisure curiosity in the 12th century]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"* [History]. № 2 (10). S. 3-4. (In Russian)
6. Voskoboynikov, O.S. (2009) Svoboda srednevekovogo iskusstva (neskol'ko metodologicheskikh razmyshleniy). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review]. № 5 (99). S. 23-58. (In Russian)
7. Voskoboynikov, O.S. Tri vzglyada na srednevekovoe iskusstvo (obzor knig frantsuzskikh issledovateley) [Three ideas of mediaeval arts (review of French researchers' books)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review]. 2010. № 6 (106). S. 289-307. (In Russian)
8. Gerasina, E. V. (2020) Gosudarstvo vseobshchego blaga po Petru I [The State of "Common welfare" according to Peter the 1st]. *Informacionnoe obshchestvo i gosudarstvenno-pravovaya sistema: pravovaya karakteristika, sootnoshenie, vzaimosvyaz'*, Sb. st. mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ufa: Aeterna. pp.26-29. (In Russian)
9. Gotovceva, A. G. «Otkroveniyem yestestvennykh veshchey»: razvitiye yestestvennonauchnykh znaniy v Rossii sereдины XVIII v. i russkaya zhurnalistika ["By Relevation of Natural Things": Progress of the Natural-Science Knowledge in Russia of the Middle of the 18th Century and Russian Journalism ("Monthly Works, Using to Benefit and Entertainment" Magazine)]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Russian state humanitarian university], 2015, № 4, pp. 9-20. (In Russian)
10. Dmitriev, I. S. (2016) Akademiya blagih nadezhd (effektivnost' nauchnoy deyatel'nosti Peterburgskoy Akademii nauk v XVIII stoletii) [Academy of good intentions (efficiency of scientific activity of Petersburg Academy of sciences in the 18th century)], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of sciences and technologies], Vol, 7. № 4. pp. 9–31. (In Russian)
11. Dmitriev I.S. (2017) Institulizatsiya evropeyskoy nauki Rannego Novogo vremeni: Bekonianskiy rakurs [Institutiolization of early modern European science: Beconian perspective]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy* [Bulletin of Russian fond of fundamental researches]. *Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. № 2 (87). pp. 89-99. (In Russian)
12. Dmitriev I.S. (2020) Nauka kak obshchestvennoe blago i kak istochnik lichnoy vygody (k istorii sozdaniya teleskopa G. Galileem) [Science as a public good and as a source of personal benefit (on the history of the creation of the telescope by G. Galileo)]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Thought. Magazine of St. Petersburg philosophical society]. 2020. T. 22. pp. 18-35. (In Russian)
13. Dmitriev I.S. (2017) Chisto angliyskaya kar'era (pochemu angliyskie intellektualy XVII veka stali izuchat' prirodu?) [Pure English career (why English intellectuals of the 17th century started learning nature?)]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of sciences and technics]. T. 8. № 4. pp. 9-27.
14. Zaitsev, E. A. (2014) Iskusstvennoye i yestestvennoye dvizheniye: o transformatsii srednevekovoy naturfilosofii v nauku Novogo vremeni [Artificial and Natural Movement: on the Transformation of Medieval Natural Philosophy and Science of Modern Times]. *Aktual'nye problemy istorii estestvenno-matematicheskikh i tekhnicheskikh nauk i obrazovaniya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Acute problems of history on natural and mathematical sciences and education. Assembled conference papers]. Yelabuga. pp. 233-236. (In Russian)
15. Il'in, D. A. (2013) Evolyutsiya vzglyadov na klassifikatsiyu vidov iskusstva (ot antichnosti do XX v.) [Art Forms Classification Views Evolution (from Ancient Times to the 20th century)]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Cheliabinsk state academy of culture and arts]. № 4 (36). pp.107-110. (In Russian)
16. Ishchenko N.S. (2019) Transformatsiya obraza Dzhordano Bruno v Novoe vremya [Transformation of Giordano Bruno's image in Modern Times]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Bulletin of Dmitriy Pozharskiy's University]. №1(13). pp. 117-124. (In Russian)
17. Kratsenshtein, C.G. (1751) Rech', kotoruyu govoril v publichnom akademicheskome sobranii Hristian Gotlib Kratsenshteyn o novykh svoikh izobreteniyakh v moreplavatel'noy nauke [Speech read at the public meeting of Academy assemble on the new inventions in the navigation]. *Torzhestvo Akademii nauk na vozhdelennyi den tezoimenitstva ee imperatorskogo velichestva... Elizavety Petrovy samodержitsy vserossiiskoi publichno govorennyimi rechami prazdnovannoe sentiabria 6 dnia 1751 goda*. St. Petersburg.: AN. pp.5-17.
18. Kurganov, N. G. (1809) Pismovnik, sodержashchii v sebe nauku rossiiskogo iazyka so mnogim prisovokupleniem raznogo uchebnogo i poleznozabavnogoveshchesloviia. [Notes including sciences and arts concerning Russian language with a number of different studies useful things] St. Petersburg: AS. 283 p. (In Russian)

19. Lappo-Danilevskiy, A. S. (1914) Petr Velikiy, osnovatel' Imperatorskoy Akademii nauk v S.-Peterburge [Peter the Great, the Creator of Emperor's Academy of Sciences in St. Petersburg]. St. Petersburg: AS. 60 p.
20. Lega, V. P. (2017) Khristianstvo i nauka Novogo vremeni [Christianity and Modern Science]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow state linguistic university]. № 10 (783). pp. 329-342. (In Russian)
21. Lomonosov, M. V. (1950) 276 zametok po fizike i korpuskulyarnoy filosofii; temy budushchih rabot [276 notes of physics and corpuscular philosophy; thesis of future works]. Polnoe sobranie sochinenii [Full assembled papers]. Vol. 1. Trudy po fizike i khimii. 1738–1448 gg. Moscow; Leningrad: AS. pp. 103-167. (In Latin and Russian)
22. Maksimovich-Ambodik, N. M. (1787) Slovo o tsvetushchem blagoustroennogo gosudarstva sostoyanii skazyvannoe v dvadtsatipiatiletnee torzhestvo blagodenstvennogo tsarstvovaniia ee imperatorskogo velichestva... gosudaryni Ekateriny Alekseevny..., prazdnovannoe v publichnom sobranii imperatorskogo Mediko-khirurgicheskogo uchilishcha [Speech on the blooming state on the 25th anniversary of Catherine's reign], St. Petersburg: Imp. Tip., 22 p. (In Russian)
23. Mankov, D. A. (2009) Osmysleniye idei obshchego blaga v dokantovskoy filosofskoy traditsii [“General Welfare” in Philosophical Tradition till the Kant]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state university]. № 318. pp.66–69. (In Russian)
24. Marchukova, S. M. (1999) Yestestvennonauchnyye predstavleniya v srednevekovoy Yevrope [Scientific Ideas in the Medieval Europe], St. Petersburg.: Evropejskiy dom, 191 p. (In Russian)
25. Nikiforov, A. L. (2018) Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni? [How the Modern Age Science has Enriched the Humanity]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. № 42. pp.178–187. (In Russian)
26. Pirozhkova, S. V. (2021) «Chistaia» ili «poleznaia»: kulturnyi status nauki i perspektivy ego izmene-nii [“Pure” or “useful”: cultural status of sciences in historical perspective]. Filosofii nauki i tekhniki [Philosophy of sciences and technique]. Vol. 26. № 2. pp.52-67. (In Russian)
27. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full assemble of Russian laws] (1833). St. Petersburg.: Senatskaia tip.
28. Porter, T. (2020) ‘How Science Became Technical’. Logos [Logos]. № 1 (134). Vol. 30. pp. 91–130. (In Russian)
29. Prokop'ev A. Yu. (2014) Kak sohranit' edinstvo? O vozmozhnostyakh integratsii v vek religioznogo raskola. Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni [Problems of social history and culture of Middle ages and Early modern time]. 2014. № 11. pp. 5-41. (In Russian)
30. Prokop'ev A. Yu. (1996) Konfessiya i politika v Ranney reformatsii: Fridrih Mudryy i Georg Borodaty. [Confession and policy in Early Reformation: Fredetick the Wise and George the Bearded]. Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni [Problems of social history and culture of Middle ages and Early modern time]. № 1. pp. 74-89.
31. Prokop'ev A. Yu. (2023) Na sluzhbe klira i mira: Sv. Benno v sud'bah Saksonii [On the service of clergy and society: St. Benno in the fates of Saxony]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1 (33). pp. 28-38. (In Russian)
32. Prokop'ev A. Yu. (2016) Svetskaya i duhovnaya vlast' v ranney lyuteranskoy ortodoksii: Polikarp Layzer Starshiy (1552–1610) [Secular and church power in the Early Lutheran Orthodoxy: Policarp Leiser the Elder(1552–1610)]. Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii [Religion. Church. Society. Researches and publications of the theology and religion]. № 5. pp. 198-233. (In Russian)
33. Pyliaev, M. I. (1889) Zabytoe proshloe okrestnostei Peterburga [Forgotten past of St. Petersburg suburbs], St. Petersburg.: izd. Suvorina. 526 p. (In Russian)
34. Rousseau, J. J. (1961) Rassuzhdenie o naukah i iskusstvah. Rousseau, J. J. Izbrannye sochineniya v trekh tomah [Some issues in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo hudozhestvennoy literatury. pp. 41–65.
35. Sapchenko, L. A. (2015) Karamzin i Buffon [Karamzin and Buffon], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.N. Ul'yanova [Bulletin of I.N. Uli'anov's Moscow state pedagogical university]. № 4. pp.133–140. (In Russian)
36. Tatishchev, V. N. (1987) Razgovor dvuh priyateley o pol'ze nauk i uchilishch [Razgovor dvukh priyateley o polze nauk i uchilishch]. Zhazhda poznaniia. Vek XVIII, Moscow: Molodaia gvardiia. pp. 349–350. (In Russian)
37. Tavernie, P.(1761) Short talks on different curious and concerning sciences things in questions and answers [Kratkiye razgovory o raznyh do nauk i lyubopytstva kasayushchihsya ves'ma kurioznyh veshchah v voprosah i otvetah predstavlennyye], St. Petersburg.: Senat. 542 p.
38. Travnikova, E. G. (2012) Kontsepsiya «obshcheye blago» v russkom obshchestvennom soznanii

XVIII – pervoy treti XIX v. [“Common welfare” concept in the Russian Social Consciousness of the 18th – First Third of the 19th century]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of Moscow state regional university. Series: History and political sciences]. №3. pp.72-77. (In Russian)

39. Falk, S. (2023) Svetlye veka. Puteshestvie v mir srednevekovoy nauki. Moscow: Al'pina non-fiction. 440 pp.

40. Shaposhnikov, V. A. (2021) Mif o trekh krizisakh v osnovaniyah matematiki [The myth on the three crisis of mathematics basis]. Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of sciences and technique]. Vol. 26, № 2. pp. 81-95. (In Russian)

41. Shorkin, A. D. (2017) Yevropeyskiy put' k ratsional'nym tekhnologiyam Novogo vremeni (1400-1650 gody) [The European Way to the New Age of Rational Technologies]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2017. Vol. 3 (69). № 1. pp.35–44. (In Russian)

42. Lowood, H. E. The Calculating Forester: Quantification, Cameral Science, and the Emergence of Scientific Forestry Management in Germany, The Quantifying Spirit in the 18th Century. Berkley. Los Angeles. Oxford: University of California press, 1990. pp.315–342.

43. Mueller-Wille, S. (2017) Names and Numbers: “Data” in classical Natural History, 1758–1859. Osiris. Vol. 32. pp. 109–128.

44. Weinberg, S. (2015) To explain the world: The Discovery of Modern Science, New-Your: Harper. 432 p.

45. Wooton, D. (2015) The invention of Science. New history of the Scientific revolution. New-York: Harper Collins. 784 p.

Об авторе

Лупанова Евгения Михайловна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей М.В. Ломоносова» в составе МАЭ (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, E-mail: lupanova@kustkamera.ru

Lupanova Yevgenia Mikhailovna – Prof. in history, senior researcher of M. V. Lomonosov’s museum at MAE RAS, St. Petersburg, Russia, E-mail: lupanova@kustkamera.ru

УДК 37.01+001.18

Манукян А.Р., кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления, МГИМО МИД России (Россия).

Юдин Н.О., кандидат политических наук, преподаватель кафедры немецкого языка, МГИМО МИД России (Россия).

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность темы связана с необходимостью определения места России в современном образовательном пространстве с учетом тех вызовов, которые определяют современную ситуацию в мире. Постановка проблемы, проблематика данной статьи обусловлена необходимостью осмысления процессов трансформации системы образования во всем мире и в России. Методологическим основанием данного исследования является подход, объединяющий в себя ряд общенаучных и специальных методов исследования, позволивших исследовать поднятую проблему системно и представить, в результате, авторский прогноз развития образовательного пространства. В настоящее время научно-образовательное пространство не стоит рассматривать в категориях «открытости», «равноправия», «доступности». Такой подход, идеализирующий современное научно-образовательное пространство, является ошибочным, поскольку не дает ясного понимания смысла конкурентных отношений в современной системе образования. Современное научно-образовательное пространство представляет собой иерархическую систему различных образовательных пространств (общемирового, регионального, национального), трендом развития которого является регионализация, в результате которой происходит переформатирование образовательного пространства под воздействием политизации образовательной деятельности. В настоящее время Россия становится одним из центров силы в мировом геополитическом пространстве, что определяет привлекательность российской образовательной системы, способствуя превращению России в одного из лидеров современного образовательного пространства.

Ключевые слова: образовательное пространство, глобализация, регионализация, политизация, фрагментация, лидерство, сегментация.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-96-107

Введение. Проблема образовательного и научного пространственного развития в меняющемся мире представляется важной в связи с тем, что одной из характеристик человеческого восприятия действительности связано с наличием пространственного мышления, что позволяет человеку определять свое место в социальной среде посредством участия в различных процессах, протекающих в пространствах социально-экономического, культурного, политического, научного и образовательного модуса человеческого существования. Именно благодаря пространственному мышлению человек воспринимает окружающий мир во всей его полноте и воспринимает себя самого как субъекта, участвующего в создании множества «картин мира», являющихся отражением объективной реальности. В силу многообразия «картин мира» личность выделяет те из них, которые в настоящее время являются приоритетными для адекватного процесса социального взаимодействия и восприятия происходящего. В настоящее время, безусловно, приоритетными являются политические, экономические, информационные картины мира, наполняющие жизнь человека определёнными смыслами. При этом наиболее важной в смысловом отношении является обретение личностью нового знания, в связи

с чем, наряду с указанными выше элементами объективной реальности, особую важность приобретает научная картина мира и ее образовательная компонента.

В этой связи, наряду с терминами «политическое пространство», «экономическое пространство» появились термины, которые связаны с пространственным развитием образования и науки, которые, как правило, рассматриваются и в интеграционном контексте.

Одной из областей человеческой деятельности, в которой интеграционные процессы происходят наиболее активно является система университетского образования, что привело к появлению термина «образовательное пространство деятельности университетов», к которому в конце XX столетия добавился термин «глобальное научное пространство», определившие возникновение новой терминологической единицы – «глобальное научно-образовательное пространство», которое в настоящее время находится в состоянии динамического развития и фрагментации.

Таким образом, проблематика данной статьи обусловлена необходимостью осмысления процессов трансформации системы образования во всем мире и в России, имея ввиду то, что современное высшее университетское образование

вышло за границы образовательного дискурса и стало по настоящему областью концентрации научного знания и подготовки специалистов, готовых к научной, образовательной и производственной деятельности, испытывая при этом внешнее воздействие, изменяющее его пространственные очертания.

Анализ последних публикаций, определение нерешенных вопросов. Пространственные характеристики социального бытия на протяжении столетий интересовали исследователей в связи с важностью восприятия действительности через пространственные характеристики окружающего мира. Роль различных пространств в их философско-научном аспекте социологи, психологи И. Кант, П. Бурдьё, Б. Верлен, Е. Дюркгейм, П.А. Со рокин, Дж. Тернер, М. Хайдеггер и др. Работы данных авторов вполне четко определили пространственную парадигму развития человеческой цивилизации в связи со свойством темпоральности, определяющим изменчивость пространственных характеристик с течением времени. Одним из таких динамичных и изменчивых пространств является научно-образовательное пространство современного мира, которое сформировалось на стыке образовательной деятельности и науки.

Понятие «образовательное пространство» получило распространение благодаря трудам таких ученых, как Волосникова Л.М., Осьмук Л.А., Кукуев Е.А [2], Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. [3], Моргунова А.Г. [4], Мухин М.И. [5], Осьмук Л.А. [7], Осьмук Л.А., Скалабан И.А., Фрибус Н.В., Хоменко Е.В., Сергеева З.Н. [9], Рябина А.М. [8], Хайрутдинов Р.Р. [10], Шкуратова М.В. [11] и др. Данные ученые отошли от традиционного понимания «образовательного пространства» в его локальном смысле (университета, школы), придав этому термину глобальный смысл.

В исследованиях этих ученых раскрыты преимущественно внутренние (педагогические, психологические, дидактические и др.) изменения в системе образования, формирующих образовательное пространство учебного заведения. Однако, все более насущной, особенно для высших учебных заведений, возникает потребность осмысления возможностей образования как одной из интеграционных платформ развития современного мироустройства, о чем пишут Ахметшин Э.М. [1], Моргунова А.Г. [4], Неборский Е.В. [6], Шкуратова М.В. [11].

В основе данного подхода лежит понимание того, что современные университетские образовательные системы становятся институцио-

нальными образованиями, способными концентрировать в себе множественные основания научно-технического и интеллектуально-личностного прогресса человеческой цивилизации. В этой связи все более актуальным для высших учебных заведений становится потребность интеграции образовательного процесса университета с научной деятельностью, которая формируется в недрах университетской традиции создания университетов – научных центров.

Это позволяет расширить границы образовательного пространства и обеспечить интеграцию образования и науки в едином образовательном пространстве, которое можно рассматривать на различных уровнях (макро-, мезо-, микро-).

Таким образом, **целью** данной статьи является осмысление проблемы развития научно-образовательного пространства как выражения интеграционных процессов, происходящих в современном мире и несущих в себе ряд противоречий, определяющих тенденции и перспективы развития образовательных систем в XXI веке.

Научная новизна данной статьи состоит в том, что автором научно-образовательное пространство рассматривается как иерархическая система, как совокупность различных пространств, в которых происходит научно-образовательная деятельность современных университетов, испытывающих на себе воздействие внешних политических процессов, ведущих к регионализации глобального образовательного пространства. В результате определено, что будущее данного пространства связано с его неминуемой сегментацией, когда политическая целесообразность будет определять границы размежевания образовательных систем, определяющих направленность научного, образовательного и академического обмена, ограничивая их фактором регионализации.

Методология. Методологическим основанием данного исследования является подход, объединяющий в себя ряд общенаучных и специальных методов исследования, позволивших исследовать поднятую проблему системно и представить, в результате, авторский прогноз развития образовательного пространства. В данной статье образовательное пространство рассматривается как система взаимосвязанных элементов, которые определяют динамику его развития. В число общенаучных методов исследования вошли методы анализа, обобщения, классификации; специальные методы исследования представлены методами корреляционного анализа и сегментации государств, образующих образовательные пространства различных уровней.

Результаты и обсуждения. Рассматривая проблему развития образовательного и научного пространства в современном мире следует обратить внимание на то, что в данном термине объединены основные направления интеллектуального развития современной цивилизации – образование и наука, которые в своей совокупности отражают процессы познания объективной реальности и отражения результатов познания в форме передачи полученного знания. Таким образом, данный термин функционирует в пространстве передачи знаний и опыта, накопленного на протяжении тысячелетий и являющегося основанием для дальнейшего развития некой территории, создавая условия для взаимодействия на данной территории различных акторов, обеспечивающих постоянный обмен знаниями, технологиями обучения, ресурсами научной и образовательной деятельности.

При этом анализ научной литературы позволяет нам говорить о том, что научно-образовательное пространство, безусловно, является иерархической системой, в которой, однако, накопление знания и опыта идет по восходящей траектории. Возникая на локальном уровне деятельности университетов, знания и опыт образуют национальное научно-образовательное пространство, которое, в свою очередь, формирует научно-образовательное пространство регионов и, в конце концов, получение знания и опыта входят в мировую копилку интеллектуального и педагогического наследия, формируя глобальное научно-образовательное пространство, в котором, собственно, и происходит обмен научной информацией, научная и образовательная деятельность, выходящая за национальные и региональные рамки.

Также следует обратить внимание на то, что как и всякое иное пространство, образовательное пространство подвержено различного рода социальным диффузиям, в результате которых границы региональных образовательных пространств изменяются, при том, что данные изменения происходят на фоне относительно статичного характера глобального образовательного пространства и его национального сегмента. Речь идет о том, что в настоящее время образовательное пространство глобального уровня, являясь категорией политико-географической, охватывает весь земной шар и его способность к расширению, либо уменьшению является весьма ограниченной. В тоже время национальное образовательное пространство может изменить свои границы под воздействием геополитических процессов, что, однако же, случается нечасто, хотя военно-политические события последних лет подтверждают реальность данной ситуации [1], [11], [5].

В тоже время региональные образовательные пространства, которые, собственно и являются основным полем академического обмена и сотрудничества университетов является более подвижным, поскольку тренды, определяющие развитие образовательных систем, меняются достаточно часто, в результате чего формируются региональные университетские альянсы, которые и образуют основу региональных образовательных пространств. Рассматривая иерархические отношения, которые характеризуют развитие глобального образовательного пространства следует обратить внимание на то, что по мнению западных экспертов в области продвижения идей глобального образования глобализация образовательного пространства стала необратимым процессом, определяющим современный тренд развития высшей школы. Данный аспект глобализации предполагает объединение образовательных систем разных стран, различающихся по своим типам, уровням, традициям, целям и задачам, состоянию развития и качеству. Разнообразие образовательных систем является важным достижением развития человечества, и становится важным источником общечеловеческого разнообразия [13].

Безусловно, что данная позиция является весьма субъективной и требует критического осмысления, поскольку сам глобализационный контекст образования отнюдь не формирует условия для развития национально – образовательного разнообразия, равно как и весьма спорной является мысль о том, что «роль глобального образования заключается в адекватном понимании проблем менее развитых и бедных стран» [10].

Безусловно, что данная позиция является весьма субъективной и требует критического осмысления, поскольку сам глобализационный контекст образования отнюдь не формирует условия для развития национально – образовательного разнообразия, равно как и весьма спорной является мысль о том, что «роль глобального образования заключается в адекватном понимании проблем менее развитых и бедных стран» [10].

В тоже время следует признать, что европейское образовательно-научное пространство благодаря его особым достижениям, обусловленным Лиссабонской стратегией, Болонским процессом и формированием Европейского научного пространства, является, несомненно, весьма яркой иллюстрацией возможностей создания глобальных научно-образовательных систем и их развития в парадигме интернационализации образования.

В работах [13], [14] приводятся признаки, которые в настоящее время характеризуют европейское (глобальное) образовательное пространство (рис. 1).

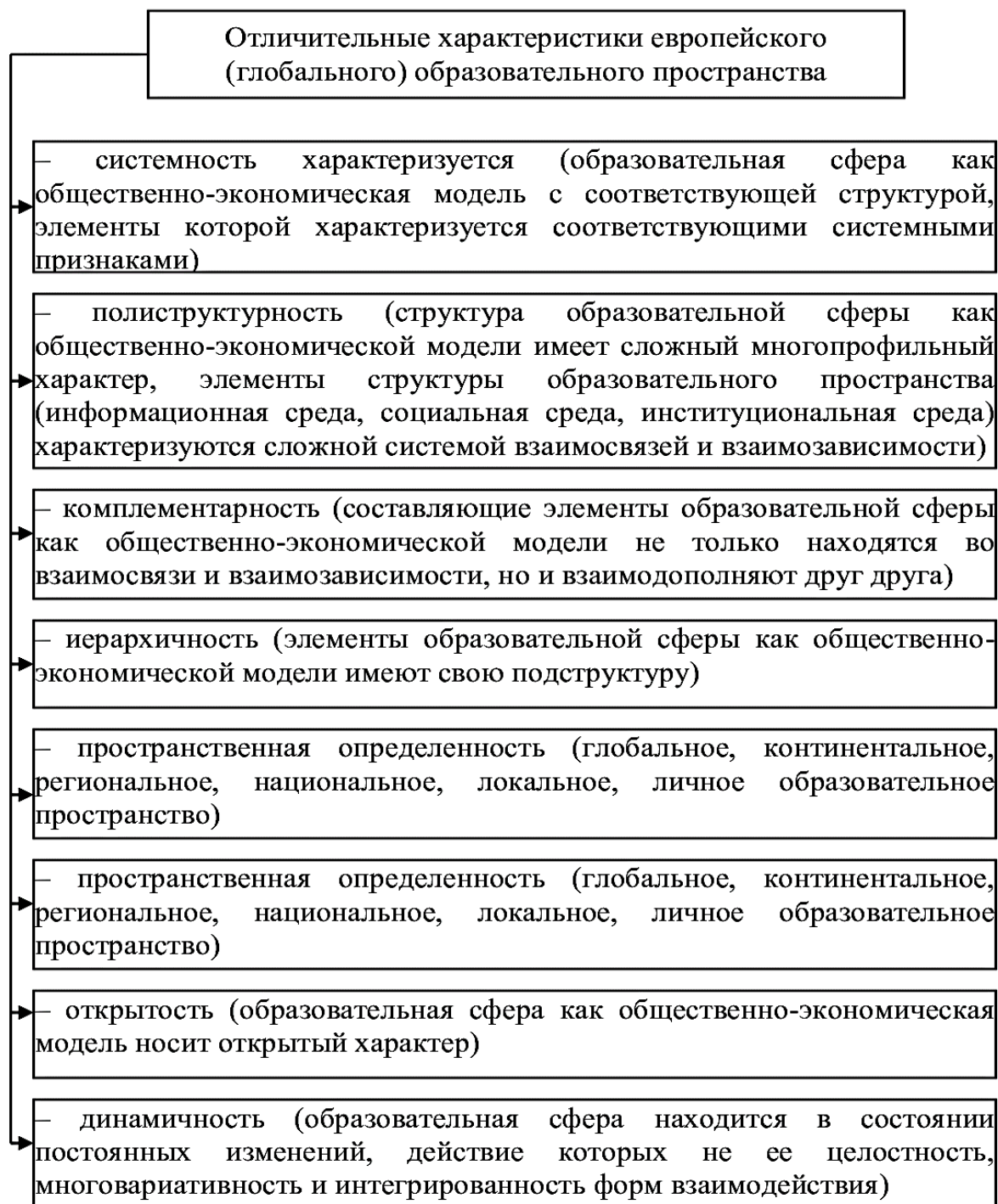

Рис. 1 Характерные признаки современного глобального экономического пространства

Для единого европейского научно-образовательного пространства (глобального по своей сути и по уровню охвата стран-участниц) характерны черты, позволяющие говорить о его системности и высокой степени автономности, т.е. о способности существовать вне постоянного притока новых участников и новых идей, возникающих в национальных образовательных системах. Действительно, на сегодня, Болонская система является самодостаточной и наиболее развитой в плане того,

что она объединила в себе образовательные пространства 46 стран, включая и ряд постсоветских государств (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан). Приведенный перечень этих государств позволяет говорить о том, что Болонское образовательное пространство выходит за географические границы Европы, претендуя на то, чтобы в обозримом будущем претендовать на роль абсолютного лидера глобального образовательного пространства. Об этом, например, свидетельствует тот факт,

что уже сегодня к числу стран участниц Болонского процесса присоединился Казахстан, который по своему географическому положению относится к центрально-азиатскому региону. При этом, данный проект несет в себе, помимо образовательных и научных перспектив развития, существенное политическое наполнение, например Республика Беларусь была лишена права участия в Болонском процессе в связи с ее политической позицией и сотрудничеством с Россией).

Во-первых, данный факт позволяет утверждать, что существенным признаком современного глобального образовательного пространства является его политизация. Также можно говорить о том, что данная образовательная инициатива является не только сугубо гуманитарной, но и рассматривается как элемент стратегии «мягкой силы», позволяющей западным странам формировать общеевропейскую идеологию, формируя шаблонное общественно-политическое сознание у лиц, ставших участниками Болонского процесса.

Во-вторых, мы можем сформулировать принципиальный вывод о том, что современное европейское (глобальное) образовательное пространство находится в состоянии динамического изменения и его географические границы являются подвижными, окончательно не сформированными.

Не смотря на то, что Россия вышла из данного проекта (в силу его явной политизации и риска утраты национальных традиций как образовательной, так и научной деятельности), став на путь формирования суверенной образовательной системы на основе возврата к национальным корням университетского образования, тем не менее, опыт Болонской системы является весьма перспективным с точки зрения интеграции научного и образовательного пространств в стенах университетов.

Именно в рамках Болонской системы возник новый объединяющий термин “frontier research” – передовая наука, то есть наука, которая развивается в университетах и помогает формированию в стенах университетов особой атмосферы научного поиска, являющейся важнейшей характеристикой современного глобального научно-образовательного пространства.

При этом в основе формирования глобального научно-образовательного пространства лежит постулат, в соответствии с которым общество должно быть уверенным: основной вклад в развитие образовательных систем, выходящих за рамки общенациональных границ, вносят не политики, не экономисты, не представители органов власти, а университеты, которые готовят студентов с мощ-

ным культурным, образовательным и научным потенциалом, оставаясь лидерами в области науки и инноваций и осуществляющих свободный обмен образовательными программами, научной информацией, образовательными технологиями, осуществляя обмен студентами и преподавателями [1].

Данная установка, несомненно, является весьма привлекательной, однако, не в полной мере реализуемой в связи с тем, что «глобальное научно-образовательное пространство» является пространством, в котором активно происходят процессы политизации образовательной деятельности, в связи с чем данная деятельность становится элементом конкурентных отношений, когда научно-образовательная конкуренция университетов дополняется политической конкуренцией, возникающей на фоне борьбы в области экспорта образовательных услуг, распространения образовательных программ, в которых особым образом трактуются исторические факты, философские, обществоведческие концепции и т. д.

В настоящее время научно-образовательное пространство входит в новый этап развития, который связан не столько с научно-образовательной деятельностью, сколько с проблемами регионализации современного политического пространства.

В данном контексте следует обратить внимание на то, что способность образования формировать личность человека и гражданина всегда рассматривалась как ресурс политической консолидации общества, а также как инструмент политического маркетинга.

Однако, только в последние годы, проблема развития глобального научно-образовательного пространства обрела новый острополитический контекст и стала проблемой мировой регионалистики.

Обосновывая данное положение, обратимся к данным статистики.

Так, согласно опубликованному в 2024 году рейтингу лучших университетов мира, разработанному британским изданием Times Higher Education и информационной группой Thomson Reuters (при разработке рейтинга эксперты Times Higher Education используют 13 показателей, среди которых академическая и научная репутации университетов, цитируемость научных публикаций, объемы государственного и частного финансирования исследовательской деятельности университета, отношение количества иностранных преподавателей и студентов к количеству местных, вклад в инновации, количество защищенных диссертаций и др.) первые места заняли вузы из США и Британии, за которыми следуют университеты Европы, Ближнего Востока, Южной Америки и

Африки [6]. Россия в данном рейтинге представлена Московским Государственным университетом 262 позиции и Новосибирским государственным университетом 303 позиция) [15].

Не будем рассуждать об объективности данного рейтинга, однако все же обратим внимание на то, что приведенные данные свидетельствуют о том, что лучшие университеты как ядра глобального научно-образовательного пространства размещены крайне неравномерно. Это означает, что современное глобальное научно-образовательное пространство является неоднородным, несформированным и не готовым к тому, чтобы образовательные и научные достижения равномерно распределялись в рамках традиционного географического пространства существования стран и народов.

В этой связи сам факт того, что страна является составной частью современного научно-образовательного пространства, отнюдь не гарантирует равенства доступа к образованию и к знаниям.

В этой связи, современное научно-образовательное пространство не стоит рассматривать в категориях «открытости», «равноправия», «доступности», «дружественности», чему подтверждением является ранее превозносимый на всех образовательных площадках и форумах Болонский процесс, который на деле оказался образовательным проектом, в котором его несомненная привлекательность стала основанием той «мягкой силы», которая, фактически, была направлена на «обезличивание» национальных образовательных систем, на создание условий для внедрения западных стандартов мышления в умы студентов и преподавателей, участвующих в данной образовательной глобальной образовательной инициативе.

Соответственно подход, идеализирующий современное научно-образовательное пространство, безусловно, является ошибочным и порочным в том смысле, что отсутствие ясного понимания смысла конкурентных отношений, возможностей образования, как инструмента «мягкой силы» и содержания острой борьбы за знания и за умы, определяющих современную ситуацию в глобальной научно-образовательной среде, дает искаженную «научно-образовательную картину мира» и не позволяет определять национальные стратегические ориентиры развития науки и образования.

Говоря о стратегических ориентирах, следует понимать, что присутствие России в глобальном научно-образовательном пространстве является весьма относительным достижением, поскольку, фактически, данное пространство находится под контролем западных научно-образовательных центров, что, по определению, является фактором

риска, имея ввиду возможности изоляции России и исключения ее из традиционного образовательного пространства западного мира. Отметим, также, что данный фактор риска в равной степени воздействует и на иные страны, избравшие суверенный путь социально-экономического и культурного развития (Китай, Индия, Бразилия и т.д.).

В этой связи, по нашему мнению, будущее научно-образовательного пространства связано с его неминуемой сегментацией, когда политическая целесообразность будет определять границы размежевания, которые, так или иначе, сформируют условия научного, академического и образовательного обмена учебными программами и технологиями, ограничивая их фактором регионализации.

При этом, регионализация, отнюдь, не будет означать полную изоляцию региональных научно-образовательных пространств. Научные и учебные контакты сохраняться, однако, их интенсивность будет зависеть от состава и качества университетов и научных институтов, став основанием для определения того, насколько тот или иной регион, та или иная страна готова к активному участию в региональных и межрегиональных научно-образовательных контактах. В каждом из сегментов научно-образовательного пространства будут происходить уникальные процессы, которые позволят выделить лидеров, формирующих общую значимость научно-образовательных достижений региона, и аутсайдеров, стремящихся к более глубокой интеграции со странами-лидерами.

Сам же процесс сегментации мирового образовательного пространства в контексте его регионализации можно рассмотреть и спрогнозировать, опираясь на Индекс глобальной конкурентоспособности [12], который, в том числе, и определяет динамику развития отдельных факторов конкурентоспособности, позволяя сегментировать страны по признаку их способности к развитию в условиях экономики знаний. Вторым основанием для такой классификации может служить объективная политическая позиция стран, в отношении двух центров силы – Глобального Севера и Глобального Юга.

Третьим основанием сегментации является общий уровень развития университетского образования и науки, которое определено по признаку включения страны в рейтинги качества научно-образовательной университетской деятельности.

В таблице ниже приведены данные, позволяющие осуществить процесс сегментации по признаку корреляции между динамикой показателей конкурентоспособности страны в экономике знаний и динамики места страны в рейтинге университетов (табл. 1.).

Таблица 1.

Средние показатели корреляции между динамикой показателей конкурентоспособности страны в экономике знаний и динамики места страны в рейтинге университетов (рассчитано автором с использованием данных пяти университетов мира, входящих в каждую сотню рейтинга Harvard University, Tsinghua University, University of Luxembourg, Abu Dhabi University, Moscow State University [15] и индекса конкурентоспособности [12])

№	Показатели	Коэффициент корреляции по годам							
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Научно – образовательная деятельность	0,660	0,655	0,660	0,635	0,623	0,641	0,675	0,663
2	Качество НИИ	0,686	0,633	0,683	0,601	0,566	0,539	0,527	0,486
3	Способность к инновациям	0,664	0,608	0,6444	0,572	0,503	0,507	0,501	0,486
4	Рейтинговые позиции университетов	0,690	0,642	0,650	0,622	0,595	0,590	0,564	0,508
5	Наличие ученых и инженеров	0,552	0,512	0,518	0,553	0,523	0,431	0,456	0,413
6	Затраты предприятий на НИОКР	0,660	0,610	0,601	0,558	0,535	0,551	0,557	0,507
7	Доступность исследовательских услуг и услуг по подготовке кадров	0,678	0,609	0,587	0,579	0,571	0,554	0,560	0,529
8	Качество управленческих школ	0,585	0,542	0,556	0,570	0,543	0,480	0,512	0,475
9	Факторы инноваций и опытности	0,736	0,694	0,703	0,681	0,643	0,624	0,627	0,598
10	Качество математического и научного образования	0,554	0,520	0,530	0,552	,546	0,499	0,509	0,500
11	Защита ИС	0,731	0,701	0,710	0,702	0,706	0,701	0,689	0,662
12	Доступность новейших технологий	0,702	0,678	0,678	0,682	0,693	0,672	0,678	0,662
13	Эффективное использование талантов	0,490	0,452	0,501	0,485	0,503	0,490	0,494	0515

Полученные данные позволили говорить о наличии корреляции между показателем научно-образовательной деятельности, рассчитанном на основе рейтинговых позиций ведущих региональных университетов и качеством управления школ, способности к инновациям, затрат на инновационное развитие. Также использование полученных таким

образом данных позволило составить предполагаемую сегментацию мирового научно-образовательного пространства в среднесрочной перспективе с учетом факторов развития университетского образования, научной деятельности регионализации и политизации мирового развития (табл. 2).

Таблица 2.

Предполагаемая сегментация мирового научно-образовательного пространства в среднесрочной перспективе с учетом факторов регионализации и политизации мирового развития (сегментация проведена с использованием программного комплекса Статистика 6 на основе вычисления показателя k – среднее)

№	Лидер регионального образовательного сегмента	Сильная позиция	Слабая позиция
1.	Россия	Беларусь, Вьетнам, Иран, Ирак, Сирия, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Сербия, Венесуэла	Замбия, Гана, Лесото, Тимор-Лешти, Эфиопия, Гаити, Зимбабве, Йемен, Ангола, Нигерия, Малави, Гвинея, Северная Корея, Гватемала, Кабо Верде, Гаон, Монголия, Замбия, Гана, Эфиопия, Камерун
2.	Германия	Саудовская Аравия, Бахрейн, Молодова, Кипр,, Мальта, Чили, Уругвай, Черногория, Азербайджан, Иордания, Македония, Эквадор, Перу, Доминиканская Республика, Эль-Сальвадор, Албания, Филиппины, Индия, Парагвай, Грузия, Гондурас, Польша, Армения, Латвия, Эстония, Литва	Камерун, Гамбия, Камбоджа, Бангла-деш, Мозамбик, Гамбия. Панама, Румыния, Индонезия, Босния и Герцеговина, Гаяна, Боливия
3	Китай	Сингапур, Новая Зеландия, Австралия, Италия, Португалия, Румыния, Малайзия	Пакистан, Кения, Никарагуа, Мали, Непал, Мавритания, Бенин Чад, Мадагаскар, Танзания, Руанда, Уганда, Буркина-Фасо, Либерия, Бурунди, Сьерра-Леоне, Сейшелы, Коста-Рика, Таиланд, Хорватия, Турция, Венесуэла, Ливан, Бразилия, Маврикий, Ботсвана, Колумбия, Суринам, Намибия, Шри-Ланка, Марокко, Свазиленд, Лаос
4	Финляндия, Швейцария, Великобритания, Франция	Кувейт, ОАЭ, Эстония, Болгария Нидерланды, Бруней, Ирландия, Италия Дания, Швеция, Великобритания, Австрия, Канада, Исландия, Япония, Франция, Южная Корея, Оман, Пуэрто-Рико Испания, Чешская Республика, Словения, Словакия, Тринидад и Тобаго, Хорватия	Греция, ЮАР, Ливия, Ямайка, Тунис, Алжир, Чешская Республика, Руанда, Сенегал, Аргентина, Гватемала, Бруней, Польша, Оман Лаос, Намибия, Сейшелы, Танзания, Словакия, Свазиленд, Таджикистан, Мадагаскар, Марокко, Кабо-Верде, Пакистан, Маврикий, Иран, Буркина-Фасо, Ботсвана Тринидад и Тобаго., Кувейт, Перу, Шри-Ланка, Греция, Болгария,, Камбоджи, Либерия, Никарагуа, Тунис, Ливан, Суринам, Малави, Зимбабве, Бурунди, Нигерия, Молдова, Бенин, Грузия, Непал, Габон, Тимор-Лешти, Гаити, Египет, Бангладеш, Сьерра-Леоне

5	Израиль	Люксембург, ОАЭ, Литва, Индонезия, Босния и Герцеговина, Гаяна Кипр, Эквадор, Гондурас, Мальта, Сальвадор	Боливия, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Бахрейн, Доминиканская Республика, Лесото, Парагвай, Албания,
6	США, Великобритания	Панама, Барбадос, Черногория, Иордания, Сингапур, Бельгия, Швеция, Нидерланды, Малайзия, Ирландия, Тайвань (Китай), Норвегия, Япония, Новая Зеландия, Канада, Дания, Австрия, Португалия,, Австралия, Уганда Исландия, Чили, Южная Корея, Гонконг (Китай), ЮАР, Саудовская Аравия Мексика, Словения Таиланд, Индия, Колумбия, Латвия, Филиппины, Ямайка, Испания, Италия, Турция, Македония, Уганда Люксембург, ОАЭ, Литва, Индонезия, Кипр, Босния и Герцеговина, Гаяна Эквадор, Мальта, Гондурас, Сальвадор Панама, Барбадос, Черногория, Иордания, Сингапур, Бельгия, Израиль, Нидерланды, Германия, Швеция, Малайзия, Ирландия, Тайвань (Китай) Норвегия, Япония, Новая Зеландия, Канада, Дания, Австралия, Португалия, Австрия, Исландия, Южная Корея, Гонконг (Китай), Франция, ЮАР, Китай, Коста-Рика, Эстония, Венгрия, Пуэрто-Рико, Кения, Саудовская Аравия, Чили, Чешская Республика, Мексика, Словения, Филиппины, Ямайка, Испания, Италия, Македония, Турция, Уганда, Латвия	Йемен Чад, Мавритания, Алжир, Мьянма Гвинея, Ангола, Ливия, Мали Уругвай, Румыния Боливия, Замбия, Гана Эфиопия, Камерун, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Бахрейн, Доминиканская Республика, Лесото, Парагвай, Албания, Мали, Руанда, Сенегал, РФ, Аргентина, Гватемала, Оман, Бруней, Польша, Лаос, Намибия, Сейшелы, Хорватия, Танзания, Словакия, Свазиленд, Казахстан, Мозамбик, Таджикистан, Вьетнам, Мадагаскар, Сербия, Марокко, Кабо-Верде, Пакистан, Маврикий, Иран, Буркина-Фасо, Ботсвана, Тринидад и Тобаго, Венесуэла, Кувейт, Перу, Шри-Ланка, Греция, Болгария, Камбоджа, Никарагуа, Тунис, Либерия Ливан, Суринам, Малави, Зимбабве, Бурунди, Нигерия. Молдова, Бенин, Непал, Грузия, Габон, Тимор-Лешти, Бангладеш, Египет, Сирия, Сьерра-Леоне, Гаити, Уругвай, Румыния, Йемен, Мавритания Мьянма, Чад, Алжир, Гвинея, Ангола, Ливия

• возможные повторения стран в различных строках таблицы является многосторонняя направленность их образовательной политики и многовекторность в их внешней политике

Данная сегментация демонстрирует нам, что современное образовательное пространство утрачивает единство, находится в состоянии фрагментации и в нем образуются, и будут образовываться «центры силы», которые определяют место всего региона в мировом рейтинге научно-образовательного развития.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что Россия, являясь одним из центров силы, формирует вокруг себя весьма ограниченное региональное образовательное пространство, хотя и обладает возможностями объединять вокруг себя государства, тяготеющие к российской образовательной модели и имеющих интерес к ее научным достижениям.

В этой связи встает вопрос о том, каким образом региональное образовательное пространство, в котором Россия будет являться лидером, превратить в более привлекательный сегмент научно-образовательной деятельности.

Указанная задача решается исключительно в рамках активного развития университетского образования и университетской науки, превращения российские университеты в реально функционирующие научные центры, способные достигать значимых научных результатов и обеспечивать уровень образования, по крайней мере, превосходящий среднемировые показатели.

В этой связи актуальной представляется задача снижения уровня пространственного анализа, переход от макро- и мезопоказателей развития научно-образовательного пространства к его микроуровню. Именно микроуровень современного научно-образовательного пространства формирует лидерство в образовательной сфере и определяет качество национальной научно-образовательной системы.

В данном случае важным представляется дальнейшее развитие системы университетского об-

разования, которое должно быть ограждено от агрессивного политического воздействия, но не утрачивать своего социально-политического содержания.

На этом уровне научно-образовательного пространства в качестве ведущего регулирующего института выступает государство, которое является ведущим актором научно-образовательной политики и ее институционального обеспечения.

Говоря об институциональном обеспечении научно образовательной политики обратим внимание на то, что современная институциональная теория отошла от узко предметного взгляда на институциональные проблемы, уделяя все больше внимание вопросам идеологического характера, которые и определяют содержательное наполнение политических концептов, выдвигаемых в качестве базиса для дальнейшего политического проектирования.

В этой связи актуальным представляется определение тех базисных положений научно-образовательной политики России, которые позволят включить в спектр влияния страны, готовые отстаивать свой национальный суверенитет и разделяющие политическую повестку сетку Российской Федерации.

Среди этих идеологических императивов выделим:

– ориентацию на общечеловеческие ценности, которые вытекают из религиозных и культурных традиций образовательных систем, ориентирующихся на здравый смысл, традиционные идеалы морали и нравственности;

– безусловное равенство всех участников образовательного процесса, равный доступ к информации (кроме информации ограниченного доступа), к образовательным ресурсам, технологиям и программам, свобода выбора образовательных программ и форм получения образования при их многообразии;

– признание мультикультурного характера образовательной деятельности, создание условий для студентов в реализации их религиозных и культурных традиций, при жестком контроле за проявлениями экстремизма, религиозной нетерпимости и т.д.

– создание специальных образовательных программ и технологий обучения для лиц с ограниченными возможностями здоровья;

– предоставление возможностей для студентов, получивших образование в России, трудоустроится по специальности и в перспективе получить гражданство России.

В целом, данные рекомендации, не являются исчерпывающими, нуждаются в расширении и уточнении, что планируется осуществить в процессе дальнейшей работы над проблемами участия России в современном научно-образовательном пространстве.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что современное научно-образовательное пространство находится в стадии реформирования, что, в первую очередь, связано с политической сегментацией современного мира.

В тоже время, проведенное исследование позволяет говорить и о том, что в рамках данного пространства формируется группа стран-лидеров, фактически регулирующих доступ к научному знанию и образовательным ресурсам, и группа стран, которые находятся в зависимом положении, и рискуют оказаться вне глобального научно-образовательного пространства в случае несовпадения их национальных интересов с мнением западных стран по поводу выбранного ими политического курса.

В этой связи современное научно-образовательное пространство целесообразно рассматривать в контексте регионализации, политизации и научно-образовательного потенциала стран, являющихся региональными лидерами в предоставлении образовательных услуг и развития университетской науки.

В настоящее время Россия становится одним из центров силы в мировом геополитическом пространстве, что определяет привлекательность российской образовательной системы, способствуя превращению России в одного из лидеров современного образовательного пространства.

Список литературы

1. Ахметшин Э.М. Стратегия трансформации и интеграции современного университета в мировой инновационный процесс: дисс. ... канд. пед. наук. – Казань, 2021. 305 с.
2. Волосникова Л.М., Осьмук Л.А., Кукуев Е.А. Академическая мобильность и инклюзивные стратегии в высшем образовании XXI века: монография // под редакцией Л.В. Феединой. – Тюмень: Издательство ТГУ, 2020. 274 с.
3. Малинецкий Г.Г., Сиренко С.Н. Глобализация образования в системном контексте // Мир России. Социология. Этнология. 2020. №2. С. 92-108.
4. Моргунова А.Г. Институционализация образовательного пространства: феномен университаризма: дисс. ... докт. филос. наук. – Самара, 2006. 324 с.
5. Мухин М.И. Образование в XXI веке. Опережающее развитие: монография. – М.: Аркти, 2021. 192 с.

6. Неборский Е.В. Трансформация стратегий развития университетов за рубежом в условиях глобальных рисков: дисс. ... канд. пед. наук. – Москва, 2018. 396 с.
7. Осьмук Л.А. Академическая мобильность студентов России в XXI веке и инклюзивные стратегии университетов: проблемы и возможности // Академическая мобильность и инклюзивные стратегии в высшем образовании XXI века: монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2020. С. 45-59.
8. Рябинина А.М. Интернационализация в стратегии управления классическим университетом в глобальном образовательном пространстве: дисс. ... канд. соц. наук. – Москва, 2023. 197 с.
9. Университет и город. Диалог в постиндустриальном дискурсе на примере России и Франции: монография / Л.А. Осьмук, И.А. Скалабан, Н.В. Фрибус, Е.В. Хоменко, З.Н. Сергеева [и др.]. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. 580 с.
10. Хайрутдинов Р.Р. Глобализация образования и мир глобального образования // Глобальная экономика и образование. 2021. №1. С. 82-88
11. Шкуратова М.В. Глобализация и конвергентная трансформация экономики высшего образования в современной России: дисс. ... канд. экон. наук. – Владикавказ, 2020. 192 с.
12. Country Analytics. URL: <https://prosperitydata360.worldbank.org/en/analytics>
13. Que Anh Dang. The Bologna Process Goes East? from “Third Countries” to Prioritizing Interregional Cooperation Between the ASEAN and EU // The European Higher Education Area. 2015. Pp. 763-783.
14. Wagenaar R. The Myth of Power: Governing Reform in the Bologna Process of Higher Education // Higher Education Dynamics. 2022. №. 58. Pp. 45-63.
15. World University Rankings 2024. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking>

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITIES OF THE MODERN WORLD: TRENDS AND PROSPECTS

The relevance of the topic is related to the need to determine Russia's place in the modern educational space, taking into account the challenges that determine the current situation in the world. The statement of the problem and the scope of this article are determined by the need to understand the processes of transformation of the education system throughout the world and in Russia. The methodological basis of this study is an approach that combines a number of general scientific and special research methods, which made it possible to study the raised problem systematically and, as a result, present the author's forecast for the development of the educational space. Currently, the scientific and educational space should not be considered in the categories of “openness”, “equality” and “accessibility”. This approach, which idealizes the modern scientific and educational space, is erroneous, since it does not provide a clear understanding of the meaning of competitive relations in the modern education system. The modern scientific and educational space is a hierarchical system of various educational spaces (global, regional, national), the development trend of which is regionalization, as a result of which the educational space is reformatted under the influence of the politicization of educational activities. Currently, Russia is becoming one of the centers of power in the global geopolitical space, which determines the attractiveness of the Russian educational system, contributing to the transformation of Russia into one of the leaders of the modern educational space.

Keywords: educational space, globalization, regionalization, politicization, fragmentation, leadership, segmentation.

References

1. Akhmetshin E.M. (2021) Strategiya transformacii i integracii sovremennogo universiteta v mirovoj innovacionnyj process [Strategy for transformation and integration of a modern university into the global innovation process] dissertation. (Cand. Sc. (Pedagogy)). – Kazan, 305 p.
2. Volosnikova L.M., Osmuk L.A., Kukuev E.A. (2020) Akademicheskaya mobil'nost' i inkluzivnye strategii v vysshem obrazovanii XXI veka: monografiya [Academic mobility and inclusive strategies in higher education of the 21st century] monograph // ed. by L.V. Fedina. – Tyumen: TSU Publishing House, 274 p.
3. Malinetsky G.G., Sirenko S.N. (2020) Globalizaciya obrazovaniya v sistemnom kontekste [Globalization of education in a systemic context] World of Russia. Sociology. Ethnology. No. 2. Pp. 92-108.
4. Morgunova A.G. (2006) Institucionalizaciya obrazovatel'nogo prostranstva: fenomen universitarizma [Institutionalization of the educational space: the phenomenon of universitarianism] dissertation. (Dr. Sc. (Philosophy)). – Samara, 324 p.
5. Mukhin M.I. (2021) Obrazovanie v HKHI veke. Operezhayushchee razvitie [Education in the 21st century. Advanced development] monograph. – M.: Arkti, 192 p.
6. Neborsky E.V. (2018) Transformaciya strategij razvitiya universitetov za rubezhom v usloviyah global'nyh riskov [Transformation of development strategies of universities abroad in the context of global risks] dissertation. (Cand. Sc. (Pedagogy)). – Moscow, 396 p.
7. Osmuk L.A. (2020) Akademicheskaya mobil'nost' studentov Rossii v XXI veke i inkluzivnye strategii universitetov: problemy i vozmozhnosti [Academic mobility of Russian students in the 21st century and inclusive strategies of universities: problems and opportunities] Academic mobility and inclusive strategies in higher education of the 21st century: monograph. – Tyumen: Tyumen State University Publishing House, Pp. 45-59.

8. Ryabinina A.M. (2023) *Internacionalizaciya v strategii upravleniya klassicheskim universitetom v global'nom obrazovatel'nom prostranstve* [Internationalization in the management strategy of a classical university in the global educational space] dissertation. (Cand. Sc. (Sociology)). – Moscow, 197 p.
9. University and city (2022) *Dialog v postindustrial'nom diskurse na primere Rossii i Francii* [Dialogue in post-industrial discourse on the example of Russia and France] monograph / L.A. Osmuk, I.A. Skalaban, N.V. Fribus, E.V. Khomenko, Z.N. Sergeeva [etc.]. – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 580 p.
10. Khairutdinov R.R. (2021) *Globalizaciya obrazovaniya i mir global'nogo obrazovaniya* // *Global'naya ekonomika i obrazovanie* [Globalization of education and the world of global education] *Global Economy and Education*. No. 1. Pp. 82-88.
11. Shkuratova M.V. (2020) *Globalizaciya i konvergentnaya transformaciya ekonomiki vysshego obrazovaniya v sovremennoj Rossii* [Globalization and convergent transformation of the economy of higher education in modern Russia] dissertation. (Cand. Sc. (Economics)). – Vladikavkaz, 192 p.
12. Country Analytics. URL: <https://prosperitydata360.worldbank.org/en/analytics>
13. Que Anh Dang (2015). *The Bologna Process Goes East? from “Third Countries” to Prioritizing Inter-regional Cooperation Between the ASEAN and EU* // *The European Higher Education Area*. Pp 763-783.
14. Wagenaar R. (2022) *The Myth of Power: Governing Reform in the Bologna Process of Higher Education* // *Higher Education Dynamics*. No. 58. Pp. 45-63.
15. World University Rankings (2024) URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking>

Об авторах

Манукян Артак Ростомович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления, Факультет управления и политики МГИМО МИД России (Россия), E-mail: a.manukyan@inno.mgimo.ru

Юдин Никита Олегович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры немецкого языка, Факультет международных отношений МГИМО МИД России (Россия), E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

Manukyan Artak Rostomovich – Ph.D. in Political Science, Senior Lecturer, Department of Public Administration, School of Governance and Politics, MGIMO, MFA of Russia, E-mail: a.manukyan@inno.mgimo.ru

Yudin Nikita Olegovich – Ph.D. in Political Science, Lecturer, German Language Department, School of International Relations, MGIMO, MFA of Russia, E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

УДК 94 (415)

Мирошников А.В., доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия)

Шишкина И.Б., кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет (Россия)

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ В ИРЛАНДИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье авторами предпринята попытка анализа одной из важнейших составных частей ирландского национального движения XIX – начала XX веков, культурного национализма. Ирландский национализм на протяжении всей своей истории, как правило, вариативно выдвигал на первый план вопросы политического освобождения или самоуправления, аграрный и религиозный. Приоритеты во многом зависели как от господствующей в конкретный период идеи лидеров движения, так и от соответствующей политической и социальной атмосферы. Немаловажную роль играли и приверженности руководителей националистических организаций к методике реализации своих программ, будь то «физическая» или «моральная сила». Однако тотальный диктат Британии в насаждении английской культуры, языка, традиций, образования при жёстком давлении на ирландскую культуру, требовал от националистов формирования самосознания ирландской нации, реновации богатого национального достояния. С изменением социального состояния общества на рубеже XIX–XX веков культурный национализм обретает огромную аудиторию, при этом актуализируя новые направления в культуре. Революция 1916–1923 годов, решая задачу завоевания независимости, включала в себя и проблему национальной самоидентификации.

Ключевые слова: культурный национализм, Ирландия, «Молодая Ирландия», Дейвис, ирландский язык, национальная литература, Кельтское Возрождение, Гэльская Атлетическая Ассоциация, Гэльская Лига.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-108-115

Введение. На рубеже XIX–XX веков в европейском пространстве появилось мощное направление, получившее название Ирландского (Гэльского или Кельтского) Культурного Возрождения (Athbheochan na Gaeilge – ирл.). Это явление, с одной стороны, свидетельствовало о ренессансе ирландской литературы, театра, национального языка, с другой стороны, демонстрировало окончательное утверждение «культурного национализма», его практической реализации, ибо ментально, идеологически задачи политического национального движения корреспондировали с восстановлением ирландского самосознания и борьбой с тотальным проникновением британского во все сферы общественной жизни[19].

Внедрение не только политических, но и религиозно-культурных ограничений для католиков, применявшихся Англией в виде серии Карательных законов, фактически приводило к уничтожению национального мировоззрения ирландцев, практиковался подгон его под британские стандарты[3, pp.40-56.].

Ирландское Возрождение во многом не просто опиралось на аналогичные усилия, принятые националистами предшествующих десятилетий, но и, главное, впитало в себя концептуальные установки «культурного национализма», корни которого уходят в деятельность организации «Молодая Ирландия» 1840-х годов.

Объект и методы исследования. Объектом исследования стал культурный национализм, а предметом – формирование, усиление и частич-

ная реализация поставленных задач общественными, политическими и культурными деятелями и организациями, представляющими направление ирландского культурного национализма в рассматриваемый период. Авторами были использованы различные исторические методы исследования. Основными стали историко-генетический метод, метод синхронного и диахронного анализа, а также историко-типологический метод.

Результаты и их обсуждение. Культурный национализм, начиная с конца XVIII столетия играл всё более значимую роль в национальном движении Ирландии. Пройдя в своём развитии этапы формирования концепции и механизмов реализации цели, он не только привёл к появлению Кельтского Возрождения, но и явился важным фактором в формировании революционной ситуации 1916–1923 годов.

Одним из основоположников культурного национализма стало общество «Объединённые ирландцы». Организация впервые в национальной истории предприняла попытку восстания, направленного на завоевание независимости Ирландии. Восстание 1798 года положило начало направлению «физической силы» в национализме. Вместе с тем, политическая доминанта «Объединённых ирландцев» не являлась единственным направлением в их деятельности. М. Туенте справедливо отмечала: «Долгая тень восстания 1798 г. покрыла эту страницу истории организации, тогда как игнорирование литературной работы «Объединённых ирландцев» приводит к отсутствию ответов на многие вопросы, в

том числе и касающиеся популярности организации во многих регионах страны» [31, р. 18].

Культурный и литературный национализм, как и политическая идеология «Объединенных ирландцев», состоял из различных ферментов ирландского общества – английского, шотландо-ирландского и гэльского, или протестантского, пресвитерианского и католического. Они способствовали становлению богатого и плюралистического общества и культуры. Усилиями этой организации были проведены Белфастский фестиваль арфы в 11-14 июля 1792 г., «Объединенные ирландцы» публиковали «Всеобщую коллекцию древней ирландской музыки», издавали гэльский музыкальный журнал «*Bolg an tSolair*», выпустили 4 книги песен «Развлечение Пэдди» и т.д.

Именно они стояли у колыбели радикальной прессы. В Белфасте с января 1792 по май 1797 г. дважды в неделю выходила четырехстраничная газета «*Northern Star*» («Северная Звезда»), в Дублине печаталась газета «*Press*» («Пресса»); в Корке – «*Harp of Éireann*» («Арфа Ирландии»).

Хотя национализм «Объединенных ирландцев» нельзя ограничивать рамками лишь «культурного», именно они находились в начале его формирования [32, pp. 250ff].

В 1840-х гг. националисты из «Молодой Ирландии», воссоздавая полную историю страны, отдавали дань «Объединенным ирландцам». Активист младоирландского направления, литератор Р. Мэдден, признавая важность политических амбиций революционеров 1798 г., всё же более выделял их культурно-националистические усилия. Он полагал, что в 1790-х гг. революционерами двигала та же идея, что и им самим, – идея культурного кельтского возрождения [23, pp. 14-38].

Если активность «Объединённых ирландцев» на культурном поприще стала преамбулой культурного национализма, скорее построенного на интуитивном осознании необходимости реанимировать национальные традиции, то теоретики «Молодой Ирландии» не только представили концепцию «культурного национализма», но и определяли его первостепенное значение, не уступающее по ценности политическому и экономическому вопросам. Думается, что эта теория «культурного национализма» была во многом универсальной, отражавшей не только ирландские, но и во многом европейские потребности.

В той или иной мере все члены «Молодой Ирландии» были адептами благородной цели, восстановления ирландской культуры. Но главенствующая роль принадлежала Томасу Дейвису, значение которого в теоретических разработках «культурного национализма» не подлежит сомнению. На это указывают классики ирландской историографии [26]. Неоспоримым считается вывод о том,

что главная заслуга Дейвиса заключалась в пробуждении ирландской ментальности [25, pp. 5-31].

15 октября 1842 года молодые националисты – Томас Озборн Дейвис, Джон Блэйк Диллон и Чарлз Гэвэн Даффи основали в Дублине газету «*Nation*» («Нация»). Практически сразу она стала центром новой патриотической организации «Молодая Ирландия» [17, р. 23].

О причине создания газеты Дейвис в 1844 г. (30 окт.) вспоминал: «Желание начать газету более, чем орган О'Коннелла, и менее романтическую, чем «*Freeman's Journal*» («Журнал Свободного человека»), было выношено у Диллона и у меня, и многих других... Имя газете также дано мной...» [17, р. 195]. В этой цитате выделим пока что скрытое противоречие молодёжи и адептов О'Коннелла, сторонников реформаторского пути решения вопроса самоуправления Ирландии.

Трое создателей «Молодой Ирландии» стали выразителями настроений нового поколения ирландцев. Аккумулируя в себе потребности времени, они при помощи «*Nation*» выразили их концептуально. Идеи «Молодой Ирландии» были обращены в массы, имели вполне различимый социальный адрес.

Томас Озборн Дейвис родился в 1815 году. Протестант, закончив старейший университет Ирландии, Тринити Колледж, Дейвис прожил короткую жизнь, скоропостижно скончался в 1845 году, но его творческое и теоретическое наследие оставило глубокий след в истории национализма.

Первый из известных его нарративов относится к 1840 году, когда он выступил на заседании Исторического Общества Тринити Колледжа [9]. Дейвис отметил в своей речи, что историки погрязли в попытках состязаться скорее в риторике, нежели изучать прошлое своей страны, понимать его. Одним из важнейших направлений исторических исследований, считал Дейвис, должно стать исследование «социальных тем» [9].

Дейвис не только указал на недостоверное изучение ирландской истории XVI-XVII веков, но и сформулировал важнейшие задачи в исследовании прошлого. «Воспитывать сердце и укреплять интеллект человека — средства его облагораживания. Напрягать для этой цели все нервы — долг, от которого не может уклониться никто, осознающий это» [9].

В центре внимания культурного национализма, согласно взглядам Дейвиса, находились не только проблемы восстановления ирландского культурного наследия, но и ликвидация вражды между протестантами и католиками.

В статье «Оранжевое и зелёное» Дейвис, обозначая таким образом приверженцев двух конфессий, отмечал крайнюю необходимость уваже-

ния католиками ценностей и традиций протестантов, равно как последние должны принимать католические традиции. В таком случае будет уничтожена почва для взаимной вражды [11]. Эта сентенция легла в основу культурного национализма.

Одним из символов такого перспективного единства Дейвис видел в открытии в 1843 году Зала Примирения (Conciliation Hall) в Дублине. В статье «Примирение» он вновь обращается к теме единения протестантов и католиков на основе единства нации. «Народ Ирландии поступил правильно, назвав место проведения своих будущих совещаний Залом Примирения. Оно указывает на причину всех наших страданий и предлагает лекарство» [10, pp. 275-276].

В основе культурного национализма Дейвис видел прежде всего реставрацию ирландского языка. Его работа «Наш национальный язык» [13] проникнута констатацией низкого уровня знания ирландцами своего языка и содержит концептуальное положение о значимости возвращения его в качестве основы для объединения. Засилье английской культуры, вытеснение национального языка английским, это трагедия страны, отмечал Дейвис.

И, наконец, он представил пророческий вердикт «Народ без собственного языка – это лишь половина нации. Нация должна охранять свой язык больше, чем свою территорию — это более надежный барьер и более важная граница, чем крепость или река... Есть прекрасная песня..., в которой говорится: «Язык связан со свободой» [13].

Дейвис и его друзья, начиная создание «Nation» пока что полностью поддерживали линию Д. О'Коннелла на мирное сопротивление британскому господству и ратовали за расторжение Унии 1800 года, требуя возрождения Дойла, ирландского парламента. Работа «Правильный путь» посвящена этому [12].

Симптоматичной, на наш взгляд, стала статья Дейвиса «Второй год работы» (1844 г.), в которой не только подводятся итоги деятельности «Nation», но и ещё раз указаны основные задачи, которые поставили перед собой сторонники культурного национализма:

«Мы с гордостью сознаем, что, успешно проповедуя эти великие истины, мы сделали больше, чтобы убедить протестантов в том, что они могут объединиться с католиками и выйти из-под щита Англии, чем если бы мы доказали, что отмена Союза удвоит колосья на их кукурузных полях» [10, p. 286].

В 1845 году премьер-министр Роберт Пил выступил с предложением о создании в Ирландии «колледжей Королевы». По идее Пила в Белфасте, Корке и Голуэе нужно было создать новые университеты с государственным финансированием. Главное нововведение Билля заключалось в том,

эти учебные заведения должны быть доступны католикам и протестантам в равной степени. Пил рассчитывал, что такая мера, кроме повышения образовательного уровня ирландцев может являться альтернативой движению рипила.

Как известно, обсуждение Билля стало первым примером столкновения Дейвиса и О'Коннелла. Патриарх национализма был противником совместного обучения молодёжи разных конфессий, считая, что католики будут испорчены морально [18, pp. 14-16ff].

В майском номере «Nation» была опубликована статья Дейвиса «Академическое образование». Многие положения Билля Дейвис подверг критике, но отметил гигантскую пользу проекта. «Сделать академическое образование доступным и доступным для среднего класса, избавить его от болезни господства и сделать его средством объединения, а также обучения, должно быть целью того, кто принимает законы по этому вопросу; и мы умоляем дворянство и буржуазию, которых это касается, спокойно и внимательно изучить этот план и действовать в соответствии со своими убеждениями, как твердые и разумные люди» [8].

Наряду с развитием народного образования, подчеркивал Дейвис, требуется развитие академических исследований. Собственно говоря, одно без другого существовать просто не может. Но наибольший эффект происходит от взаимного движения этих составляющих. И в этом движении особая роль принадлежит библиотекам, которые должны стать доступными всем и иметь богатые фонды, относящиеся к национальной истории и культуре [14].

Дейвис и его соратники не скрывали, что «культурный национализм» – скорее эволюционный путь к достижению освобождения, отличный от концепции «физической силы», включавшей в себя восстание как средство моментального обретения свободы. Между тем, ситуация в стране, связанная с Великим Голодом 1845-49 годов, ослабление потенциала движения рипила О'Коннелла, внесла серьёзные коррективы в работу младоирландцев. Следует подчеркнуть, что в «Nation» работали не только адепты рафинированного культурного национализма, но и сторонники революционного движения. Одним из них был Джон Митчел [7, pp. 34-52.]), который с самого начала фактически ратовал за восстание, признавая, тем не менее, значимость образовательной деятельности для населения [24, pp. 145-150].

Крах надежд на эволюционное движение к самоуправлению, начало Февральской революции 1848 года в Париже привели к активизации революционного направления в ирландском национализме. К сожалению, восстание в Ирландии 1848 года закончилось поражением. Младоирландцы вне зависимости от их политических

пристрастий попали в жернова английской карательной системы.

Несмотря на наступившее довольно мрачное время для националистов, пропаганда возрождения культуры продолжилась [20, pp. 130-150]. О процессе проникновения воссозданной национальной культуры и языка в массы говорят материалы сборника «Ирландская история и культура. Аспекты народного наследия» [21].

Таким образом, для идеологов национального движения вопрос о реставрации ирландского самосознания, сохранения исторического наследия занимал своё место в общей линии борьбы против британского господства. Не являясь приоритетным, этот вопрос всё же не выпадал из поля зрения патриотов. Нельзя не согласиться, что с середины XIX века национализм и обращение к собственной культуре шли бок о бок [6, pp. 39-45].

Литература для ирландского культурного национализма была своеобразным локомотивом. Практически на всех этапах её существования ей был свойственен яркий политический пафос [5, pp. 20-34].

На рубеже XIX-XX веков условия для дальнейшего восстановления ирландской культуры, причём в более широком масштабе, стало значительно больше. Индустриализация и урбанизация ирландского общества потребовала появления грамотных пролетариев. Переход арендаторов в города способствовал появлению большего числа ирландоязычных носителей, особенно с запада страны. Сформировался средний класс. Говоря о расширении составных частей «культуры», следует отметить повальное увлечение спортом на всех Британских островах.

Иными словами, новая социально-экономическая структура Ирландии совместно с постоянным антибританским настроением населения продуцировала активные поиски борьбы с англицизмом практически во всей палитре культуры. Также стоит отметить важный момент – в конце XIX века движение культурного национализма институтируется в отдельные специализированные организации, что становится важным показателем его зрелости и маркером более спланированной и детализированной деятельности.

Первой организацией, ставящей целью воссоздание ирландской культуры стало Общество Сохранения Ирландского Языка, созданное в 1876 году, позже, в 1882 году, на стыке с ней появился Гэльский Союз [4, p. 236]. Затем, в 1884 году образовалась Гэльская Атлетическая Ассоциация (ГАА) [16, pp. 5-7, 82ff.], работавшая над возрождением исконных ирландских видов спорта. Позже, в 1893 году идеи культурного национализма более полно и многогранно воплощаются в программе и деятельности Гэльской

Лиги, которая стала массовой организацией под руководством основателя Оуна МакНила и Дагласа Хайда, яркого пропагандиста и лектора.

Теоретически Гэльская Лига была в большей степени просветительским образованием, так как не имела политической программы и целей. Однако на практике задачей организации стало возрождение ядра ирландской нации – языка, литературы, культуры и традиций, конечной же целью становился процесс де-ассимиляции [4, pp. 237–238.]. В условиях Ирландии противопоставление ирландской и английской традиций, подчеркивание различий и акцент на самобытности и самоценности ирландской культуры были фактором роста социального напряжения и автоматически становились, таким образом, политическим вопросом.

Стоит отметить, что, безусловно, данные организации сотрудничали. Особенно это касалось ГАА и Гэльской Лиги часто совместными усилиями организующих соревнований и фестивалей, которые, с одной стороны, становились ярким событием для неизбалованных развлечениями провинциальных районов страны, а с другой стороны, помогали распространять идеи культурного национализма и привлекать население к сотрудничеству [2, с. 310–314.].

Идеи Томаса Дейвиса стали базисом культурного национализма и лейтмотивом ирландского национализма рубежа веков в целом – ключевой точкой приложения усилий стало восстановление ирландского языка. Здесь стоит отметить, что в конце XIX – начале XX века ирландским языком на разговорном уровне владело лишь 18% населения, причем большая часть из них проживала на западе страны. Так, например, в графстве Голуэй провинции Коннот ирландским владело более половины населения (54%), что было максимальным показателем по стране, в то время как по графствам Ленстера этот показатель не превышал 6%, в основном колеблясь вокруг 3% [29]. Поэтому первым шагом Лиги стал выпуск учебников и самоучителей ирландского языка, внедрение в практику его преподавания в школах. Если к началу XX века таких школ насчитывалось лишь 100, то уже к 1909 году их число достигло 3000.

В этом направлении успехи культурного национализма легко отслеживаются. В области языка помимо числа школ, предоставляющих возможность учить его, в первое десятилетие XX века аналогичным образом увеличивается количество печатных изданий на ирландском. Гэльская Лига продолжила выпуск начатого Гэльским Союзом «The Gaelic journal» (Гэльского журнала), а также суммарно издавала до 50 000 единиц печатной продукции на ирландском языке в год, что является довольно существенным показателем

[27, p. 175.]. Безусловно, это не только обусловлено целенаправленными усилиями Гэльской Лиги, но и является важным показателем зрелости общества, готового обратиться к своим национальным корням и находящегося в поиске национальной идентичности.

Данный период также ознаменовался повышением интереса к истории и литературе ирландского народа, не просто изучались и публиковались различные произведения ирландских авторов, но они также неизменно вызывали живой интерес у публики. Подобные процессы в итоге приводят к появлению феноменов Ирландского Литературного Возрождения и Кельтского Возрождения [1]. Здесь образовалась целая россыпь имен, внесших вклад в ирландскую литературу и драматургию, таких как У. Б. Йейтс, Дж. У. Рассел (Æ), леди И. А. Грегори, Ш. О'Кейси и многие другие. Публиковались произведения литературы, написанные с позиций ирландской национальной культуры, мифологии и традиции, а в ряде случаев и на ирландском языке. Этому способствует созданное благодаря У. Б. Йейтсу Ирландское национальное литературное общество. Писались и ставились пьесы, сначала в Ирландском литературном театре, существовавшем на рубеже веков, а впоследствии в созданном в 1904 году Эбби театре, также развиваемым в немалой степени усилиями Йейтса. Фактически происходит не только становление ирландской драматургии, но и ориентация театра на общество.

В целом культурный национализм становится ключевым направлением ирландской общественно-политической мысли этого времени не только на элитарном уровне, в узких кругах избранных, но и в смысле широкой общественной поддержки. Уже к началу XX века Гэльской Лигой было открыто более 200 отделений, объединявших порядка 100 000 разделявших ее идеи ирландцев [27, p. 175.]. Впоследствии количество представительств и сторонников продолжит активно расти, также расширится и сфера интересов организации, куда постепенно входят иные элементы кельтской культуры (музыка, танцы и прочие) [28].

Сильными сторонами Гэльской Лиги и Гэльской Атлетической Ассоциации стала их относительная неполитизированность, так, например, основатель ГАА Майкл Кьюсак полагал, что политические установки могут привести к конфликтам внутри Ассоциации [15, pp. 100-105]. Игнорирование политических вопросов позволило получить поддержку широкого фронта националистических организаций и обществ с разными политическими платформами и взглядами на будущее страны, а простота и доступность для населения участия в данных движениях

в какой-либо форме способствовала популярности среди простых людей. Один из лидеров Пасхального восстания 1916 года Патрик Пирз в своё время высоко оценивал универсальность ГАА как организации, способной объединить ирландцев [30, pp. 10-11]. Таким образом, организации культурного национализма стали своеобразным ядром ирландского национализма в целом, в определенной степени породив идеологический консенсус, объединявший ирландских националистов. Данные организации внесли большой вклад в формирование ирландской культуры и нации в целом.

Кроме того, печатный орган ГАА *An Claidheamh Soluis* (с ирл. «Меч света») стал влиятельным рупором националистов, его редакторами в разное время были такие ключевые теоретики как Оун МакНилл и Патрик Пирз, ставшие впоследствии также лидерами Пасхального восстания. Именно в «Мече света» выйдет программная статья Оуна МакНилла «Север начал» [22], которая, констатируя формирование военизированной организации Ольстерских волонтеров, также сформировала идею о необходимости создания в противовес подобной организации на Юге. После нее были созданы Ирландские Волонтеры, что фактически предопределило трансформацию национализма от культурного к течению физической силы. Также стоит отметить, что ГАА не только противопоставляла кельтские виды спорта английским и ольстерским, но и содержала важное условие членства – участником ГАА запрещалось служить в британской армии или правоохранительных силах. Таким образом определенная мягкая оппозиционность и конфронтационность ГАА просматривается изначально, существенно усилившись впоследствии.

Заключение. Основы культурного национализма, ставящего целью восстановление ирландской культуры как необходимое условие для освобождения Ирландии от власти Великобритании, формируются в конце XVIII века в большей степени в разнообразной практике движения «Объединенные ирландцы».

Артикуляция и обоснование теоретических основ происходит в 1840-е гг. представителями «Молодой Ирландии», дискутирующими с националистами предыдущего поколения. Ключевую роль здесь сыграл крупнейший теоретик ирландского национализма Томас Дейвис, выделивший тетраду культурного национализма – достоверная реконструкция национальной истории, акцентирующая внимание на культурном коде ирландцев, конфессиональное примирение, взаимоуважение и терпимость, восстановление знания и использования национального языка как культурного объединяющего и мировоззренческого базиса, а также необходимость развития образования для

просвещения и повышения культурного уровня масс. Также в этот период идет формирование культурного национализма как национализма «моральной силы», выступающего за эволюционный путь к независимости.

В конце XIX века культурный национализм институтируется, его организации относительно специализируются на определенных сферах культуры, однако также сотрудничают между собой. Ключевой становится Гэльская Лига, на фоне интереса к вопросам физической подготовки и спортивного досуга выделяется Гэльская Атлетическая Ассоциация. Идеологически культурный национализм рубежа веков является преемником предыдущих поколений, однако благодаря модернизации ирландского общества он получает большие возможности для практической реализации своих задач, что видно и из степени их реализации, и из популярности и массовости организаций этого направления. Ирландский язык внедряется в практику преподавания, публикуются двуязычные издания и самоучители. Публикуются труды по ирландской истории, расцветает феномен Кельтского Возрождения в литературе, театре.

С одной стороны, данные организации продолжают придерживаться национализма «моральной силы» и концентрируют внимание на культурных вопросах, не затрагивая политические программы и аспекты, что позволяет им свободно существовать и привлекать сторонников с разными политическими взглядами.

С другой стороны, пожалуй, основной вклад, который организации культурного национализма внесли в политическую историю страны, это то, что они в известной степени придавали политическим течениям Ирландии легитимность; теперь движение за независимость (в той или иной форме) выглядело не как простой политический сепаратизм части империи, а как законное стремление развитой нации к самореализации. Отдельной заслугой Гэльской Лиги стала та идеологическая и образовательная подготовка, которая позволила прошедшим её в дальнейшем стать политической элитой Ирландии первой половины XX века. ГАА же в свою очередь готовила кадры для военизированных формирований, которые будут принимать участие в событиях Ирландской революции и более поздних конфликтах.

Список литературы

1. Кольшевская Е.Ю. «Мы» vs «Они». Ирландский национализм 19 – начала 20 века и возрождение ирландской культуры. Москва, 2019. 156 с.
2. Мирошников А.В. Три века Ирландии. В 3 книгах. Книга 2. 1845 – 1900 гг. Воронеж, 2014. 471 с.
3. Berlatsky J. Roots of Conflict in Ireland: Colonial Attitudes in the Age of the Penal Laws // *Éire-Ireland*. Vol. XVIII. Winter 1983. № 4. Pp. 40-56.
4. Boyce D. G. Nationalism in Ireland. 2nd ed. London; New York, 1992. 475 p.
5. Brown M. The politics of Irish Literature. From Thomas Davies to W.B. Yeats. London, 1972. 431 p.
6. Comerford R.V. Charles J. Kickham. A Study in Irish Nationalism and Literature. Dublin, 1979. 255 p.
7. Davis G. Making History: John Mitchel and the Great Famine // *Irish Writings: Exile and Subversion* / Eds. P. Hyland, N. Sammells. London, 1991. 240 p.
8. Davis Th. Academical Education // *The Nation*. 1845, 17 May.
9. Davis Th. Address Read Before the Historical Society, Dublin on 26 June 1840. Dublin, 1840. 43 p.
10. Davis Th. O. A Second Year's Work // *Thomas Davis: Selections from his prose and poetry* // Ed. T. W. Rolleston. Dublin: London, 1910. Pp. 275-276.
11. Davis Th. O. Orange and Green // *Thomas Davis: Selections from his prose and poetry* // Ed. T. W. Rolleston. Dublin: London, 1910. P. 293.
12. Davis Th. O. The Right Road // *Thomas Davis: Selections from his prose and poetry* // Ed. T. W. Rolleston. Dublin: London, 1910. P. 262.
13. Davis Th. Our National Language // *The Nation*. 1843, 1 Apr.
14. Davis Th. The Library of Ireland // *The Nation*. 28 June, 1845.
15. De Búrca M. Michael Cusack and the GAA / M. De Búrca. Dublin, 1989. 192 p.
16. De Búrca M. The GAA. A History. Dublin, 1999. 260 p.
17. Duffy Ch. G. Young Ireland. Dublin, 1884. 293 p.
18. Gwynn D. O'Connell, Davies and the Colleges Bill. Cork, 1948. 143 p.
19. Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism. London, 1987. 223 p.
20. Irish Culture and Nationalism. 1750-1950 / Ed. by O. MacDonagh et al. Dublin, 1983. 289 p.
21. Irish History and Culture. Aspects of a people heritage / Ed. H. Orel. Lawrence (Kans), 1976. 387 p.
22. MacNeill E. The North began // *An Claidheamh Soluis*. 1913. 1 Nov.
23. Madden R.R. The United Irishmen, Their Lives and Times. London, 1842. Vol. I. 321 p.
24. Mitchel J. Jail Journal. Dublin, 1982. LIV, 377 p.
25. Moody T.W. Thomas Davies and the Irish Nation // *Hermathena*. Vol. CIII. 1966. Pp. 5-31.

26. Moody T.W. Thomas Davies, 1814-45. A centenary address delivered in Trinity College, Dublin, on 12 June 1945 at a public meeting of the College Historical Society. Dublin, 1945. 64 p.
27. Ó Broin E. Sinn Féin and the Politics of Left Republicanism. London, 2009. 320 p.
28. O’Riordan T. Cultural Nationalism. URL: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_religion__culture_1870-1914#9CulturalNationalism (accessed: 1.05.2018).
29. Population by ability to speak Irish, 1911 and 2011 // Central Statistics Office. URL: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-1916/1916irl/society/livingconditions/#d.en.96141>
30. Puirseál P. The G.A.A. in Its Time / P. Puirseál. Dublin, 1982. 364 p.
31. Thuente M.H. Poetry and Song of the United Irishmen // Irish Literary Supplement. 11. Spring 1992. P. 18.
32. Thuente M.H. The Harp Re-Strung. Syracuse, 1994. 300 p.

THE CONCEPT OF CULTURAL NATIONALISM AND ITS IMPLEMENTATION IN IRELAND IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

In the article, the authors attempt to analyze one of the most important components of the Irish national movement of the 19th – early 20th centuries, cultural nationalism. Irish nationalism throughout its history has tended to variously highlight issues of political liberation or self-government, agrarian and religious issues. Priorities largely depended both on the prevailing ideas of the leaders of the movement in a particular period, and on the corresponding political and social atmosphere. An important role was also played by the commitment of the leaders of nationalist organizations to the methodology for implementing their programs, be it “physical” or “moral strength”. However, the total dictatorship of Britain in imposing English culture, language, traditions, education with severe pressure on Irish culture, demanded from nationalists the formation of the identity of the Irish nation, the renovation of the rich national heritage. With the change in the social state of society at the turn of the 19th and 20th centuries, cultural nationalism gained a huge audience, while updating new directions in culture. The revolution of 1916-1923, while solving the problem of winning independence, also included the problem of national self-identification.

Keywords: cultural nationalism, Ireland, Young Ireland, Davis, Irish language, national literature, Celtic Revival, Gaelic Athletic Association, Gaelic League.

References

1. Kolyshevskaya E.YU. (2019) «My» vs «Oni». Irlandskiy nacionalizm 19 – nachala 20 veka i vozrozhdenie irlandskoj kultury [“Us” versus “They”. Irish nationalism of the 19th – early 20th centuries and the revival of Irish culture]. Moskva. 156 s.
2. Miroshnikov A.V. (2014) Tri veka Irlandii. V 3 knigah. Kniga 2. 1845 – 1900 gg. [Three ages of Ireland. In a three books. Book 2. 1845 – 1900]. Voronezh. 471 s.
3. Berlatsky J. (1983) Roots of Conflict in Ireland: Colonial Attitudes in the Age of the Penal Laws // Éire-Ireland. Vol. XVIII. Winter. № 4. Pp. 40-56.
4. Boyce D. G. (1992) Nationalism in Ireland. 2nd ed. London; New York. 475 p.
5. Brown M. (1972) The politics of Irish Literature. From Thomas Davies to W.B. Yeats. London. 431 p.
6. Comerford R.V. (1979) Charles J. Kickham. A Study in Irish Nationalism and Literature. Dublin. 255 p.
7. Davis G. (1991) Making History: John Mitchel and the Great Famine // Irish Writings: Exile and Subversion / Eds. P. Hyland, N. Sammells. London. 240 p.
8. Davis Th. (1845) Academical Education // The Nation. 17 May.
9. Davis Th. (1840) Address Read Before the Historical Society, Dublin on 26 June 1840. Dublin. 43 p.
10. Davis Th. O. (1910) A Second Year’s Work // Thomas Davis: Selections from his prose and poetry // Ed. T. W. Rolleston. Dublin: London. Pp. 275-276.
11. Davis Th. O. (1910) Orange and Green // Thomas Davis: Selections from his prose and poetry // Ed. T. W. Rolleston. Dublin: London. P. 293.
12. Davis Th. O. (1910) The Right Road // Thomas Davis: Selections from his prose and poetry // Ed. T. W. Rolleston. Dublin: London. P. 262.
13. Davis Th. (1843) Our National Language // The Nation. 1 Apr.
14. Davis Th. (1845) The Library of Ireland // The Nation. 28 June.
15. De Búrca M. (1989) Michael Cusack and the GAA / M. De Búrca. Dublin. 192 p.
16. De Búrca M. (1999) The GAA. A History. Dublin. 260 p.
17. Duffy Ch. G. (1884) Young Ireland. Dublin. 293 p.
18. Gwynn D. (1948) O’Connell, Davies and the Colleges Bill. Cork. 143 p.
19. Hutchinson J. (1987) The Dynamics of Cultural Nationalism. London. 223 p.
20. Irish Culture and Nationalism. 1750-1950 (1983) / Ed. by O. MacDonagh et al. Dublin. 289 p.
21. Irish History and Culture. Aspects of a people heritage (1976) / Ed. H. Orel. Lawrence (Kans). 387 p.
22. MacNeill E. (1913) The North began // An Claidheamh Soluis. 1 Nov.
23. Madden R.R. (1842) The United Irishmen, Their Lives and Times. London. Vol. I. 321 p.
24. Mitchel J. (1982) Jail Journal. Dublin. LIV, 377 p.

25. Moody T.W. (1966) Thomas Davies and the Irish Nation // *Hermathena*. Vol. CIII. Pp. 5-31.
26. Moody T.W. (1945) Thomas Davies, 1814-45. A centenary address delivered in Trinity College, Dublin, on 12 June 1945 at a public meeting of the College Historical Society. Dublin. 64 p.
27. Ó Broin E. (2009) *Sinn Féin and the Politics of Left Republicanism*. London. 320 p.
28. O’Riordan T. Cultural Nationalism. URL: http://multitext.ucc.ie/d/Ireland_religion__culture_1870-1914#9CulturalNationalism (accessed: 1.05.2018).
29. Population by ability to speak Irish, 1911 and 2011 // Central Statistics Office. URL: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-1916/1916irl/society/livingconditions/#d.en.96141>
30. Puirseál P. (1982) *The G.A.A. in Its Time* / P. Puirseál. Dublin. 364 p.
31. Thuente M.H. (1992) Poetry and Song of the United Irishmen // *Irish Literary Supplement*. 11. Spring. P. 18.
32. Thuente M.H. (1994) *The Harp Re-Strung*. Syracuse. 300 p.

Об авторах

Мирошников Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет (Россия), E-mail: av_miroshnikov@mail.ru

Шишкина Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет (Россия), E-mail: shi-alte@mail.ru

Miroshnikov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of the Foreign States history and Oriental Studies, Voronezh State University (Russia), E-mail: av_miroshnikov@mail.ru

Shishkina Irina Borisovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of the Foreign States history and Oriental Studies, Voronezh State University (Russia), E-mail: shi-alte@mail.ru

УДК 323.213

Мокрова Е.М., кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России (Россия)

ФОРМИРОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ СОБЫТИЙ XX СТОЛЕТИЯ

В настоящей статье рассматривается история добычи нефти – от первых применений «черного золота» в доисторические времена, до бурения первой нефтяной скважины и начала промышленного использования данного вида топлива на международном уровне. Автор прослеживает корреляцию развития человечества и промышленности с расширением использования нефтегазового топлива и выхода его применения на мировой масштаб. В статье затрагивается история возникновения и развития деятельности крупнейших нефтегазовых корпораций – «Стандард Ойл», «Англо-Персидская Нефтяная Компания», многие из которых существуют и в настоящее время – «Роял Датч Шелл», «Бритиш Петролеум», «Эни», «Аджип» и т.д. В работе разбирается влияние важнейших исторических событий, таких как русско-японская война, революция 1917 г. в России, Первая и Вторая мировые войны, международные кризисы, послевоенные процессы деколонизации и т. д., на нефтегазовый рынок. Анализируется сложная взаимозависимость мировых исторических событий XX в. и этапов развития нефтегазовой отрасли, проводится сравнительный анализ взаимовлияния этих процессов, анализируется расширение сферы применения нефтегазового топлива и использование его как с одной стороны – стратегического сырья, а с другой – внешнеполитического инструмента нефтедобывающих государств. **Ключевые слова:** нефть, нефтяные корпорации, «черное золото», нефтегазовая промышленность, Первая и Вторая мировые войны, деколонизация, стратегическое сырье, международные кризисы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-116-124

Введение. Нефть была известна людям задолго до нашей эпохи. Предки современного человека находили ее в трещинах и разломах земли, использовали для освещения. В древнем Вавилоне нефть применяли в качестве цементирующего материала при строительстве зданий и дорог, употребляли как лекарственное средство. Позже, византийцы вооружились «греческим огнем» – пропитанными нефтью факелами.

В Европу сведения о целебных свойствах нефти пришли благодаря арабам. О бакинских нефтяных источниках (масле для поджигания огня) писал в XIII веке Марко Поло. Для арабов нефть была лекарством от чесотки верблюдов, заслугой этой нации стало также изобретение первого устройства по перегонке нефти. Древние персы смолили ей лодки и применяли при кладке кирпича [2, с. 26]. Археологи нередко находят свидетельства использования асфальта и битума при постройках, датированных третьим тысячелетием до нашей эры. [15, с. 35]. В Древнем Риме нефть использовали для медицинских целей. С доисторических времен нефть обнаруживали в разных местах земного шара, но использовали лишь в качестве строительного, лекарственного, смазочного материала. Применять в крупных масштабах нефть начали в конце XIX века.

Объекты и методы исследования. Объектом настоящего исследования является история развития нефтяной отрасли до начала 1980-х гг. XX столетия. Для изучения темы, автор провел сравнительный, историко-ретроспективный анализ возникновения мировой нефтегазовой промышленности. Благодаря методу систематического обзора литературы автор смог отразить основные периоды

становления нефтегазовой отрасли.

Результаты и их обсуждение. В XIX веке нефть либо собирали с поверхности земли (в местах, где она просачивалась наружу), либо получали путем фильтрации нефтесодержащих водоемов и использовали в качестве лекарственного средства от всевозможных недугов – от заживления ран до зубной боли. Таким же образом нефть применяли и в Соединенных Штатах в XIX века в качестве естественного натурального средства по лечению практически всех заболеваний – от диареи и холеры, до туберкулеза. Проводились эксперименты с перегонкой нефти для получения керосина, спрос на который рос с развитием промышленных технологий [4, с. 13].

Во второй половине XIX века в Румынии и в Галиции крестьяне примитивным способом перегоняли нефть и получали низкосортный керосин. Добывали нефть путем неглубинного, так называемого «соляного» бурения, так как впервые способ использовался в Древнем Китае для добычи соли.

С 1829 г., нефть добывали в мелко промышленных масштабах на бакинских скважинах и в России, но для добычи вырывали колодцы до 40 м глубиной и вычерпывали проступающую на дне нефть ведрами. Разработкой первых российских месторождений в Баку (Балаханы, Сураханы) занимался русский горный инженер-геолог Н.И. Воскобойников, разработавший добычу нефти из ступенчатых колодцев, что позволяло получать ископаемое глубокого залегания. В 1844 г. в долине Биби-Эйбат близ Баку под руководством В. Семенова начались работы по подготовке к бурению скважин. Первая нефтяная скважина была пробурена в Баку в 1847 г.

В основном нефть использовалась для освещения, но с изобретением электрической лампы, пуска электростанций и, в конечном итоге, с приходом эры электричества, нефть, применяемая лишь для освещения, практически вытеснялась из употребления. Неожиданно обратили внимание на удельную энергию нефти и удобства ее транспортировки благодаря жидкому состоянию. Каменный уголь, повсеместно использовавшийся для отопления, постепенно стал вытесняться нефтью, которую начали широко и повсеместно применять в качестве топлива [15, с. 50].

Бакинская нефтепромышленность царской России тесно связано с братьями Робертом и Людвигом Нобелями (сыновьями знаменитого Эммануэля Нобеля, жившего в России с 1837 г.). Людвиг возглавил нефтяную промышленность бакинского региона, создал товарищество «Братья Нобель» и предложил поставлять нефть наливным способом на баржах, а затем и на танкерах по Каспию. Объем добычи России достиг почти 11 млн баррелей в 1874 г., в Баку было построено почти 200 нефтеперерабатывающих заводов. В 1882 г. в нефтяной бизнес России инвестирует семья Ротшильдов, обеспечив выход российской нефти на европейские рынки через порт Батум [2, с. 63].

Первоначально нефть перерабатывалась для получения керосина (а также ряда более дешевых продуктов – растворителей, мазутов, смазок и даже вазелина и парафина). Использование нефтеналивных танкеров и прокладка длинных трубопроводов значительно изменили нефтяной бизнес и в Европе, и в Америке.

Последнее десятилетие XIX века вошло в историю под знаком нефтяных войн. В борьбу за разделение сфер влияния и рынков были втянуты крупнейшие нефтяные корпорации XIX века – «Стандард ойл» Рокфеллера, «Батумское нефтеперерабатывающее товарищество» Ротшильдов и компания «Братья Нобели».

В этот же период времени в Нидерландской Ост-Индии зарождается компания «Роял Датч», занимавшаяся нефтеразработками на Суматре и в регионе Ост-Индия. Но в начале XX века произошел обвал цен на нефть, и «Роял Датч» оказалась в весьма затруднительном положении, пока руководство компании не возглавил талантливый Г. Детердинг, стремившийся вывести «Роял Датч» на уровень мировой нефтедобывающей компании, для этого было необходимо объединиться с основным конкурентом в Юго-Восточной Азии – компанией М. Сэмюэля «Шелл». После длительных переговоров создается «Шелл Транспорт Ройял Датч Петролеум Компани», которая после объединения с бизнесом Ротшильдов получила название «Эйши-этик Петролеум», из которой позднее, в 1907 г. рождается «Роял Датч Шелл» [2, с. 79].

Повышенный спрос на нефтяное топливо

стимулировал разведку и разработку месторождений и совершенствование технологий нефтедобычи. Первоначально нефтяные скважины бурили при помощи так называемого ударного бурения (по сути пробивания земли при помощи груза), применявшегося при добыче каменной соли, затем начинает использоваться техника вращательного бурения, благодаря которой удавалось находить нефть на больших глубинах. Широко применяются и обсадные трубы при бурении скважины. К началу XX века скважины начинают цементировать, а затем и закачивать цементом. Модифицируется буровое долото (в 1909 г. Г. Хьюз патентует долото с коническими шарошками, увеличившее скорость бурения скважины фактически в десять раз. С 1919 г. при изготовлении буровых долот применяются промышленные алмазы) [4, с. 22].

Постепенно увеличивается и глубина бурения скважин – от 300 метров в 1895 г. до 1000 в 1920 г. Усовершенствуется также и геологоразведка, применяется технологии взрывов для изучения залегающих в недрах пород.

Чем больше развивается нефтяная промышленность, тем более совершенными и дорогими становятся технологии добычи нефти, тем необходимее тщательный анализ нефтяного месторождения и работа геолога.

Нестабильным было начало XX века – 1904 г. – русско-японская война, революция в России и первые волнения и забастовки на бакинских нефтяных скважинах. Ослабленная после неудачной русско-японской войны и революции 1905 г., Россия заключает в 1907 г. с Великобританией соглашение о разделе сфер влияния в Персии. Под Российский контроль переходила северная часть Персии, под Британский – юг, центральная часть Персии оставалась нейтральной.

Для разработки нефти в Персии Великобритания создает «Англо-Персидскую Нефтяную Компанию» в 1907 г. Для безопасной перевозки нефти логично было обладать нефтяными месторождениями – разработкой системы контроля над крупнейшими месторождениями мира и занялись предприимчивые англичане. Так, в 1901 г. Великобритания получает от персидского шаха концессию на 60 лет на право пользования недрами практически всей территории страны, за исключением провинций на севере. Первоначальный инвестор вышел из сделки, передав контрольный пакет акций компании «Бурма Оил», предприятие же по разведке и добыче нефти стало называться Англо-Персидская Нефтяная компания. Поскольку обустройство месторождения, строительство нефтепровода, и нефтеперерабатывающего завода, необходимых для транспортировки нефти из Персии были высоко затратными, в конечном итоге для осуществления проекта потребовались государственные инвестиции [13, с. 50].

В 1914 г. У. Черчилль представил на рассмотрение в английский парламент закон о приобретении 51% акций Англо-Персидской Нефтяной компании. Таким образом, государство получило права на управление нефтяной компанией [4, с. 31], инвестировав в нее 2,2 млн долларов и получив контрольный пакет акций. Великобритания вводит в совет директоров двух представителей и гарантирует поставки топлива ВМФ Великобритании. После приобретения компании «Бритиш Петролеум» - «Англо-Персидская Нефтяная Компания» получает свое новое название и логотип (первоначально - две буквы от сокращенной английской аббревиатуры - «BP») [4, с. 178]. В 1912 г. создается «Турецкая нефтяная компания» (совместно с турецким национальным банком, «Дойче банком» и «Шелл»). Все нефтяные концессии на территории Османской империи должны были проходить через нее.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, подогрела спрос на нефть благодаря необходимости заправлять авиацию, военно-морские суда и впервые появившиеся танки. Масштабы войны были беспрецедентными. Впервые достижения технологий XX века с разрушительной силой применялись на практике - и новые виды вооружения - танки, и воздушные бои авиации, подводные бои и подводные лодки, и множество других, разрушительных новшеств унесло сотни тысяч жизней. После окончания Первой мировой войны карта мира видоизменилась - исчезли Османская и Российская империи, переделывались сферы влияния государств, а вместе с ними и сферы влияния нефтяных компаний. Ведь спрос на нефтепродукты рос с каждым днем. В Советской России были экспропрированы нефтяные месторождения, а значит и собственность Нобелей и «Шелл», после развала Османской империи шла активная борьба за регион Месопотамия, новые источники нефти.

16 мая 1916 г. было заключено соглашение Сайкса-Пико (между Великобританией, Францией, Российской империей и Италией) о разграничении сфер интересов на Ближнем Востоке. По этому соглашению Сирия отошла французам, Ирак - англичанам (по соглашению в г. Сан-Ремо французы отказались от Мосула в обмен на контроль за Сирией, что было подтверждено на Лозанской конференции 1923 г.), России должны были отойти Босфор и Дарданеллы, Западная Армения, Константинополь и Северный Курдистан [4, с. 40].

1920 г. подписывается соглашение Сан-Ремо: Великобритания получает мандат на Палестину и Ирак, Франция - контролирует Сирию и Ливан. Внимательно смотрят на новые нефтяные рынки и Соединенные Штаты, для чего министр торговли США Герберт Гувер предложил создать группу американских компаний для разработки

нефти в Ираке. Была создана «Компания ближневосточного развития» для разработки иракских месторождений со стороны США, интересы Великобритании представляли «Роял Датч Шелл» и «Англо-Персидская компания». Соглашение о разделе сфер влияния по добыче нефти на Ближнем Востоке получило название «Соглашения Красной линии», т.к. стороны разграничили сферы влияния, начертив красным карандашом линию на карте [2, с. 206-214].

Соединенные Штаты не могли допустить абсолютного контроля Британии за Мосульскими месторождениями - группа американских компаний «Стандарт Оил оф Нью Джерси» получает свою долю в правах на разработку месторождения. В разработке также участвует турецкая «Туркиш Петролеум Корпорейшн», затем передавая права «Ираки Петролеум Корпорейшн» - и по равным частям у «Бритиш Петролеум», «Ройял Датч Шелл», французской «СЕП» («Societe Francaise pour l'Exploitation du Petrole») и «Ниар Ист Девелопмент Компани» - американской компании, представлявшей интересы «Эксон», «Мобил» и «Галф»). Все компании отказывались от конкуренции друг с другом в регионе. Персия стала английской, а остальной Ближний Восток был разделен на четыре части. Именно в этот период времени Великобритания утрачивает влияние над нефтяным регионом, так как ни «Бритиш Петролеум», ни «Ираки Петролеум Корпорейшн» не стремились вкладывать инвестиции в разработку нефти на Аравийском полуострове, предпочитая Алжирские месторождения.

Если государство не обладает нефтью, суверенитет его находится под угрозой. С момента окончания первой мировой войны значение нефти для человечества кардинально изменилось. На диаграмме внизу [4, с. 36-54] представлен объем производства нефти в первой половине XX столетия. Следует отметить, что лидерами добычи нефти были три страны - США, СССР, и начинающий нефтяной гигант Саудовская Аравия.

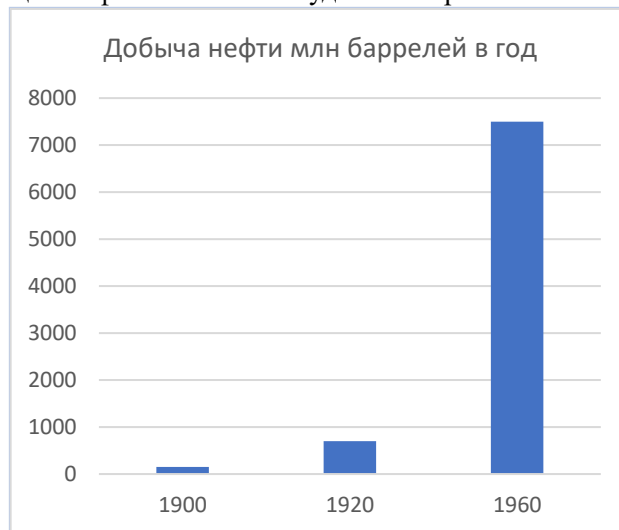

Рис. 1 Добыча нефти

Таким образом, к тридцатым годам XX века сформировалась научно-техническая и практическая система современной геологоразведки и добычи нефти – нефть стала широко применяться для транспорта, отопления и электроэнергии. Термопласты, полистирол, полиэтилен – все эти производные нефти стали разрабатываться именно с этого периода [14, с. 289]. Индустриальная революция и урбанизация современного общества тесно связаны с добычей нефти и ее использованием в качестве топлива – ведь механизация сельского хозяйства обеспечила рынок труда дополнительными рабочими руками. С середины XX века нефть также стали использовать для производства сельскохозяйственных удобрений – нефтяной бизнес принял активнейшее участие в зеленой революции.

Специфика добычи нефти в США изначально заключалась в том, что собственность на землю на территории США подразумевала собственность на недра [11]. Поэтому первоначально нефтяные месторождения США представляли нагромождение нефтяных вышек огромного количества собственников, пользовавшихся своими клочками земли для нефтедобычи. Введение единого управления месторождениями заняло очень долгий срок, но даже до настоящего момента в США сохраняются так называемые малодобитные скважины (дающие менее 10 баррелей в день). Более того, зачастую мелкие нефтяные предприятия оказывают важное влияние на выборы (так называемые независимые голоса).

Огромное влияние на развитие американского рынка нефти оказало изобретение Генри Фордом дешевого автомобиля (в конечном итоге продававшегося за 250 долларов США). Нефть стала реальным топливом для большинства американского населения к тридцатым годам XX столетия – и это не удивительно, ведь 80% мирового рынка автомобилей в этот период приходился на США [10].

К началу 1930-х гг. Соединенные Штаты стали крупнейшим государством по количеству автомобилей на душу населения. Автомобильный бум стимулировал развитие дорог, сделал нацию более мобильной, а также привел к развитию нового бизнеса, связанного с автозаправками. Таким образом, нефть становится необходимой не только для ведения войны, но и для мирной жизни. После первой мировой войны нефтяной политикой в основном занимались Великобритания и США (в России произошла революция и началась гражданская война), преимущественно же обладали Соединенные Штаты, где к 1914 г. добывалось 400 млн баррелей нефти в год и было зарегистрировано 7,5 млн автомобилей. Великобритания же, в Персии и с помощью англо-голландской Шелл добывала лишь 180 млн баррелей в 1919 г. Также очень привлекательной

для Великобритании была Месопотамия – с выходящей на поверхность нефтью в районе Басры и Мосула. Великобритания давно пыталась урегулировать и разграничить сферы влияния на Ближнем Востоке с Францией [4, с. 37].

К середине XX века правительства развивающихся государств практически не были активно вовлечены в национальный нефтегазовый сектор, так как развитые страны обладали концессиями на разработку месторождений и добычу нефти. Достаточно вспомнить соглашение 1928 г., заключенное в Шотландии, г. Акнакарри, по которому, по сути, был создан международный картель нефтяных компаний – «семь сестер», полностью контролировавших мировой нефтяной рынок. («Англо-Персидская нефтяная компания» (позднее «Бритиш Петролеум»), «Галф Оил» (в настоящее время не существует), «Ройял Датч Шелл», «Тексако», «Сокал» («Шеврон»), «Стандарт Оил оф Нью Джерси» («Эксон Мобил»), «Стандарт Оил оф Нью Йорк» («Эксон Мобил») и присоединившаяся к ним позже «Французская нефтяная компания» [3, с. 16].

В тридцатые годы XX века нефтяной бизнес модернизируется – начинает развиваться геофизика и сейсмология, что облегчало проведение геологических изысканий перед разработкой месторождений. Активно стала применяться аэрофотосъемка и глубокое бурение, внедрялся метод крекинга для получения бензина из сырой нефти, осваиваются новые месторождения – открыт так называемый «Черный гигант» в Техасе, [2, с. 264] ведутся разведывательные работы в Мексике, а после национализации мексиканской нефтяной промышленности, американский бизнес стал инвестировать в разработку месторождений в Венесуэле. С 1920-х годов на мировые рынки нефти выходит Советская Россия, национализировавшая все нефтяные предприятия.

В 1928 г. между представителями крупнейших нефтяных компаний заключается устное соглашение «Как есть», в соответствии с которым каждой компании выделялась квота на рынке, устанавливался контроль над нефтедобычей. К этому соглашению даже примкнули «Российские нефтепродукты» СССР. Нефть становится все более взаимосвязанной с политикой.

В 1932 г. персидский шах Реза Пехлеви разорвал концессию «Англо-персидской компании» в знак протеста против признания Великобританией Ирака, а затем вернул концессию, согласившись на премиальные выплаты от продажи нефти. Крупнейшая нефтяная компания Мексики, «Мексикен Игл», частично принадлежавшая концерну «Роял Датч Шелл» была национализирована правительством, вместе со всей нефтяной отраслью. В Мексике была создана национальная компания «Петролеос Мексиканос», охватывавшая всю нефтяную промышленность страны. Со

времен национализации нефтяной промышленности царской России, это был наиболее сильный удар по целостности рынка нефти.

Кувейтский шейх Ахмед предоставил концессию «Кувейтской нефтяной компании» (в нее входила американская «Галф» и британская «Англо-Персидская компания»). Ключевую роль в разработках нефти в Кувейте играла Великобритания [2, с. 314]. США также не активно присутствуют в регионе Ближнего Востока в тридцатые годы XX столетия, лишь в 1939 г. открывают дипломатическую миссию в Саудовской Аравии. Наиболее активны на ближневосточном нефтяном рынке в этот период времени американские компании «Сокал», будущая «Шеврон Оил» и «Галф». Обе компании закрепились в Бахрейне, Кувейте (совместно с Англо-Персидской Нефтяной Компанией) и Саудовской Аравии. К концу 30-х гг. XX века США полностью контролировали эту страну [13].

В Саудовской Аравии правитель Фейсал аль-Сауд (представитель семьи Саудитов, захвативших власть в Саудовской Аравии в XVIII веке и проповедовавших ваххабитскую ветвь ислама), проведя ряд военных кампаний по захвату территорий, взял под контроль центральную и восточную и северо-западную Аравию, а затем и священную землю Хиджаз, где находятся города Мекка и Медина. Была создана компания «Калифорнийско-арабская Стандарт Ойл», начавшая разработку нефтяных месторождений в Саудовской Аравии, разработкой арабской нефти также занимались компании «Сокал» и «Тексако», создавших совместное предприятие «Арабо-американская нефтяная компания» («Арамко»).

После начала Второй мировой войны добыча в регионе Персидского залива была заморожена и поддерживалась на минимальном уровне, в течение войны США также продолжали разработку нефтяных месторождений Саудовской Аравии и Персидского залива в целом – потенциальных ресурсов Ирана, Ирака, Кувейта, Бахрейна и Катара. Было установлено, что этот регион станет мировым центром нефтедобычи.

В период Второй мировой войны США обеспечивали почти 90% потребностей союзников в нефтепродуктах, увеличив внутреннее производство на 30%. Правительство Соединенных Штатов задумывалось о необходимости контроля за рынком нефти, задумываясь о покупке долей компаний «Шеврон» и «Тексако», функционировавших в Саудовской Аравии, к 1948 г. США становятся чистым импортером нефти, потребляя более половины мировой добычи на внутреннем рынке [10].

Английские, голландские и американские компании эвакуировали персонал и максимально разрушили скважины на месторождениях Ост-Индии для того, чтобы воспрепятствовать нефтедобыче японскими военными, захватившими эти

территории. Борьба за нефтяные районы, а значит и топливо для ведения боевых действий, была основной задачей стран Оси.

Нефтепереработка Европы в основном велась компанией «Шелл», «Англо-Иранской нефтяной компанией» и британским филиалом американской «Джерси Оил». Компании договорились об отсутствии конкуренции и о единой деятельности на период войны в рамках Нефтяного управления или национальной монополии.

В США помощь союзникам осуществлялась на основе ленд-лиза, нефть поставлялась в Великобританию танкерами. Разрозненный американский нефтяной бизнес необходимо было объединить для мобилизации бесперебойной и слаженной работы в условиях войны. Были построены два трубопровода «Большой» и «Малый» дюйм для транспортировки нефти через страну, было стандартизировано поставляемое в войска топливо, использовался сборно-разборный трубопровод для перевозки нефти без использования транспорта, применение более эффективного каталитического крекинга для получения авиационного топлива. Нефть была признана главным стратегическим продуктом, определяющим международное влияние и национальную мощь государств.

Также в годы Второй мировой войны в США получила распространение так называемая «теория консервации» - признание необходимым сокращения добычи внутри страны, консервирование их на будущее, для обеспечения стратегического запаса, при активной разработке зарубежных месторождений и участия в иностранных концессиях.

К середине XX века постепенно в мире определяется две группы государств - производители и потребители нефти. При этом необходимо заметить, что доля участия национальных государств (стран-колоний или находящихся под протекторатом) в прибыли от продажи нефти постепенно возрастала. Сначала работало правило получения половины прибыли иностранными инвесторами и половины - национальным государством. Так персидский шах получает 20% доли, аннулировав концессию Англо-Персидской нефтяной компании в 1932 г., в середине века за Персией последуют Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия откроет рынок нефти для привлечения инвестиций мелких нефтяных компаний.

В середине XX века объемы добычи нефти увеличиваются, а цены на нефть по-старинке устанавливались по так называемой «справочной» цене, компанией-концессионером. В этот же период времени на рынок нефти выходит СССР, переставший производить нефть лишь для собственных нужд, а в США президент Эйзенхауэр вводит политику протекционизма импорта в страну, квотируя и лицензируя поставки в том числе и нефти в Соединенные Штаты.

Естественно, что у национальных правительств возникли претензии к западным компаниям по поводу раздела прибыли от продажи нефти. В связи с процессом деколонизации национальные государства особенно остро стремились защитить свои права, суверенитет и стремились к пересмотру условий нефтяных концессий. Так, в 1950 г. в Саудовской Аравии между нефтяной компанией «Арамко» и правительством было заключено соглашение о разделе прибыли по принципу 50/50.

В Иране в 1951 г. премьер-министром был избран Мухаммед Мосаддык, стремившийся национализировать нефтяную промышленность страны, его даже пытались сместить с поста путем проведения секретной операции ЦРУ «Аякс», по началу провальной, но в итоге оказавшейся успешной. После восстановления шахского режима в Иране был создан нефтяной консорциум, состоящий из «Англо-Иранской нефтяной компании», «Роял Датч Шелл», четырех американских – «Арамко», «Сокони», «Тексако», «Галф» и Французской Государственной Компании. В 1954 г. между консорциумом и «Национальной Иранской Нефтяной Компанией» было подписано соглашение. Это соглашение, достигнутое путем переговоров, стало знаковым – стороны признали, что нефтяные ресурсы Ирана находятся в государственной собственности. Компании – участники консорциума выкупают нефть и реализуют ее на рынке. С подписанием этого соглашения, США, занимавшие лидирующую роль в консорциуме, заняли ведущую позицию на политической и экономической арене Ближнего Востока.

Суэцкий канал, связывающий Красное море и Средиземное, был основной торговой артерией для нефтеперевозок из Ближнего Востока в Европу. Владельцем канала была англо-французская «Суэц Ченел Компани». К каналу примыкали два трубопровода - Трансаравийский и принадлежащий Иранской Нефтяной Компании. Перевозки через канал были чрезвычайно важны для всей нефтяной отрасли, т.к. путь из Ближнего Востока в Европу сокращался в несколько раз. В 1956 г. заканчивалось действие договора, по которому канал оставался под контролем Британии и размещенного в зоне канала британского военного контингента. Предполагалось, что договор должен был быть продлен на следующие 20 лет.

Пришедший к власти в Египте Гамаль Абдель Насер в стремлении пополнить государственную казну, хотел национализировать канал для получения казной полного дохода от его эксплуатации. Началась Суэцкая или Синайская война – против Египта выступили вооруженные силы Израиля, Великобритании и Франции. Против действий этих государств активно выступил СССР, Н. Хрущев пригрозил нанесением термоядерного удара

по трем государствам, что привело бы к неизбежному столкновению с США. Мир стоял на пороге катастрофы. В итоге и ГА ООН и США потребовали прекращения военных действий, были введены Миротворческие силы ООН.

Транспортировка нефти на Запад теперь была приостановлена, Саудовская Аравия объявила также эмбарго на поставки нефти во Францию и Великобританию. Но нефть на Ближнем Востоке продолжали добывать, ее необходимо было транспортировать в Европу, перевозили нефть по «длинному» пути через мыс Доброй Надежды.

По окончании кризиса, в ходе которого Насер одержал победу и канал был национализирован, т.е. к марту 1957 г., канал и трубопроводы постепенно стали открытыми для навигации. После кризиса многие нефтяные кампании задумались о стратегическом планировании перевозок нефти, многие из них приобрели японские танкеры огромного размера – так называемые супертанкеры – для перевозки нефти на длинные расстояния [2, с. 505-522].

Во время кризиса США постарались сохранить свое влияние в регионе. В 1960-е гг. на нефтяном рынке помимо действующих семи крупнейших компаний («семи сестер» - «Экссон» (объединенные «Арамко» и «Джерси»), «Мобил» («Сокони-ваккум»), «Шеврон» («Стандард оф Калифорния»), «Тексако», «Галф», «Роял Датч Шелл», «Бритиш Петролеум» («Англо-иранская компания»), появляется большое число независимых компаний, колоссально растет потребление нефти. В Италии зарождается нефтяной гигант «Эни», объединивший нефтедобывающий «Аджип», трубопроводные и нефтеперерабатывающие компании. Во Франции – «Французская Государственная Компания».

В 1957 г. итальянская корпорация «Эни» получает новый вид концессии в Иране, заключив соглашение с «Иранской нефтяной компанией» по принципу 75/25. Впервые национальная компания получила больше 50 процентов дохода от нефти. Это вызвало бурное недовольство со стороны США и Великобритании, но изменить ситуацию они уже не могли.

На нефтяной рынок Ближнего Востока приходит и Япония, консорциум компаний которой получает концессию на разработку месторождений в Саудовской Аравии. Разрабатываются новые месторождения – в Западной Африке (Габон), Северной Африке (Алжир), где регистрируется французская компания «Эльф», в Нигерии, где создается совместное предприятие «Роял Датч Шелл» и «Бритиш Петролеум», и наконец, в Ливии (к 1969 г. уровень добычи нефти там фактически превысил саудовский).

В 1959 г. для протекции американских нефтяных компаний президент Эйзенхауэр устанавливает квоты на импортную нефть, тем самым

защитив американских производителей от дешевой иностранной нефти.

С победой Египта в Суэцком кризисе во всем регионе Ближнего Востока проходит волна национализма – в Сирии образуется Объединенная Арабская Республика. В 1959 г. в Каире созывается Арабский Нефтяной конгресс, а в 1960 г. на конференции в Багдаде создается Организация стран-экспортеров нефти, с этого момента по всем вопросам, связанным с формированием цен на нефть, обращались к национальным правительствам, страны-участницы также договорились о совместных консультациях по всем важнейшим вопросам. Все страны ОПЕК стремились повысить национальный доход [2, с. 551].

В 1970-е гг. практически во всех странах-производителях нефти происходит национализация нефтяной отрасли – Ирак (1971 г.), Ливия (1972 г.) Кувейт (1974-1975 гг.), Венесуэла, Саудовская Аравия (сохранившая тесные отношения с американскими инвесторами). В 1973 г. ОПЕК самостоятельно устанавливает стоимость барреля в 11,65 доллара США. Ситуация на рынке нефти, в том числе и стоимость самого барреля во многом определялась Суэцким кризисом (1956 г.), Шестидневной войной Израиля (1973 г.), Иранской революцией (1979 г.), войной между Ираком и Ираном (1980-1988 гг.), наконец первой (1990 г.) и второй (2003 г.) Иракской войной. Впервые страны-производители применяли нефтяное эмбарго в качестве оружия ведения войны, в 70-е гг. XX столетия страны-производители нефти на Ближнем Востоке не только стали полностью контролировать свое нефтяное производство, но и лидировать в производстве нефти, а значит и определять нефтяную политику всего мира, потеснив гегемонию США [8]. После нефтяного эмбарго, введенного арабскими странами в 70-е гг., в странах Запада заговорили об энергосберегающих технологиях, испугавшись реальной нехватки нефти.

Очень часто нефтяная политика западных государств сводится к контролю за основной прибылью (рентой) от добычи нефти в развивающихся государствах. Основная борьба за этот контроль началась с 1970-х гг., когда начался процесс национализации. До этого момента, «семерка сестер» получала никем неконтролируемый доход от продажи и добычи нефти чистую прибыль составляла до 60-90%. Правительствам ближневосточных государств доставался лишь незначительный процент, полагающийся по невыгодным контрактам, заключенным с семеркой нефтяных сестер.

В ходе волны национализации изначально национальным правительствам предоставлялся лишь номинальный контроль за нефтяной отраслью и основными доходами от продажи нефти. До

начала 1970-х гг., договорившееся о разделе и контроле за рынком «семь сестер», имели практически во всех нефтедобывающих странах мира у дочерних предприятий, занимавшихся разработкой или добычей черного золота [5, с. 32]. С местными правительствами обычно заключались соглашения, выгодные лишь европейским или американским партнерам, что было чрезвычайно невыгодно таким государствам как Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Ливия, Нигерия, Индонезия – по сути их национальными богатствами распоряжались иностранные лица. На смену этой системе в 1960-1970-х гг. в связи с процессом деколонизации и национализации нефтяного сектора большинством новообразованных независимых государств, созданием ОПЕК и крахом Бреттон-Вудской системы твердых валютных курсов, а также после начала колебания курса доллара, расстановка сил в нефтяной отрасли кардинально видоизменилась.

Например, в Ираке основным инициатором национализации был Саддам Хуссейн, занимавший пост заместителя председателя Совета революционного командования. Успех процесса национализации усилил политическое влияние Хуссейна в стране и партии «Баас» [9]. Также в этот период появляется много новых независимых нефтяных компаний, усиливается роль СССР на нефтяном рынке.

Заключение (выводы). Процесс национализации в совокупности с ростом цен на нефть в 1970-х гг. способствовал обогащению нефтедобывающих стран. Если учесть, что правительства многих стран засекретили нефтяные доходы на фоне резко возросшего объема продажи нефти, колебания цен стали непредсказуемыми. В Мексике захват собственности иностранных нефтяных компаний произошел в 1938 г., в 1951 г. в Иране национализируется британская Англо-Иранская нефтяная компания. Таким образом, на мировой рынок нефти с 1980-х гг. выходят Национальные нефтяные компании, что коренным образом трансформирует нефтяную отрасль. Правительства национальных государств играют огромную роль в определении условий контрактов с международными нефтяными компаниями.

Усовершенствование геологических технологий сделало добычу нефти более доступной и эффективной, а развитие систем трубопроводов и усовершенствование транспортировки – более доступной. Растет число НПЗ, улучшается качество бензина и мазута, увеличивается количество танкеров, разрабатываются шельфовые и морские месторождения, добыча в которых ранее не представлялась возможным (например, в Северном море, Мексике и на Аляске). Повсеместно во всех странах промышленность переходила с угля на нефть. Нефть становится признаком богатства, власти, экономического успеха и безопасности.

Список литературы

1. Боровский Ю.В. Проблема энергетической безопасности в отношениях России и международного сообщества: сотрудничество и соперничество. М.: МГИМО-УНИВЕРСИТЕТ, 2018.
2. Ергин Д. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. Добыча. М.: ДеНово, 1999.
3. Лалетина А.С. ОПЕК. Газ. Трубопроводы. Право: монография. М.: Проспект, 2018.
4. Николацци М. Цена нефти. М.: Международные отношения, 2012.
5. Росс М. Нефтяное проклятие. М.: Институт Гайдара, 2015.
6. Adelman M. Genie out of the Bottle. World Oil since 1970 / The Mit Press, Cambridge, Mass, 1995.
7. Ahlbrandt T. Global Petroleum Reserves, Resources and Forecasts, Oil in the 21st Century // Oxford, Oxford University Press, 2006.
8. Bradley R.L. Oil, Gas & Government // Bowman & Littlefield, Lanham, Mass, 1996.
9. Con. Coughlin Saddam: His Rise and Fall // NY, Harper Collins, 2002.
10. Juhasz A. The Tyranny of Oil: The World's Most Powerful Industry-and What We Must Do to Stop It // William Morrow Paperbacks; Reprint edition, 2009.
11. Herbert A. The Golden Flood: An Informal History of America's first Oilfield. // N.Y.: Alfred A. Knopf, 1942.
12. Klare M.T. Rising Powers. Shrinking Planet. The new Geopolitics of Energy. NY, Metropolitan Books, 2008
13. Sampson A. The Seven Sisters: The Great Oil Companies & The World They Shaped. Viking, 1975
14. Smil V. Energy and Civilization: A History. The MIT Press, 2017.
15. Smil V. Oil: A Beginner's Guide // 2nd edition, Oneworld Publications, Oxford, 2017.
16. Van de Graaf T. The Politics and Institutions of Global Energy Governance. Mcmillan, London, 2013.
17. Victor D., Jaffe A., Hayes M. Natural Gas and Geopolitics from 1970. to 2040. Cambridge University Press, Cambridge, 2008.
18. Yergin D. The Quest: Energy, Security and the Remaking of the Modern World. NY, Penguin Books, 2011.

THE FORMATION OF THE OIL AND GAS INDUSTRY IN THE CONTEXT OF WORLD EVENTS OF THE XX CENTURY

The article retrospectively considers oil development history starting from the first use of the «black gold» in prehistoric times, first oil well drilling and ending with the oil industry development on the international level in the XX century. The author analyzes the correlation of human historic development and diversification of hydrocarbonic fuel usage. The article studies activities of the major oil corporations such as «Standard Oil», «Anglo-Persian Oil Company», as well as oil companies active at present – «Royal Dutch Shell», «British Petroleum», «Agip», etc. The impact of such pivotal events in the world history as Russian 1917 Revolution, WWI, WWII, post-WWII decolonization process and etc. on oil and gas market is examined. Complex interdependence of world historical events and oil production development is studied in the research. Comparative analysis of these developments and mutual impact of events is provided. Oil is considered as both a strategic fuel and an instrument of foreign policy.

Keywords: oil, oil corporations, «black gold», oil industry, WWI, WWII, decolonization, strategic fuel, international crises.

References

1. Borovskij Yu.V. (2018) Problema energeticheskoj bezopasnosti v otnosheniyah Rossii i mezhdunarodnogo soobshchestva: sotrudnichestvo i sopernichestvo» [The problem of energy security in relations between Russia and the international community: cooperation and rivalry] M.: MGIMO-UNIVERSITET.
2. Ergin D. (1999) Vsemirnaya istoriya bor'by za nef't', den'gi i vlast'. Dobycha [The world history of the struggle for oil, money and power] M.: DeNovo.
3. Laletina A.S. (2018) OPEK. Gaz. Truboprovody. Pravo:monografiya [OPEC. Gas. Pipelines. Law: monograph] M.: Prospekt.
4. Nikolacci M. (2012) Cena nef'ti [The price of oil] M.: Mezhdunarodnye otnosheniya.
5. Ross M. (2015) Neftyanoe proklyatie [The Oil Curse] M.: Institut Gajdara.
6. Adelman M. (1995) Genie out of the Bottle. World Oil since 1970. The Mit Press, Cambridge, Mass.
7. Ahlbrandt T. (2006) Global Petroleum Reserves, Resources and Forecasts, Oil in the 21st Century. Oxford, Oxford University Press.
8. Bradley R.L. (1996) Oil, Gas & Government. Bowman & Littlefield, Lanham, Mass, 1996.
9. Con. Coughlin (2002) Saddam: His Rise and Fall. NY, Harper Collins.
10. Juhasz A. (2009) The Tyranny of Oil: The World's Most Powerful Industry-and What We Must Do to Stop It. William Morrow Paperbacks; Reprint edition.
11. Herbert A. (1942) The Golden Flood: An Informal History of America's first Oilfield. N.Y.: Alfred A. Knopf.

12. Klare M.T. (2008) *Rising Powers. Shrinking Planet. The new Geopolitics of Energy*. NY, Metropolitan Books.
13. Sampson A. (1975) *The Seven Sisters: The Great Oil Companies & The World They Shaped*. Viking.
14. Smil V. (2017) *Energy and Civilization: A History*. The MIT Press.
15. Smil V. (2017) *Oil: A Beginner's Guide*. 2nd edition. Oneworld Publications, Oxford.
16. Van de Graaf T. (2013) *The Politics and Institutions of Global Energy Governance*. Mcmillan, London.
17. Victor D., Jaffe A., Hayes M. (2008) *Natural Gas and Geopolitics from 1970. to 2040*. Cambridge University Press, Cambridge.
18. Yergin D. (2011) *The Quest: Energy, Security and the Remaking of the Modern World*. NY, Penguin Books.

Об авторе

Мокрова Екатерина Марковна - кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры английского языка №6 МГИМО МИД России (Россия), E-mail: ek.m.mokrova@my.mgimo.ru.

Mokrova Ekaterina Markovna - PhD in Political Science, senior lecturer at English Language Department № 6, MGIMO, MFA of Russia, E-mail: ek.m.mokrova@my.mgimo.ru.

**ОСОБЕННОСТИ ПОЗЕМЕЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КРЕСТЬЯН СТАРОДУБЬЯ
(ЮГО-ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ) ПО РЕФОРМЕ 1861 Г.**

В статье на основе архивных документов исследуются особенности поземельного устройства крестьян Стародубья в пореформенный период. Данный исторический регион относился во второй половине XIX в. к северо-восточным уездам бывшей Черниговской губернии Российской империи. Их составляли Стародубский, Новозыбковский, Мглинский и Суражский уезды. Ныне Стародубье относится к юго-западной части Брянской области России. Цель статьи – определить, выиграли или проиграли крестьяне Стародубья в результате Реформы 1861 года. Было проанализировано большое количество уставных грамот, которые содержатся в делах о выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами Стародубья в Российском государственном историческом архиве. В результате было установлено, что наделные земли не могли обеспечить крестьянам прожиточный минимум и выплату выкупных платежей. Крестьянам зачастую доставались неудобные к возделыванию участки. Усадьбы и различные постройки крестьяне должны были переносить на наделные земли, что существенно осложняло их жизнь в пореформенный период. Помещики обычно не препятствовали крестьянам пользоваться общественными территориями, но ограничивали их доступ к древесине для топки домов. Господствующей формой землепользования было общинное, но иногда помещики разрешали разделить общественные земли на подворные участки.

Ключевые слова: крестьяне, крестьянская реформа 1861 г., модернизация, Стародубье, Черниговская губерния, пореформенный период, повседневная жизнь, барщина, оброк.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-125-130

Введение. 19 февраля 1861 г. российским императором Александром II была провозглашена отмена крепостной зависимости для помещичьих крестьян. Реформа внесла ряд новшеств в повседневную жизнь данного сословия. В основном они были связаны с новым поземельным устройством. Вопросы поземельного устройства российского крестьянства рассматривались в крупных работах по отмене крепостного права. Вместе с тем этот вопрос практически не нашел отражения в историографии применительно к Стародубью Черниговской губернии. Можно упомянуть работы П.Я. Дорошенко [2] и М.И. Белана [1], которые посвящены отмене крепостного права в Черниговской губернии, где лишь частично был затронут данный вопрос в Стародубье. Исследователи упускали из внимания данный регион, который имел свои особенности и отличался во многом от остальной части Черниговщины. Отсутствие работ по теме поземельного устройства крестьян региона обусловило необходимость настоящего исследования.

Новизна данной работы состоит в том, что в научный оборот впервые вводятся некоторые ранее не опубликованные источники о поземельном устройстве крестьянского сословия Стародубья в пореформенный период. В исследовании они представлены архивными делами о выкупе земельных наделов, а также несколькими делопроизводственными документами Главного выкупного учреждения и Земского отдела МВД, которые содержатся в Российском государственном историческом архиве.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступает крестьянская реформа 1861 г., а предметом – особенности поземельного устройства бывших помещичьих крестьян Стародубья. Статья базируется на принципах историзма и научной объективности с применением общенаучных методов исследования – анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения и обобщения. Вместе с тем в работе над исследованием применен микроисторический подход – анализ отдельной исторической категории, такой, как область, город, деревня или отдельный человек. При анализе источников применен метод контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. Прежде всего следует рассмотреть основные законодательные документы, в соответствии с которыми крестьяне получали свободу, а также земельные наделы. «Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» представляли собой набор законов, регулировавших различные аспекты реформы. Наиболее значимым из них было «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», в котором были изложены основные условия отмены крепостного права [4, с. 125].

Рассмотрим общие для всех губерний России условия поземельного устройства крестьян. Согласно «Общему положению», крестьяне отпускались из власти помещика с землей и были переведены в категорию временнообязанных [19, с. 40]. С получением нового статуса крестьяне могли самостоятельно заключать сделки, участвовать в судебных процессах, заниматься промыслами и торгов-

лей. Они получали свободу передвижения, образование и так далее. Однако реализация некоторых из этих прав требовала согласия общины или главы семьи [5, с. 68]. Это касалось, например, права выхода из общины или получения гражданского паспорта. Все обязательные отношения между помещиком и бывшим в его владении крестьянским обществом прекращались ровно в тот момент, когда временно-обязанные крестьяне переходили на выкуп, т.е. когда крестьяне получали ссуду от государства на приобретение надела земли.

Сложным элементом повседневности для крестьян всех губерний России после начала реализации Реформы 1861 г. стала выкупная операция. Она на долгое время осложнила повседневную жизнь для бывших помещичьих крестьян. Отношения между крестьянской общиной и помещиком регулировались уставной грамотой – документом, где устанавливались размеры земли, получаемой крестьянами в пользование. Повинности за использование помещичьей земли в уставной грамоте были разделены на денежные (оброк) и издольщину (барщину). Уставные грамоты заключались не с отдельным крестьянином, а с общиной. Соответственно, повинности за пользование землей взимались с общины [4, с. 126]. При переходе на выкуп крестьяне получали от государства 75-80% выкупной ссуды для выплаты помещику. Ссуду необходимо было погасить в течение 49,5 лет, ежегодно уплачивая выкупные платежи. В первые девять лет после реформы крестьянину запрещалось отказываться от надела [4, с. 125]. На 1 января 1877 г. на выкуп перешли 78% крестьян России, включая только 35% по добровольному соглашению. 65% перешли на выкуп по требованию помещиков [5, с. 69].

Еще одними важными документами, определявшими условия поземельного устройства крестьян, стали «Местные положения», где устанавливались размеры земельных наделов в конкретных губерниях и где учитывались региональные особенности для реализации Реформы 1861 г. Таких «Местных положений» было составлено четыре. Первое – для великороссийских губерний, второе – для новороссийских губерний, третье – для Левобережной Украины и четвертое – для Правобережной Украины и западных губерний России [4, с. 127].

Особенностью рассматриваемого региона было следующее. В административном отношении Стародубье принадлежало к Черниговской губернии Российской империи. В Черниговщине вводилось в действие специальное местное положение для Левобережной Украины – «Малороссийское положение». Но вопреки этому именно в 4 уездах Стародубья упомянутое положение о поземельном устройстве не было введено в действие. Там во-

дилось положение, относящееся к великороссийским губерниям [16]. Выбор Великороссийского местного положения в Стародубье был обусловлен господствовавшим там общинным типом пользования землей, где крестьянская земля находится в общем пользовании всех членов сельского общества и периодически происходит ее перераспределение. Однако в некоторых селениях наряду с общинным существовало подворное (наследственное) землепользование, как это было в остальной части Черниговщины. Оно предполагает ограниченную частную собственность, где возделываемый участок земли закреплен за домохозяйством и передается по наследству. По местному Великороссийскому положению в Стародубье был установлен высший душевой надел в количестве 4 десятины и 1200 сажень земли и оброк за высший надел составлял 8 руб. с души [13, л. 18]. Это учитывалось при поземельном устройстве крестьян.

Стародубье – это регион, в котором соседствовали как земледельческие имения, так и мануфактурные (заводские). Крестьяне, трудившиеся в земледельческих имениях, обрабатывали поля и занимались сельским хозяйством. Основной сельскохозяйственной культурой в этом регионе была конопля [3, с. 61]. Из неё добывали масло, а также продавали купцам. В мануфактурных помещичьих имениях крестьяне в основном занимались производством пеньки, тканей, веревок и канатов из конопли.

Для выявления особенностей поземельного устройства в исследуемом регионе необходимо обратиться к делам о выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве, в 577 фонде. В архивных делах указанного фонда содержатся такие документы, как бухгалтерские расчеты, прошения, уставные грамоты, мирские приговоры и выкупные договоры. Наибольшую информацию по предмету исследования может дать уставная грамота. Мы приведем уставные грамоты по каждому из 4-х уездов Стародубья, отражающие поземельное устройство крестьян региона.

Обратимся к составленной 10 июня 1862 г. уставной грамоте помещика Ф.И. Лукашевича села Скоробогатой Слободы и хутора Александрии Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Данный документ состоял из нескольких разделов. В первом разделе сообщается, что количество крестьян, проживавших на момент ее составления в имении помещика – 87. При этом дворовых людей по двум населенным пунктам насчитывалось 17 душ, из них на получение надела имели право лишь двое [11, л. 4-5]. Во втором разделе, посвященном поземельному устройству крестьян, приводится количество земли, которым крестьяне

пользовались «до утверждения Положения» и какое количество земли им положено по реформе. До реформы крестьяне пользовались наделом в размере 301 дес. и 792 саж. земли, что составляло примерно 3 дес. на душу. Это же количество земли передавалось крестьянам в пользование по уставной грамоте. Вместе с тем в этом же разделе указывается, что в обоих населенных пунктах находилось 32 домохозяйства. Соответственно, на одно домохозяйство приходилось примерно по 9 дес. земли. Выгон для скота и водопой находились в общем пользовании крестьян [11, л. 5]. Третий раздел уставной грамоты посвящен повинностям за пользование землей до перехода на выкуп. Крестьяне, получавшие в пользование надел, были обязаны выплачивать оброк в размере 632 руб. 56 коп. в год со всего крестьянского общества, то есть по 7 руб. 10 коп на одну душу. В виде альтернативной повинности была рассчитана барщина в размере 33 мужских и 24 женских дней в году [11, л. 5-6]. Из приложения к уставной грамоте выясняется, что в Скоробогатой Слободе и Александрии существовала общинная форма пользования землей. Вместе с тем указано, что для крестьян не предусматривалось выделение топлива (древесины). Имеющийся у крестьян сельский магазин, располагавшийся на помещичьем огороде, должен был быть перенесен на земли крестьян [11, л. 7-8].

В составленной и введенной в действие 12 декабря 1862 г. уставной грамоте помещика И.М. Скоропадского села Соколовки Стародубского уезда Черниговской губернии сообщается, что количество крестьян, проживавших на момент ее составления в Соколовке – 81. При этом дворовых людей в имении не было [12, л. 2]. До реформы крестьяне пользовались наделом в размере 320 дес. земли, то есть 4 дес. на душу. Такое же количество земли передавалось крестьянам в пользование по уставной грамоте. Выгон для скота и водопой находились в общем у крестьян с помещиком пользовании [12, л. 3]. За пользование землей крестьяне обязаны были выплачивать оброк в размере 640 руб. в год со всего крестьянского общества (8 руб. на одну душу). Взамен оброку была рассчитана барщина в размере 40 мужских и 30 женских дней в году на одну душу [12, л. 4-5]. Из приложения к уставной грамоте выясняется интересное обстоятельство, что в имении И.М. Скоропадского крестьяне нередко воровали помещичий лес, поэтому оговаривалось разграничение земель, а также перенесение абсолютно всех крестьянских усадеб на наделные земли. В селе Соколовке существовала общинная форма пользования землей, кроме той, на которой находились крестьянские усадьбы и огороды. На этих землях существовало подворное (наследственное) земле-

пользование. Вместе с тем в приложении указывается, что для крестьян предусматривалось выделение топлива (леса для вырубki), но лишь на время. В будущем, в предупреждение порчи и истощения экономического леса, помещик не желал отпускать крестьянам древесину [12, л. 5-6].

В деле о выкупе земельных наделов у помещицы В.С. Голицыной села Воловки Суражского уезда Черниговской губернии также содержатся ценные сведения о поземельном устройстве крестьян региона. В уставной грамоте, которая составлялась в феврале 1862 г. сообщается, что в имении помещицы находилось 77 крестьян, которым полагалось получить надел. Дворовые люди отсутствовали [14, л. 60-61]. До реформы крестьяне В.С. Голицыной пользовались наделом в размере 418 дес. и 1307 саж. земли. По уставной грамоте часть земли у крестьян отрезалась в пользу помещицы и крестьянам было определено в пользование 346 дес. и 1200 саж. земли или 4 дес. и 1200 саж на душу. Выгон для скота и водопой были в исключительном пользовании крестьян [14, л. 61]. Оброк составлял 616 руб. в год со всего крестьянского общества (8 руб. с души). В данном имении существовала общинная форма пользования землей.

В составленной в мае 1862 г. уставной грамоте помещика Н.Г. Борщова села Лизогубовки Мглинского уезда Черниговской губернии сообщается, что количество крестьян, имевших право на надел земли – 98. Дворовых людей в имении не было [10, л. 8]. До реформы крестьяне пользовались наделом в размере 522 дес. и 1882 саж. земли, то есть 5 дес. и 1400 саж. на душу. По уставной грамоте часть земли отрезалась, и крестьяне получали в надел 441 дес. земли, то есть 4 дес. и 1200 саж. на душу. Выгон для скота и водопой находились в пользовании у крестьян [10, л. 9]. За пользование землей крестьянам назначался оброк в размере 784 руб. в год со всего крестьянского общества (8 руб. на одну душу). Барщина в данном случае не предусматривалась [10, л. 10]. Из приложения к уставной грамоте выясняется, что в селе Лизогубовке существовало общинное пользование землей, но по решению помещика оно должно стать подворным. Вместе с тем в приложении указывается, что для крестьян было предусмотрено выделение топлива (леса для вырубki) [10, л. 12].

Если обобщить представленную в уставных грамотах информацию, то можно сделать вывод, что временнообязанные крестьяне Стародубья получали в среднем от 3 до 4 дес. и 1200 саж. земли на душу. Практически такое же количество получали крестьяне соседних со Стародубьем губерний. Можно привести сведения из Смоленской губернии, которая граничила со Стародубьем на севере. Так, во владении Е.Е. Лопу-

хиной деревни Корабановой Смоленской губернии право на получение надела имели 39 крестьян. По уставной грамоте крестьяне получали в надел 176 дес. и 1900 саж., соответственно, это примерно 4,5 дес. на душу [8, л. 6-7]. В имении помещика К.О. Фон-Мека селения Крапивны (Шкураговки) Смоленской губернии 36 крестьян получали в надел 144 дес. земли, что равнялось 4-м дес. на душу [9, л. 2-3]. В соседней Орловской губернии, при том, что ее земли относят к черноземным [20, с. 41], крестьяне получали земельные наделы, сопоставимые по размеру с наделами в Стародубье. Так, по уставной грамоте помещиц Н.М. и В.М. Деппиш сельца Гостинного Орловской губернии право на получение земли имел 71 крестьянин. В надел они получили 213 дес. земли [7, л. 19-12]. Это равнялось 3-м дес. на душу. В имении А.А., А.А., В.А., Е.А., Н.А. Макаровых сельца Змиевки Орловской губернии 96 имевших право на надел крестьян получали 253 дес. и 800 саж. земли, что соответствовало 3-м дес. на душу [6, л. 11]. В настоящей статье не сравниваются данные о количестве земли, полученной в надел в соседних со Стародубьем уездах Черниговской губернии. Это связано с тем, что там применялось местное положение для Малороссии, которое предполагало иной порядок расчёта земли.

Если в соседних губерниях земли для ведения сельского хозяйства было достаточно, поскольку она была плодородной, то в Стародубье ситуация была совсем иной. Она связана с плохим плодородием почв. На территории четырех уездов Стародубья, особенно в северной части региона, появление возделываемых земель связано в основном с расчисткой территории от леса [3, с. 2]. Почва была преимущественно глинистой и имела повышенную кислотность. Без удобрений она давала скудный урожай [3, с. 16].

В архивном деле Главного комитета об устройстве сельского состояния содержится важная информация об экономическом положении сельских обществ Стародубья в 1870 г. Из дела выясняется, что губернская земская управа представила на рассмотрение черниговского губернатора отзыв от 31 января 1870 г. в котором сообщается, что крестьяне Мглинского и Суражского уездов, вследствие неурожая последних 4 лет, обусловленных неплодородием почв, испытывали острую нехватку хлеба. Чтобы прокормиться, крестьяне были вынуждены печь хлеб из перемолотых трав, желудей и выжимок из конопляного семени [15, л. 5-6]. Этот документ отражает реакцию властей на значительные недоимки по выкупным платежам крестьян в Мглинском и Суражском уездах. Причиной недоимок стало отсутствие у крестьян достаточного количества продуктов, которые они

могли бы продать, чтобы получить деньги на выплату ссуды за землю, которая предоставлялась им государством. В итоге было принято решение о назначении льгот по выкупным платежам, но лишь для наиболее бедствующих сельских обществ.

Вместе с тем крестьяне Стародубья нередко пытались разрешить экономические проблемы через государство. Существует большое количество различных обращений и жалоб от крестьянских обществ Стародубья во власть с просьбами об увеличении наделной земли или ее правильном распределении. В архивном деле Земского отдела МВД 1864 г. содержится прошение временнообязанных крестьян села Радонежского Новозыбковского уезда Черниговской губернии в Главный комитет об устройстве сельского состояния. В прошении крестьяне пытались воспрепятствовать размежеванию и обмену их сенокосов на те, которые предусмотрены по уставной грамоте. В своём прошении крестьяне указали, что сенокос, который им передаётся, находится далеко от их домов. Они также отметили, что почва сенокоса неплодородна и что он будет давать значительно меньше сена для прокорма скота, чем на их участках, «и приведет нас в крайнее разорение» [18, л. 8-9]. Примечательно дело Земского отдела МВД 1900 г., где содержится прошение бывших помещичьих крестьян д. Завалипутья Мглинского уезда Черниговской губернии. Крестьяне жаловались в Земский отдел МВД на то, что у них недостает наделной земли и у общества самопроизвольно были отобраны лучшие земли помещиком в размере 30 дес. [17, л. 1-2].

Приведенные документы свидетельствуют о том, что в результате реализации крестьянской реформы 1861 г. у бывших помещичьих крестьян Стародубья возникли экономические трудности, связанные с недостатком земли и получением в надел неплодородных или неудобных к возделыванию участков.

Заключение (выводы). Таким образом, особенностями поземельного устройства бывших помещичьих крестьян Стародубья по Реформе 1861 г. было следующее. Во-первых, несмотря на получение крестьянами Стародубья участков земли, зачастую соответствовавших размеру высшего душевого надела, этой земли всё равно было недостаточно для их нужд. Плодородность почв в Стародубье была крайне низкой. Количество переданной в надел земли не могло обеспечить прожиточный минимум для крестьянской семьи и тем более обеспечить стабильную выплату выкупных платежей. Во-вторых, усадьбы крестьян и различные постройки, располагавшиеся ранее на занимаемой крестьянами земле, почти всегда необходимо было переносить на наделные земли, что сильно

осложняло и без того нелегкую жизнь крестьян региона в пореформенный период. В-третьих, крестьянам зачастую доставались в надел неудобные земли. В-четвертых, помещики в основном не препятствовали крестьянам пользоваться такими общественными территориями, как выгон для скота или водопой. Но в отношении обеспечения крестьян древесиной для топки домов, помещики, как правило, препятствовали. В-пятых, господствующей формой пользования землей было общинное

землепользование. Но были случаи, когда помещики разрешали крестьянам разделить общественные земли на подворные участки. В данном исследовании рассмотрены лишь некоторые аспекты темы, связанной с поземельным устройством крестьян региона. В дальнейшем необходимо рассмотреть вопрос о попытках крестьян самостоятельно решить экономические проблемы.

Список литературы

1. Белан М.И. Крестьянская реформа 1861 г. и крестьянское движение в Черниговской губернии. Киев, 1952. 248 с.
2. Дорошенко П.Я. Очерк крепостного права в Малороссии и крестьянской реформы в Черниговской губернии. Чернигов: Тип. Губ. Земства, 1912. С. 25-57.
3. Есимонтовский Г.Н. Описание Суражского уезда, Черниговской губернии, составленное Есимонтовским. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. М-ва гос. имуществ, 1846. 118 с.
4. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.
5. Миронов Б.Н. Отмена крепостного права как пример образцовой российской реформы // Экономическая политика. 2011. № 2. С. 63-84.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 26. Д. 1410.
7. РГИА. Ф. 577. Оп. 26. Д. 2452.
8. РГИА. Ф. 577. Оп. 37. Д. 743.
9. РГИА. Ф. 577. Оп. 37. Д. 2636.
10. РГИА. Ф. 577. Оп. 47. Д. 710.
11. РГИА. Ф. 577. Оп. 47. Д. 1198.
12. РГИА. Ф. 577. Оп. 47. Д. 1697.
13. РГИА. Ф. 577. Оп. 47. Д. 1770.
14. РГИА. Ф. 577. Оп. 47. Д. 1791.
15. РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 53.
16. РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 122.
17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 3. Д. 1986.
18. РГИА. Ф. 1291. Оп. 33. Д. 50.
19. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.7. Документы крестьянской реформы. Москва: Юридическая литература, 1989. 431 с.
20. Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Санкт-Петербург: М. Стасюлевич, 1877. 160 с.

FEATURES OF THE LAND STRUCTURE OF THE PEASANTS OF STARODUBYE (SOUTH-WESTERN BRYANSK REGION) ACCORDING TO THE PEASANT REFORM OF 1861

Based on archival documents, the article examines the features of the land structure of Starodubye peasants during the post-reform period. This historical region belonged in the second half of the XIX century to the north-eastern counties of the former Chernihiv province of the Russian Empire. They consisted of Starodubsky, Novozybkovsky, Mglinsky and Surazhsky counties. Now Starodubye belongs to the south-western part of the Bryansk region of Russia. The purpose of the article is to determine whether the peasants of Starodubye won or lost as a result of the Reform of 1861. We analyzed a large number of charters that are contained in the cases of the purchase of land plots by temporarily liable peasants of Starodubya in the Russian State Historical Archive. As a result, it was found that allotment lands could not provide the peasants with a living wage and the payment of ransom payments. Farmers often got inconvenient plots for cultivation. The peasants had to move their estates and various buildings to allotment land, which significantly complicated their life during the post-reform period. Landlords usually did not prevent peasants from using public areas, but limited their access to wood for heating houses. The dominant form of land use was communal, but sometimes landlords allowed the division of public land into farm plots.

Keywords: peasants, 1861 peasant reform, modernization, Starodubye, Chernigov province, post-reform period, everyday life, barshchina, obrok.

References

1. Belan, M.I. (1951). Krest'yanskaya reforma 1861 g. i krest'yanskoye dvizheniye v Chernigovskoy gubernii [Peasant reform of 1861 and the peasant movement in the Chernigov province]. Kyiv. 248 s.
2. Doroshenko, P.YA. (1912). Ocherk krepostnogo prava v Malorossii i krest'yanskoy reformy v Cher-

nigovskoy gubernii [Essay on serfdom in Little Russia and peasant reform in the Chernigov province]. Chernigov: Tip. Gub. Zemstva. S. 25-57.

3. Yesimontovskiy, G.N. (1846). Opisaniye Surazhskogo uyezda, Chernigovskoy gubernii, sostavlennoye Yesimontovskim [Description of the Surazh district, Chernigov province, compiled by Esimontovsky]. Sankt-Peterburg: Tip. M-va gos. imushchestv. 118 s.

4. Zayonchkovskiy, P.A. (1968). Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia]. Moskva: Prosveshcheniye. 368 s.

5. Mironov, B.N. (2011). Otmena krepostnogo prava kak primer obraztsovoy rossiyskoy reform [Abolition of serfdom as an example of exemplary Russian reform] // Ekonomicheskaya politika. Vol. 2. S. 63-84.

6. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 577. Op. 26. D. 1410.

7. RGIA. F. 577. Op. 26. D. 2452.

8. RGIA. F. 577. Op. 37. D. 743.

9. RGIA. F. 577. Op. 37. D. 2636.

10. RGIA. F. 577. Op. 47. D. 710.

11. RGIA. F. 577. Op. 47. D. 1198.

12. RGIA. F. 577. Op. 47. D. 1697.

13. RGIA. F. 577. Op. 47. D. 1770.

14. RGIA. F. 577. Op. 47. D. 1791.

15. RGIA. F. 1181. Op. 1. D. 53.

16. RGIA. F. 1181. Op. 1. D. 122.

17. RGIA. F. 1291. Op. 3. D. 1986.

18. RGIA. F. 1291. Op. 33. D. 50.

19. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T.7. Dokumenty krest'yanskoy reform [Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. T.7. Documents of peasant reform]. Moskva: Yuridicheskaya literature. 1989. 431 s.

20. Yanson, YU.E. (1877). Opyt statisticheskogo issledovaniya o krest'yanskikh nadelakh i platezhakh [Experience in statistical research on peasant plots and payments]. Sankt-Peterburg: M. Stasyulevich. 160 s.

Об авторе

Музыченко Олег Анатольевич – аспирант Государственного университета просвещения (Россия), ассистент МИРЭА - Российского технологического университета (Россия), E-mail: paulmacca@bk.ru

Muzychenko Oleg Anatolyevich – post-graduate student of the State University of Education (Russia), assistant of MIREA - Russian Technological University (Russia), E-mail: paulmacca@bk.ru

Петросова Т.Г., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГГ. В ОТРАЖЕНИИ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

В статье исследуется позиция Великобритании в ходе русско-японской войны. В конце XIX века меняется расстановка сил на международной арене. Связано это с желанием усилить свои позиции Германии, США, Италии, Японии, сохранить и укрепить свое положение как ведущих держав Великобритании, Франции и России. В начале XX века происходит смещение геополитических интересов Великобритании на Дальний Восток на фоне социально-экономических и политических изменений после смерти королевы Виктории. Дальний Восток становится одним из приоритетных направлений колониальной политики Великобритании в рамках соперничества с другими державами в к. XIX – н. XX вв. Любое проникновение какой-либо державы в этот регион британцы воспринимали как угрозу своим геополитическим интересам. Великобритания усиливает поддержку Японии в целях сдерживания России и наращивающей свое влияние Германии в дальневосточном регионе. В ходе русско-японской войны, Великобритания старается придерживаться политики «блестящей изоляции», сохраняя формальный нейтралитет и не вступая в открытый вооруженный конфликт с Россией. Поддержке Японии в войне с Россией со стороны Великобритании способствовал тот факт, что японцы обещали равные права в области экономики для всех держав на Дальнем Востоке. Великобритания использовала различные формы поддержки Японии. В том числе, военную, финансовую и информационную помощь. Особое внимание в статье уделяется настроениям западного общества, освещению хода мирных переговоров в британской прессе в период русско-японской войны. Правительство Великобритании действовало осторожно, стараясь сохранить преимущественное положение на Дальнем Востоке, умело лавируя между политикой сдерживания и поиском союзников в рамках продвижения своих интересов.

Ключевые слова: колониальная политика Великобритании, Дальний Восток, англо-японский договор, русско-японская война, соперничество держав, британская пресса, Портсмутский мирный договор, дипломатия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-131-141

Введение. Европа вступила в XX век на пике своего глобального влияния, проникнутая убеждением, что ее прогресс за предыдущие столетия был неизбежен – если не предопределен – и будет бесконечным. Население и экономика континента росли беспрецедентными темпами. Индустриализация и все более свободная торговля привели к экономическому процветанию. Демократические институты существовали почти в каждой европейской стране: доминирующие в Великобритании и Франции, они были слабо развиты, но приобретали все большую актуальность в имперской Германии и Австрии и зарождались в дореволюционной России. [17, с. 18-19]

В 1901 году в Великобритании завершилась блистательная эпоха королевы Виктории. С ее смертью происходят серьезные изменения в социально-экономическом и политическом плане. На фоне ускоренного мирового экономического развития в конце XIX – начале XX вв. Великобритания переместилась на третье место по уровню промышленного производства. Если мировое производство выросло в 1870–1914 гг. в 5 раз, то в Великобритании – только в 2,2 раза. Удельный вес британского промышленного производства в мировом сократился с 32 до 20 %. В этих условиях Великобритания старалась возместить экономические потери за счет укрепления геополитического могущества страны.

Дальний Восток становится одним из приоритетных направлений колониальной политики

Великобритании в рамках соперничества с другими державами в конце XIX – начале XX вв. Любое проникновение какой-либо державы в этот регион британцы воспринимали как угрозу своим геополитическим интересам.

В частности, интерес британцев, точно так же, как и русских, вызывали острова Цусима и Икисима, которые в поперечнике имеют шесть десятков миль и хорошо расположены для охраны прохода на восток и запад. Проблема обеспечения свободы судоходства в и из Владивостока через эти проливы, при любых условиях, не могла бы быть удовлетворительно решена Россией, если бы она не смогла закрепиться в Южной Корее или помешать своему островному соседу приобрести такую. Время для дальнейшей территориальной экспансии на материке было неподходящим, но оставались другие средства, прямые и легкие, которые обеспечили бы необходимый доступ к океану. Остров Цусима, обладающий несколькими хорошими гаванями, мог бы быть оккупирован и присоединен к царским владениям; и с этим намерением в 1861 году русский военный корабль высадил там партию миноносцев. Протесты встревоженных жителей оказались безрезультатными, но при появлении британской эскадры, поддержанной протестом британского министра в Эдо (Токио), незваные гости были отозваны. Прошло несколько лет, и никаких других попыток, подобных той, что была предпринята на Цусиме, предпринято не было, но российское правительство не упускало из виду необходимость незамерзающего порта. В

1885 году ситуация на Дальнем Востоке сделала владение портом в восточных водах, доступным в течение всего года, необходимым для русских, и с этой целью они вступили в переговоры об аренде порта Лазарев на северо-востоке Кореи. Однако впоследствии от этого проекта отказались, и Россия объявила о своем намерении "никогда и ни при каких обстоятельствах не оккупировать корейскую территорию". Тем временем британское правительство оккупировало Порт-Гамильтон в Корейском проливе, но после заявления России в отношении Кореи остров был вновь эвакуирован. Постепенное приближение России было воспринято в Японии с опаской. [20, с. 8]

В конце XIX века ослабление Китая и усиление его конфронтации с Японией способствовало активизации великих держав в дальневосточном регионе.

Объекты и методы исследования. Концептуальной основой данной статьи стало изучение роли Великобритании в ходе русско-японской войны с опорой на исторические документы, исследования историков, а также материалы прессы обозначенного периода, чтобы максимально емко осветить данный вопрос. В рамках исследования применены методы экспериментально-теоретического уровня. Комплексный подход позволяет объективно рассмотреть проблему исследования.

Результаты и их обсуждение. Японо-китайская война 1894-1895 гг., которая завершилась, как известно, разгромом находившейся в глубоком упадке колоссальной по территории и населению Цинской империи, способствовала активизации колониальной политики Великобритании на Дальнем Востоке. В результате бытовавшее длительное время среди европейцев представление о Китае как, говоря словами известного британского политического деятеля Джорджа Натаниэля Керзона, об уродливом, но все еще могучем анахронизме», окончательно развеялось. Поднебесное государство, еще в 1800 году производившее больше товаров, чем Великобритания, превратилось в объект соперничества держав, которые стремились использовать ситуацию для завоевания и укрепления своих позиций на Дальнем Востоке, понимая, что тем самым они получают дополнительные весомые «козыри» в дипломатической «игре» как на региональном, так и на глобальном уровнях. [8, с. 21] Обострение международных отношений в этих условиях становилось неизбежным.

В период конца XIX – начала XX вв. европейские государства избрали концепцию равновесия сил, как способ урегулирования межгосударственных отношений. Эта концепция не предполагала предотвращение кризисов в отношениях между государствами, а лишь ограничивала мас-

штабы конфликтов и возможность господствовать одних государств над другими.

Изменяется расстановка политических сил на Дальнем Востоке. После опиумных войн Китай был значительно ослаблен, поэтому стал легкой добычей для европейских держав. В этот же период на мировой политической арене свою нишу занимает Тибет, который стремится утвердить свою независимость, выстраивая отношения с Россией, Китаем, Великобританией и Монголией. Захват портов и аренда отдельных районов Цинской империи мировыми державами создали предпосылки для проникновения вглубь ее территории с целью обеспечения наиболее выгодных позиций в виду предстоящего, как тогда казалось многим, распада Китая. И в этом состояла принципиальная новизна ситуации по сравнению с предыдущим периодом. [8, с. 67-68]

Интересы держав сосредотачивались в долине Янцзы и в провинции Чжили, а на территории к северу от Великой стены претендовали Япония, Великобритания и косвенно Соединенные Штаты Америки. Главной заинтересованной стороной в обоих направлениях выступал Лондон. Но если на северо-востоке Китая угрозу, главным образом, торгово-экономическим интересам Великобритании представляла Россия, а также до определенной степени Япония, то ликвидация монопольного положения англичан в приморских провинциях бассейна Янцзы являлась бы серьезным ударом по позициям Британской империи во всей Восточной Азии, ибо проникновение в указанную область Германии, Франции и Японии открывало им дорогу к Бирме и далее к жемчужине английских колониальных владений – Индии. [8, с. 69] Соответственно, Великобритании необходимо было срочно предпринимать меры по закреплению своего экономического и политического доминирования в этом регионе.

Для обеспечения политического присутствия Великобритания использовала систему многочисленных агентов, проникавших на территорию Тибета и на Дальний Восток, поднимающих против китайского национального движения компрадорскую буржуазию, то есть ту, которая была заинтересована в торговом посредничестве между великими державами и Китаем. [11] Вместе с тем, тибетские миссии в Россию дали повод англичанам направить британскую военную экспедицию в Тибет в 1903-1904 гг. Этот эпизод в русско-английских отношениях создал условия для взаимного определения намерений сторон. Перед Россией у Великобритании было определенное преимущество в этом направлении, так как у нее уже были значительные успехи на юге, вследствие чего она достигла полной силы.

Совместно с Японией, с которой заключила

союз в 1902 г., Великобритания старалась противодействовать российскому проникновению на Дальнем Востоке. В рамках Большой игры она сталкивалась и противостояла русскому продвижению в Средней Азии. По соглашению 1907 г. между Россией и Великобританией, Россия лишилась права непосредственных дипломатических сношений с Афганистаном и должна была, отозвав своих дипломатических представителей, сноситься с афганским правительством только через английских дипломатов в этом государстве. Этим соглашением Великобритания завершила свою политику, имевшую целью приостановить расширение владений России всюду, в том числе и в Средней Азии, вблизи Британской Индии. [6, с. 2] Таким образом, Великобритания продвигалась к своей цели – сохранению геополитического преимущества в Дальневосточном регионе.

Англо-японский договор 1902 г., как писал в свое время историк А. Л. Гальперин, являлся «кульминационной точкой антироссийского курса Англии на Дальнем Востоке». Как бы благоприятно для Великобритании не было урегулирование отношений с Россией на Дальнем Востоке, договор с Японией сулил английским правящим кругам больше выгод. [Цит. по: 3, с. 154]. Этот договор стал серьезной победой японской дипломатии. Он давал возможность Японии начать войну с Россией, так как Великобритания обещала ей поддержку, скрепив договор секретными нотами, а другие державы при этом не окажут вооруженную поддержку России, которая не соглашалась на формулу: «Корея – Японии, Маньчжурия – России». В соответствии с договором, Великобритания подчеркивала свои интересы в отношении Китая, а Япония обозначила свою заинтересованность в Корее.

В секретных нотах между Великобританией и Японией устанавливалось, что «в мирное время» военно-морские силы обеих сторон, «насколько это возможно», будут действовать согласованно и будут предоставлены взаимные льготы в использовании доков и в снабжении углем военных кораблей каждого союзника в портах другого. В нотах констатировалось, что в данный момент Англия и Япония содержат на Дальнем Востоке силы, превосходящие морскую мощь любой другой державы. Обе союзницы заверяли друг друга, что они не имеют намерения ослаблять усилий к сохранению такого превосходства. [12, с. 207]. Таким образом, дипломатические условия для будущей войны между Японией и Россией были созданы.

Э. Грей, заместитель министра иностранных дел в 1892-1895 гг., министр иностранных дел в 1905-1916 гг., оправдывая имперскую политику Англии на Дальнем Востоке, поддерживал широко

применяемый английскими политическими кругами тезис об «оборонительном курсе» Великобритании, особенно против России. Исходя из этого, он считал, что существовало три возможных варианта британской политики относительно России. Первый заключался в противодействии со стороны Англии расширению российской экспансии в Азии. Англия должна была каждый раз выдвигать препятствия, когда царское правительство предпринимало «очередные экспансионистские действия». Грей находил этот курс нежелательным. Вторым вариантом заключался в установлении взаимоотношений с Россией по азиатским вопросам. Английская и русская политика в Азии должна была рассматриваться как единая политика. Этот политический курс, по мнению Грея, был наиболее желательным. Третий подход Грей определял как политику дрейфования, то есть политику уступок и противодействий, которая, в конечном счете, не приносила никаких выгод. Грей считал, что именно этому политическому курсу в течение определенного времени следовала английская дипломатия, и находил его «нестерпимым». [3, с. 153-154]

В журнале «Летопись войны с Японией» в статье «Воздействие войны на европейскую политику» отмечается, что «приближение серьезных военных действий в Маньчжурии и Квантуне подняло пульс политической жизни всех, так или иначе, заинтересованных ими государств». Великобритания и Франция в этих условиях рассчитывала на бездействие России на Ближнем Востоке, думая при этом, что «руки теперь развязаны» для политических авантюр. [4, с. 252]

Особого внимания заслуживает разведывательная деятельность британских политических деятелей в этот период. В начале января 1904 года, будучи консулом, Чарльз Джеймс Кук узнал, что в районе крепости Свеаборг под Гельсингфорсом идет подготовка к проведению военных и военно-морских учений российской армии и флота. Куку было известно, что британское Военное министерство проявляет особый интерес к информации, касающейся российской армии. Поэтому он решил лично проверить полученные сведения. В принципе, на это он должен был получить согласие посла в Санкт-Петербурге сэра Чарльза Скотта. Однако поскольку вопрос был весьма срочный, а возможности своевременно доложить послу о своем намерении у него не было. Кук принял решение самостоятельно пробраться в район крепости и провести визуальную разведку. Что он и сделал, несмотря на снег, мороз и большое количество часовых, расставленных в районе крепости, которых ему приходилось избегать при подходе к ней и на обратном пути. Возвратившись в Гельсингфорс, он составил подробный отчет о том, что обнаружил в результате

своей разведывательной миссии в район крепости Свеаборг. На следующий день информация Кука была направлена послом Скоттом в Лондон. Правда, в своем сопроводительном письме посол, отдавая должное «энтузиазму и усердию» Кука, выразил опасение, что добывание информации таким путем могло привести к негативным последствиям, если бы российские власти обнаружили, что официальный английский представитель занимается такими делами. [16, с. 113-114]

После заключения договора с Великобританией, Япония в рамках судостроительных программ, действовавших с 1895 года, продолжила строительство военных кораблей за рубежом. 2 февраля 1904 г., то есть буквально перед началом войны, японское правительство заключило в Лондоне контракты с фирмами Викакса и Армстронга на поставку двух эскадренных броненосцев «Кашима» и «Катори» водоизмещением в 16 400 т каждый. Вооружение броненосцев составляли четыре 304/45-мм, четыре 254/45-мм и двенадцать 152/45-мм пушек. «Кашима» был заложен 29 февраля 1904 г. на верфи Армстронга в Эльсвине, а «Катори» – 27 февраля 1904 г. на верфи Викакса в Барроу, то есть уже после начала Русско-японской войны. Спущены броненосцы были 22 марта 1905 г. и 4 июля 1905 г. соответственно. В строй они вошли одновременно – 23 мая 1906 г. [12, с. 211]

Так, Великобритания, показывая мировому сообществу свою нейтральную позицию, на деле регулярно нарушала нормы международного права, оказывая военную поддержку Японии, старалась укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, противодействуя в этом регионе России и Германии.

В феврале 1904 года Япония остановила дальнейшее укрепление России в Китае, нанеся внезапный и сокрушительный удар по русским кораблям на рейде Порт-Артура. В следующие полтора года две державы воевали в Маньчжурии и вели морские бои. К всеобщему удивлению, царю довольно скоро пришлось уступить хорошо обученной и снаряженной японской армии; при этом русские остались в одиночестве, не считая крошечной Черногории, которая объявила войну Японии из «славянской солидарности». Бойкот, устроенный еврейскими банкирами, не позволил царю заимствовать на международном уровне. Поражение русской армии при Мукдене в конце февраля и полный разгром 2-й Тихоокеанской эскадры при Цусиме в мае 1905 года вынудили Санкт-Петербург просить о мире. Царь вывел войска из Маньчжурии, отдал стратегически важный Порт-Артур и признал японский приоритет в Корее, которую Токио официально аннексировал пять лет спустя. Унижение России было велико;

империю избавили только от необходимости выплачивать репарации. [9, с. 331]

В годы Русско-японской войны Великобритания продолжает придерживаться политики «блестящей изоляции», хотя и участвовала в проведении поставок вооружений воюющей Японии на протяжении 1904-1905 гг. Более того, Япония не смогла бы в те времена вести войну без дополнительных капиталовложений, которые она регулярно получала из Великобритании и США, а английские банки финансировали военную подготовку японцев еще задолго до начала войны. В ходе Русско-японской войны единственной дружески настроенной к России великой державой была Германия. Германия с 1892 по 1906 г. была обеспокоена возможностью ведения войны на два фронта и постоянно пыталась если не разорвать, то, по крайней мере, ослабить русско-французский союз. [13, с. 94]

Министерство иностранных дел Великобритании поддерживало Японию во время войны и стремилось к локализации конфликта в Восточной Азии, не допуская его развития в конфликт мирового масштаба с Россией и Францией, с одной стороны, и Японией, Великобританией и США — с другой. Японское правительство понимало эти намерения, поэтому премьер-министр Японии Кацура Таро (1848–1913) стремился к сближению с Лондоном. Государственный деятель (гэнро) Ямагата Аритомо (1838–1922) также поддерживал идею создания этого союза, поскольку он обеспечил бы локализацию конфликта между Россией и Японией в Маньчжурии. [14, с. 25]. Почти все тяжелые орудия в годы войны Япония получила из-за рубежа. Не смотря на кажущуюся всестороннюю поддержку Японии, Великобритания не забывала и собственных финансовых интересах.

В частности, в апреле 1904 г. американский банкир Шифф и крупный банкирский дом «Кун, Леб и компания» вместе с синдикатом английских банков, включая Гонконг-Шанхайский, предоставили Японии заем на сумму 50 миллионов долларов из высокого процента (6 % годовых); половина займа размещалась в Англии, половина – в США. Недоверие к японскому кредиту было все же столь велико, что банкиры потребовали точного определения конкретного источника доходов японского правительства, который даст возможность исправно погашать платежи по займу. В качестве такого источника в контракте были указаны доходы таможен. В ноябре 1904 г. в Англии и США был размещен новый японский заем – на 60 млн. долларов – тоже из 6 %. В марте 1905 г. последовал третий англо-американский заем, уже на 150 млн. долларов и всего из 4,5 %, но опять-таки под конкретное обеспечение – на этот раз доходами от табачной монополии. Наконец, в июле 1905 г. Япония получила четвертый заем – снова

150 млн долларов из 4,5 %. В размещении займа на этот раз приняли участие и германские банки. Чистая выручка японского правительства от внешних займов за вычетом комиссионных и других расходов и потерь составила 697 млн. иен и покрыла свыше 40 % всех военных расходов Японии, достигших 1 730 млн. иен. [12, с. 222] Из указанных данных можно сделать вывод, что, не смотря на недоверие западных держав к японскому кредиту, финансовая поддержка Японии была весьма значительной.

Великобритания в годы Русско-японской войны осуществляла различные провокационные действия в отношении России, сохраняя формальный нейтралитет и придерживаясь политики «блестящей изоляции», не вступая в открытый конфликт. Так, например, 19 октября 1904 г. к русской эскадре приблизился британский крейсер «Ланкастер» (9800 т; 23 узла; 14—152-мм и 8—76-мм орудий). Вскоре появилось еще четыре крейсера, один из них был опознан русскими моряками как «Дрейк» (14 150 т; 23 узла; 2— 234/46-мм, 16—152-мм, 14—76-мм орудий). [12, с. 221]

Т. Рузвельт писал в разгар войны, в июле 1904 года, что японцы – «замечательный и цивилизованный народ, который вправе рассчитывать на абсолютное равенство со всеми другими народами цивилизованного мира». [9, с. 331-332] Следует отметить, что в ходе русско-японской войны рассматривались совместные военные операции Великобритании и США против возможного союза России и ее европейских сторонников; однако в результате побед Японии стало ясно, что в этих планах нет необходимости. Япония быстро удивила всех, кто сомневался в ее военных способностях. Хотя Рузвельт не подписал официального соглашения о поддержке японского правительства, японские руководители знали, что могут по меньшей мере рассчитывать на позитивный нейтралитет США. Однако исход Русско-японской войны указал Рузвельту на необходимость баланса между угрозой русской экспансии в Маньчжурии и возможной будущей угрозой роста влияния Японии в Восточной Азии. [14, с. 121] Этих же позиций придерживалась и Великобритания, не смотря на то, что поддерживали японцев.

Помимо активной финансовой и военной помощи Японии, Великобритания развернула информационную войну против России. Весьма красноречиво в этом отношении высказывание британского морского офицера Сеппинга Райта, служившего с августа 1904 г. по февраль 1905 г. на кораблях эскадры адмирала Того: «В то время, когда я готовил для печати отчет о впечатлениях, вынесенных мною из пребывания в японском флоте, до Англии долетело известие о подавляю-

щем торжестве этого самого флота в его последней встрече с русскими судами – торжестве, дополнившем и достойно увенчавшем трудное и доблестное дело, которое на моих глазах исполнили под Порт-Артуром храбрые японские моряки. Эта великая победа превращает Японское море в простой ров под стенами Токио. Теперь под покровительством флага Восходящего Солнца торговые суда всех наций будут бороздить с полной безопасностью поверхность восточных морей. Новые гавани широко распахнутся для мировой торговли, и территории, население которые было подавлено тяжестью русской оккупации, перейдя под благодетельное господство Японии, насладятся сияющим над ними светом цивилизации, мира и благоденствия. Банзай!». [7, с. 170]

Британская и американская пресса и литература в ходе русско-японской войны с самого начала боевых действий заняла антироссийскую позицию, показывая варварство русских солдат по отношению к беззащитным японцам, тем самым поддерживая легенду Японии. Примером такой позиции западной литературы является публикация в Лондоне иллюстрированной летописи войны «Борьба Японии за свободу» [22], в которой русские солдаты изображены в виде злобных извергов, безжалостно расправляющихся с мирными гражданами. Данная иллюстрация показывает, в каком свете британская общественность видит русскую армию в ходе войны с Японией.

Рис.1 Борьба Японии за свободу.

Наиболее ярко показывают негативное отношение европейского и американского общества к России на фоне русско-японской войны карикатуры, публиковавшиеся в западных журналах и газетах на протяжении 1904-1905 гг.[10] В этих карикатурах подчеркивается варварство и дикость России перед лицом цивилизованного Запада, демонстрируется сила Великобритании, США и Японии перед Германией. Высмеивается тактика ведения боя российской армии, особенно показательны в этом отношении французские карикатуры.

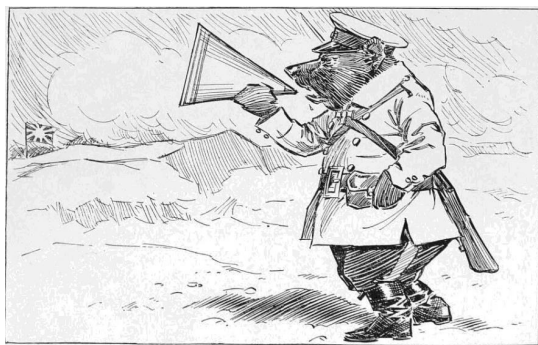

Рис.2 Французская карикатура 1904г.

Рис.6 «Шутка», 1905г.

Рис.3 Французская карикатура 1904-1905гг

Рис.4 Французская карикатура 1904-1905гг.

В свою очередь, русская пресса показывала в виде плакатов и карикатур свое видение ситуации, не забывая при этом осветить участие Великобритании в русско-японской войне.

Рис.5 «Джонэ Вулв – Тсс!.. ни звука! Соблюдайте нейтралитета»

Рис.7 Агитационный плакат 1904-1905гг.

Рис.8 Вася Флотский 1904г. «Народная картина»

Особый интерес вызывает материал британской прессы, в которой ярко и по-разному освещались события русско-японской войны 1904-1905 гг. В газетах «The Daily News» (Лондон), «Birmingham Post», «Staffordshire Sentinel», «The Lincolnshire Echo», «Belfast Information Letter», «Portsmouth Evening News», «Echo (London)», «Freeman's Magazine», «Witness (Belfast)», «Citizen of Gloucester», «London and China Express» и других публиковалась информация о сражениях в ходе русско-японской войны, об экономической и военной помощи Великобритании Японии, позиции великих держав в войне, подробно освещался переговорный процесс накануне подписания Портсмутского мирного договора. Данный факт свидетельствует об интересе британского общества к событиям русско-японской войны.

Так, в газете «The Daily News» (Лондон) от 26 августа 1905 г. о мирных переговорах по итогам русско-японской войны пишут следующее. «МИРНЫЙ КРИЗИС. ПОСЛАННИКИ И ИХ МОНАРХИ. ПЕРЕДАЕТСЯ МНОГО СООБЩЕНИЙ - ПОСЛЕДНЕЕ ТРЕБОВАНИЕ ЯПОНИИ (От Oaf Owa БЕРЛИН, вечер пятницы). Вопреки пессимистическим взглядам, которых обычно придерживаются в отношении исхода мирных переговоров, надежда на удовлетворительное решение питается в официальных кругах Японии, а также хорошо информированными японскими дипломатами. «Фоссише цайтунг» сообщает из Санкт-Петербурга, что на Совете министров было внесено предложение о созыве своего рода Законодательного собрания для решения вопроса о мире или войне; но от этого отказались, поскольку опасались, что продолжение войны могло быть поддержано при условии предоставления более либеральной конституции, чем та, которая указана в царском манифесте. ТОКИО, 25 августа. Получив телеграмму от барона Комуры, граф Кацура, премьер-министр, и господин Чинду, генеральный секретарь Министерства иностранных дел, позвонили маркизу Ито и имели с ним продолжительную беседу. Считается, что важные события еще не произошли. Здесь подразумевается, что правительство непреклонно придерживается своего требования о выплате Россией военной контрибуции в качестве условия мира. Газеты яростно протестуют против каких-либо уступок ни по этому вопросу, ни по вопросу об уступке Сахалина, утверждая, что продление войны было бы предпочтительнее любого мира, которым Япония не обеспечила бы этих условий. – В сообщении Reuter. «ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ» ЦАРЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 25 августа, 18:25. Отмечается официальная позиция России; Сегодня днем царь председательствовал на специальном совете в Петергофе. Понятно, что его Величество готовит

патриотическую декларацию, в которой говорится, что Россия сделала все, что соответствует ее имперской позиции на нынешней конференции. В декларации будет представлен подробный отчет о разбирательстве в Портсмуте по вопросам, которые уже обсуждались. - Лаффан. В штаб-квартире Генерального штаба тихо ведется подготовка к мобилизации еще в двух округах, за которой следует всеобщая мобилизация. - Центральные новости. ДВЕРЬ ВСЕ ЕЩЕ ОСТАВАЛАСЬ ОТКРЫТОЙ. ПОРТСМУТ, 25 августа. Хотя результат работы господина Мейера на аудиенции у царя в среду не был удовлетворительным, по крайней мере, это не был отпор. Это оставило дверь открытой, и в течение нескольких часов после того, как отчет господина Мейера об интервью достиг Ойстер-Бей, президент (Рузвельт) обратился к царю с новым призывом через господина Витте. Сейчас здесь преобладает убеждение, что Япония пошла бы на дальнейшую предложенную уступку, если бы царь взял на себя обязательство найти выход из тупика. Это убеждение основано на словах японского авторитета, который наиболее компетентен высказываться по этому вопросу. Отвечая на вопрос, верно ли сообщение о том, что японцы сказали свое последнее слово и что всякой надежде пришел конец, он сказал: «Мы не заявляли, что предложение, представленное в среду, было нашим непреодолимым минимумом. Мы не занимаем угрожающую позицию, поскольку это не способ заключить мир». ВЕРОЯТНЫЙ ДАЛЬНЕЙШИЙ ПЕРЕРЫВ. После полудня заявлено, что, поскольку тем временем Полномочные представители получают окончательные инструкции от своих соответствующих правительств, Конференция снова будет закрыта завтра до понедельника или вторника. Тем временем ситуация в отношении мира зависит от результатов переговоров, которые ведутся между господином Рузвельтом и императором Николаем, с одной стороны, и, как полагают, правительством Тольдо, с другой. Господин Витте в частном порядке скрывает тот факт, что на данный момент его задача выполнена. Он зашел так далеко, как только мог, без согласия императора. Видный деятель, связанный с одной из миссий, сказал сегодня, что верит в то, что договор будет заключен. Обе стороны хотели мира, и единственным вопросом между ними теперь был денежный вопрос. Невозможно было поверить, что правительства двух стран не поймут, что обоим выгодно пойти на компромисс, который положит конец войне. Даже если миссии в Портсмуте разделяются, он не поверит, что этой бессмысленной войне суждено продолжаться до тех пор, пока полномочные представители фактически не покинут страну. - Reuter. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «УЛЬТИМАТУМ»? НЬЮ-ЙОРК, утро пятницы. Газета «Нью-

Йорк Уорлд», которая вчера вечером обратилась к японским официальным лицам за авторитетным заявлением по поводу нынешнего тупика, сегодня утром публикует следующий ответ: «Японцы требуют сто двадцать миллионов фунтов стерлингов — половину Сахалина — ультиматум – Сато. Мир заявляет, что российские послы чувствуют себя оскорбленными из-за того, что важное заявление графа Ламсдорфа впервые стало известно им через телеграммы для прессы, а не по официальным каналам. Некоторые из друзей М. Витте, - заявляет журнал, - склонны приписывать это пренебрежение придворной партии в Санкт-Петербурге, которая недружелюбно относилась к М. Витте и за мир». The Sun предполагает, что господин Витте раздражен, поскольку имел в виду примирительный план, который заявление графа Ламсдорфа грозит сорвать. - Reuter. Барон Канeko посетил сегодня утром Ойстер-Бей президента Рузвельта. Беседа длилась час. Когда прибыл полномочный представитель, шел унылый дождь, и в ответ на вопрос о перспективах мира он сказал, что они напоминают погоду. В Портсмуте преобладает ощущение, что в переговорах произошла серьезная заминка. - Биржа. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 25 августа. Русы узнают из Петергофа, что всякая надежда на мир почти полностью исчезла. О разрыве, если он состоится, будет сообщено в императорском манифесте, совпадающим с объявлением амнистии за политические преступления. - Reuter». [18, с. 7] В этой статье освещаются проблемные вопросы заключения Портсмутского мирного договора. Наиболее сложными, по мнению авторов статьи, были дискуссии в правящих кругах России по поводу условий заключения мира.

В газете Freeman's Magazine от 4 сентября 1905г. со ссылкой на американский журнал «Times» опубликована благодарность императора Японии президенту Рузвельту за усилия по заключению мира с Россией. «Император Японии сегодня направил президенту Рузвельту следующее: «С удовлетворением принял ваше поздравление, переданное через наших полномочных представителей, сердечно благодарю вас за это. Вашим бескорыстным и неустанным усилиям в интересах мира и человечества мы придаем должное значение, заверяем вас в нашей признательности за выдающуюся роль, которую вы сыграли в установлении основанных на мире принципов, необходимых для постоянного благосостояния и спокойствия на Дальнем Востоке»». [21, с. 23] В этой газете освещается роль США в переговорах России и Японии по поводу заключения мира. Особый акцент делается на дипломатические усилия президента США Рузвельта и особую расположенность императора Японии к нему.

А в журнале «The London and China telegraph» от 4 сентября 1905г. пишут о разочаровании японским обществом заключенным Портсмутским мирным договором. «ПРИЕМ МИРНЫХ НОВОСТЕЙ. Токийский журнал сообщает, что известие об условиях мира было воспринято с глубочайшим сожалением всеми слоями населения Японии. Раздел Сахалина и отзыв требования о возмещении ущерба рассматриваются как позорная капитуляция. Заявления иностранных государств о неплатежеспособности Японии решительно опровергаются в токийских финансовых кругах, где уверенно утверждается, что Япония могла бы легко продолжать войну еще в течение трех лет. Многие газеты публикуют эту новость под заголовком «унизительный мир», а над буквами нанесены черные линии, обозначающие траур. Даже такие трезвые журналы, как «Джиджи Симпо» и «Ничи Ничи Синтбун», глубоко сожалеют о том, что они называют чрезмерными уступками Японии. Часть прессы уже требует отставки кабинета министров. Небольшое число вдумчивых людей, сожалея о необходимости таких крупных уступок, выражают удовлетворение восстановлением мира, но их голос полностью тонет в подавляющем народном протесте и возмущении. Считается, что правительство созывает специальное заседание сейма в начале октября для обсуждения сложившейся ситуации. Граф Кацура, премьер-министр и маркиз Ито получили многочисленные протесты и памятные записки, в которых оспаривались условия мира, опубликованные газетами». [19, с. 3] Таким образом, в статье отмечается разочарование японцев условиями Портсмутского мирного договора. Исходя из этого, можно сделать вывод об успешной дипломатии со стороны России, так как желаемые остров Сахалин и контрибуция Япония не получила.

Приведенный комплекс материалов, которые были призваны донести до западного читателя особенности российской политики на Дальнем Востоке, позволяют утверждать, что разногласия в проведении внешней политики во многом представляли собой столкновение личностных амбиций и стремление реализовать модели дальневосточной внешней политики на практике.

Император Николай II по поводу мира с Японией в своем дневнике 18 августа 1905г. писал: «Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это вероятно хорошо, потому что так должно быть. Получил несколько поздравительных телеграмм по этому поводу». [5, с. 214]

Заключение. Западные державы видели в военном поражении Российской империи в русско-японской войне крушение дальневосточной политики. Стереотипное восприятие России как оплота реакции и угнетения позволяло британ-

скому общественному мнению видеть в авторитаризме царской власти предпосылку военного поражения. Не последнюю роль в критических оценках играла и инерция «Большой игры» на последнем этапе ее проведения. Принятие кайзеровской Германской империей военно-морской программы обострило взаимоотношения между странами и заставило британскую внешнеполитическую элиту увидеть в Германии более опасного противника, чем Российская империя.

Таким образом, можно заключить, что позиция Великобритании в ходе русско-японской войны имела ярко выраженные особенности. С одной стороны, она стремилась сохранить свое могущество на Дальнем Востоке, ослабляя позиции России с помощью Японии в этом регионе. С другой стороны, Великобритания не стремилась к открытому вооруженному конфликту с Россией, сохраняя формальный нейтралитет, понимая, что теперь ее главным соперником является Германия.

Список литературы

1. Агитационные плакаты времен русско-японской войны. «Аргументы и факты», 08.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/gallery/agitacionnye_plakaty_vremen_russko-yaponskoj_voyny#id=16202698
2. Вася Флотский. Шарж на тему Японской войны. Изд. литографии В.В. Несслер, 1904, сайт Государственного исторического музея. [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2179301?index=1&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=3086916&attribute=like_predm
3. Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX – XX веков. Орел, ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», 2009. 171 с., с. ил.
4. Дубенский П. Н. Воздействие войны на европейскую политику // *Летопись войны с Японией*, 1904, №14
5. Николай. Дневник императора Николая II 1890-1906гг. М.: Книга по требованию, 2021, 274 с.
6. Никольсон Г. Дипломатия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=567027&p=2>
7. Сеппинг Райт Н. С. С адмиралом Того. (Русско-японская война). СПб., 2001, 340 с.
8. Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897-1903гг. М.: ИВИ РАН, 1998, 230 с.
9. Симмс Брендан. Европа. Борьба за господство. [пер. с англ. В. Желнинова]. Москва: Издательство АСТ, 2017, 736 с.
10. Французские карикатуры в период русско-японской войны. [Электронный ресурс]. URL: https://propagandahistory.ru/2172/Frantsuzskie-karikatury-v-period-russko-yaponskoj-voyny?utm_referer=mirtesen.ru
11. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961г.
12. Широкопад А. Б. Англия. Ни войны, ни мира. «ВЕЧЕ», 2009 - (Друзья и враги России)
13. Широкопад А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857 – 1907. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, 512 с.; 32 л. ил. – (Военно-историческая библиотека).
14. Якоб Ф. Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX в. [пер. с англ. М. Черенцевой]. — Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 239 с. — (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).
15. Comics, Cartoons, Caricature. John Bull. [Электронный ресурс]. URL: <https://fulltable.com/CCC/jb01.htm>
16. Michael Hughes. Diplomacy before the Russian Revolution: Great Britain, Russia and Old Diplomacy, 1894-1917. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/diplomacybeforer0000hugh>
17. Henry Kissinger. Leadership. Six Studies in World Strategy, Pengan Press, New York, 2022
18. The Daily News (London), 26.08.1905. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>
19. The London and China telegraph, 04.09.1905 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>
20. The Russo-Japanese war. Part I. Compiled by the general staff, war office. London, 1906
21. Freeman's Magazine, 04.09.1905г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>
22. Wilson H. W. Japan's fight for freedom: The story of the war between Russia and Japan. London: The Amalgamated Press, 1904
23. Wood, G. Z. China, the United States and the Anglo-Japanese alliance. New York -London (1921). 176 p.

THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905. IN THE REFLECTION OF THE BRITISH PRESS

The article examines the position of Great Britain during the Russian-Japanese war. At the end of the 19th century, the balance of power in the international arena was changing. This is due to the desire to strengthen the positions of Germany, the USA, Italy, Japan, to preserve and strengthen their position as the leading powers of Great Britain, France and Russia. At the beginning of the 20th century, Britain's geopolitical interests shifted to the Far East against the background of socio-economic and political changes after the death of Queen Victoria. The Far East became one of the priorities of Britain's colonial policy in the framework of rivalry with other powers in the late 19th and early 20th centuries. The British perceived any penetration of any power into this region as a threat to their geopolitical interests. The UK is increasing its support for Japan in order to contain Russia and Germany, which is increasing its influence in the Far Eastern region. During the Russian-Japanese war, Great Britain tries to adhere to the policy of "brilliant isolation", maintaining formal neutrality and not entering into an open armed conflict with Russia. Great Britain's support for Japan in the war with Russia was facilitated by the fact that the Japanese promised equal economic rights for all powers in the Far East. The UK has used various forms of support for Japan. Including military, financial and information assistance. The article pays special attention to the sentiments of Western society, the coverage of the peace negotiations in the British press during the Russian-Japanese war. The British government acted cautiously, trying to maintain its pre-emptive position in the Far East, skillfully maneuvering between the policy of containment and the search for allies in the framework of advancing its interests.

Keywords: British colonial policy, the Far East, the Anglo-Japanese Treaty, the Russian-Japanese war, power rivalry, the British press, the Portsmouth Peace Treaty, diplomacy.

References

1. Propaganda posters from the time of the Russian-Japanese war. (2019). "Arguments and facts", 08.02.2019. [electronic resource]. URL: https://aif.ru/society/gallery/agitacionnye_plakaty_vremen_russko-yaponskoy_voyny#id=16202698
2. Vasya Flotsky. A cartoon on the theme of the Japanese War. (1904). Publishing house of lithography by V.V. Nessler, 1904, website of the State Historical Museum. [electronic resource]. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2179301?index=1&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=3086916&attribute=like_predm
3. Gella T. N. (2009). The geopolitical interests of Great Britain and British political parties at the end of the XIX – XX centuries. Orel, State Educational Institution of Higher Education "Oryol State University". 171 p., p. il.
4. Dubensky P. N. (1904). The impact of war on European politics // Chronicle of the War with Japan, 1904, No. 14
5. Nikolai. (2021). The diary of Emperor Nicholas II 1890-1906. M.: Book on demand, 274 p.
6. Nicholson G. Diplomacy. [electronic resource]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=567027&p=2>
7. Sepping Wright N. S. (2001). With Admiral Togo. (Russian-Japanese war). St. Petersburg. 340 p.
8. Sergeev E. Y. The policy of Great Britain and Germany in the Far East 1897-1903. Moscow: IVI RAS, 1998, 230 p.
9. Simms Brendan. (2017). Europe. The struggle for dominance. [trans. from the English by V. Zhelninov]. Moscow: AST Publishing House. 736 p.
10. French cartoons during the Russian-Japanese war. [electronic resource]. URL: https://propagandahistory.ru/2172/Frantsuzskie-karikatury-v-period-russko-yaponskoy-voyny?utm_referrer=mirtesen.ru
11. Chicherin G. V. (1961). Articles and speeches on international politics. Moscow.
12. Shirokorad A. B. (2009) England. No war, no peace. "VECHE" - (Friends and Enemies of Russia)
13. Shirokorad A. B. (2003). Russia – England: the Unknown War, 1857-1907. Moscow: AST Publishing House, 512 p.; 32 l. ill. – (Military Historical Library).
14. Jacob F. (2022). The Russian-Japanese War and its influence on the course of history in the XX century. [trans. from the English by M. Cherentseva]. — St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika. 239 p. — (Series "Modern Western Russian Studies" = "Contemporary Western Rusistika").
15. Comics, Cartoons, Caricature. John Bull. [electronic resource]. URL: <https://fulltable.com/CCC/jb01.htm>
16. Michael Hughes. Diplomacy before the Russian Revolution: Great Britain, Russia and Old Diplomacy, 1894-1917. [electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/diplomacybeforer0000hugh>
17. Henry Kissinger. (2022). Leadership. Six Studies in World Strategy, Pengan Press, New York.
18. The Daily News (London), 26.08.1905. [electronic resource]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>
19. The London and China telegraph, 04.09.1905 [electronic resource]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>
20. The Russo-Japanese war. Part I. Compiled by the general staff, war office. (1906). London.
21. Freeman's Magazine, 04.09.1905г. [electronic resource]. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>
22. Wilson H. W. (1904) Japan's fight for freedom: The story of the war between Russia and Japan. London: The Amalgamated Press.

23. Wood, G. Z. (1921). China, the United States and the Anglo-Japanese alliance. New York -London. 176 p.

Об авторе

Петросова Татьяна Геннадьевна – аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, E-mail: tatyanka1204@rambler.ru

Petrosova Tatiana Gennadievna – a post-graduate student of Bryansk State University. Academician I. G. Petrovsky of the Department of General History and International Relations, E-mail: tatyanka1204@rambler.ru

УДК 930.1

Поляков В.Е., доктор исторических наук, профессор, Крымский инженерно – педагогический Университет им. Февзи Якубова (Россия).

Ковалеров А.Е., магистр, Крымский инженерно – педагогический Университет им. Февзи Якубова (Россия).

ДЕЙСТВИЕ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ КРАСНОЙ И БЕЛОЙ АРМИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В 1920 ГОДУ

Опыт Первой мировой войны показал возрастающую роль авиации на поле боя и её весомый вклад на конечный результат борьбы. С началом гражданской войны на территории бывшей Российской империи в противоборстве красных, белых, зелёных только у двух первых оказались, доставшиеся им по наследству от императорской армии авиационные подразделения. Поскольку действия авиации оказались очень успешны, особенно в части ведения воздушной разведки, корректировки артиллерийского огня, бомбометания, штурмовке кавалерийских подразделений, то их количество росло. Как за счет изготовления новых самолетов, так и за счет поставок из-за границы. Совершенствовалась тактика. Для корректировки огня артиллерии применялась радиосвязь. Для проведения воздушной разведки кино и фотоаппаратура. Отрабатывались элементы взаимодействия с наземными частями. Успешные действия авиации против кавалерийских подразделений в Таврии существенно повлияли на исход боевых действий. В статье персонафицированы многие выдающиеся лётчики периода Гражданской войны, как в лагере белых, так и красных. Приведены марки всех применяемых в тот период самолётов. Показана роль в проведении корректировки артиллерийского огня воздушных шаров и средства борьбы с ними. Показаны все основные сражения заключительного этапа Гражданской войны и роль в них военной авиации противоборствующих сторон.

Ключевые слова: Гражданская война, белые, красные, авиация, воздушные шары, самолёты.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-142-150

Введение. Одни из ключевых этапов противоборства воюющих сторон на заключительном этапе Гражданской войны в России стало усиление роли военной авиации, что привело к временном успеху белых на Юге России.

Научная новизна исследования заключается в том, что в научной литературе беспристрастно, без опор на уже сложившиеся клише объективно показана роль военной авиации и появившиеся в её использовании боевые приёмы.

Методология ранее проводимых исследований представляла действия сторон в чёрно-белом свете, восхваляя одних и демонизируя других

Динамика развития событий на заключительном этапе Гражданской войны..

После поражения понесенного армиями вооруженных сил юга России от большевиков в феврале – марте 1920 года их остатки перебазируются на территорию Таврической губернии. К началу марта в Крым были передислоцированы 8 –й добровольческий авиаотряд с двумя «Анасалями» и двумя «Эльфауге», 5 –й авиаотряд с пятью исправными «Ле Хэвиллендами» и самолеты Качинской летной школы – устаревшие и невооружённые «Анасали», «Ньюпоры» и «Мораны – Парасоли» [5, с.88]. Немного позже стали прибывать отдельные авиационные имущество и подразделения, эвакуированные из района Новороссийска. Из данного авиационного парка проводилась подготовка к боевому применению экипажей и исправных с целью отражения намечавшихся наступлений Красной армии на Крымский полуостров. Первым

боевым применением авиации белых формирований на территории Крыма можно считать атаки, проведенные 8 марта по скоплению войск Красной армии, сосредоточившихся под Юшунем. Был нанесен удар, в результате которого большое количество наступавших частей Красной армии были деморализованы, и к 10 марту отступили за Перекоп. Это победа наглядно показала белому командованию, что авиация может быть не только вспомогательной, но и главной ударной силой как при наступлении, так и при обороне. В конце марта в составе белой авиации уже числилось порядка 34 аэропланов, из которых 27 составляли «Де Хэвилленды». У Красной армии в этот период в действовавших против Белой армии 3 - м истребительном, 13 - м Казанском и 48 - м разведывательном авиаотряде имелось порядка 10 самолетов. После окончания эвакуации белых войск на территорию полуострова 4 апреля главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России вступил генерал - лейтенант П.Н. Врангель. Первой его задачей стало восстановление боеспособности эвакуированных войск, их пополнение и оснащение вооружением и имуществом для продолжения борьбы. Однако этому активно стало противодействовать Советское командование. Так еще в начале апреля было организовано наступление силами Эстонской, Латышской и 46 - й пехотной дивизией Красной армии, ставившей целью прорваться в Крым и по мере успеха продолжить наступление вглубь полуострова. Однако это попытка не увенчалась успехом, и наступление было отбито. Во многом этому

способствовало действия командующего по реорганизации и реформированию остатков авиации Русской армии. Так 14 апреля командиром авиации Белой армии в Крыму стал генерал В.М. Ткачев. Благодаря его усилиям и организаторским способностям белые авиаотряды стали пополняться людьми и техникой, а боевая подготовка летчиков стала системной и отходить от ранее принятых шаблонов. Однако большевистское командование не стало давать время на подготовку авиации Белой армии. Так уже 13 апреля последовало новое наступление на Крым. В наступление была двинута группировка в составе: 3 –й стрелковой дивизии, а также Латышской и кавалерийской дивизии. Большую роль в отражении этого штурма сыграли авиационные отряды под руководством В.М. Ткачева. Так сводная группа из 12 самолетов типа «Де Хэвилленд» сумела обратить в бегство авангард Красной армии наступавшей от Перекопа. Благодаря данным успехам белому командованию удалось сорвать наступление имевшее целью разгром войск П.Н. Врангеля. В связи с началом успешного наступления польских войск по территории Украины в конце апреля – начале мая на фронте в Крыму наступило затишье. Это позволило командованию Русской армии произвести подготовку и пополнение измотанных частей личным составом и техническим имуществом. Однако эпизодические случаи разведки и налеты противоборствующих сторон продолжались.

Одной из основных задач за все время противостояния авиации Белой и Красной армии стала борьба с разведывательными аэростатами противника. Во многом эта задача усложнялась тем, что у противников отсутствовали специальные средства для борьбы с ними, (такие как ракеты системы Ле – Приера и зажигательные пули), из-за чего приходилось использовать не зенитные орудия, которые были в дефиците, но и обычные полевые орудия, а также осколочные бомбы и обычные пули, применяемые самолетами. Это снижало возможность уничтожения данных целей, однако были успехи и в этом направлении. Так 17 апреля 1920 года бомбой сброшенной с самолёта поручика Кудинова, взорвалась рядом с висящим на небольшой высоте аэростатом 9 - го воздухоплавательного отряда Красной армии [5, с.88]. В мае в результате действия белой авиации было выведено из строя еще два аэростата противника. Тем временем к концу мая на Южный фронт прибыл 2 - й истребительный дивизион (в составе 10 самолетов типа «Ньюпор» и «Спад») под командованием И.К. Спатареля, что позволило авиации Красной армии существенно пополниться личным составом и техникой. Вскоре с присоединившимися к дивизиону 16 - м и 49 - м разведывательным отрядом

была образована «Авиагруппа перекопского направления» [7, с.263]. Данное подразделение приступило к выполнению боевых задач с 20 мая, однако ввиду плохого технического состояния авиационного оборудования возможность в полной мере оказать влияние на ход боевых действий была минимальной. Так 4 июня между одним самолетом типа «Де Хэвилленд» с одной стороны и двумя типа «Ньюпор – 23» с другой красных летчиков Гуляева и Васильченко. Советские истребители напали на «беляка» сзади, но после первой же атаки у Гуляева отказал пулемет, а у Васильченко сорвало полотняную обшивку с верхней плоскости [5, с.90]. На следующий день летчик Иншаков из 48 - го авиаотряда отряда пытался атаковать белый «Де Хэвилленд», в котором осуществлял рекогносцировку перед предстоящим наступлением командующий 1 - м армейским корпусом Белой армии генерал - лейтенант А.П. Кутепов, однако и в этот раз пулемет заклинило, в результате чего летчику пришлось вернуться обратно на аэродром.

К началу июня Русская Красная армия были готовы возобновить активные боевые действия. Однако Белая армия сумела перехватить инициативу и начать наступление на несколько дней раньше. Именно с этого наступления начатого 7 июня активно применяется тактика взаимодействия сухопутных войск и авиации Русской армии (из 30 имевшихся в наличии самолетов к операции привлекалось 25), противопоставить которому Красная армия ничего не смогла [2, с.45]. Непосредственно над Перекопским перешейком со стороны белых принимали участие 1 - й добровольческий авиаотряд имени генерала Алексева, 3 - й, 4 - й и 5 - й отряды, в то время как 8 - й отряд действовал на Чонгарском направлении. Прежде всего, наличными силами осуществлялась разведка противника, которая координировало огонь артиллерии белых войск по огневым точкам, узлам связи, командным пунктам и местам скопления противника. Так звено самолетов, возглавляемое лично генералом В.М. Ткачева произвело бомбометание по штабу 13 - й армии в результате чего уже в первые дни операции было потеряно управление подчинёнными частями.

Благодаря скоординированным действиям наземных войск и авиации частей Русской армии к 12 июня удалось разгромить части и соединения 13 - й армии и оттеснить их на северо-запад, за Днепр, и на северо-восток, к Александровску. Таким образом, прорыв из Крыма закончился победой белой армии. Это стало возможным благодаря согласованным и скоординированным действиям авиации, совершившей за этот период около 150 вылетов и сбросивших на противника 6,5 тон бомб [5,

с.90]. В то же время на основании результатов данных боев командованием Красной армии были сделаны выводы, результатом которого стало качественное и количественное увеличение авиации имевшейся в распоряжении 13 - й армии.

После начала июньского наступления Русской армией под командованием П.Н. Врангеля советское командование начало разрабатывать план контрудара, ставивший своей целью разгром вырвавшейся из Крыма белогвардейской группировки и ее разгром в степях северной Таврии. Для этой

цели ко второй половине июня 1920 с территории Северного Кавказа был передислоцирован конный корпус под командованием Д.П. Жлобы в составе 1 - й и 2 - й кавалерийской дивизии, а также 2 - й кавалерийской дивизии имени Блинова [10, с.24]. Перед корпусом ставилась задача разгромить боевые порядки Донского корпуса и осуществить конный рейд на город Мелитополь с целью уничтожения железнодорожной станции соединяющей Северную Таврию с Крымским полуостровом.

Данные о составе авиации приведены в табл. 1.

Таблица 1.

Группа	Часть	Состав авиации 13-й армии					Примечание	
		Разведывательные	Истребительные	В ремонте	Летчиков наблюдателей	Самолеты		Авиационные
Центральная группа	48-й авиационный отряд	2	1	-	5	3	-	1) В подсчете личного состава не вошел обслуживающий персонал, сведения о котором весьма не точны 2) 12-й, 38-й, и 44-й авиаотряды до 31 июля находились при 2-й Конной армии, откуда они были переданы в Центральную авиагруппу 3) 3-й истребительный и 13-й Казанский авиаотряды были в Славянске; в Центральную авиагруппу выделили только 6 самолетов и 6 летчиков 4) С 16 августа Правобережная группа была пополнена еще 4 - м истребительным отрядом, переброшенным с Западного фронта
	9-й авиационный отряд	1	2	1	4	4	истр.	
	16-й авиационный отряд	2	1	-	4	3	-	
	12-й истребительный отряд	-	5	-	5	5	-	
	38-й истребительный отряд	3	1	-	5	4	-	
	44-й истребительный отряд	3	-	-	4	3	-	
	3-й истребительный отряд	-	6	-	6	6	-	
	13-й Казанский авиаотряд	-	-	-	-	-	-	
	Итого	11	16	1	33	28		
	Правобережная группа и 2-й истребительный авиационный визгон	5-й и 6-й истребительный отряды	-	8	-	11	8	
49-й истребительный отряд		1	2	-	5	3		
Итого		1	10	-	16	11		
Всего в 13-й армии		12	26	1	49	39	К 20 августа общее число самолетов 43 - 45	

В случаи успеха данного рейда это позволило бы заставить войска белых отступить на исходные позиции. Операция началась 29 июня и, первоначально ей сопутствовал успех. Так 2-я кавалерийская дивизия столкнувшись с подразделениями белых войск смогла их потеснить и взять около 300

пленных. Ввиду отсутствия на данном направлении крупной группировки белых способной ликвидировать данный прорыв главной ударной силой выступила авиация. Была собрана авиационная группа Белой армии (13 аэропланов типа «Де Хевиленд»), которая под личным командованием В.М. Ткачева

вступила в бой с противником [10, с.608]. Данное сводное подразделение с помощью осуществления бомбометания и обстрела из пулеметов на низкой высоте смогло приостановить продвижение противника на двое суток. Это позволило подтянуть в обороне брешь резервы в составе Корниловской дивизии и отряда генерала Ангуладзе.

После того как кавалерийский корпус пришел в себя, из-за опасности, которая стало представлять белая авиация, его командование корпуса приняло решение об осуществлении передвижения только в ночное время. Однако, эффект внезапности красным командованием был уже потерян, в результате чего после возобновления атак 2 июля они были контратакованы частями белых. Так в районе северо - восточных окраин деревни Лихтефельд 2 броневика при поддержке артиллерии застигли врасплох части 2 - й кавалерийской дивизии Красной армии. Это заставило перенацелить свою атаку на возвышенность между деревнями Лихтефельд и Рикенау, однако и там они получили отпор от находившихся в обороне частей белой пехоты. В то же время 1-я кавалерийская дивизия на высотах севернее деревни Лихтефельд была встречена артиллерийским огнем и контратакой частей Белой армии и так же пришла в расстройство.

Другое соединение корпуса, а именно 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова начала отступление в северо-западное направление. Другая часть корпуса сумела прорваться на высоты между деревнями Тигервейде и Рикенау, однако здесь они были обстреляны огнем полевой артиллерии Корниловской дивизии и двумя бронепоездами, что заставило их отступить и сгруппироваться по балкам. Попытки командования корпуса наладить управление частями корпуса результата не дали. В это время в небе вновь появилась авиация белых, которая на низкой высоте в упор начала расстреливать кавалерию противника. Сосредоточенное бомбометание и обстрелы из пулемета с высоты менее 100 метров привели к деморализации красных кавалеристов, которые стали дезертировать и сдаваться в плен частям Белой армии.

Ввиду понесенных потерь кавалерийский корпус в полном беспорядке отступил на северо-восток, где 6 июля сосредоточился в районе станции Волноваха и в дальнейшем его остатки были влиты в состав вновь сформированной 2 - й Конной армии [4, с. 33]. Во многом данный разгром и успех авиации генерала В.М. Ткачева послужил толчком к созданию Центральной авиагруппы Красной армии сформированной 16 июля. Таким образом, авиация в разгроме корпуса Д.П. Жлобы сыграла решающую роль. Она позволила не только своевременно обнаружить и определить замысел противника, но и своими действиями по

непосредственной поддержке наземных подразделений Белой армии позволило белому командованию выиграть время для переброски резервов на угрожаемый участок фронта. Действия авиация имели не только тактическое, но и оперативное значение. Она не только уменьшила темпы наступления противника кавалерии противника, но и смогла спутать планы, советскому командованию выиграв двое суток для перегруппировки своих сил. Во многом благодаря успешному разгрому ударной группировки Красной армии Белая армия смогла продолжить свои наступательные действия на территории Украины.

К июлю авиация большевиков получила значительное пополнение в составе 12-го истребительного, а также 39-го, 8-го и 44-го разведывательных отрядов. Данное пополнение было объединено с 48 - м, 13 - м, 3 - м, 9 - м, и 16 - м авиаотрядами в «Центральную авиагруппу» (численностью 17 истребителей и 11 разведывательных самолетов) которую возглавил И.У. Павлов. Районом ее действия стали город Александровск и прилегающие к нему территории. В то же время авиационная группа Спатареля пополнилась 4 - м истребительным отрядом, благодаря чему ее численность выросла до 11 машин [9, с.235]. К этому времени численность только одной «Центральную авиагруппу» равнялось всему боевому составу авиации Белой армии. Задачами подразделения являлись осуществление разведки противника, наземная поддержка наступающих частей Красной армии и противодействие наступающим войскам противника [5, с.92]. Авиационная группа приступила к работе 1 августа с налета на наступающие колонны белых в районе Камышеватка – Павловск – Еленовка [8, с. 250].

В этот день группой в составе 13 самолетов было произведено бомбометание по частям противника. К концу дня было совершено порядка 40 боевых вылетов, что затруднило продвижение наступающих частей армии П.Н. Врангеля на данном направлении. В то же время активизировались боевые действия и на других участках фронта. В начале августа Советское командование предприняло новую попытку уничтожения Белой армии. Наступление начиналось одновременно с двух направлений сходящимися ударами. С севера - востока для наступления подготавливался 2-я конная армия Городовикова, созданная из остатков кавалерийского корпуса Жлобы и прибывшего пополнения. С северо-запада подготавливался сводный корпус в составе 52 - й, 15 - й и Латышской дивизии. Красное командование решила использовать удачный опыт применения сводной авиагруппы Белой армии в боях против армии Д.П. Жлобы, поэтому для поддержки действий конницы выделялась вся «Центральную авиагруппу». Однако действия авиации

по поддержки наступающей северо-восточной группировки не принесли желаемого результата, в результате чего бои принесли затяжной и тяжелый характер. Напротив, удар с северо-запада стал неожиданностью для белого командования, в результате чего Красной армии удалось занять Каховский плацдарм и начать его обустройство и укрепление. Предпринимались попытки выбить противника (с применением разведки и бомбометанием авиации) с укрепленного плацдарма (см. рис. 1).

Рис.1. Схема разведки переправы через реку Днепр у Каховки

Однако все попытки были отбиты, так как для прорыва хорошо укрепленной обороны оказалось недостаточно только пулеметного вооружения и не точного бомбометание аэропланов. Тем временем, авиация Белой армии была переацелена на бомбежку понтонных мостов и переправ, по которым осуществлялось снабжение Каховской группировки большевиков (в результате чего последним пришлось в дальнейшем осуществлять доставку грузов и пополнения только в ночное время). Именно здесь развернулись ожесточенные воздушные бои за овладение господством в воздухе. Так 12 августа летчик 6 - го авиационного Красной армии Васильченко предпринял одиночную атаку на группу из семи самолетов Белой армии типа «Де Хэвилленд», в результате чего

вынудил их снизиться и вернуться на свои аэродромы. Такими же результатами закончились все последующие воздушные батальи, проходившие над Каховским плацдармом.

Другим театром боевых действий стал район восточного побережья Крыма и район Керченского полуострова. На данном театре боевых действий имелся главный аэродром базирования 3-го авиаотряда белых. В это время в рядах белых ощущалась острая нехватка истребительной авиации, в результате чего приходилось задействовать устаревшие и изрядно исчерпавшие свой ресурс самолеты типа «Ньюпор» и «Вуазен». Противостоявшие им части авиации 9 - й армии Советской республики в составе 35- го, 34-го и 4-го отрядов располагавшие около 10 боевых самолетов располагались в районе города Темрюк. Их задача состояла в нарушении логистики Белого флота в Азовском и Черном море, а также в уничтожении военных объектов в западной части Крымского полуострова.

С конца весны и все лето 1920 года авиация Красной армии совершала налеты на г. Керчь и суда, находящиеся на рейде, однако успехов в этом мероприятии не имели. Так в ходе проведения 25 мая разведывательного полета летчиком 35 авиационного отряда Чулковым были обнаружены порядка 20 барж и 5 пароходов, а также множество других мелких судов противника расположенные на рейде вблизи города Керчь. Экипаж аэроплана произвел бомбометание по одному из судов, однако никаких повреждений оно не получило. В ходе дальнейшего полета над городом было сброшено 10000 агитационных листовок, а на путях, расположенных на территории Брянского завода было обнаружено около 80 товарных вагонов под охраной бронепоезда [11, с.96]. Наличие таких сил давало понять командованию Красной армии, что противник начинает планирование десантной операции на Кубань и необходимо срочно усиливать оборону побережья со стороны Темрюка.

К июлю положение на данном направлении стало угрожающим, ввиду чего начальником авиации на Кубани Петрожицким предпринимались неоднократные попытки увеличить имеющуюся в его распоряжении авиационную группировку (по состоянию на 20 июля имелось всего 3 исправных самолета) [11, с.317]. Однако к началу десантной операции этого сделано не было. Между тем интересной особенностью боевых действий на данном направлении являлся тот факт, что к этому моменту в боях против белых стали принимать участие немало летчиков армии А.В. Колчака, сдавшиеся в конце 1919 года. Один из них А.Г. Хорьков за июль совершил не менее пяти разведывательных полетов в район десанта генерала Назарова и сбросил на скопление врага

не менее 60 килограммов бомб [11, с.393].

К началу августа на данном театре военных действий активизировалось командование Белой армии. Во многом это было обусловлено тем, что на середину августа планировалось осуществить крупную десантную операцию на территорию Причерноморья и Кубани. Ввиду этого 2 августа 1 - й авиаотряд Белой армии в составе 6 самолетов типа «Де Хэвилленд» был перебазированы на данный участок фронта. Ему предстояло сыграть одну из ключевых ролей в поддержке десанта генерала Улагая. Для осуществления задуманного плана остро встал вопрос о завоевании господства в воздухе и нейтрализации авиации Красной армии. Так 11 августа пара бомбардировщиков авиации Белой армии совершила налет на аэродром базирования красной авиации, сбросив порядка 15 бомб и произведя пулеметный обстрел [6, с.14]. Однако авиационное имущество имело незначительные повреждения. Через день налет был повторен усиленной группой в составе 4 самолетов типа «Де Хэвилленд», результатом чего стало уничтожение 1 самолета противника [3, с.93]. Происходили и воздушные баталии. Так 11 августа летчиком 3 - го истребительного отряда поручиком Скроботовым была одержана воздушная победа, в результате которой был уничтожен советский самолет типа «Фарман – 30» совершавший разведку Акватории Азовского моря. Однако данные успехи не смогли сыграть решающего значения в проведении десантной операции начатой 14 августа, ввиду чего через месяц операция закончилась эвакуацией десанта и потерей большого количества материальных средств, среди которых были 2 неисправных самолета. К сентябрю накал боев переместился обратно в район северной Таврии, ввиду чего остатки авиации Белой армии в срочном порядке были перебазированы на центральный участок фронта.

В конце августа Советским командованием была предпринята очередная попытка прорыва фронта с помощью применения крупных кавалерийских формирований. Так 28 августа 2 - я Конная армия, при поддержке 51 - й дивизии Блюхера, прорвала фронт в районе города Александровск и устремилась на город Мелитополь. С целью отражения очередного наступления Красной армии была предпринята попытка повторения успеха достигнутого при разгроме кавалерийского корпуса Жлобы. Так авиацией Белой армии во взаимодействии с частями конного корпуса генерала Барбовича была проведена серия налетов на наступающие части противника, в результате чего наступление удалось отразить. Однако эти действия уже не дали такого эффекта, который они имели несколько месяцев назад.

В основном это объяснялось плохим состоянием авиации Белой армии, так как помощь союзников по Антанте вооружением и материальными средствами прекратилась, ввиду чего приходилось рассчитывать только на свои возможности, ограниченные малой материальной и ресурсной базой Крымского полуострова. Однако проблемы в это период имелись не только у авиации Белой армии, но и у противника. Так в результате работы зенитной артиллерии белых был подбит самолет пилота Затыкина и летнаба Исаченко Центральной авиагруппы Красной армии [5, с.93]. Экипаж уцелел и смог скрыться (впоследствии вернулся к себе в расположение), однако аэроплан достался противнику в качестве трофея. На другой день, совершая перелет между аэродромами, еще один самолет по ошибке был сбит теперь уже своими войсками, при этом один пилот погиб, а второй получил серьезные травмы и надолго выбыл из строя. Другой большой утратой для советской авиации стала гибель 6 сентября в ходе авиационной катастрофы прославившегося в ходе гражданской войны летчика Сапожникова.

К концу лета Центральная авиагруппа И.У. Павлова была пополнена двумя тяжелыми бомбардировщиками «Илья Муромец». Благодаря своей большой грузоподъемности (один самолет был способен поднять до 16 пудов груза) это позволяло Советскому командованию начать планирование и реализацию серии воздушных ударов по позициям Белой армии. Так 2 сентября один из таких самолетов под командованием летчика Шкудова сбросил 11 пудов бомб на штаб Дроздовской дивизии, расположенной у станции Пришиб. В результате налета было ранено порядка 6 человек, в том числе генерал Ползиков [5, с.94]. В следующий раз 16 сентября уже оба бомбардировщика появились над станцией, однако с помощью расположенного на ней бронепоезда удалось отразить этот налет с причинением незначительного ущерба обоим самолетам. Через день полеты экипажей возобновились, что позволило Советской авиации нанести ряд ударов по войскам П.Н. Врангеля расположенные вблизи сел Андребург, Гейдельберг и Гогхейм. При возвращении на аэродром базирования произошел встречный воздушный бой с 4 самолетами белой авиации типа «Де Хэвилленд». Он примечателен тем, что это был единственное за время гражданской войны столкновение одномоторных и четырёхмоторных бомбардировщиков. Результатом боя стало повреждение маслобака одного «Ильи Муромца» и повреждение радиатора и рубашки охлаждения двигателя у одного «Де Хэвилленда». Однако данный эпизод стал последним применением тяжелых бомбардировщиков, после которого они были выведены в тыл. Во многом это было обусловлено

большим расходом при работе данных самолетов (один самолет типа «Илья Муромец» расходовал порядка 30 пудов бензина и 1,5 пуда касторового масла), а также боязнь потерять столь редкую и

дорогую авиационную технику. Действия авиации воздушного флота Южного фронта хорошо отображены (см. рис. 2).

Рис.2. Действия авиации воздушного флота Южного фронта

В то же время белое командование начало активно проводить авиационные налеты на места базирования авиации Красной армии. Так, во время налета 18 сентября, проводимым силами 11 самолетов типа «Де Хэвилленд», было уничтожено на земле два самолета типа «Сопвич», а так же ещё несколько аэропланов, одним из которых являлся, захваченный в недавнем прошлом, во время польского похода «Фоккер» D – V 48-го авиационного отряда, в результате чего Советскому командованию пришлось отправить на переформирование данное подразделение. В этот же день красные авиаторы лишились еще одного самолета теперь уже из состава 49-го авиаотряда, который совершил экстренную посадку на занятой врагом территории (летчику удалось скрыться, а аэроплан достался в качестве трофея Белой армии). Результатом успешных действий авиации белых, в результате которых было временно завоевано превосходство в воздухе, стала возможность нанесения контрудара по истощенным войскам Красной армии. Его целью ставился захват города Александровск. С целью успешного выполнения этой операции авиацией Белой ар-

мии предпринимались попытки завладением господством в воздухе по всему фронту.

В ходе одного из таких боев над Каховским плацдармом 18 сентября 1920 год поручик П.Ф. Кочан в ходе противоборства с тремя большевистскими аэропланами сбил один из них, а остальные заставил вернуться на свои аэродромы. Операция, начавшаяся 19 сентября оказалась настолько неожиданной, что город Александровск был захвачен в первый день операции. Примечательно, что авиационная группа И.У. Павлова базировавшаяся не далеко от города бала застигнута врасплох и только в самый последний момент успела перебазироваться на тыловой аэродром. Однако, не все части и подразделения авиации узнали о данном поражении, в результате чего 21 сентября летчик Правобережной группы Яков Гуляев отправился в Александровск для награждения орденом «Красного знамени», однако сразу же после приземления был схвачен и отправлен в Крым для допросов (по дороге летчик сумел бежать и через две недели вернуться к своим) [5, с.94].

С конца сентября обстановка в обеспечении белой авиации и боеспособности оставшихся аппаратов стало все больше ухудшаться (см. табл. 2).

Таблица 2.

Номер отряда	Количество боеспособных самолетов в авиационных отрядах Русской армии		
	По состоянию на:		
	22.09.1920 г.	7.10.1920 г.	23.10.1920 г.
1	3	2	0
2	7	6	5
3	1	3	2
4	4	4	6
5	6	4	7
6	4	6	-
8	5	3	2

Тем временем в авиации Красной армии наблюдалась обратная картина. Так в середине октября на Южном фронте числилось 84 боевых самолета. Это во многом стало возможным благодаря ликвидации Польского фронта и переброски частей авиации на усиление фронта в северной Таврии. Однако белое командование еще пыталось удержать стратегическую инициативу. Так 14 октября армией генерала П.Н. Врангеля начался новый штурм Каховских позиций с целью того, чтобы иметь возможность осуществлять дальнейшие операции в северном направлении и в конечном итоге соединиться с наступающей на Украине польской армией [1, с.201]. В этой операции самое активное участие принимала авиация. Но к этому времени ввиду предпринятых мер руководством 6 - й армии (в частности повышения количества зенитных орудий) прорвать оборону стало невозможным. Это стало одним из последних эпизодов применения авиации Белой армии на территории Крыма. Дальнейшее применение авиации армией ввиду больших по-

терь при отступлении с территории Украины и северной Таврии, а также ввиду фактического прекращения поставок со стороны союзников по Антанте стало невозможным.

Начавшееся 11 ноября наступления Красной армии на Крым привело к успешному прорыву оборонительных позиций Белой армии и захвату большевиками 14 ноября последнего действующего аэродрома в Симферополе, на котором были захвачены последние 6 неисправных самолетов противника. Таким образом, гражданская война на территории полуострова была завершена. За время противоборства именно 1920 год стал самым значимым в деле применения авиации с целью успешного выполнения как армейских, так и фронтовых задач. Именно в этот период был в полной мере раскрыт потенциал авиации как отдельного рода войск.

Заключение. За время боевых действий в Крыму, на Украине и в северной Таврии Красный воздушный флот совершил порядка 2100 вылетов, сбросив на противника около 6400 кг бомб [4, с.95]. В то же время по имеющимся данным белой авиацией только за май – июнь 1920 года было совершено 387 боевых вылетов и сброшено порядка 12800 кг бомб. Непосредственно в ходе боев авиация белых недосчиталась порядка 10 самолетов.

На заключительном этапе в авиации белых широко применялась организация взаимодействия авиации с пехотными частями, корректировка действий артиллерии. Штурмовка авиации подразделений конного корпуса Жлобы. В историю боевой организации авиации навсегда вошло имя В.Н.Ткачева как одного из выдающихся авиационных военачальников.

Список литературы

1. Владимиров М. И. О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. Москва: Издательство политической литературы, 1985. 287 с.
2. Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия. Москва: Государственное издательство, 1925. 218 с.
3. Доронин Ю. П. Воздушный флот белых армий России в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) Автореферат. На соиск. канд. ист. наук / Юрий Петрович Доронин; Москва, 1994. 134 с.
4. Жаров Ф. И. Подвиг красных летчиков. Москва: Воениздат, 1963. 289 с.
5. Кондратьев В. Авиация гражданской войны. / В. Кондратьев, М. Хайрулин. Москва: «Техника Молодежи», 2000. 100 с.
6. Кондаков А. А. Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар 1960. 36 с.
7. Левочкин А. Г. Герои Каховки и Перекопа. Москва: Воениздат, 1958. 314 с.
8. Павлов И.У. Боевой путь. Записки Красного летчика. - Ленинград: «Молодая гвардия», 1937. - 295 с.
9. Спатарель И. К. Против черного барона. — Москва: Воениздат. 1967. 387 с.
10. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. — Москва: «Алгоритм», 2017. 811 с.

THE ACTION OF THE MILITARY AVIATION OF THE RED AND WHITE ARMIES ON THE TERRITORY OF CRIMEA IN 1920

The experience of the First World War showed the increasing role of aviation on the battlefield and its significant contribution to the final result of the struggle. With the outbreak of the civil war on the territory of the former Russian Empire, in the confrontation of the reds, whites, and greens, only the first two turned out to have aviation units inherited from the Imperial army. Since the actions of aviation turned

out to be very successful, especially in terms of conducting aerial reconnaissance, adjusting artillery fire, bombing, and storming cavalry units, their number grew. Both through the manufacture of new aircraft and through supplies from abroad. Tactics were improved. Radio communication was used to adjust artillery fire. For aerial reconnaissance of cinema and photographic equipment. Elements of interaction with ground units were worked out. The successful actions of aviation against cavalry units in Tavria significantly influenced the outcome of the fighting. The article personalizes many outstanding pilots of the Civil War period, both in the camp of whites and Reds. The brands of all aircraft used at that time are given. It plays a role in correcting the artillery fire of balloons and means of combating them. All the main battles of the final stage of the Civil War and the role of military aircraft of the warring parties in them are shown.

Keywords: Civil war, white, red, aviation, balloons, airplanes.

References

1. Vladimirov, M. I. (1985). O Michile Frunze [About Mikhail Frunze]:. M.: Izdatel'stvo Politicheskaya literature. 287 p.
2. Gusev S. I. (1925). Grazhdanskaya voyna I Krasnaya armiya. [The Civil War and the Red Army]. — M.: Gosudarstvenoe izdatel'stvo. 218 p.
3. Doronin Y.P. (1994). Vozdushniy flot belikh armiy Rossii v godi grazhdanskoy voyni. [The air fleet of the White Armies of Russia during the Civil War]. Avtoreferat. Na soiskanie kand. ist. nauk. M. 134 p.
4. Zharov F.I. (1963). [The feat of the red pilots]. Podvig krasnich lyotchikov. M. Voenizdat. 289 p.
5. Kondrat'ev V. (2000). Aviatsiya grazhdanskoy voyni. [Civil War aviation.]. M. Technika molodyezhi. 100 p.
6. Kondakov A. A. (1960). Razгром desantov Vrangelya na Kubani [The defeat of Wrangel's landings in the Kuban]. Krasnodar. 36 p.
7. Lavochkin A.G. (1958) Geroi Kakhovki I Perekopa. [Heroes of Kakhovka and Perekop]. M. Voenizdat. 314 p.
8. The battle path. Notes of the Red Pilot] Leningrad: Molodaya gvardiya. 295 p.
9. Against the black Baron]. M. Voenizdat. 387 p.
10. Shambarov V.E. (2017). Belogvardeyshchina [The White Guard]. M. Algoritm. 811 p.

Об авторах

Поляков Владимир Евгеньевич - доктор исторических наук, профессор, Крымский инженерно – педагогический Университет им. Февзи Якубова, E-mail: turshu@inbox.ru

Ковалеров Артём Евгеньевич - магистр по направлению «Отечественная история», Крымский инженерно – педагогический Университет им. Февзи Якубова, E-mail: turshu@inbox.ru

Polyakov Vladimir Evgenievich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Crimean Engineering and Pedagogical University University named after Fevzi Yakubova, E-mail: turshu@inbox.ru

Kovalerov Artyom Evgenievich - Master in the direction "Domestic history" Crimean Engineering and Pedagogical University University named after Fevzi Yakubova, E-mail: turshu@inbox.ru

Романов В.В., аспирант кафедры дипломатии, МГИМО МИД России (Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПОРТА ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Спорт высших достижений имеет значительный политико-пропагандистский потенциал, играет существенную роль в решении вопросов, связанных с политическим взаимодействием и политическим противостоянием, что доказывает текущая мировая политическая ситуация. Целью данной статьи является осмысление исторических аспектов использования спорта высших достижений в реализации концепции «мягкой силы». Методологическим основанием для написания данной статьи стала научная ретроспекция. Также в процессе написания статьи автор обращался к методологии стратегического планирования в системе государственного управления, что позволило наметить пути дальнейшего развития спорта высших достижений как инструмента «мягкой силы». Спорт, как инструмент «мягкой силы», в историческом масштабе явление относительно новое, которое, однако, за время своего существования смогло стать не только важнейшим элементом политического сотрудничества, но и политической борьбы. Российский спорт высших достижений воспринимается на Западе как угроза для процесса формирования в общественном сознании антигуманного образа России. В текущих военно-политических условиях Россия не может просто отказаться от использования данного инструмента политического противостояния со странами Запада. В этой связи в настоящее время, когда русофобия становится неотъемлемой частью деятельности международных спортивных организаций, целесообразно сосредоточить усилия российской спортивной общественности и лидеров российского спорта на двусторонних контактах с иностранными коллегами, минуя спортивные федерации, для разъяснения ситуации и формирования общественного мнения о недопустимости дискриминации в спорте. В современных условиях представляется необходимым принимать меры, в первую очередь, политико-дипломатического характера, направленные на создание альтернативных возможностей для спортивной дипломатии, которые должны быть основаны на объединительном потенциале стран Глобального Юга.

Ключевые слова: спорт, «мягкая сила», спортивная дипломатия, политика, история, ретроспекция, дискриминация, санкции.
DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-151-159

Введение. В XX веке в мировом пространстве политического и гуманитарного взаимодействия сформировалось понимание того, что экономические и политические успехи достигают именно те государства, которые уделяют усиленное внимание физическому развитию своего населения и понимают, что именно инвестиции в развитие человеческого капитала государства обеспечивают его социальное, экономическое и политическое развитие и авторитет на международной арене. Формирование национальной системы физической культуры и спорта стало важным социально-экономическим приоритетом в России, поскольку обеспечивает высокую работоспособность населения, снижает расходы бюджетов разных уровней на здравоохранение, обеспечивает здоровье будущих поколений. Кроме того, развитие профессионального спорта обеспечивает имидж страны на международной арене, повышает уровень национального сознания и патриотизма.

Значительная роль спорта высших достижений в политическом процессе связана с его потенциальной привлекательностью как средства демонстрации национального превосходства посредством побед национальных сборных и выдающихся атлетов, что целиком отвечает идеям использования «мягкой силы» в продвижении политических интересов государства.

Следует сказать, что спорт как инструмент «мягкой силы» используется в мировой политике,

начиная с середины 30-х годов XX столетия, однако, в наши дни, данная проблема актуализируется в связи с попытками использования «мягкой силы» странами Запада для исключения российских атлетов из спортивной жизни и фактически лишения нашей страны возможности применения данного инструмента в интересах российского спорта и российской внешней политики.

Анализ литературы. По мнению политолога Джозефа Ная, «мягкая сила» основана на способности формировать предпочтения других посредством кооптации, а не принуждения [15].

В настоящее время в научной литературе имеется ряд научных работ, рассматривающих спорт именно как инструмент «мягкой силы». В данном ключе эту проблему рассматривали Кременева В.Н., Вяккерера С. А. [2], Леонтьев Е. Д. [3], Сергеев А.В. [5], Стафеев Д.В. [7], Тиунов В.А. [8], Януков С. Г., Бахтуридзе З. З. [10].

Как отмечает Сергеев А.В. [6], масштабные спортивные события способны существенно влиять на политические процессы как внутри государства (легитимация государственного режима), так и вне его – в мировой политике.

Также Тиунов В.А. [8] констатирует, что проведение государствами спортивных мега-событий является практикой публичной дипломатии, когда спорт выступает ключом к активной коммуникации между государствами в пространстве универсальных концептов (сила, здоровье, борьба, победа).

Использование инструментов спортивной дипломатии может если не полностью решить проблему, то реально создать условия для дальнейшего политического диалога. В настоящее время, в условиях обострения международных отношений, роста угрозы политических конфликтов и кризисов заметно возрастает роль неполитизированных международных организаций и общественных структур, способных внести определенный вклад в решение мировых проблем. Речь идет, прежде всего, о повышении роли спорта, спортивной дипломатии в укреплении межгосударственных контактов [6].

В свою очередь в работе [17] на примере трех мировых спортивных форумов (Олимпийские игры в Китае – 2008 год; Чемпионат мира по футболу в ЮАР – 2010 год и в Бразилии – 2014 год) показано, что эти глобальные спортивные события оказывают существенное влияние на политический процесс, конструируя позитивный имидж государства и через демонстрацию спортивных достижений формируют общее представление о стране как о мощном государстве, представители которого, обладая физическим совершенством, способны обеспечивать превосходство страны в области гуманитарной политики, прав человека и возможностей личностной самореализации.

Яркой иллюстрацией этих процессов явились Олимпийские игры в Сочи-2014, Чемпионат мира по футболу 2018 г., которые прошли в России и были прекрасно организованы. Они способствовали формированию позитивного имиджа нашего государства не только качеством организации, но и достигнутой атмосферой дружелюбия и взаимопонимания.

Актуальной является и мысль относительно того, что в настоящее время спорт и дипломатия гибридизируются, а внимание создателей современных внешнеполитических концепций фокусируется на том, что правительства должны использовать спортивные ресурсы, чтобы подкреплять успехи традиционной дипломатии. Как считают современные исследователи, дипломатической теории и практики там, где «машина» традиционной дипломатии не может справиться с возникшими проблемами, нужно использовать «мягкую силу» гибкой и адаптивной неофициальной дипломатии, в частности обращаясь к возможностям использования спорта высших достижений для налаживания двусторонних контактов и создания атмосферы доверия между странами, народами и правительствами [7].

В свою очередь известный персонаж американской внешней политики К. Райс однажды заметила: «Спорт и спортсмены имеют возможность объединять людей разных религий, рас и направ-

лений. Через спорт по всему миру посылаются сообщения о необходимости взаимопонимания, культурной толерантности и взаимном уважении» [11].

Таким образом, не подлежит сомнению, что спорт высших достижений имеет значительный политико-пропагандистский потенциал, играет существенную роль в решении вопросов, связанных с политическим взаимодействием и борьбой, а также становится ареной острого противостояния в современных условиях развития международных отношений.

Целью данной статьи является осмысление исторических аспектов использования спорта высших достижений в реализации концепции «мягкой силы».

Научная ценность данной статьи состоит в том, что автор предлагает ввести в научный оборот термин «сила гуманитарных ограничений», который описывает ситуацию в области мировой гуманитарной политики, способствующей трансформации концепции «мягкой силы» в области спорта в новое качество, имея ввиду желание стран Запада ограничить присутствие государств, не разделяющих западную политическую повестку на мировой спортивной арене.

Практическая ценность данной работы состоит в том, что полученные автором результаты могут использоваться для дальнейшей разработки стратегии развития спорта высших достижений на мировой арене в контексте его возможностей как инструмента «мягкой силы».

Методология. Методологическим основанием для написания статьи стала научная ретроспекция, позволившая исследовать исторические аспекты использования спорта высших достижений в реализации концепции «мягкой силы» с опорой на реальные исторические события и политические процессы, которые определили динамику и текущее состояние спортивной дипломатии. Также в процессе написания данной статьи автор обращался к методологии стратегического планирования в системе государственного управления, что позволило наметить пути дальнейшего развития спорта высших достижений как инструмента «мягкой силы».

Результаты. К концу XX столетия феномен спорта как особого вида человеческой деятельности, формируется на основе того, что он стал явлением глобального масштаба, которое объединяет людей разных возрастов, национальностей, религий, политических взглядов. В то же время, спорт – это инструмент политического маркетинга, обеспечивающий формирование позитивного имиджа страны на мировой арене. В этом плане, имея значительный пропагандистский потенциал, спорт включается в структуру «мягкой силы», которая

занимает осязаемое место в современной дипломатии и международных отношениях [10].

Следует сказать, что концептуальное положение относительно того, что «спорт вне политики» становится сегодня лишь декларацией о намерениях, при том, что на самом деле, как показывает история отечественного и мирового спорта, именно спортивная борьба и спортивные достижения нередко оказывались на острие политических процессов. В 2021 г. международная консалтинговая компания по оценке национальных брендов и стратегий Brand Finance опубликовала «Глобальный индекс мягкой силы» (Global Soft Power Index), в котором впервые было проанализировано 100 стран и опрошено более 75 тыс. респондентов. В документе было определено, что «мягкая сила» – это свойство страны влиять на предпочтение и поведение разных акторов на международной арене (государств, корпораций, организаций, общественности и др.) посредством привлечения внимания или убеждения, а не принуждения [8]. «Мягкая сила» опирается на ряд ключевых областей человеческой деятельности, в частности в качестве фундамента «мягкой силы» рассматриваются: бизнес и торговля (экономика, предпринимательство, бренды, налоги, торговля, инвестиции, инфраструктура, потенциал развития); управление (верховенство права, права человека, уровень преступности, сохранность, законодательство, политические элиты); международные отношения (дипломатия, участие в международных организациях, разрешение конфликта, международная помощь, климатические инициативы); СМИ и коммуникация (средства массовой информации, социальные медиа, маркетинг); образование и наука (высшее образование, наука, технологии); люди и ценности (ценности, ментальность, доверие) культура и спорт (туризм, спортивные достижения, изобразительное искусство, литература, музыка, кино, видеоигры, мода, спортивная форма и атрибутика) [7].

Примерами использования инструментов мягкой силы можно считать создание эффективно функционирующих государственных институтов; развитие основных атрибутов демократического устройства, среди которых можно назвать свободу СМИ, развитие гражданского общества, создание механизма коммуникации власти и народа; проведение экономических форумов, участие страны в международных промышленных выставках; привлечение иностранных студентов для обучения в Вузах; гастрольную деятельность лучших творческих коллективов, участие в кинофестивалях, в выставочной деятельности на площадках лучших музеев мира и т. д.

Как указывают зарубежные исследователи, в практике международного спорта и олимпийского движения есть немало примеров того, как

спорт становился инструментом формирования позитивного восприятия страны на международной арене, оказания ей поддержки в процессе решения сложных внешнеполитических проблем. Поэтому современные государства использовали и продолжают использовать спорт как инструмент «мягкой силы», политического влияния на международное сообщество. И хотя мировая политика далека от того, чтобы считать спортивную дипломатию инструментом решения всех проблем современных международных отношений, ее влияние нельзя не учитывать, когда речь идет об эффективном политическом маркетинге [11].

Что касается спорта высших достижений, то среди множества гуманитарных аспектов использования инструментов мягкой силы данная область международной конкуренции стран и народов является наиболее востребованной, поскольку именно спорт в начале XXI века становится не только ярким зрелищем, но и областью концентрации эмоций, стандартов красоты, демонстрации человеческого совершенства.

В то же время использование методологии ретроспекции показывает, что нередко данный инструмент использовался «не во благо, но во вред», имея ввиду исторический контекст развития политических событий.

Понимание возможности спорта воздействовать на политические процессы сложилось во времена первых Олимпийских Игр, проводимых в Древней Греции, когда сам факт их проведения становился поводом для прекращения военных действий. С течением времени в общественном сознании, а затем и в политическом мышлении сложилось понимание возможностей спорта участвовать в формировании общественного мнения, международного имиджа страны и формирования образа политических лидеров.

В этой связи следует обратить внимание на то, что концепцию «мягкой силы» впервые обосновал Дж. Най во второй половине 1980-х годов, однако, спорт, как инструмент создания позитивного образа государства и его лидера, начал использоваться раньше – уже в 1936 году, когда в Берлине были проведены Олимпийские игры, имевшие значительный пропагандистский эффект и укрепившие международное восприятие фашистской Германии как мощнейшего субъекта мировой политики, обладающего могучим человеческим, финансовым и техническим потенциалом [14]. Адольф Гитлер и его окружение использовали Берлинские игры как трамплин для дальнейшего укрепления своей политической власти.

Освещение спортивного зрелища в средствах массовой информации зачастую было вялым. Газета New York Times описывала Гитлера

как «нового Цезаря этой эпохи», который «получил аплодисменты людей, далеких от политики и от мирного спорта». В другой статье *New York Times*, озаглавленной «Олимпийские игры заставляют ощутить гордость за достижения Германии», корреспондент Ф. Бирчалл отмечал, что игры способствовали «несомненному улучшению мировых политических отношений и общей атмосфере дружелюбия». Олимпийские гости покидали Германию с впечатлением, что «это нация невероятно счастливая и процветающая; что Гитлер – один из величайших, если не величайший, политический лидер в современном мире, и что сами немцы – оклеветанный, но гостеприимный, совершенно мирный народ, который заслуживает лучшего». При этом указывалось на то, что: «Даже если Олимпийские игры обошлись Германии в 100 млн марок, вернуть которые невозможно, это пропагандистское достижение того стоит» [11].

Напомним, что через год после Олимпийских игр Гитлер сообщил своему военному руководству, что для реализации провозглашенной судьбы страны потребуется применение силы. В 1938 году Германия аннексировала Австрию и оккупировала Судеты. Хрустальная ночь, или Ночь разбитого стекла, произошла в ноябре 1938 года, когда нацисты устроили жестокую расправу над евреями. В 1939 году Германия напала на Чехословакию, а к концу того же года – всего через три года после Олимпийских игр в Берлине – Европа была втянута во Вторую мировую войну.

Особую значимость спорт как инструмент «мягкой силы» приобретает в период холодной войны, когда любое спортивное состязание с участием спортсменов из стран социалистического содружества и стран Запада рассматривалось как инструмент самоутверждения государств в мировой политике. Каждая победа советских спортсменов оценивалась с точки зрения ее воздействия, как на массовое сознание советского народа, так и на внутренние настроения в странах, потерпевших поражение в спортивном состязании. Примером успешного применения спорта как инструмента «мягкой силы» можно считать встречи сборных команд США и Китая по пинг-понгу в конце 70-х годов XX столетия. Взаимный обмен визитами команд поспособствовал разрядке напряженности между двумя странами [1].

Серия хоккейных матчей между сборной Советского Союза и профессионалами из Канады, проходившая в 70-е годы прошлого столетия, заставила мировую спортивную общественность с уважением относиться и к советскому хоккею, и к советским спортсменам.

С окончанием холодной войны восприятие спорта как важного инструмента внешней политики лишь усилилось, и современные государства

использовали и продолжают использовать спорт как инструмент «мягкой силы», политического влияния на международное сообщество. И хотя мировая политика достаточно далека от того, чтобы выдавать спортивную дипломатию за средство решения всех проблем в современных международных отношениях, ее влияние нельзя не учитывать даже при наиболее сложных обстоятельствах в общей системе международных отношений, включая международные конфликты. Свидетельство тому то, что в настоящее время ООН воспринимает спортивную дипломатию как один из эффективных инструментов поддержания мира и международной безопасности, пропаганды здорового образа жизни. Кроме того, спортивная дипломатия рассматривается ООН не только как способ сплотить мировое сообщество, но и как попытка восстановить мир. Так, например, в марте 2019 года в Сирии прошла серия семинаров «Молодежь и спорт для социального единства». Мероприятие проводилось совместно ЮНЕСКО и Министерством образования Сирии [2].

Роль международных спортивных организаций на международном уровне также стремительно меняется. В современном мире они стали важным институтом в развитии международных отношений. Международные спортивные организации, такие как МОК заняли позицию не только движущей силы в развитии спортивного сектора, но и приобрели новые функции, которые ранее с ним не ассоциировались. Так, деятельность МОК практически является предметом многосторонней дипломатии и включает в себя обширный комплекс мер, затрагивающих различные сферы международных контактов. При всех положительных моментах в деятельности МОК, следует отметить, что русофобия проникает и в ряды этой организации, что затрудняет возможности равноправного диалога между Россией и МОК по наиболее актуальным вопросам развития мирового спорта и места России в данном процессе.

В частности, ограничения, принятые МОК и связанные с невозможностью российских спортсменов выступать на международных соревнованиях в форме цветов национального флага, использовать в качестве элементов спортивной формы национальных символов (герб России) и российского гимна во время награждений, свидетельствует о том, что эти элементы спортивного образа воздействуют на «эффект восприятия» спортивной победы, которая ассоциируется с мощью России и с ее возможностями достигать высоких результатов и побед на мировой арене. В этой связи данное ограничение носит явный политический характер, преследуя и маркетинговую цель, снизив уровень ассоциативной связи между победами российских спортсменов и

государством, которое они представляют.

Однако институциональные формы спортивной дипломатии не ограничиваются деятельностью МОК. Важную роль в современной спортивной дипломатии играет и Международный образовательный форум (FISU). Эта организация реализует мероприятия в таких областях, как пропаганда здорового образа жизни, развитие спортивной культуры и спортивного образования среди молодежи разных стран. Ярким примером такой деятельности FISU является международный образовательный форум, призванный объединить представителей оргкомитетов Универсиад и различных чемпионатов мира. Такой форум прошел в Казани (2019 год), где участники познакомились не только с уникальной русской культурой, но и открыли для себя особенности организации российского спорта [12].

В тоже время вопросы спортивного взаимодействия на мировой арене все больше приобретают конфронтационный характер, каждые Олимпийские игры в последние годы становятся полем политической борьбы, «мягкая сила» в результате становится лишь дополнением к попыткам дискредитации не только спортивных достижений, но и целых стран. В частности, многочисленные допинговые скандалы, дискредитирующие не только спортсменов, но и государства, обретают массовый характер при том, что объектом данных эксцессов становятся спортсмены из России, Китая, иных стран Глобального Юга [9]. Ярким примером может служить дискуссия и возможности допуска спортсменов из России и Белоруссии к участию в предстоящей в 2024 г. Олимпиаде в Париже, что является подтверждением дискриминационных подходов в международном спортивном движении.

Обратим внимание на то, что конфронтационная ситуация в мире формирует и новую парадигму «мягкой силы» спортивной дипломатии. Как считает В.А. Тиунов, речь идет о ситуации, когда за счет спорта происходит «отмывание» имиджа отдельных политических деятелей. В историческом аспекте впервые данная технология была использована на уже упомянутой в данной статье Олимпиаде 1936 года, когда Гитлер предстал перед мировой общественностью в облики миротворца и отца немецкой нации, стремящегося к процветанию страны и равноправному сотрудничеству на мировой арене. В настоящее время политические лидеры используют спортивные мегасобытия, чтобы попытаться «отмыть» свою запятнанную репутацию, которая формируется в результате стремления к доминированию и политической монополии [8].

Поскольку мировые лидеры регулярно при-

сутствуют на крупнейших спортивных мероприятиях, таких как Олимпийские игры и Чемпионаты мира по футболу, где они фотографируются с другими мировыми влиятельными лицами и спортивными магнатами, результатом может стать эффект «сопричастности с победителями», «демократического руководства», «национального лидерства». Данная технология в настоящее время используется и в условиях «мнимой демократии», где спортивные мегасобытия отвлекают общественность от негативных социально – экономических процессов и явлений, таких как бедность, бездомность, полицейский произвол и т.д.

Например, в Лос-Анджелесе в преддверии Олимпийских игр 2028 года разворачивается эпический гуманитарный кризис, связанный с бездомностью. Посетив Лос-Анджелес, докладчик ООН по вопросам бедности Ф. Олстон заметил, что на сегодня Лос-Анджелес похож на «громоздкий лагерь беженцев, при том, что, например, доступность туалетов здесь хуже, чем в лагере сирийских беженцев, находящемся под управлением ООН». В свою очередь мэр Лос-Анджелеса Э. Гарсетти использовал фактор бездомности для «спортивной отмывки имиджа», заявив: «Я уверен, что к моменту проведения Олимпийских игр мы сможем положить конец бездомности на улицах Лос-Анджелеса» [10].

Таким образом, масштабные спортивные соревнования предоставляют хозяину редкий шанс переписать свою политическую историю, изменив нарративы, которые дискредитируют власти и существующие властные отношения. Однако в данной технологии имеется и недооцененный побочный эффект, который может привести к социальному противостоянию. На определенных этапах невозможность решить проблемы заставляет оказаться от концепции «мягкой силы», расчистив пространство для спортивных мероприятий с использованием жесткого силового вмешательства.

В настоящее время, как отмечает Е.Д. Леонтьев, западные страны утрачивают лидерство в возможностях организации крупных спортивных мероприятий, в связи с чем их возможности использовать инструменты «мягкой силы» существенным образом уменьшаются [3].

Заметим, что ряд политологов [8; 9] исследовали экономическое, социально-политическое, культурное развитие группы государств (BRICS), в результате чего была установлена их ключевая роль в организации спортивных мегасобытий как составной части стратегии «мягкой силы». Изучив список держав, которые принимали Олимпийские игры и Чемпионаты Мира по футболу в XXI веке, исследователи пришли к выводу о том,

что в настоящее время наблюдается закономерный поворот вектора спортивной глобалистики с Запада на Восток (табл. 1).

Таблица 1

Хронология спортивных событий глобального уровня в геополитическом пространстве «незападного мира»

Год проведения	Событие	Государство-хозяин
2008	Олимпийские игры	Китай (Пекин)
2010	Игры Содружества	Индия (Дели)
2014	Олимпийские игры	Россия (Сочи)
2014	Чемпионат мира по футболу (FIFA World Cup)	Бразилия
2016	Олимпийские игры	Бразилия (Рио-де-Жанейро)
2018	Чемпионат мира по футболу (FIFA World Cup)	Россия
2022	Чемпионат мира по футболу (FIFA World Cup)	Катар

Анализируя данные, приведенные в таблице, можно заключить, что в начале XXI столетия в мире формируется не только новый геополитический и экономический порядок, но происходят изменения и в системе организации, и проведении важнейших международных спортивных событий, что является новым трендом в современных политических процессах.

Этот поворот аналитически важен по двум аспектам. Во-первых, он отражает усиливающийся политический вес стран «незападной политической ориентации»; во-вторых, речь идет о том, что данные страны способны сегодня принимать спортивные форумы общемирового уровня, проводя их на высочайшем уровне организации и финансирования.

Свидетельством тому является тот факт, что важнейшими спортивными событиями, которые подтвердили статус России как великой спортивной державы, способной создавать не только уникальные строительные объекты, но и уникальную атмосферу дружбы, доверия и взаимопонимания, стали Олимпийские игры 2014 года и Чемпионат мира по футболу 2018 года.

Отмечая достижения России в области организации спортивных мероприятий высочайшего уровня Президент РФ отметил, что «у России есть все возможности для организации многоэтапных, коммерчески привлекательных открытых турниров с участием зарубежных спортсменов, клубов, команд. У страны имеются современные, оснащенные по всем мировым стандартам спорткомплексы

и стадионы», что определяет возможность использования инструментов «мягкой силы» в контексте расширения возможностей спортивной дипломатии, для чего планируетсякратно увеличить количество спортивных соревнований разного уровня с высоким призовым фондом в России [4].

В то же время обратим внимание на то, что в текущих военно-политических условиях концепция «мягкой силы» применительно к спортивным событиям начинает трансформироваться в принципиально новую форму, которую, по нашему мнению, возможно назвать «силой гуманитарных ограничений», имея ввиду желание стран Запада ограничить присутствие государств, не разделяющих западную политическую повестку, на мировой спортивной арене. В частности, речь идет о том, что российский спорт высших достижений подвергается существенным дискриминационным воздействиям, связанными с санкционным ограничением участия российских спортсменов в крупнейших мировых спортивных форумах, а также отстранение России от участия в организации крупных международных спортивных форумов: отмена проведения финального футбольного матча розыгрыша Лиги чемпионов в Санкт-Петербурге в сезоне 2021/22.

Данная ситуация свидетельствует, во-первых, о том, что современный спорт как инструмент «мягкой силы», действительно, имеет важное политическое значение; во-вторых, о том, что российский спорт высших достижений воспринимается на Западе как угроза для процесса формирования в общественном сознании антигуманного образа России; в-третьих, о том, что в текущих военно-политических условиях Россия не может просто отказаться от использования данного инструмента политического противостояния со странами Запада.

В данном контексте следует сказать, что в настоящее время Министерству спорта РФ, спортивным федерациям России целесообразно коренным образом изменить свои стратегические приоритеты, четко обозначить условия, которые определяют возможности участия российских спортсменов в международных спортивных соревнованиях. Данный подход полностью согласуется с положением Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года относительно необходимости обеспечения «условий для успешного выступления спортивных сборных команд Российской Федерации, в том числе юношеских, в международных спортивных соревнованиях, включая Олимпийские, Паралимпийские и Сурдлимпийские игры, с учетом установления взаимных обязательств федерального органа исполнительной власти в сфере

физической культуры и спорта, Олимпийского комитета России, Паралимпийского комитета России и Сурдлимпийского комитета России и общероссийских спортивных федераций» [5].

По нашему мнению, осуществляя стратегическое планирование развития спорта высших достижений в России, следует ориентироваться на принципиальное положение о том, что Россия и российские спортсмены могут принимать участие в соревнованиях мирового уровня в случае полноценного обеспечения ее права на использование государственной атрибутики, на полноценное представительство в органах, осуществляющих руководство спортом высших достижений.

В этой связи, по нашему убеждению, в настоящее время целесообразно сосредоточить усилия российской спортивной общественности и лидеров российского спорта на двусторонних контактах с иностранными коллегами для разъяснения ситуации и формирования общественного мнения о недопустимости дискриминации в спорте, проведении спортивных мероприятий, привлекая спортсменов из других стран.

Также российским спортивным функционерам, представителям российского дипломатического корпуса, руководству Министерства спорта Российской Федерации, следует начать активную работу по продвижению идеи создания альтернативных органов управления международным спортом (например, на уровне БРИКС, ЕАЭС), под эгидой которых возможно проводить спортивные форумы, которые смогут составить конкуренцию спортивным соревнованиям международного уровня, проводимого под патронатом спортивных организаций и федераций, отказавшихся от принципа «спорт вне политики».

Опыт организации подобных спортивных мероприятий в России имеется. Достаточно вспомнить о том, что московская Олимпиада 1980 года была успешно проведена в момент, когда западные страны объявили бойкот данному спортивному событию. В ответ СССР отказался от участия в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе 1984 года, проводя собственный турнир «Дружба

1984», в котором приняли участие спортсмены из социалистических государств.

Не менее значимым является возрождение инициативы, касающейся проведения «Игр доброй воли», которые были инициированы американским бизнесменом Т. Тернером, как ответ на политику бойкотов, организованную западными странами. Данное спортивное событие продемонстрировало, что независимый спорт может составить конкуренцию традиционным Олимпийским играм, разрушив западную монополию в данной области гуманитарной политики. Эти соревнования вызывали острый интерес у спортсменов и болельщиков, проводились пять раз (с 1986 года по 2001 год). Активизацию усилий по возрождению данного спортивного мероприятия следует рассматривать как стратегическую задачу российской дипломатии и государственных органов управления спортом в России.

Началом нового этапа развития российской спортивной дипломатии и прорывным событием мирового масштаба явились проведенные в Казани в феврале-марте 2024 г. «Игры будущего» – крупнейшие соревнования по фиджитал-спорту (Phygital Sport), в которых участвовали представители разных стран, как Запада, так и Глобального Юга, несмотря на политические противоречия между странами. Данное событие свидетельствует о высоком объединительном потенциале спорта, а также о его способности сглаживать политические противоречия, устанавливая дружеские отношения на уровне спортивных команд и отдельных спортсменов.

В целом, подводя итог данной статье, укажем на то, что, несмотря на все усилия, направленные на «изоляцию российского спорта» данная политика не может претендовать на успех, поскольку в современном мире западная политическая повестка утрачивает свою актуальность и ей на смену приходит новый многополярный мир, в котором спорт, как инструмент «мягкой силы», станет не инструментом острого политического противостояния, но средством установления добрососедских отношений между странами и народами.

Список литературы

1. Касимова Р.М. Большой спорт как инструмент «мягкой силы» во внешней политике государств // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. №3. С. 25-32.
2. Кремнева В.Н., Вяккерера С.А. Анализ политических функций спорта в современных условиях // E-Scio. 2023. №3. С. 1-6.
3. Леонтьев Е.Д. Спорт как элемент «мягкой силы» в арсенале средств внешнеполитической деятельности государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. №1. С. 40-44.
4. Путин заявил о планахкратно увеличить число спортивных соревнований в России. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/19061391>
5. Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года». – Режим доступа:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/>

6. Сергеев А.В. Государственная политика формирования физической культуры студентов в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: дисс. ... канд. полит. наук. – Москва, 2020. 171 с.
7. Стафеев Д.В. Динамика изменения роли спорта в формировании внешнеполитической стратегии Российской Федерации: дисс. ... канд. полит. наук. – СПб., 2022. 312 с.
8. Тиунов В.А. Международные спортивные связи России со странами Северной Европы (1991-2020 гг.): дисс. ... канд. полит. наук. – СПб., 2018. 303 с.
9. Юдина А.В. Спорт как инструмент политического противостояния: к вопросу о государственной политике в сфере физической культуры и спорта // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №12. С. 194-205.
10. Януков С.Г., Бахтуридзе З.З. Влияние спорта на репутацию государств в современной политической повестке // Управленческое консультирование. 2022. №7. С. 150-163.
11. Abdi K., Talebpour M., Fullerton J., Ranjesh J. Identifying Sports Diplomacy Resources as Soft Power Tools. Springer Link. No. 15, Pp. 147-155.
12. Akhmetkarimov B.G., Aminova R.R. Sport as a tool of soft power in modern international relations // Journal of Human Sport and Exercise. 2021. No. 16. Pp. 421-426.
13. Boykoff J. Toward a Theory of Sportswashing: Mega-Events, Soft Power, and Political Conflict // Sociology of Sport Journal. 2022. No. 39. Pp. 342-351.
14. Leheny D. The Contents of Power: Narrative and Soft Power in the Olympic Games Opening Ceremonies. Graduate School of Asia-Pacific Studies, Waseda University, Japan 2019. 37 p.
15. Nye Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. PublicAffairs Books. URL: <http://www.tinyurl.com/mug36ku>
16. Rofe J.S. Sport and diplomacy: A global diplomacy framework. Diplomacy & Statecraft. 2016. No. 27, Pp. 212–230.
17. Silk M., & Andrews D. L. The governance of the neoliberal sporting city. In Project Muse 4. 2012. No. 9781439905050, Pp. 127-142.

HISTORICAL ASPECTS OF THE USE OF HIGH ACHIEVEMENT SPORTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE SOFT POWER CONCEPT

Elite sport has significant political and propaganda potential and plays a quintessential role in resolving issues related to political interaction and political struggle. At the same time, the current military-political situation aggravates this issue, which requires additional scientific understanding. The purpose of this article is to understand the historical aspects of the use of elite sports in the implementation of the concept of “soft power”. The methodological basis for writing this article was scientific retrospective. Also, in the process of writing the article, the author turned to the methodology of strategic planning in the public administration system, which made it possible to outline ways for the further development of elite sports as a tool of “soft power”. Sport, as an instrument of “soft power”, is a relatively new phenomenon on a historical scale, which, however, during its existence has been able to become not only the most important element of political cooperation, but also of political struggle. Russian elite sport is perceived in the West as a threat to the process of forming an inhumane image of Russia in the public consciousness. In the current military-political conditions, Russia cannot simply refuse to use this instrument of political confrontation with Western countries. In this regard, at present, when Russophobia is becoming an integral part of the activities of international sports organizations, it is advisable to concentrate the efforts of the Russian sports community and Russian sports leaders on bilateral contacts with foreign colleagues, bypassing sports federations, to clarify the situation and form public opinion about the inadmissibility of discrimination in sports. In modern conditions, it seems necessary to take measures, first of all, of a political and diplomatic nature, aimed at creating alternative opportunities for sports diplomacy, which should be based on the unifying potential of the countries of the Global South.

Keywords: sport, “soft power”, sports diplomacy, politics, history, retrospection, discrimination, sanctions.

References

1. Kasymova R.M. (2017) Bol'shoj sport kak instrument «myagkoj sily» vo vneshej politike gosudarstv [Big sport as an instrument of "soft power" in the foreign policy of states] Bulletin of State and municipal administration. No.3. pp. 25-32.
2. Kremneva V.N., Vyakkereva S.A. (2013) Analiz politicheskikh funkcij sporta v sovremennyh usloviyah [Analysis of the political functions of sport in modern conditions] E-Scio. No.3. pp. 1-6.
3. Leontiev E.D. (2022) Sport kak element «myagkoj sily» v arsenale sredstv vneshepoliticheskoy deyatel'nosti gosudarstva [Sport as an element of "soft power" in the arsenal of means of foreign policy activity of the state] Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. No. 1. pp. 40-44.
4. Putin zavavil o planah kratno uvelichit' chislo sportivnyh sorevnovanij v Rossii [Putin announced plans to multiply the number of sports competitions in Russia] Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/19061391>
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 24 noyabrya 2020 g. № 3081-r «Ob utverzhdenii Strategii

razvitiya fizicheskoj kul'tury i sporta v RF na period do 2030 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2020 No. 3081-р "On approval of the Strategy for the Development of physical culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030"] Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/>

6. Sergeev A.V. (2020) Gosudarstvennaya politika formirovaniya fizicheskoj kul'tury studentov v Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [State policy of formation of physical culture of students in the Russian Federation: current state and prospects of development] diss. ... candidate of Political Sciences. sciences'. - Moscow, 171 p.

7. Stafeev D.V. (2022) Dinamika izmeneniya roli sporta v formirovaniya vneshnepoliticheskoj strategii Rossijskoj Federacii [Dynamics of the changing role of sports in the formation of the foreign policy strategy of the Russian Federation] diss. ... candidate of Political Sciences. sciences'. – St. Petersburg, 312 p.

8. Tiunov V.A. (2018) Mezhdunarodnye sportivnye svyazi Rossii so stranami Severnoj Evropy (1991-2020 gg.) [International sports relations of Russia with the countries of Northern Europe (1991-2020)] diss. ... candidate of Political Sciences. sciences'. – St. Petersburg, 303 p.

9. Yudina A.V. (2017) Sport kak instrument politicheskogo protivostoyaniya: k voprosu o gosudarstvennoj politike v sfere fizicheskoj kul'tury i sporta [Sport as an instrument of political confrontation: on the issue of state policy in the field of physical culture and sports] Central Russian Bulletin of Social Sciences. No.12. pp. 194-205.

10. Yanukov S.G., Bakhturidze Z.Z. (2022) Vliyanie sporta na reputaciyu gosudarstv v sovremennoj politicheskoj povestke [The influence of sports on the reputation of states in the modern political agenda] Managerial consulting. No.7. pp. 150-163.

11. Abdi K., Talebpour M., Fullerton J., Ranjkesh J. Identifying Sports Diplomacy Resources as Soft Power Tools. Springer Link. No. 15, Pp. 147-155.

12. Akhmetkarimov B.G., Aminova R.R. (2021) Sport as a tool of soft power in modern international relations // Journal of Human Sport and Exercise. No. 16. Pp. 421-426.

13. Boykoff J. (2022) Toward a Theory of Sportswashing: Mega-Events, Soft Power, and Political Conflict // Sociology of Sport Journal. No. 39. Pp. 342-351.

14. Leheny D. (2019) The Contents of Power: Narrative and Soft Power in the Olympic Games Opening Ceremonies. Graduate School of Asia-Pacific Studies, Waseda University, Japan. 37 p.

15. Nye Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. PublicAffairs Books. URL: <http://www.tinyurl.com/mug36ku>

16. Rofe J.S. (2016) Sport and diplomacy: A global diplomacy framework. Diplomacy & Statecraft. No. 27, Pp. 212–230.

17. Silk M., & Andrews D. L. (2012) The governance of the neoliberal sporting city. In Project Muse 4. No. 9781439905050, Pp. 127-142.

Об авторе

Романов Владимир Владимирович – аспирант кафедры дипломатии, МГИМО МИД России (Россия), E-mail: romanov.v.v@my.mgimo.ru

Romanov Vladimir Vladimirovich – post-graduate student of the Department of Diplomacy, MGIMO, MFA of Russia, E-mail: romanov.v.v@my.mgimo.ru

УДК 971:308

Симоненко Е.С., кандидат исторических наук, доцент, Приморский государственный аграрно-технологический университет (Россия)

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАНАДСКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию политики, проводимой канадским правительством в области материального обеспечения добровольцев, поступивших на службу в канадские экспедиционные силы и военно-морской флот в годы Первой мировой войны. Формально хронологические рамки ограничены 4 августа 1914 г., т.е. вступлением Канады в войну, и 29 августа 1917 г., когда в стране была введена всеобщая воинская повинность. Фактически изложение событий ограничивается весной 1916 г., когда основы материального обеспечения канадских добровольцев были окончательно урегулированы. Прослеживается эволюция правительственной политики в области назначения денежного довольствия лицам, служившим в канадском экспедиционном корпусе и на флоте. Особое внимание уделяется законодательным мерам материального обеспечения добровольцев. В целом в годы Первой мировой войны материальное обеспечение добровольцев канадских экспедиционных сил и флота являлось неотъемлемой частью социальной политики, проводимой властями доминиона. Она представляла собой систему мер, направленных на возмещение для этих категорий населения ограничений и тягот военной службы, и в некоторой степени поднимала в обществе престиж военной службы. Она также представляла собой важную основу для поддержания на высоком уровне морального духа войск, вселяла в них уверенность в том, что государство гарантирует материальное обеспечение их жизни и быта.

Ключевые слова: история Канады, Первая мировая война, материальное обеспечение военнослужащих, канадский экспедиционный корпус, канадский военно-морской флот.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-160-165

Введение. В отечественной историографии труды, посвященные исследованию материального положения добровольцев канадской армии и флота в годы Первой мировой войны, отсутствуют. В зарубежной историографии данной проблематикой интересовался канадский историк Дэсмонд Мортон. В его трудах [8, 9], посвященных преимущественно материальному положению военных иждивенцев, затрагивались проблемы денежного обеспечения канадских добровольцев и возникавшие в этой связи трудности. В частности, он рассматривал случаи сокращения или лишения добровольцев их денежного довольствия в результате действия различных неблагоприятных факторов (дезертирства, заражения и лечения от венерических заболеваний, приговоров за совершение уголовных преступлений и др.).

Материалы и методы. Круг исторических источников, использованных в работе, включает ведомственные акты, изданные военным и военно-морским министерствами в годы Первой мировой войны. Они собраны в пятитомном издании, которое среди прочего включает копии прокламаций, постановлений и документов, касавшихся «европейской войны», составленном государственным секретарем по внешним связям Канады. В работе использованы три из пяти возможных томов [3, 4, 5]. В перечень источников также входят столичные и провинциальные периодические издания, в которых содержатся выдержки из законодательных актов, изданных правительством в области материального содержания добровольцев и членов их семей [1, 6, 7].

Методологическую основу работы составили источниковедческие и специальные исторические методы исследования. Для изучения военной и военно-морской ведомственной документации использовалась методика внутренней критики исторических источников. С ее помощью удалось оценить исторические факты, содержащиеся в указанных материалах, с точки зрения ее точности, полноты и достоверности. Проблемно-хронологический метод применялся для воссоздания процесса законодательного урегулирования материального положения добровольцев в годы войны путем исследования в хронологической последовательности актов военного и военно-морского ведомств преимущественно в трех проблемных плоскостях: базовые ставки оплаты; доплаты и штрафные санкции.

Результаты. Вступление Канады в войну поставило перед руководством доминиона серьезную задачу – разработать серию законодательных актов для регулирования материального обеспечения добровольцев, поступивших на действительную службу в канадский экспедиционный корпус и военно-морской флот. На момент вступления в Первую мировую войну в Канаде не существовало всеобщей воинской повинности, поэтому всех, кто поступал на службу в канадские экспедиционные силы или флот, будь то профессиональные военные и моряки или простые канадские жители, называли добровольцами. Правительству, прежде всего, следовало установить размеры ежедневного (ежемесячного) денежного довольствия, определить сроки и условия их назначения и выплаты.

Первый законодательный акт, посвященный материальному обеспечению добровольцев, был принят за три дня до официального объявления войны. Им стал приказ департамента военно-морских сил от 1 августа 1914 г. об утверждении ежедневных ставок оплаты для добровольцев, зачисленных в состав служащих канадского флота. Согласно документу, ежедневная ставка оплаты за выполнения служебных обязанностей напрямую зависела от чина добровольца. Например, матрос-юнга не мог рассчитывать больше, чем на пятьдесят центов в день. Матросы 2-го и 1-го классов, старшие матросы получали по 80, 85 и 95 центов в день соответственно. Размеры денежного довольствия старшины, главного старшины и корабельного гардемарина преодолевали отметку в один доллар и составляли 1 доллар 10 центов, 1 доллар 50 центов и два доллара соответственно. Наконец, ставки оплаты первых офицерских чинов – младшего лейтенанта и лейтенанта – достигали трех и четырех долларов ежедневно [4, p. 527]. 15 апреля 1915 г. по рекомендации морского министра были утверждены размеры оплаты для служащих добровольческого резерва канадских военно-морских сил. Согласно инструкции офицеры-резервисты должны были получать такие же выплаты, как и офицеры Королевского канадского флота за выполнение аналогичных обязанностей [3, pp. 329 – 330].

Спустя две недели после начала войны сходный документ [2, pp. 13 – 19] был принят департаментом милиции в отношении добровольцев, поступивших на службу в канадские экспедиционные войска. В нем перечислялись ставки ежедневного денежного довольствия рядового и офицерского состава. Так, рядовые чины получали от 1 доллара 10 центов до 2 долларов 30 центов в день в зависимости от принадлежности различным родам оружия. Для сравнения минимальное денежное довольствие рядового канадской армии было вдвое ниже среднего ежедневного заработка неквалифицированного рабочего, занятого в промышленности доминиона. С другой стороны, эта минимальная ставка оказалась одной из самых высоких среди союзных армий. Так, например, британский рядовой получал по 0,25 долларов, французский солдат – по 0,055 долларов, рядовой русской армии – по 0,01 долларов в день [8, pp. 110 – 111]. Жалование офицерского состава варьировалось от 2 долларов 60 центов для лейтенантов до 7 долларов 50 центов для полковников [4, p. 554]. Министр милиции также рекомендовал ввести специальные доплаты для командиров кавалерийских полков, пехотных батальонов, артиллерийских бригад в размере 1 доллара ежедневно [Ibid]. Кроме того, за офицерами и солдатами регулярных корпусов канадской милиции, служивших за пределами Канады, сохранялось право на денежное довольствие, которое они получали за службу в мирное

время. Предполагалось, что после возвращения с фронта они продолжат исполнять свои прежние обязанности [4, p. 540].

20 сентября 1915 г. министр милиции и обороны предоставил доклад, в котором говорилось, что в распоряжении от 3 сентября 1914 г. не было установлено никаких ставок оплаты для целого ряда должностей в канадском экспедиционном корпусе, которые появились там с момента прибытия первого контингента в Англию. К ранее неучтенным должностям относились должности командира по учебной подготовке, начальника медицинской службы, главного казначея, начальника по организации и подбору персонала, начальника по снабжению и транспорту, начальника аудиторской службы. 6 ноября 1915 г. министр приказал утвердить ежедневные ставки и полевые выплаты для данных командных должностей в размере 10 долларов основного жалования. Заместители командиров по указанным должностям получали от 9 до 7 долларов ежедневно. Аналогичное жалование получали начальник ветеринарной и ремонтной службы, начальник артиллерийского вооружения, начальник стоматологической службы. Жалования их заместителей и помощников варьировалось от 7 до 5 долларов ежедневно. По всем указанным должностям назначались одинаковые полевые выплаты в размере 3 долларов в день, за исключением должности командира по учебной подготовке, предусматривавшую надбавку в размере 5 долларов [4, pp. 895 – 896].

Помимо определения базовых ставок оплаты для членов канадских экспедиционных сил и персонала флота, правительство и его соответствующие департаменты предусмотрели специальные доплаты для отдельных категорий добровольцев за выполнение специальных функций. 21 августа 1914 г. были установлены ставки дополнительной оплаты для персонала двух подводных лодок, приобретенных сразу же после начала войны на американской судовой верфи. Добровольцы, служившие в званиях выше младшего лейтенанта, получали дополнительное суточное денежное довольствие в размере 1,5 долларов, мичмана – 1 доллара, главные старшины, старшины, а также старшие моряки – 60 центов, остальные – 50 центов в день [3, pp. 211 – 214; 4, p. 541]. Еще неделю спустя по рекомендации министра канадских ВМС правительство утвердило специальные повышенные ставки оплаты для старшин и моряков, имевших опыт службы в Королевском канадском флоте до начала войны. Так, матросам 1-го класса ежедневно начисляли денежное довольствие в размере 1 доллара, старшим матросам – 1 доллара и 10 центов. Старшины получали на 15 центов, а главные старшины – на 40 центов больше старшего матроса [3, pp. 212 – 213; 4, p. 543].

21 октября 1914 г. правительством были установлены дополнительные «полевые» выплаты для Королевского канадского полка, отправленного на Бермудские острова. Они составили 10 центов в день, и в общей сложности новобранцы, находившиеся на Бермудских островах, вместе с основным жалованием получали по 60 центов в день [4, р. 570]. В октябре 1915 г. между британским и германским правительством была достигнута договоренность об отчислении 1,75 долларов еженедельно на содержание канадских солдат, находившихся в плену. Денежные средства должно было отчислять канадское правительство через американского посла в Берлине [1, р. 5]. 8 декабря 1915 г. министр милиции утвердил правило в отношении добровольцев, набранных на службу в осенний набор. Он приказал выплачивать добровольцам, которые после поступления на службу находились дома и ждали мобилизации, пособие на содержание. Согласно приказу женатые мужчины, вдовцы с детьми до 16 лет и сыновья, бывшие единственными кормильцами вдовой матери получали по 85 центов в день. Холостые мужчины получали по 60 центов в день [4, р. 979 – 980]. 25 марта 1916 г. департамент военно-морской службы установил размеры продовольственного обеспечения (в денежном выражении) офицерам флота и военно-морского резерва, находившимся на действительной службе, которые не питались за общим столом. Согласно данному распоряжению размер выплаты составил 50 центов в день [6, р. 3131].

21 января 1915 г. был издан приказ о предоставлении так называемого «лагерного пособия» и комплекта снаряжения добровольцам канадских экспедиционных сил. Комитету Тайного совета был представлен доклад исполняющего обязанности министра милиции и обороны от 16 января 1915 г., в котором сообщалось, что от командующего канадскими отрядами на фронте британского генерала Эдвина Олдерсона была получена телеграмма с фронта. В ней указывалось на то, что на снаряжение и «лагерное» содержание британских офицеров правительство метрополии тратит по 50 фунтов. Генерал рекомендовал увеличить пособие канадским офицерам, выдаваемое на эти нужды, на 100 долларов и довести его размер до 250 долларов соответственно. Канадским министром милиции в целом согласился с высказанным предложением, но рекомендовал в случае предоставления этой дополнительной надбавки вычитать из размера пособия стоимость предметов комплекта, которые могли быть бесплатно предоставлены его ведомством. Министр также постановил, чтобы дополнительное пособие предоставлялось только тем офицерам, которые были назначены на должность в одном из контингентов и уже выехали за границу [4, р. 587].

30 января 1915 г. было опубликовано распоряжение об изменении ставок оплаты труда военнослужащих регулярной милиции, которые осуществляли защиту территории доминиона и его государственных границ. Комитету Тайного совета был представлен доклад министра милиции и обороны от 13 января 1915 г., в котором утверждалось, что унтер-офицеры и солдаты регулярной милиции жалуются «на несправедливое распределение заработной платы по сравнению с непостоянными войсками» и просят увеличить выплачиваемые им ставки. К отчету прилагалась таблица, где были показаны ставки, выплачиваемые добровольцам обеих канадских дивизий. Из нее, действительно следовало, что ставки, выплачиваемые унтер-офицерам и солдатам регулярной милиции, были значительно ниже, чем те, которые выплачивали добровольцам. Основное отличие состояло в том, что последние получали полевые надбавки, а регулярные войска – нет. Для устранения этой жалобы министр распорядился предоставить дополнительную оплату унтер-офицерам и солдатам постоянных войск, в размере 40 центов и 20 центов соответственно. Новые правила вступали в силу 1 января 1915 г. и действовали до окончания войны в отношении 2 тыс. военнослужащих регулярной милиции, из которых 600 являлись унтер-офицерами. Сметная стоимость дополнительного содержания составляла примерно 20 тыс. долларов ежемесячно [4, pp. 594 – 595].

17 сентября 1915 г. вслед за британским Адмиралтейством, установившим надбавки офицерам и солдатам, занятым кодированием и декодированием на кораблях Королевского флота, было обнародовано решение канадского военно-морского ведомства о выплате аналогичных надбавок. Технические специалисты, за исключением рядовых сигнальщиков и телеграфистов, выполнявших обязанности по кодированию и декодированию, могли получать за эту работу 5 центов в день. Офицеру, занимавшему должность начальника кодирующего штаба на корабле под командованием капитана, выплачивалось по 25 центов в день, начиная с 14 апреля 1915 г., за каждый день работы. При этом подобная доплата допускалась в отношении не более шести человек на судах любого класса, за исключением торпедных крейсеров и подводных лодок. Это распоряжение имело обратную силу, то есть распространяло свое действие с даты начала военных действий [4, р. 742].

В британском флоте все военнослужащие, поступающие на постоянную или временную службу и вынужденные задерживаться на ней после истечения срока контракта, выплачивалось пособие в размере 2-х пенсов в день в дополнение к основному окладу. Это пособие, называлось «вознаграждением за задержку» и в обычных обстоя-

тельствах не полагалось морякам, которые добровольно оставались на своих кораблях после истечения срока их контракта, морским пехотинцам или людям, ожидавшим перевода на другой корабль. Согласно распоряжению канадского правительства от 25 сентября 1915 г. следовало выплачивать «аналогичную надбавку рядовым офицерам резерва британского Королевского флота, которые поступили в Королевский военно-морской флот Канады на 5-летний период, рядовым служащим Королевского военно-морского флота Канады и пенсионерам Королевского военно-морского флота, служившим в ВМС Канады». Все добровольцы, служившие в канадском флоте, должны были получать надбавку в размере 5 центов в день в дополнение к зарплате. В отношении пенсионеров британского флота, служивших на канадских кораблях, это правило вступало в силу с 1 октября 1915 г. В отношении резервистов британского и канадского флотов это положение вступало в силу со дня, следующего за датой прекращения их соответствующих обязательств [4, pp. 753 – 754].

31 января 1916 г. был издан приказ о выплате надбавок переводчикам в Королевском военно-морском флоте Канады. В отчете министра военно-морской службы от 25 января 1916 г. утверждалось о желательности поощрять офицеров на изучение иностранных языков и рекомендовать с этой целью выплачивать пособие тем, кто демонстрировал достаточное знание немецкого, французского, итальянского и русского языков. Было принято решение о том, что офицеры должны сдавать экзамен в присутствии капитана и военно-морского инструктора опытному преподавателю выбранного языка или офицеру Королевского военно-морского флота, прошедшего обучение на переводчика. В результате сдачи экзамена соискатель имел право на получение соответствующего сертификата и привлечение его в качестве переводчика, если его услуги окажутся необходимыми. Лица, получившие сертификат имели право на дополнительную оплату в качестве исполнявших обязанности переводчиков в размере 25 центов на весь срок выполнения данных обязательств. Офицерам, получившим квалификацию переводчика и время от времени обучавших младших офицеров французскому и немецкому языку, следовало выплачивать 1,25 доллара за каждый урок, проводимый на борту канадских кораблей, при условии, что количество обучаемых офицеров было не менее 4-х человек. Уроков продолжительностью по часу каждый не должно было превышать 4-х в неделю [5, pp. 1148 – 1149].

В ходе войны департамент милиции принимал не только меры поощрительного характера, но и устанавливал ряд так называемых «штрафных» санкций за различные злоупотреб-

ления на службе. Так, в марте 1915 г. министр милиции предложил принять специальные правила в отношении лиц, которые сначала поступали на службу, но затем спустя короткое время после этого подавали заявление об увольнении. В большинстве случаев такое решение принимали не сами добровольцы, а их жены и матери, направляя в департамент милиции письменные ходатайства с просьбами освободить от службы их мужей и сыновей. Женщины активно пользовались правом, которое в самом начале войны даровал им министр милиции Сэм Хьюз, заявивший, что не позволит вербовать в армию тех добровольцев, чьи матери и жены будут выступать против этого. Последовавшая за этим лавина письменных ходатайств поставила департамент милиции в сложное положение и инициировала принятие «жесткого» решения. Суть его заключалась в том, что доброволец должен был возместить часть затрат на свое содержание. Если он направлял требование об увольнении в течение первых 3-х месяцев службы, то сумма возмещения составляла 15 долларов. Если он требовал увольнения по истечении первых 3-х месяцев службы, он должен был заплатить по 2 доллара за каждый месяц, который он не дослужил до одного года. Министр милиции считал, что таким образом добровольцы могли частично возместить расходы на экипировку и питание [4, pp. 601 – 602].

С весны 1915 г. от командующего канадскими отрядами на фронте британского генерала Эдвина Олдерсона стали поступать сообщения о непристойном поведении и пьянстве, которые царили среди солдат и офицеров канадских экспедиционных войск. По мнению командующего военное руководство доминиона должно было предпринять немедленные действия, направленные на повышение уровня дисциплины в армии. Министр милиции Сэм Хьюз пошел навстречу настойчивым просьбам генерала и весной – осенью 1915 г. выпустил серию соответствующих распоряжений. Так, в апреле 1915 г. министр постановил у канадских офицеров и солдат экспедиционных сил, уличенных в дурном поведении, вычитать из жалования определенную сумму по окончании срока их службы. При этом конкретные размеры штрафных санкций в приказе министра установлены не были [4, p. 609]. Кроме того, министр потребовал с 1 октября 1915 г. увеличить вычеты из жалования солдат, находившихся в госпиталях на лечении от венерических заболеваний, с 15 до 50 центов ежедневно [4, pp. 752 – 753]. Помимо всего прочего по мнению генерала Олдерсона главной причиной той распущенности, которая царила среди канадских солдат, был излишек денег, которые оказывались у них в руках после выплаты жалования. Действительно, по свидетельству британского лейтенанта Вайнгарда

канадские солдаты пили неразбавленный виски и могли потратить свое месячное жалование за одну ночь [7, р. 6]. Поэтому осенью 1915 г. министр принял решение выплачивать офицерам и солдатам лишь половину начисленного жалования, остальное – выдавать одной суммой по окончании срока службы. Данное правило водилось в действие с 1 января 1916 г. [4, р. 991] По статистике к 1918 г. канадское Казначейство «накопило» за счет этих сбережений порядка 300 млн. долл., что в среднем составило по 1 тыс. долларов на каждого солдата-добровольца [9, р. 35]. Экономленные таким образом средства солдаты получили в полном объеме после увольнения.

В годы войны канадское правительство принимало решение не только о повышении ставок оплаты за выполнение специальных функций, но и понижало их исходя из объективных причин. 4 ноября 1915 г. были отменены надбавки в размере от 50 центов до 1 доллара в день для поваров, портных, пекарей, мясников, водителей автомобилей, механиков, кузнецов, колесников канадских экспедиционных сил. Министр заявил, что в свое время эти доплаты были введены с целью стимулировать «мужчин этих профессий записаться на военную службу», однако к осени 1915 г. стало «целесообразным отменить эту рабочую плату, поскольку тем, кто ее получает, как правило, приходится выполнять более легкие и менее опасные задачи, чем солдатам в окопах, которые ее не получают». Более того, по прогнозам министра милиции не предвиделось никаких трудностей с набором людей данных профессий на военную службу. Поэтому министр постановил, начиная с 1 января 1916 г., отменить часть приказа от 3 сентября 1914 г. о соответствующих надбавках, и разрешить тем, кто не желал продолжать службу, уволиться, как только их вакансии будут заполнены [4, pp. 890 – 891].

В феврале 1916 г. министр милиции представил доклад, в котором сообщил о необходимости снизить ставки оплаты для штабных офицеров канадских экспедиционных сил. Он мотивировал данное предложение тем, что, во-первых, это необходимо в интересах экономии, а во-вторых, из-за несоответствия британским ставкам оплаты. Он

предложил с 1 апреля 1916 г. снизить полевое денежное содержание офицеров, составлявшее 3 доллара в день, а также отказаться от ассигнования денежной выплаты на питание в размере 1 доллара ежедневно. По закону, утвержденному губернатором 7 марта 1916 г., впредь по 3 доллара в день «полевых доплат» могли получать только бригадные генералы. Подполковники и полковники могли рассчитывать на выплату в размере 2 долларов, майоры – на 1,5, офицеры в ранге ниже майорского – на 1,25 доллара в день [5, pp. 1285 – 1286]. Спустя две недели по рекомендации министра милиции генерал-губернатор утвердил закон, по которому все предыдущие нормативно-правовые акты, касавшиеся ставок оплаты офицеров канадских экспедиционных сил аннулировались. Вместо них вводился единые инструкции, датированные 22 марта 1916 г. и вступившие в силу с 1 апреля 1916 г. [5, pp. 1347 – 1350]

В апреле 1916 г. в соответствии с рекомендацией главного казначея канадского экспедиционного корпуса был издан приказ, ограничивающий максимальный размер военного жалования рядовым и унтер-офицерам, сражавшимся на фронте. С 1 мая 1916 г. максимальная сумма жалования, которая могла быть назначена унтер-офицерам или рядовым экспедиционных сил, не могла превышать 20 долларов в месяц, то есть соответствовала 20-дневной оплате по званию (без учета полевого довольствия) на человека месяц. Все действовавшие ранее выплаты заработной платы, «превышавшие этот максимум, были уменьшены до надлежащей суммы», начиная с 1 мая 1916 г. [5, pp. 1756 – 1757]

Выводы. В годы Первой мировой войны материальное обеспечение добровольцев канадских экспедиционных сил и флота являлось неотъемлемой частью социальной политики, проводимой властями доминиона. Она представляла собой систему мер, направленных на возмещение для этих категорий населения ограничений и тягот военной службы, и в некоторой степени поднимала в обществе престиж военной службы. Она также представляла собой важную основу для поддержания на высоком уровне морального духа войск, вселяла в них уверенность в том, что государство на должном уровне гарантирует материальное обеспечение их жизни и быта.

Список литературы

1. Allowance for Canadians // Blairmore Enterprise. October 15th 1915. – P. 5.
2. Army Medical Corps Instructions, General Orders, Militia Orders and Précis of Headquarters Letters Bearing upon the Administration of the Canadian Army Medical Service. Published between August 6th 1914 and December 31st 1916. Ottawa: Government Printing Bureau, 1917. – 232 p.
3. Copies of Proclamations, Orders-in-Councils and Documents Relative to the European War. Compiled by the department of The Secretary of State of Canada. First Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau, 1915. – Pp. 210 – 526. Appendices. – Pp. 144 – 350.
4. Copies of Proclamations, Orders-in-Councils and Documents Relative to the European War. Com-

piled by the department of The Secretary of State of Canada. Second Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau, 1916. – Pp. 527 – 1050. Appendices. – Pp. 351 – 537.

5. Copies of Proclamations, Orders-in-Councils and Documents Relative to the European War. Compiled by the department of The Secretary of State of Canada. Third Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau, 1917. – Pp. 1051 – 1951.

6. Department of the Naval Service, Royal Naval Reserve Officers' Messing Allowance // *Canada Gazette*. March 25th 1916. – P. 3131.

7. Men from Canada // *The Bassano Mail*. March 4th 1915. – P. 6.

8. Morton D. The Headlines of August 1914: the Great War Comes to Canada // *Policy Options*. February 2005. – Pp. 105 – 111.

9. Morton D. *Fight or Pay: Soldiers' Families in the Great War*. – Vancouver, B.C.: UBC Press, 2004. – xvii, 326 p.

PAY AND ALLOWANCES OF CANADIAN MILITARY AND NAVAL FORCES IN THE FIRST WORLD WAR

The paper studies the Canadian government's policy in the field of material support for volunteers who enlisted in the Canadian Expeditionary Forces and the Navy during the First World War. It limits the chronological scope of the work to the period of August 4, 1914 – August 29, 1917. On August 4, 1914 Canada's entry into the war, and on August 29, 1917 the universal conscription was introduced in the country. In fact, it limits the presentation of events to the spring of 1916, when the basics of material support for Canadian volunteers were finally settled. It traced the evolution of government policy in the field of assigning monetary allowances to persons who served in the Canadian Expeditionary Force and in the Navy. It paid particular attention to legislative measures for the material support of volunteers. In general, during the First World War, material support for volunteers of the Canadian Expeditionary Forces and Navy was an integral part of the social policy pursued by the dominion authorities. It represented a system of measures aimed at compensating these categories of the population for the restrictions and hardships of military service, and to some extent raised the prestige of military service in society. It also represented an important basis for maintaining the morale of the troops at a high level and instilled in them confidence that the state guaranteed material support for their lives and everyday life.

Keywords: history of Canada, First World War, pay and allowances of the Military and Naval Forces of Canada, Canadian Expeditionary Force, Canadian Navy.

References

1. Allowance for Canadians // *Blairmore Enterprise*. October 15th 1915. – P. 5.

2. Army Medical Corps Instructions, General Orders, Militia Orders and Précis of Headquarters Letters Bearing upon the Administration of the Canadian Army Medical Service. Published between August 6th 1914 and December 31st 1916. Ottawa: Government Printing Bureau, 1917. – 232 p.

3. Copies of Proclamations, Orders-in-Councils and Documents Relative to the European War. Compiled by the department of The Secretary of State of Canada. First Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau, 1915. – Pp. 210 – 526. Appendices. – Pp. 144 – 350.

4. Copies of Proclamations, Orders-in-Councils and Documents Relative to the European War. Compiled by the department of The Secretary of State of Canada. Second Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau, 1916. – Pp. 527 – 1050. Appendices. – Pp. 351 – 537.

5. Copies of Proclamations, Orders-in-Councils and Documents Relative to the European War. Compiled by the department of The Secretary of State of Canada. Third Supplement. Ottawa: Government Printing Bureau, 1917. – Pp. 1051 – 1951.

6. Department of the Naval Service, Royal Naval Reserve Officers' Messing Allowance // *Canada Gazette*. March 25th 1916. – P. 3131.

7. Men from Canada // *The Bassano Mail*. March 4th 1915. – P. 6.

8. Morton D. The Headlines of August 1914: the Great War Comes to Canada // *Policy Options*. February 2005. – Pp. 105 – 111.

9. Morton D. *Fight or Pay: Soldiers' Families in the Great War*. – Vancouver, B.C.: UBC Press, 2004. – xvii, 326 p.

Об авторе

Симоненко Екатерина Сергеевна - кандидат исторических наук, доцент, Приморский государственный аграрно-технологический университет (Россия) E-mail: eka-1982.82@mail.ru

Simonenko Ekaterina Sergeevna – PhD in History, Associate Professor, Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorsky State Agrarian-Technological University (Russia). E-mail: eka-1982.82@mail.ru

УДК 93/94

Тихомиров Н.В., кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В ОТЧЕТАХ СТУДЕНТОВ ВКСХУ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена анализу деятельности учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова в ходе производственной практики в сельскохозяйственных организациях центрального Черноземья на завершающем этапе социалистической перестройки села. В основу работы положены сведения отчётов, подготовленных студентами ВКСХУ для учебной части университета. Источниковую базу составили документы весенней практики 1936 г. Предметом исследования явился комплекс отношений, характеризующих повседневность работников колхозов, совхозов и МТС в указанный исторический период. Актуальность работы обусловлена малой изученностью данного круга вопросов, а также обращением автора к документам, которые прежде не привлекались для решения такого рода задач. Впервые в научный оборот вводятся материалы, ранее не востребованные в исследованиях, посвящённых проблемам коллективизации в СССР, а также колхозной повседневности периода второй пятилетки. Информационный потенциал источника позволяет исследовать жизнь колхозных крестьян в бытовом, хозяйственном, культурном измерениях. Показано, какую роль сыграли молодые специалисты в налаживании работы артелей и МТС в областях российского Черноземья. Полученные выводы призваны расширить источниковую базу научных исследований, посвящённых проблемам социалистического преобразования села в 1930 гг., уточнить представления об особенностях создания и функционирования колхозов. Результаты проделанной работы служат углублению научного понимания процессов, связанных с перестройкой деревни и местом в этих процессах учащихся коммунистических вузов СССР.

Ключевые слова: история повседневности, коллективизация, колхозы, коммунистический вуз, крестьянство.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-166-173

Введение. Объектом исследования является производственная практика учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова (ВКСХУ). Данный вид деятельности составлял неотъемлемую часть обучения в коммунистических вузах СССР, подразделяясь на городскую и сельскую практику [8]. С преобразованием названных учебных заведений в коммунистические сельскохозяйственные университеты [9] упор был сделан всецело на работу в сельской местности.

Источниковую базу нашей работы составили отчёты студентов-свердловцев по итогам весенней практики середины 1930-х гг., периода, о котором в историографии закрепилось представление как о времени завершения социалистической перестройки деревни, т.е. окончания колхозного строительства [6, с. 64]. Названные документы отложились в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и до настоящего времени не были востребованы исследователями.

Ограничения, обусловленные характером настоящей публикации, требуют сужение временных рамок и предметной области исследования. При подготовке статьи использованы материалы за 1935-1936 учебный год. Это корпус из нескольких десятков отчётов, составленных практикантами в вольной форме и с различной степенью подробности отражающих структуру и содержание их деятельности. Таким образом, наше внимание было сосредоточено на событиях, знаменующих последний этап колхозного строительства и поз-

воляющих составить общее представление о состоянии дел в данной области. Пространственно-географические рамки исследования охватывают регион центрального Черноземья РСФСР, что даёт возможность подробно рассмотреть характерные явления колхозной жизни в указанный период на конкретных примерах.

Студенческие отчёты представляют познавательный интерес как отразившие разные стороны социально-экономической и культурно-бытовой жизни колхозных крестьян, которые на текущий момент сравнительно слабо изучены и скудно представлены в научной литературе [5, с. 13]. Данная работа призвана частично восполнить имеющиеся лакуны в области представлений о колхозной повседневности для вышеуказанного хронотопа. Кроме того, отчётные материалы позволяют изучить, как происходила работа студентов среди сельского населения, какую роль сыграли молодые политработники в деле колхозного строительства на его заключительном этапе.

Процесс коллективизации села изначально предполагал широкое привлечение сил горожан-коммунистов из числа пролетариата, комсомольцев, студентов комвузов и др. [4, с. 100]. Студенты середины 1930-х гг., в отличие от активистов-коллективизаторов начала «великого перелома», отправлялись в сельскую местность не создавать колхозы, а налаживать работу того, что уже было создано, но существовало с изъянами и перекосями. Молодых коммунистов изначально готовили как будущих управленцев [3, с. 100], а после

преобразования большей части комвузов в сельскохозяйственные вузы – как «организаторов социалистического земледелия» [2, с. 144]. Потому важным аспектом их обучения было закрепление полученных знаний, умений и навыков посредством решения конкретных прикладных задач.

Прохождение практики было приурочено к весеннему севу. Молодые люди отправлялись в колхозы в разгар подготовки и проведения посевных работ. Это создавало наилучшие условия для того, чтобы непосредственно ознакомиться с приёмами и методами сельскохозяйственной деятельности, использованием машинной техники, организацией сельского труда.

Результаты и их обсуждение. Сведловцы осуществляли свою деятельность в качестве парторгов, инструкторов райкомов, заместителей директоров МТС. Они выполняли на местах разнобразную работу: идеологическую, культурно-воспитательную, организационную. Студенты-практиканты наделялись подчас обширными полномочиями, а в отдельных случаях оказывались перед необходимостью фактически замещать те должности, на которые первоначально не предназначались. Так, студент Мишин, проходивший практику на МТС Моршанского района Воронежской области, был вынужден работать фактически за директора и заместителя директора станции, поскольку те отошли от дел более полугода назад [1, л. 29 об.]. Практикант Ключкин, попавший помощником директора на одну из МТС Курской области, «почти всё время» исполнял обязанности своего начальника, поскольку тот находился в командировке. Станция была только что организована и не имела в штате ни одного тракториста. Поэтому студенту пришлось также возглавить и «фактически руководить» двухмесячными курсами, на которых удалось подготовить 74 тракториста, 10 севцов и 17 учетчиков [1, л. 42].

Обязательным элементом производственной практики являлась массовая политработа, сопряжённая, прежде всего, с чтением лекций и проведением бесед в русле внутренней и международной повестки; практиковались громкие читки газет. Этой работой старались охватить разные категории работников: рядовых колхозников, местный актив комсомольцев и коммунистов, просветителей (учительство, заведующих избами-читальнями и красными уголками); особое внимание уделялось работе с женским населением. Среди тем, поднимавшихся в обсуждениях, были: значение 1 мая [1, л. 5 об.], интервью И.В. Сталина Р. Говарду в 1936 г., его же выступление на совещании передовых комбайнёров в декабре

1935 г., программа ВКП(б) [1, л. 73 об.] и многие другие. Там, где это требовалось, практиканты вели беседы антирелигиозной направленности, разъясняли суть и задачи стахановского движения и движения пятисотниц [1, л. 51 об.]. В качестве опорных материалов нередко использовались газетные публикации [1, л. 84 об.].

Особое внимание студенты уделяли разбору и разъяснению колхозникам нового устава сельскохозяйственной артели, принятого взамен прежнего документа.¹ Исследователи называют этот упомянутый устав манифестом «колхозного нэпа», подчёркивая заявленные в нём имущественные и дисциплинарные послабления крестьянству [10, с. 146]. Однако нередко руководители районов и колхозов, продолжая традиции коллективизаторов начала 1930-х гг., широко применяли административное принуждение, подчинённое по-своему понятой ими целесообразности. В отчётах они нередко указывали на выявленные ими нарушения устава. Так, один из практикантов отмечал: «В районе вообще и в массиве моей машинно-тракторной станции грубо нарушался сталинский устав сельскохозяйственной артели» [1, л. 42]. Это могло выражаться в грубом принуждении к вступлению в колхоз, притеснениях работников со стороны руководства. Кое-где мели место злоупотребления в пользу единоличников. Одному такому хозяйству, имевшему приусадебный участок в 0,49 га, прирезали от общего массива колхозной земли ещё 0,17 га [1, л. 50].

Борьба за проведение в жизнь положений нового колхозного устава была неразрывно связана с наведением общего порядка в отношениях рядовых работников с руководством артелей. Здесь практиканты подчас обладали заметным влиянием в решении кадровых вопросов на местах. Студент Бодров отчитывался: «По моему настоянию снят с работы за бесхозяйственность и пьянство завхоз колхоза им. Ворошилова» [1, л. 41]. Студент Ключкин добился «обновления» руководства 7-ми колхозов в районе прохождения практики и отдачи под суд ряда их председателей «за растраты и избиение колхозников» [1, л. 42 об.]. Практикант Камышов также добился снятия с должности и отдания под суд председателя колхоза. Для этого он «провёл большую работу», изучая заявления колхозников о «фактах преступной деятельности» председателя [1, л. 43 об.]. Трудно предполагать, где были сосредоточены указанные заявления – в правлении колхоза или в районном комитете ВКП(б). Однако показательно, что лишь вмешательство предприимчивого практиканта обеспечило ход накопившимся жалобам.

¹ Примерный устав сельскохозяйственной артели был принят Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утверждён СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17.02.1935 г.

Порой свердловцам приходилось бороться с вопиющим произволом в работе местного руководства. Студент Стародумов сообщал о «перегибах» в Ясеновском районе Курской области, которые выражались в незаконном обложении единоличников сельхозналогом, насильственном отбирании скота, ломке хат, расхищении крестьянского имущества и «травле колхозников на единоличников» [1, л. 49-49 об.]. О том, как осуществлялось последнее, автор не сообщал. Однако перечисленные обстоятельства позволяют заключить, что привлечение селян в колхозы происходило подчас грубо и ожесточённо, на единоличников давили нравственно, их собственность изымалась или портилась. Показательно, что практиканты выступали в данном случае проводниками ненасильственных методов работы с колеблющимися либо не признающими колхозов крестьянами. В отличие от первой волны коллективизаторов, они были лучше ориентированы по части принципов и методов устроения социалистического хозяйства.

Иногда, впрочем, разумность проводившихся студентами решений вызывает сомнения. Тот же Стародумов сообщал, что с помощью комсомола «изгнал с работы» секретаря сельсовета, который грубил посетителям, обращавшимся к нему за разъяснениями, а также выдавал справки кулакам, «именуя их середняками» [1, л. 50]. В данном случае просматривается закономерная склонность автора доверять молодым коммунистам в их споре с местной бюрократией. Однако остаётся неясным, какими соображениями пользовалась каждая из сторон в определении неназванных лиц как середняков или кулаков. Ещё более сомнительным выглядит указание на грубость уволенного секретаря, о чём практиканту было известно опять же лишь со слов комсомольских активистов. Таким образом, представленный материал позволяет предположить, что свердловцы, пускай невольно, могли сами потворствовать произволу вследствие идейно-предвзятого отношения к некоторым группам населения.

Примечателен случай, описанный студентом Топчианом, проходившим практику в Глазковском районе Воронежской области. Он «расследовал состояние работы» одного из колхозов по «материалам селькоров» (надо думать, опубликованным в местной газете), в которых обвинялся лично председатель колхоза. Разобравшись в деле, практикант пришёл к выводу, что материал в основном носил «характер склоки», будучи нацелен «ошельмовать единственного кандидата партии в колхозе» в лице его председателя. Сам же селькор оказался «лодырем и подкулачником, и взяточником» [1, л. 75].

В других случаях студенты получали сведения о вполне конкретных злоупотреблениях. Так,

было выявлено, что руководство колхоза в Большесолдатском районе Курской области совершило перерасход 26000 рублей и не заприходовало 96 центнеров зерна для выдачи за трудодни. При этом колхозники за якобы полученное зерно расписались в документах [1, л. 98]. Как видно, практиканты зачастую должны были действовать в пределах самой широкой компетенции, решая вопросы организационного, просветительского, финансово-отчётного и этического характера.

Иной раз, проявляя напористость в избличении нарушителей и критике устоявшихся порядков, студенты оказывались в конфликте с местными руководителями. Бригада практикантов, работавшая в Чернянском районе Курской области, отмечала проявления неприязни к ним со стороны районного руководства: «стали бояться, избегать и презирать. Работой нашей почти не интересовались, мнений наших не слушалось и советов не давалось. Совещаний с нами не проводилось, и на бюро не вызывали. На наши предложения были только соглашения и выражения: “проводите, мы не возражаем”». Причиной, как утверждали студенты, явилось то, что ими были «вскрыты факты грубого нарушения революционной законности», устава сельхозартеля, «извращения в финансово-налоговой политике» и поставлены соответствующие вопросы на районном партсобрании и в присутствии председателя Обкома [1, л. 64].

Здесь, как и в описанных ранее случаях, мы не можем быть уверены в том, насколько точно автор отразил действительность, и что понималось им под «извращениями» и «нарушениями». Вместе с тем видится вполне вероятным, что колхозные, а равно районные руководители пользовались неправовыми методами. Что неудивительно в условиях, когда новая культура управления ещё пребывала в процессе незавершённого становления. В этих условиях студенты ВКСХУ как носители систематически усвоенных правил постановки работы в колхозе нередко наталкивались на сопротивление сельской среды, инертной и чуждой социалистическим нововведениям. Эта среда, представленная рядовыми колхозниками, руководством артелей, а подчас и районными управленцами, становилась для свердловцев как объектом наблюдения, так и объектом воспитательного воздействия.

Практиканты не только выступали перед артельщиками с лекциями и докладами, но также готовили кадры для просветительской работы из числа местных выдвиженцев. Студентка Тышковская отбирала чтецов для громкого чтения газет работникам [1, л. 85]. Её коллега Судаков во вверенных ему трудовых коллективах выделил и наставлял работников для проведения политических бе-

сед и читок в бригадах [1, л. 12]. Студент Калтахчян также способствовал организации читок в колхозах, инструктировал сотрудников красных уголков, помогал им в работе по выпуску стенгазет и устройению вечеров самодеятельности [1, л. 95]. Практикантка при одной из МТС Воронежской области для повышения «политического и культурного уровня трактористов» не только выделила в каждой бригаде чтецов-комсомольцев, но добилась обеспечения каждого тракторного отряда библиотеками и журналами, организации двух библиотек-передвижек [1, л. 16-16 об.].

При этом свердловцы отмечали порой крайне низкий уровень политической грамотности среди сельских коммунистов (как и уровень их грамотности в целом). Учащийся Худяков, проходивший практику в Беленихинском районе Курской области, выяснил, что из 54 коммунистов района, с которыми он беседовал, читали произведения Ленина только четверо, Сталина также «читали очень мало». Художественную литературу читали 7 человек, «и то 1-2 книжки, остальные 47 совершенно не читали». Даже заведующий районным отделом народного образования, как выяснилось, «не прочел ни одной книжки из художественной литературы» [1, л. 70]. Студент Калтахчян, оценивая постановку культурно-массовой работы в Пименовском районе Курской области, указывал, что руководители красных уголков при колхозах «малограмотны, а политически почти неграмотны». Он описал курьёзный случай, когда в беседе с одним из таких работников осведомился, читает ли тот газеты, и, получив утвердительный ответ, спросил, с кем ведёт войну Италия. Работник ответил, что с Польшей [1, л. 94 об.].

Такое положение дел свидетельствует, что складывание новых институций в сельской местности значительно опережало рост культуры общественных деятелей и ответственных работников на местах. Активисты-выдвиженцы, формально изменившие свой статус в обществе – вступившие в партийные ряды и занявшие должности во властных структурах – подчас не успели либо не пожелали перешагнуть рамки прежней интеллектуальной ограниченности.

Помимо идейного наставничества, студенты прилагали усилия к общему повышению культурного уровня сельского населения. Важной задачей становилось приобщение селян к общественно полезному времяпрепровождению. Например, практикантка Кажбанова, работавшая при МТС в Свободнинском районе Курской области, обеспечила закупку книг, домино и шашек для рабочих бригад. Её же стараниями был учреждён драмкружок, проведена посадка деревьев на стадионе, налажена работа среди пионеров [1, л.

100 об.]. Практиканты старались посылно участвовать в обновлении быта сельских работников. Студент Новиков, трудившийся в Сосковском районе Курской области, посещал квартиры женщин-коммунисток, помогая тем «наладить работу над собой» и «перестроиться в культурном отношении» [1, л. 44 об.]. Его коллега в совхозе Воронежской области провела «декадник чистоты», организовав уборку дворов и вывоз мусора; при её участии было оборудовано общежитие трактористов и начала работать общественная баня [1, л. 85 об.]. Другая практикантка, курировавшая в той же области работу МТС, обеспечила прикрепление к тракторным бригадам постоянных кухарок из колхозов, а для трактористов организовала медосмотр перед выходом на работу [1, л. 16 об.].

Под руководством студента Мишина при Моршанской МТС были оборудованы «культурные будки» для трактористов. Для проведён ремонт и дополнительное сооружение бытовых помещений; для нужд работников заготовлены чистые матрацы, полотенца, умывальники, зубные щётки, приобретены зеркала и бритвы. Чтобы трактористы проводили досуг с пользой, пять будок снабдили эфирными радиоустановками; кроме того на каждого работника было выписано по номеру местной газеты «Большевик», а на каждую будку – по номеру областной газеты «Коммуна» и центральных изданий «Правда» и «Известия» [1, л. 30]. По признанию самого практиканта, обустройство будок «стоило очень много трудов», однако того требовала конечная цель – «сделать стахановской МТС и, кроме того, чтобы данная МТС была рентабельна» [1, л. 31 об.].

Создавая условия и прививая в колхозах культурные формы отдыха и досуга, студенты вели борьбу с пороками, распространёнными в сельских сообществах. Среди таковых в отчётах чаще всего упоминается пьянство. Пили руководители колхозов, бригадиры, рядовые работники и даже комсомольцы [1, л. 101]. Один из авторов отмечал: «Среди части районных работников, большей части сельских работников сильно развито безудержное пьянство, доходящее до преступления» [1, л. 78-78 об.].

Такое положение вещей можно объяснить рядом обстоятельств. Играло свою роль и отсутствие ясных представлений о перспективах собственной работы, чётких представлений о выгоде ответственного отношения к труду. Отсюда происходил упадок трудовой дисциплины и как следствие – безалаберное поведение в быту. Люди, не имевшие строгого распорядка дня и не считавшие себя обязанными к выполнению общественно значимой работы, легко предавались пьянству как одному из привычных занятий и доступных удо-

вольствий. На это накладывалось отсутствие привычки к иным способам времяпрепровождения. Оба названных обстоятельства практиканты пытались удалить из общественной жизни.

Потому ещё одним важным направлением деятельности свердловцев становилась перестройка трудовых отношений в среде сельских работников, поднятие трудовой дисциплины. Это являлось обязательным условием для достижения высоких показателей производительности труда в колхозах, подспудно способствуя улучшению нравственного облика колхозников. Одной из объявленных задач работы с колхозным населением в это время было развитие ударничества, стахановского движения. Однако зачастую практиканты сталкивались с необходимостью разъяснить крестьянам хотя бы общие принципы рациональной организации полевых работ. Потому в общении с колхозниками студенты выступали не только проповедниками новых убеждений и нравственных ценностей, но также учителями в практической работе. Знания, умения и навыки, приобретённые во время учёбы, позволяли молодым людям успешно решать насущные проблемы колхозной жизни. Студент Поздеев инструктировал работниц Белихинского района Курской области о применении удобрения на участке посадки сахарной свёклы [1, л. 62]. Студент Камышов самостоятельно привёл в действие колхозную сеялку, которая прежде простаивала как неисправная, не будучи задействованной в полевых работах [1, л. 43 об.]. Этот эпизод иллюстрирует и подтверждает высказываемое историками положение о том, что колхозники зачастую пренебрежительно относились к машинам и механизмам [7, с. 173].

То же касалось колхозного имущества вообще. Практикант Калтахчян из Пименовского района Воронежской области отмечал «бесхозяйственное отношение к социалистическому труду, расхлябанность и распад труддисциплины» в ряде колхозов. Последнее выражалось в том, что почва под посевы плохо обрабатывалась, несколько гектаров колхозного поля остались нескошенным, сено погибло под дождем. Правление колхоза не делало выводов из понесённых потерь, и в новом хозяйственном году «самотек, бесхозность, обезличка опять являлись стилем работ». Колхозные лошади не чистились, кобылицы за неимением производителя остались яловыми, скот кормился на стогу самовыпасом, инвентарь всю зиму пролежал на улице под снегом. Как следствие артельное хозяйство несло ощутимые убытки: к примеру, в колхозе «II пятилетка» вследствие отсутствия ухода за скотом из 34 лошадей 5 оказались «совершенно забракованы», а из оставшегося поголовья половина была лишь отчасти годной к использованию [1, л. 95 об.].

Студент, работавший партторгом в Пристенском районе Курской области, рисовал удручающую картину состояния хозяйства одного из колхозов. Исходно артель имела хорошие материальные условия и возможности для успешной производственной деятельности. Однако «бездеятельность правления и особенно председателя» довела колхоз «до худшего состояния». Работники пьянствовали, все сельскохозяйственные машины были «поломаны до основания», погублены 9 из 56 лошадей, хлеб и другое колхозное имущество разворовывалось (дошло до того, что член правления продал для собственной выгоды амбар, обошедшийся колхозу в 200 рублей). Дошло до того, что председатель колхоза, кандидат ВКП(б), не видя возможности что-либо исправить, выбросил печать и уехал, заявив, что больше не вернется в колхоз [1, л. 99].

Студентка Тышкова, отмечала, что в её зерносовхозе дело ремонта сельскохозяйственного инвентаря обстоит «угрожающее». Причинами автор указала обезличку и отсутствие трудовой дисциплины. Для исправления положения ей понадобилось наперво провести «ликвидацию обезлички» и добиться выполнения дневных заданий работниками; после состоялись 12 коротких производственных совещаний с начальниками агрегатов для выявления недочетов и их причин, составления перечня недостающих запчастей. В итоге ремонт оборудования был произведён успешно, хотя с задержкой, что было вызвано малым штатом рабочих, занятых в разных мастерских и нехваткой запасных частей. Вдобавок совхоз не получил в срок требуемые сельскохозяйственные машины, поэтому для обеспечения посевной кампании потребовалось «восстановить из утиля» 7 сеялок и «местным способом переконструировать» 5 культиваторов и 12 плугов [1, л. 85].

В этом примере заметно безразличие сельских работников к проблеме материального обеспечения и связанного с ним качества труда. Имевшийся у организации потенциал был задействован лишь благодаря настойчивости и предприимчивости практиканта. Так студенты не только привносили в работу колхозов, совхозов и МТС рационализаторское начало, но и способствовали повышению сознательности крестьянства. В некоторых местах наблюдались улучшения в отношении работников к материальным фондам колхозов. Студент Зеленков, руководивший партийно-массовой работой при воронежском свеклосовхозе, отмечал, что «рабочие, в частности трактористы-прицепщики, бережно относятся к инвентарю и вверенному им имуществу, тогда как в 1935 г. расхищено на 35 тысяч рублей мелкого имущества» [1, л. 72].

Крупную проблему составляло незнание колхозниками правил и приёмов проведения разных видов работ либо пренебрежение ими. Это вынуждало практикантов непосредственно включаться в полевые работы и руководить ими. Студент Паршутин с начала практики должен был присутствовать на полях, чтобы проследить за качеством сева и заделкой семян [1, л. 48]. В колхозе «Власть советов» Стрелецкого района Курской области с началом посевных работ была перевыполнена пахотная норма; однако достигнуто это было за счёт недопустимо мелкой вспашки глубиной 6-10 см. Практикант Калтахчян был вынужден добиваться запрета такого подхода на уровне сельсовета. При этом он сохранил сомнение относительно готовности колхозников следовать правильным предписаниям в будущем [1, л. 95 об.]. Наблюдения студентов говорят о том, что в ряде мест колхозники были не готовы воспринимать научно обоснованный подход к работе как предпочтительный. И переломить эту установку в сознании сельского общества было весьма затруднительно.

Одним из больных вопросов колхозной жизни являлось начисление трудодней работникам, что в свою очередь было связано с постановкой дела учёта нормы выработки каждым человеком за сутки. Студенты обращали внимание на несвоевременность внесения соответствующих записей в трудовые книжки, пренебрежение принципами и правилами учёта. Так, в Свободнинском районе имели место случаи, когда трудодни записывали через месяц и более после выполнения колхозником работы [1, л. 48]. В колхозах Пименовского района Воронежской области сложилась удручающая обстановка в деле оплаты трудодней работникам. В 1935 г. из 10 имевшихся колхозов только колхоз «Большевик» мог дать на трудодень 4,1 кг зерном, остальные же – лишь порядка 1,1-3 кг. Худшие результаты показали колхозы «Трудолюбие» и «II пятилетка», которые дали на трудодень 1 кг зерном, «а деньгами ничего не получили» [1, л. 95 об.]. В одном зерносовхозе Воронежской области образовалась проблема с оплатой труда подённых работников. Те проработали всё лето в 1935 г., но не получили ни копейки, поскольку записи о выполненной работе попросту не велись [1, л. 85 об.]. Запущенность хозяйства в одном из колхозов привела к тому, что работники получали лишь 200 гр. хлеба на трудодень, тогда как в соседних артелях выдавали по 1,5–2 кг хлеба. Это привело к сплошному отказу от колхозной работы, и к тому, что в начале посевной кампании «колхозная масса была без движения, занималась самогонварением» [1, л. 99].

Описанные случаи выглядят вопиющими и вызывают удивление. Но приходится признать, что дело учёта и контроля даже на столь примитивном

уровне в ряде мест было поставлено совершенно негодным образом. Главной причиной тому видится отсутствие у крестьян привычки и склонности к рациональному планированию своей деятельности. Показательно, что сами работники, чей труд оставался неоплаченным, были скорее склонны винить в этом колхозную систему как таковую, нежели элементарное отсутствие учётных записей. Так, на общем собрании одного из колхозов Круглинского сельсовета Воронежской области, некая колхозница, бывшая при том членом сельсовета, яро выступила против комбайнов и тракторов. Женщина обвиняла МТС в том, что та якобы забирает весь урожай, и у колхозников так «никогда хлеба не будет». Решение проблемы выступавшая видела в отказе от машин и возвращении к прежнему способу хозяйствования: «если бы у нас было много лошадей, то другой дело». Обыкательское мышление по наитию связывало жизненные невзгоды с малопонятными новшествами. Студенту, присутствовавшему на упомянутом собрании, пришлось основательно растолковывать колхозникам роль механизации в повышении урожайности, на что те заявили, что «так подробно им не была разъяснена выгодность работы МТС». После этого доверие крестьян к МТС и её сотрудникам ощутимо выросло [1, л. 80].

Отчёты практикантов свидетельствуют, что им удавалось на местах разрешать серьёзнейшие противоречия. Так, в колхозе, работа которого была фактически разрушена, а население погрязло в пьянстве, молодой партработник за два месяца сумел добиться положения, когда «вместо сплошного отказа от колхозных работ, за исключением отдельных случаев основная масса колхозников сами приходят к бригадиру и просят работы» [1, л. 99 об.]. Данный случай показывает, что проблема хозяйственной отсталости артелей была зачастую вызвана отсутствием организации в не самых сложных её формах. Практики, представляющиеся самоочевидными современному, рационально организованному, сознанию, часто оставались недоступны сознанию сельского обывателя середины 1930-х гг., продолжавшему жить глубоко традиционными представлениями о труде. Потому даже простые приёмы организации производственной деятельности, контроля и отчётности нередко позволяли коренным образом изменить состояние дел в колхозе, превратить отсталую артель в бойко развивающуюся. Материальное благополучие колхозов и колхозников находилось в прямой зависимости от их трудовой дисциплины и желания селян участвовать в колхозной работе.

Иногда, впрочем, работать по старинке колхозникам приходилось по причине недостаточной технической оснащённости. Так, в Свободнинском районе Курской области действовала только одна МТС,

обслуживавшая в первую очередь площади, находящиеся под посевами сахарной свеклы и конопли. Посев других культур: пшеницы, ячменя и овса, – приходилось производить ручным способом [1, л. 48].

Заключение (выводы). В своих отчётах некоторые практиканты отмечали ощутимые перемены в хозяйственной жизни на местах, в сравнении с тем, что могли наблюдать на заре колхозного строительства. За истекшее время артели стали многолюдней, улучшилась их оснащённость и материальная обеспеченность, сложилась производственная направленность [11, с. 114]. Кроме того, усложнились формы организации и управления артельным производством, повысились требования к руководителям на местах. «Это не то, что когда мы работали в 31-32 году»¹, – заключал один из студентов [1, л. 60 об.].

Как видно из отчётов, их авторы выполняли на селе самые разные функции, причём иногда неожиданные для них самих. В ходе работы они набирались опыта и делились полезными знаниями с колхозниками. Деятельность учащихся

ВСКХУ была неразрывно связана с продолжавшимся в стране процессом колхозного строительства, вышедшим на завершающую ступень. Студенты в сельской местности становились посредниками между сельскохозяйственными артелями, МТС, районным руководством, а иногда и правоохранительными органами. Они приносили в деревню модели рационального хозяйствования и плодотворного взаимодействия звеньев структур власти разного уровня, способствовали налаживанию работы в колхозах, встраиванию их в систему советской экономики.

Эта сторона колхозного строительства до сих пор слабо освещена в исторических исследованиях. Деятельность учащихся комвузов по налаживанию и оздоровлению социально-экономических отношений в колхозах остаётся, по сути, незаметным сюжетом. В этой связи остаётся неполным и понимание проблем, тормозивших развитие артельного хозяйства, делавших его малоэффективным и рождавших ряд социальных противоречий в среде сельского населения.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (Р). Ф. 5221. Оп. 25. Д. 5.
2. Ергин Ю.В. Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 5. С. 141–151.
3. Иванцов И.Г. Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере Северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 99–105.
4. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.
5. Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с.
6. Мельникова Т.А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61-70.
7. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: ТГУ, 2003. 283 с.
8. Панин Е.В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада). [Текст]. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (дата обращения: 14.09.2023).
9. Постановление ЦК ВКП(б) от 21.IX.32 г. Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ. Приложение № 2 к п. 27/15 пр. ПБ № 117. [Текст]. URL: <https://istmat.org/node/57567?ysclid=lp8iagdazq409736784> (дата обращения: 21.11.2023)
10. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 422 с.
11. Цубикова Л.С. Устав сельскохозяйственной артели 1935 г.: содержание и реализация (по материалам Восточной Сибири) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 113–121.

THE FINAL STAGE OF COLLECTIVE FARM CONSTRUCTION IN THE CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE REPORTS OF VKSU STUDENTS ON INDUSTRIAL PRACTICE

The article is devoted to the analysis of the activities of students of the All-Union Communist Agricultural University named after Y.M. Sverdlov during industrial practice in agricultural organizations of the central Chernozem region at the final stage of the socialist restructuring of the village. The work is based on the data of reports prepared by students of the VKSU for the academic part of the university. The source base was made up of documents of the spring practice of 1936. The subject of the study was a complex of

¹ Имеется в виду учебный год.

relations characterizing the daily life of employees of collective farms, state farms and MTS in the specified historical period. The relevance of the work is due to the low level of study of this range of issues, as well as the author's appeal to documents that have not previously been involved in solving such problems. For the first time, materials that were not previously in demand in research on the problems of collectivization in the USSR, as well as collective farm everyday life during the second five-year plan, are being introduced into scientific circulation. The information potential of the source makes it possible to study the life of collective farm peasants in everyday, economic, and cultural dimensions. It is shown what role the young specialists played in establishing the work of artels and MTS in the regions of the Russian Black Earth region. The conclusions obtained are intended to expand the source base of scientific research on the problems of socialist transformation of the village in the 1930s, to clarify ideas about the specifics of the creation and functioning of collective farms. The results of the work done serve to deepen the scientific understanding of the processes associated with the restructuring of the village and the place in these processes of students of communist universities of the USSR.

Keywords: the history of everyday life, collectivization, collective farms, communist university, peasantry.

References

1. State Archive of the Russian Federation (SARF). F. 5221. List. 25. fol. 5.
2. Ergin, YU.V. (2008) Bashkirskij kommunisticheskij universitet (1931–1939) [Bashkir Communist University (1931-1939)]. Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana [Pedagogical Journal of Bashkortostan], 5, 141–151.
3. Ivancov, I.G. (2011) Sistema partijnogo obrazovaniya v SSSR v 1930-e gody (na primere Severnogo Kavkaza) [The system of party education in the USSR in the 1930s (on the example of the North Caucasus)]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygea State University], 4, C. 99–105.
4. Ivnickij, N.A. (2000) Repressivnaja politika sovetskoj vlasti v derevne (1928–1933 gg.) [Repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928-1933)]. Moskva: IRI RAN, 350 s.
5. Kedrov, N.G. (2013) Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'janstva Russkogo Severa v 1930-e gody [Bast shoes of Stalinism. Political Consciousness of the Peasantry of the Russian North in the 1930s]. Moskva: ROSSPEN, 280 s.
6. Mel'nikova, T.A. (2009). Istoriografiya agrarnoi politiki SSSR 30-kh gg. [Historiography of agrarian policy of the USSR of the 1930s]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2, 61-71.
7. Nefedov, S.A. (2003). Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii [Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization.]. Tambov: TGU, 283 s.
8. Panin E.V. Rol' proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-e gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacional'nyh men'shinstv Zapada) [The role of industrial practice in teaching students of Communist universities in the 1920s. (on the example of the Communist University of National Minorities of the West)]. [Text]. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744> (accessed September 14, 2023).
9. Postanovlenie CK VKP(b) ot 21.IX.32 g. Ob organizacii vysshih kommunisticheskikh sel'sko-hozyajstvennyh shkol. Prilozhenie № 2 k p. 27/15 pr. PB № 117 [Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) of 21.IX.32 On the organization of higher Communist agricultural schools. Appendix No. 2 to item 27/15, etc. PB No. 117] [Text]. URL: <https://istmat.org/node/57567?ysclid=lp8iagdazq409736784> (accessed November 21, 2023).
10. Ficpatrik, Sh. (2008). Stalinskie krest'jane. Social'naja istorija Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnja [Stalin's peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: village]. Moskva: ROSSPEN, 422 s.
11. Cubikova, L.S. (2018). Ustav sel'skohozyajstvennoj arteli 1935 g.: sodержanie i realizaciya (po materialam Vostochnoj Sibiri) [The Charter of the agricultural artel of 1935: content and implementation (based on the materials of Eastern Siberia)]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East], 4, 113–121.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович - кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Tikhomirov Nikita Vadimovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

УДК 94.410

Фельдман А.Д., соискатель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ GERMANOFOBСКИХ ВЗГЛЯДОВ УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ В 1880-1890-Х ГГ.

В статье исследуется процесс формирования германофобских взглядов сэра Уинстона Черчилля в 1880-1890-х гг. Премьер-министр Великобритании известен как человек эксцентричный не столько в своих поступках, сколько в высказываниях. Это стало основой для исследования этой стороны жизни Черчилля. Его взгляды были противоречивыми и отчасти не соответствовали общественной морали. Например, его обвиняли в скрытом антисемитизме, проявлявшимся в бытовых отношениях, называли расистом из-за убежденности в том, что белые протестанты превосходят католиков, а индейцы выше африканцев, критиковали его действия на разных политических постах и др. Исходя из того, что приписывали У. Черчиллю на протяжении его долгой жизни, упрёки в германофобских взглядах были сопутствующей нормой его политического существования. Автор проводит исторический анализ основных событий и контекста того периода времени, которые оказали влияние на формирование такого рода убеждений. В качестве основного катализатора таких взглядов рассмотрены семья Черчиллей, их взаимоотношения с другими представителями политической элиты, а также первые любовные отношения премьера. Результаты исследования позволяют лучше понять факторы, способствовавшие развитию антигерманских взглядов у одного из выдающихся политиков и деятелей XX в.

Ключевые слова: Великобритания, Германия, Уинстон Черчилль, германофобия, лорд Рэндольф Черчилль, Дженни Джером (леди Рэндольф Черчилль), Памела Плауден.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-174-177

Введение. Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874 – 1965 гг.) – политик и государственный деятель, премьер-министр Великобритании двух сроков (1940-1945 гг., 1951-1955 гг.), известный активной борьбой против нацистской Германии во Вторую мировую войну (1939-1945 гг.) Потомственный политик, вовлеченный во внутреннюю жизнь Британии с раннего возраста, один из ярких представителей поздней викторианской и эдвардианской эпох был человеком неординарным и попадал в разные неоднозначные ситуации.

В начале политической карьеры его репутация была сомнительной, и он воспринимался только как отпрыск лорда Рэндольфа Черчилля недотягивающий по многим параметрам до уровня отца. Несколько позже внешние обстоятельства заставили британскую нацию сплотиться, а Уинстона Черчилля выйти на политическую арену и методом проб и ошибок зарабатывать себе авторитет среди политической элиты того времени. Так стали формироваться взгляды будущего премьер-министра по многим дискуссионным вопросам. Исследователи обратили внимание на его неоднозначные высказывания касательно Германии как во время Первой и Второй мировых войн, так и до немецкой угрозы в мировом восприятии. Поэтому стоит обратить особое внимание на его особое отношение к Германии в целом и рассмотреть факторы формирования такой неприязни.

Уинстон Черчилль был одним из первых, кто заговорил о немецкой угрозе странам Европы в Первую и Вторую мировые войны, когда он занимал достаточно прочное положение в высших властных кругах Великобритании. Британские историки М. Гилберт [1], А. Пэквуд [3], Дж. Дрейк

[3], У. Доктер [4] и др. связывали это с прозорливостью и дальновзоркостью политика, но стоит отметить, что такие взгляды, основанные на предвзятости ко всему немецкому, появились ещё в детский и юношеский периоды.

Объект и метод исследования. Объектом исследования является общественно-политическая жизнь Великобритании в 80-е и 90-е гг. XIX в. Для получения качественных результатов используются историко-генетический, ретроспективный, идеографический методы.

Результаты и их обсуждение. Немало важный аспект формирования германофобии Уинстона Черчилля кроется в семье. Родители – британский аристократ лорд Рэндольф Черчилль (1849 – 1895 гг.) (третий сын 7-го герцога Мальборо) и дочь американского бизнесмена Дженни Джером (1854 – 1921 гг.) (в замужестве леди Рэндольф Черчилль) не отличались положительным отношением к немцам по разным причинам.

Для лорда Рэндольфа Черчилля немцы были скучными и сдержанными, а после встречи с кайзером Германии Вильгельмом I, к которому Черчилли были приглашены на чаепитие во время семейной поездки в Бад-Гаштайн (Австрия), он описывал в письме своему другу сэру Генри Вольфу императора как «деспота», но при этом «славного старикана», используя наименование «старик» в последующем повествовании. [7, р. 191] Так же отметил, что приехал не «пресмыкаться перед монархами», когда их с женой пригласили на следующую встречу. Буров (жителей республики Трансвааль, потомков датчей (англ. dutch) – голландских переселенцев) он тоже недолюбливал, о чём написал несколько газетных статей в «The Daily

Graphic» и получил много критики (отметим — кроме старшего сына и жены). [8]

Леди Рэндольф Черчилль была менее остра в своих высказываниях и письмах, хотя она жила в Париже с матерью и сестрами во время эскалации конфликта между Францией и Пруссией в 1870-1871 гг. Американский исследователь Р. Мартин считал, что парижский антракт привнес новое понимание мира для юной девушки. [6, p. 231] Впоследствии она соглашалась с высказываниями супруга о бурах, хоть имела товарищей в обоих военных лагерях, однако была инициатором изучения немецкого языка и проведения каникул в Германии для обоих сыновей.

Всё это в совокупности не могло не повлиять на взгляды юного Черчилля. Например, во время поездки в Бад-Гаштайн отец с сыном заезжали в Париж и, проезжая площадь Согласия (Пляс-дела-Конкорд), Уинстон обратил внимание на монумент, увенчанный траурными лентами, и попросил родителя объяснить в чём смысл. Лорд Рэндольф рассказал, что всё это символизирует французские провинции, две из которых, Эльзас и Лотарингию, Германия отняла у Франции в последней войне. И добавил, что французы очень переживают по этому поводу и надеются когда-нибудь их вернуть. [1, с. 119] Это произвело впечатление на пятнадцатилетнего юношу, впоследствии он написал стихотворение «Influenza» («Грипп»), где посвятил строчки этим провинциям:

«Прекрасный Эльзас и заброшенная Лотарингия,

Причина горечи и боли

Во многих гэльских сердцах
живет мерзкий, ненасытный бич,

И из своих городов вместе с ним выходят
И никогда не останавливайся, и не отдыхай». [9]

С этого момента началась история сложных отношений Уинстона Черчилля и Германии, продолжавшаяся вплоть до 1945 г. В это же время он начал учить немецкий язык, о чём упоминал в письмах матери.

Несколько ранее у него так же не складывались отношения с репетитором по немецкому языку, которого Дженни Черчилль наняла для дополнительных занятий. Стоит отметить, оценка репетитора была дана Уинстоном ещё до знакомства с учителем и первых занятий с ним: «Моя дорогая мама. Я слышал, что вы собираетесь нанять для меня репетитора... Я постараюсь быть хорошим мальчиком, если ты согласишься *избавить меня от тирании этого ворующего, лживого, скупого на гроши немецкого мерзавца*». [3, p. 42] Он согласился работать с ним только на определённых условиях, которые указал в письме.

Ситуация несколько изменилась после встречи с преподавателем, однако Уинстон сразу

дал ему кличку «Мистер Вредитель» и снова стал отказываться от учёбы на каникулах.

К вопросу изучения немецкого языка Дженни Черчилль обращалась уже непосредственно во время тяжелой болезни лорда Рэндольфа. Она предложила старшему сыну вместо развлечений отправиться в Германию и подучить язык там. На что Уинстон отвечал резким отказом в нескольких письмах: «*Я ни на мгновение не собираюсь отправляться в изгнание в Германию, когда папа так болен, как он есть*». Когда отец сам предложил поездку в Германию, старший сын писал, что «*эта перспектива вызывает у меня глубокое недовольство. [...]*» [3, p. 57]

Этот язык для него был сложнее французского, который в последствии пришёл на смену немецкому. На незнание «ни слова по-немецки» обратили внимания бургские командиры во время второй англо-бургской войны (1899-1902 гг.), и сделали это наводкой для поиска, когда Уинстон сбежал из плена.

Несмотря на непростые отношения с достаточно холодным и отстранённым отцом, старший сын восхищался тем, что он делал, будучи политически деятелем. Он соглашался с воззрениями отца и цитировал в письмах оценочную информацию о деятельности старшего Черчилля. Так в 1891 г., когда Рэндольф по приглашению Сесила Родса, премьер-министра Капской колонии, отправился в Южную Африку, за три месяца пребывания там, он высылал статьи в «The Daily Graphic», где писал обо всем, что видел и с кем столкнулся. Досталось и бурам: «Я составил здесь шестое письмо в «The Daily Graphic», в котором я снова обрушиваюсь с критикой на этих буров», — весело писал он супруге. «Я представляю, как они придут в ярость, когда увидят, что я о них пишу». [8]

Британская пресса была разгневана этими статьями, и Уинстон в письмах отцу высказывал недовольство тем, что газеты писали о нём, но позже решил не «утомлять его гавканьем этих псов». Несколько месяцев спустя он снова написал ему, все еще гневно защищая отца, но, поскольку статьи Рэндольфа становились только более оскорбительными и возмутительными, теперь Уинстон также беспокоился о его безопасности. «Я слышал, ужасные буры разгневаны тобой. Было бы гораздо разумнее, если бы ты подождал, пока вернешься, прежде чем *ругать попрошайек*», — писал он. [3, p. 61].

Так внимание Уинстона Черчилля переключилось на буров и к этим вопросам он вернулся во вторую англо-бургскую войну в своих книгах, письмах, высказываниях, которые будут достаточно резки несмотря на сносное отношение к нему как заключённому в Претории.

После смерти отца встал вопрос о продолжении обучения двадцатидвухлетнего Уинстона и пятнадцатилетнего Джона. Уинстон посоветовал отправить Джона в армию, так же как и его, однако Джени Черчилль имела другой план: послать Джона на год в Германию, чтобы подучил язык и сколотил состояние. В письме к матери Уинстон не показал своего раздражения, а обрушился в большей степени на брата: *«Во всем виноват ты сам, потому что не высказал определенного мнения. Если бы ты сам решил, чего хочешь, настоял на этом, никто бы тебя не остановил. А так ты, вероятно, будешь зарабатывать 5000 фунтов стерлингов в год и играть в поло в Херлингеме, в то время как я буду перебиваться грошами - в качестве газетного подручного...»*. [7, p.123] Здесь сошлось всё – и достаточно шаткое финансовое положение семьи после смерти Рэндольфа, и антигерманская позиция, которая проявилась ещё в детском и юношеском возрастах.

В это же время Уинстон начал свою военную карьеру и во время пребывания с полком в Бангалоре (Индия), он познакомился дочерью губернатора Бенгалии – Памелой Плауден. Знакомство переросло в чувства, о которых Черчилль писал в письмах матери, так как был близок с ней в подобных вопросах. Он предлагал Памеле руку и

сердце, однако она ответила отказом. История любви Черчилля и Плауден закончилась, практически так и не начавшись – она уехала в Германию буквально за месяц до начала второй англо-бурской войны.

«Моя дорогая мама... Памела уехала в Германию, и мне одиноко без нее...» [5, p. 62], а через 3 года после предложения и отъезда, он утверждал, что разлюбил её тогда же, когда она ему отказала.

Заключение (выводы). Так, взгляды юного Уинстона Черчилля были сформированы под влиянием родительских установок, обстановки в Великобритании, детских впечатлений от увиденного (например, поездка во Францию), тяжести изучения немецкого языка, неудачных первых романтических и любовных отношений и привели к неоднозначному, порой германофобскому отношению к Германии. Как известно, многие в юном возрасте являются восприимчивыми к мнению авторитетных взрослых, что существенно влияет на оценку происходящего в будущем. В последствии, сам сэр Уинстон Черчилль не будет этого отрицать: *«Моя ненависть к немцам улеглась после того, как они капитулировали, и их изнуренный вид и поношенная одежда меня очень растрогали...»* - писал он в шестом томе «Второй Мировой войны. Триумф и трагедия». [2, с. 356]

Список литературы

1. Гилберт М. Черчилль. Биография. М., Азбука-Антикус. 2015. 1056 с.
2. Черчилль У. Вторая Мировая война. В 6 т. Т.6. Триумф и трагедия / Пер. с англ. под ред. А. Орлова М., ТЕРА; «Книжная лавка – РТР». 1998. 400 с.
3. Drake J., Packwood A. Letters for the Ages. The private and personal letters of Sir Winston Churchill. London., Bloomsbury Publishing Plc. 2022. 285 p.
4. Dr Dockter W. Churchill at The Telegraph. London, Aurum Press Ltd. 2015, 207 p.
5. Lough David. My darling Winston. NY., Pegasus Book. 2018. 748 p.
6. Martin Ralph. Jennie. The Life of Lady Randolph Churchill. Illinois., Sourcebook. 2008. 1008 p.
7. Millard Candice. Hero of the Empire: The Boer War, a Daring Escape, and the Making of Winston Churchill. NY., Doubleday. 2016. 381 p.
8. The Daily Graphic. July,18. No. 1.129. 1891. P. 84
9. The National Churchill Museum in America. Churchill, Winston S. Influenza. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/winston-churchill-the-influenza-poem.html> (дата обращения 17.12.2023)

THE FORMATION OF WINSTON CHURCHILL'S GERMANOPHOBIC VIEWS IN THE 1880S AND 1890S.

The article examines the process of formation of Sir Winston Churchill's Germanophobic views in the 1880s-1890s. The British Prime Minister is known as an eccentric man not so much in his actions as in his statements. This became the basis for the study of this side of Churchill's life. His views were contradictory and partly inconsistent with public morality. For example, he was accused of latent anti-Semitism manifested in domestic relations, called a racist because of the belief that white Protestants are superior to Catholics, and Indians are superior to Africans, criticized his actions in various political positions, etc. Based on what was attributed to W. Churchill throughout his long life, accusations of Germanophobic views were an accompanying norm of his political existence. The author conducts a historical analysis of the main events and context of that time period that influenced the formation of such beliefs. The Churchill family, their relationships with other representatives of the political elite, as well as the first love relationship of the prime minister are considered as the main catalyst for such views. The results of the study allow us to better understand the factors that contributed to the development of anti-German views in one of the outstanding politicians and figures of the 20th century.

Keywords: Great Britain, Germany, Winston Churchill, Germanophobia, Lord Randolph Churchill, Jenny Jerome (Lady Randolph Churchill), Pamela Plowden.

References

1. Gilbert M. (2015). Churchill. Biografiya. [Churchill. Biography.] M.: Azbuka-Antikus. 1056 s.
2. Churchill U. (1998). Vtoraya Mirovaya vojna. [Second World War.] V 6 t. T.6. Triumf i tragediya [Triumph and tragedy] / Per. s angl. pod red. A. Orlova. M.: TERRA; «Knizhnaya lavka – RTR». 400 s.
3. Drake J., Packwood A. (2022) Letters for the Ages. The private and personal letters of Sir Winston Churchill. London.: Bloomsbury Publishing Plc. 285 p.
4. Dr Dockter W. (2015) Churchill at The Telegraph. London.: Aurum Press Ltd., 207 p.
5. Lough David. (2018) My darling Winston. NY.: Pegasus Book. 748 p.
6. Martin Ralph. (2008) Jennie. The Life of Lady Randolph Churchill. Illinois.: Sourcebook. 1008 p.
7. Millard Candice. (2016) Hero of the Empire: The Boer War, a Daring Escape, and the Making of Winston Churchill. NY.: Doubleday. 381 p.
8. The Daily Graphic. (1891) July,18. No. 1129. p. 84
9. The National Churchill Museum in America. Churchill, Winston S. Influenza. [Elektronny`j resurs] URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/winston-churchill-the-influenza-poem.html> (data obrashheniya 17.12.2023)

Об авторе

Фельдман Анастасия Дмитриевна – соискатель кафедры Всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. (Россия), E-mail: ru_nasty00@mail.ru

Feldman Anastasia Dmitrievna – a candidate of the Department of General History and International Relations of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. (Russia), E-mail: ru_nasty00@mail.ru

Черноперов В.Л., доктор исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет (Россия)
Анисимова А.П., преподаватель, Ивановский государственный университет (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАСЛЕДИЯ РЕПАТРИАНТОВ ИЗ СССР В МУЗЕЯХ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

В статье рассматриваются вопросы репрезентации советских евреев в музейном пространстве Государства Израиль. Изучены источники разных видов, свидетельствующих об освещении данной проблемы Музеем еврейского народа на территории кампуса Тель-Авивского университета и амуты в Хайфе «Запомним и сохраним» - Центре документации еврейского национального движения в Советском Союзе. При разработке вопроса применены методы личностного, деятельностного, культурологического и выборочного подходов. Сделан вывод о том, что репрезентация общины выходцев из СССР в пространстве изученных музеев не соответствует значимости и вкладу, который внесла эта часть населения в рождение, становление и развитие Государства Израиль. Кроме того, замечено, что рассмотренные музейные площадки не раскрывают феномен «советский еврей», который включает в себя представителей регионов, отличающихся по укладу жизни и менталитету, и недостаточно решают задачу по выстраиванию надежного моста между старшим поколением русскоязычных репатриантов и их потомками, родившимися в Израиле. Изменить существующее положение может амута «Маалот», созданная в 2016 г. и поставившая задачей своей деятельности открытие в Израиле Центра наследия евреев СССР. И хотя на пути этих планов возникли определенные сложности (эпидемия COVID-19, особенности законодательства Государства Израиль, выбор места локации, боевые действия в Газе и их последствия) уже сегодня создана структура Центра, составлен его проект, его страницы широко представлены в пространстве Интернета, а сотрудники - на научных и общественных площадках.

Ключевые слова: Государство Израиль, советский еврей, репрезентация, Музей еврейского народа, «Запомним и сохраним» - Центр документации еврейского национального движения в Советском Союзе, израильский Центр наследия евреев СССР.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-178-188

Введение. Долгое время музей воспринимался исключительно как социально-культурный институт, сохраняющий материальные предметы и демонстрирующий различные картины мира; место, где осуществляется трансляция духовного и культурного опыта, накопленного в определенный исторический период. С конца прошлого - начала настоящего столетия палитра взглядов расширилась. Музей «стал рассматриваться как информационный центр культурного наследия, как институт социокультурной адаптации, как инструмент познания культурных ценностей прошлых эпох и современности, а также интерпретации их значения в целях общественного познания и самоопределения» [32, с. 160; подр. см.: 1]. Сегодня в музеях видят не столько хранилище исторических памятников, сколько многопрофильный образовательный и научный центр. Такой подход позволяет ставить вопрос об истории музеев в контексте изучения культурного развития отдельных народов и даже межгосударственного культурного диалога. Данное замечание в полной мере относится к вопросу сохранения наследия русскоязычной/советской диаспоры в музейном пространстве Государства Израиль (далее - ГИ), которое входит в двадцатку стран с наибольшим количеством музеев на миллион жителей. По данным ЮНЕСКО на 2020 г., в этой стране на 8,84 млн. человек приходилось 226 подобных учреждений [39, р. 26].

Постановка вопроса. Вклад выходцев из имперской России, СССР и стран постсоветского

пространства в становление и развитие ГИ признается всеми, кто обращался к данному вопросу. Тем удивительнее тот факт, что авторы настоящей статьи не выявили специальных обобщающих научных исследований о представлении наследия советских евреев в экспозициях израильских музеев. Встречаются лишь журналистские заметки. Только военно-исторический музей «Энергия мужества» в Хадере, который частично затрагивает проблему репрезентации советских евреев, получил определенную историографию [18; 25; 26]. Частично восполнить обозначившуюся лакуну призвана настоящая работа. *Ее цель* показать историю, современное состояние и перспективы отражения в пространстве ГИ наследия советских евреев, их вклада в становление и развитие этой страны.

Краткий источниковедческий обзор. Основанием статьи стали, прежде всего, разные виды источников, выявленные на официальных сайтах Музея еврейского народа на территории кампуса Тель-Авивского университета, амуты (общественной ассоциации) в Хайфе «Запомним и сохраним» - Центре документации еврейского национального движения в Советском Союзе и амуты «Маалот» с ее Центром наследия евреев СССР. Это в основном справки о музее и Центрах (их истории, целях и задачах, структуре, направлениях исследований и т.д.), электронные копии воспоминаний, эпистолярный, кино-фото-фоно документы, интервью, репортажи журналистов и т.д. К этим источникам

примыкают публикации научных докладов (включая видео-доклады) руководителей музейных центров или работающих там специалистов. Для настоящей работы важной составляющей стали также заметки блогеров о посещении рассматриваемых культурных учреждений ГИ.

Объект и методы исследования. Объектом настоящей работы выступает история и музейное пространство Государства Израиль, предметом - музеи этой страны, обращающиеся к вопросу репрезентации советских евреев. Для достижения заявленной цели применялись методы личностного, деятельностного, культурологического и выборочного подходов. Первый акцентирует внимание сначала на личности, и только затем на социальной группе, к которой относится изучаемая персона. Деятельностный подход позволил не только выявить новые грани в работе музейщиков ГИ или людей, связанных с ними, но и на примере их взаимоотношений показать размежевание на «своих» и «чужих», что влияло в прошлом и влияет сегодня на сохранение наследия советских евреев в Израиле. Культурологический подход помог, во-первых, разобраться, почему в одной группе «чужие» «не понимают» и «не слышат» ключевых аксиом, которые бесспорны для «своих», и, во-вторых, лучше понять побудительные мотивы поступков, как отдельных лиц, так и объединений, связанных с музейным делом ГИ. Выборочный метод позволил связать настоящую работу с терминами «репрезентация» и «репрезентативность». Под «репрезентацией» авторы статьи понимают представление одного в другом и посредством другого. Репрезентация в данном случае выступает «конститутивной функцией знака, поэтому понятия “[репрезентация]” и “знак” взаимно определяют друг друга. <...> Оба понятия раскрываются через связь с презентацией как присутствием или наличием... Связь выражается в том, что феномен [репрезентации] изначально задается как “запаздывающий” или вторичный относительно присутствия - презентации, то есть [репрезентация] возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентирует» [23]. «Репрезентативность» помогает в рамках изучения целого (музейного пространства ГИ) сконцентрироваться на исследовании части (музея) с последующим распространением полученных результатов на целое.

И еще одно замечание. В настоящей работе термин «советский еврей» синонимичен термину «русскоязычный еврей» и «русский еврей», поскольку речь идет о выходцах с территорий СССР, находившихся в поле сильного (подчас определяющего) влияния русского языка и русской культуры.

Музей еврейского народа в Тель-Авиве. Музей еврейского народа, созданный по инициативе

основателя и президента Всемирного еврейского конгресса Нахума Гольдмана (1895-1982) на территории кампуса Тель-Авивского университета в 1978 г. [35], исходя из названия, должен отражать историю всех общин мультикультурного Государства Израиль. Первоначально он назывался Музеем еврейской диаспоры и на момент открытия был одним из самых технически оснащенных в мире, ежегодно принимал до 400 тыс. посетителей. Однако со временем «новомодные технологии» и тематика музея устарели, «а дизайн комплекса показался мрачноватым» [35]. К тому же экспозиция заканчивалась XIX столетием. Как вспоминал израильский историк Шимон Бриман, посетивший музей в 1992 г., «самым запоминающимся был зал с макетами старинных синагог разных стран мира. Амстердам, Севилья, Луцк, Кюрасао, Варшава... Их красота смотрелась как “остатки былой роскоши”. Как будто разорившиеся родственники приехали из дальних провинций и жалобно жмутся на празднике жизни современного, бурно развивающегося Израйля» [13].

Число посетителей Музея еврейской диаспоры стало постоянно снижаться и, в конце концов, упало до 78 тыс. в год. По этой причине в 1995 г. учреждение даже временно закрыли [35]. В его дальнейшей судьбе большую роль сыграли генерал-майор израильской армии Шломо Лахат (1927-2014), занимавший кресло мэра Тель-Авива с февраля 1974 по ноябрь 1993 г., премьер-министр ГИ Ариэль Шарон (1928-2014) и его заместитель Натан Щаранский. Н. Щаранский - активист сионистского движения, правозащитник, основатель партии Исраэль ба-Алия, бывший глава Еврейского агентства (Сохнут), министр в ряде кабинетов - был и остается одним из наиболее известных представителей т.н. «русской улицы» ГИ. Вместе с А. Шароном он обратился за финансовой поддержкой к Леониду Невзлину [27] - в прошлом одному из совладельцев скандально-известного ЮКОСА, президенту «Российского еврейского конгресса» (2001) и ректору РГУ (2003), приговоренного судом РФ за совершенные преступления к пожизненному заключению. Покинув страну и получив израильское гражданство, Л. Невзлин на новой родине вместе с друзьями Михаилом Брудно и Владимиром Дубовым, которые также заочно приговорены судами Россией за финансовые махинации к разным срокам и объявлены в международный розыск, в сотрудничестве с Кереном Аесодом из влиятельнейшего в стране Фонда в поддержку Израйля основали Фонд поддержки израильского образования «НАДАВ» [3], который и пришел на помощь Музею еврейской диаспоры. Сам Л. Невзлин вошел в его попечительский совет. Позже руководя-

щая роль в обновлении музея перешла к его дочери Ирине - одной из наиболее влиятельных женщин в деловых и политических кругах ГИ (в 2017 г. популярная газета «Jerusalem Post» включала И. Невзлину в список 50 наиболее влиятельных евреев в мире [40]).

Заботу о Музее еврейской диаспоры проявило также Государство Израиль. В 2005 г. Кнессет принял закон, согласно которому обновляемый музей получил статус «Национального центра еврейских общин в Израиле и во всем мире» и ежегодный государственный бюджет [34]. Следующим шагом стало одобрение правительством ГИ в 2011 г. планов по расширению и модернизации музея на основе современных технологий [2].

Параллельно с получением частной и государственной поддержки началась работа по изменению формата музея. Как отмечал один из генеральных директоров этого учреждения Авиноам Армони, глава Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдман, создавая музей, исходил из следующего посыла: история еврейской диаспоры, начавшаяся «с разрушения Храма», «закончилась возвращением в Сион» - созданием ГИ, которое стало «последней главой» на ее пути [35]. В таком подходе не было ничего необычного. Идеология сионизма исходила из разрыва евреев, вернувшихся в Эрец-Исраэль, с диаспоральным прошлым, поскольку только такой разрыв позволял избавиться от комплексов, связанных с многовековыми унижениями, и способствовал формированию нового еврея - гражданина Государства Израиль. Однако, как отмечал А. Армони в 2012 г., история показала, что с рождением ГИ жизнь еврейских диаспор в разных странах не закончилась, что она «все еще процветает», и этот факт потребовал смены концепции музея. Сам Армони видел изменение в том, чтобы не сосредотачиваться только на диаспорах, но показать всю историю еврейского народа, начиная «с Авраама и Сарры из Библии» и до современности [35]. Смена концепции меняла и название. Музей диаспоры был переименован в Музей еврейского народа или кратко - в емкое «АНУ», что в переводе с иврита означает «Мы». Эту смену точно охарактеризовал историк Ш. Бриман: «Синтез вместо разрыва. Взаимное обогащение... Партнерство Израиля и диаспоры в стиле win-win. <...> Раньше центральной осью Музея диаспоры была неизраильская сторона еврейского бытия. Теперь в Музее “АНУ” доминирующая сионистская идея была синтезирована с галутной гордостью. Экспозиции вращаются вокруг идеи обще-еврейского Дома: путешествие евреев по планете начинается из Дома и завершается возвращением Домой - в Землю Израиля. Концепция “Мы” - это весь еврейский народ как таковой, единая в своей

многообразности глобальная этнорелигиозная корпорация, которая включает “домашний офис” в Израиле и “филиалы” по всей планете - в прошлом, настоящем и будущем» [13].

Сотрудники АНУ провели большую работу по обновлению обширных баз данных по генеалогии, визуальным источникам, музыке и фильмам [27]. С 2008 г. стали принимать посетителей новые и обновленные площади, вобравшие последние технические и дизайнерские решения [35]. Открытие всех залов Музея еврейского народа произошло в марте 2021 г.

Концептуальный подход Музея еврейского народа при всем его значении для жителей и гостей ГИ логично ведет к тому, что частное, или история отдельных «национальных» еврейских диаспор, растворяется в общем, в еврейском единении независимо от стран и континентов. В итоге феномен советских евреев в АНУ сведен к небольшой обзорной справке, которая нивелирует его, делает лишь отдельным камешком в мозаике четырехтысячной истории еврейского народа.

Амута в Хайфе «Запомним и сохраним» - Центр документации еврейского национального движения в Советском Союзе. НАДАВ кроме трансформации Музея диаспоры в Музей еврейского народа поддержал еще один проект - создание Центра, посвященного советским «отказникам» («термин, придуманный британским активистом движения в защиту советского еврейства Майклом Шербурном и означающий советского еврея, которому было отказано в выездной визе») [15]. Ведущую роль в создании Центра сыграл Аба Таратута (1935-2023) - отказник, инженер-математик, ожидавший выезда из СССР 15 лет [14]. Репатриировавшись в Израиль в 1988 г., он озаботился сохранением памяти о людях со схожими судьбами. Идею поддержал историк Михаэль (Михаил) Бейзер - один из ведущих специалистов по советским евреям и отказникам, добивавшийся выезда в Израиль семь лет. Помощь в сборе материалов, которые оперативно размещались в Интернете, стали оказывать волонтеры. Многие из которых также были отказниками. При их поддержке А. Таратута в апреле 2002 г. зарегистрировал в Хайфе амуту «Запомним и сохраним» - Центр документации еврейского национального движения в Советском Союзе.

По мнению некоторых наблюдателей, появление ассоциации было более чем своевременным. Прежде всего, потому, что «тема борьбы советских евреев была исключена из школьных программ» ГИ, что привело к пробелам в знаниях израильтян по «истории еврейского наследия» [28]. Кроме того, деятельность амуты должна была привлечь внимание широкой общественности к нуждам тех отказников, которые «потратили лучшие годы

жизни в ожидании разрешения на выезд», приехали в Израиль, США или другие страны «слишком поздно, чтобы найти работу по специальности и получить достойную пенсию» [15].

Решая отмеченные выше и другие вопросы, ассоциация «Запомним и сохраним» при поддержке общественной комиссии, в которую под председательством упоминавшегося выше, популярного в русскоязычной среде Натана Щаранского вошли Аба Таратута, известный политик Юлий (Иоэль) Эдельштейн (муж И. Невзлиной), бывший депутат, профессор Виктор Браиловский и др., организовала на базе реформируемого Музея диаспоры выставку «40 лет отказа: борьба советских евреев за выезд» (другие названия выставки «40 лет отказа», «Евреи борьбы: еврейское национальное движение в СССР (1967-1989)», «Евреи борьбы»). Выставка проходила с октября 2007 по май 2008 г. и стала одним из наиболее ярких событий в череде юбилейных мероприятий (трехдневной международной конференции «Пробуждение и борьба», праздничных вечеров, фестиваля еврейских кинофильмов и т.д.) в Израиле, США и других странах, посвященных борьбе за выезд евреев из Советского Союза. Куратором выставки выступила Рахель Шнольд, за оформление отвечал дизайнер Рахель Лев. Экспозиция состояла из 5 разделов: 1) Между молотом и наковальней (1917-1966 гг.); 2) Евреи молчания (1944-1966 гг.); 3) Шестидневная война (1967 г.) и события в России. Подъем еврейского самосознания. Узники Сиона; 4) Борьба еврейских общин мира в защиту советских евреев (1969-1989 гг.); 5) Эксodus [30].

Выставка вызвала большой интерес. Многие ее приветствовали. Однако некоторые отмечали, что в экспозиции недостаточно информации об институтах, игравших важную роль в борьбе евреев за право выезда (Информационном центре о советских евреях, движении «Маханаим» и т.д.) [28]. Другие сетовали на то, что выставка не передает в полной мере эмоции - страхи, стрессы, боль утрат и т.п. [30]

При всем значении деятельности ассоциации «Запомним и сохраним» по сохранению памяти советских евреев заметим, что главная задача амуты - ознакомление коренных израильтян и потомков советских репатриантов с борьбой евреев за выезд из СССР, с поддержкой этого права евреями и политиками разных стран, с отстаиванием прав человека, с диссидентским движением. История же советских евреев в самом Израиле представлена на сайте «Запомним и сохраним» фрагментарно. Прежде всего, в разделах «Воспоминания» [4], «Наши интервью» [5] и «Хроника» [6]. И еще одно замечание - данная амута так и не смогла создать полноценный музей в ГИ или развить свой проект в составе одного из уже существующих.

Промежуточные выводы. Приведенный обзор репрезентации советских евреев в музейном пространстве Израйла позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, община выходцев из СССР представлена в музейном пространстве Израйла, но эта репрезентация явно не соответствует значимости и вкладу, который внесла эта часть населения в рождение, становление и развитие еврейского государства.

Во-вторых, существующие музейные площадки не раскрывают феномен «советский еврей», который включает в себя представителей регионов, отличающихся по укладу жизни и менталитету. Репатрианты из СССР - это многоставная часть израильского общества, имеющая множество особенностей и отличий внутри самой себя. Нельзя сказать, что данный вопрос не изучается. К проблемам идентичности, самосознания и культурной репрезентации советского еврейства неоднократно обращались исследователи из России, США, Великобритании и Израйла [см., напр.: 11; 17; 19; 20; 22; 36; 38]. Интересные мероприятия в этой области проводит Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [24]. Однако, научные достижения медленно внедряются в музейное пространство ГИ.

В-третьих, изученные музейные центры Израйла недостаточно решают задачу выстраивания надежного моста между старшим поколением русскоязычных репатриантов и их потомками, родившимися в Сионе и часто уже не говорящими по-русски, не знающими истории и масштаба влияния, которое оказали выходцы из СССР на современное ГИ.

Ассоциация «Маалот» и Центр наследия евреев СССР. Выводы, приведенные выше, более чем актуализируют вопрос об открытии в ГИ Центра наследия евреев СССР. Давид Шехтер - в Советском Союзе активист сионистского движения, известный израильский писатель, журналист и общественно-политический деятель - говорит об этом так: «...ни у кого из нас нет сомнения, что такой Центр необходим. Прежде всего, нашим детям и внукам... Да и потомкам того миллиона русскоязычных евреев, которые покинув СССР, выбрали страной своего проживания не Израиль» [29].

Актуализирует вопрос и тот факт, что в Израйле открыты музеи и центры, посвященные гораздо меньшим по численности диаспорам: Центр йеменского наследия и еврейских общин Израйла, Музей йеменского искусства, Центр йеменского культурного наследия в Реховоте, Музей еврейской общины Марокко, Центр наследия вавилонского еврейства и Музей вавилонского еврейства при нем, Музей немецко-говорящего еврейства - Центр наследия йежим в промышленном

парке Тэфена, ведутся работы по созданию Музея эфиопского наследия в Реховоте.

Нельзя сказать, что вопрос об открытии музея, посвященного наследию евреев из СССР, не ставился ранее. Но из-за бюрократических, организационных и финансовых проблем все заканчивалось на уровне обсуждений [37]. Ситуация изменилась лишь с образованием в 2016 г. «Маалота» (в переводе с иврита «Алия», «Возвышение», «Освобождение») как амуты - некоммерческой благотворительной ассоциации, которая провозгласила целью своей деятельности открытие Центра наследия евреев СССР в Израиле.

Инициативную группу по созданию «Маалота» составили известные в ГИ представители так называемой «русской улицы»: бывший узник Сиона раввин Иосиф Менделевич; писатель, автор более 40 книг и лауреат многих премий Давид Маркиш; музыкант, композитор и джазовый пианист Вячеслав Ганелин; актриса, режиссер, певец и телеведущая, одна из создателей театра «Гешер» Наташа Манор; популярная журналистка Виктория Долинская; профессор славистики Иерусалимского университета Вольф Москович; специалист по разработке и внедрению математических моделей в экономике, социологии, медицине и системах управления качеством Марк Козленко; врач-ветеринар, ветеран боевых действий, майор Михаил Шапиро [9]. Возглавил правление «Маалота» упоминавшийся Давид Шехтер.

От рождения до октября 2023 г. (времени завершения работы над настоящей статьей) «Маалот» в своем развитии прошел три этапа: 1) 2016 г. - создания; 2) 2016-2021 гг. - поиска партнеров и поддержки; 3) 2021-2023 гг. - реализации мероприятий, сопутствующих популяризации проекта.

Организаторами «Маалота», как отмечено выше, выступили авторитетные представители русскоязычного Израиля. На втором этапе их поддерживали не менее значимые персоны. Среди них президент Федерации еврейских общин России (ФЕОР), раввин Александр Борода, не раз упоминавшийся Натан Щаранский, политик Юлий Эдельштейн, журналист и государственный деятель, министр ряда правительств, член узкого военно-политического кабинета ГИ Зеэв Элькин, директор Музея истории евреев Грузии и грузино-еврейских взаимоотношений имени Давида Баазова, профессор Гиви Гамбашидзе [8]. И этот список сторонников «Маалота» внутри Израиля и за его пределами можно продолжить. Как отмечал Д. Шехтер, «ни одна крупная организация СНГ не прошла мимо нас, все ... нас очень живо поддержали» [16].

Общественно-политическая и материальная поддержка позволила «Маалоту» достаточно быстро выстроить организационную структуру. В Совет экспертов ассоциации вошла советолог, в

прошлом директор израильской общественной радиостанции РЭК и посол ГИ в России Дорит Друкер-Голендер. Членами Совета стали «узники Сиона», руководитель и эксперт старт-ап компаний Эфраим (Александр) Холмянский и писатель, журналист, основатель и главный редактор издательства «Даат» Иосиф Бегун. Еще одним сотрудником стал упоминавшийся выше историк и преподаватель Михаэль Бейзер [9]. Попечительский совет «Маалота» составили видные предприниматели - бизнесмены, доктор физико-математических наук и лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники Юрий Домбровский; создатель и руководитель хай-тек компаний, специалист по анализу и проектированию систем управления, математик Михаил Луцкий; создатель компании «YOFFI» по производству продуктов питания Аркадий Майофис; акционер компании «OCSIAL», председатель Попечительского совета Томской еврейской общины, лауреат премии «Человек года» ФЕОР Юрий Зельвенский, совладелец ресторана Moon Sushi Herzliya Евгений Коган и бывший генеральный директор «Первой Образцовой Типографии» Яков Соскин [9]. Вовлечение в амуту бизнесменов необходимо для создания Центра, стоимость которого оценивается в «десятки миллионов долларов» [16].

Отдельную группу в «Маалоте» составляет т.н. команда - постоянно действующая группа под председательством Д. Шехтера [9]. Пост Генерального директора команды занимает Марина Бен-Арье, имеющая опыт дипломатической работы и представительства Сохнут в странах постсоветского пространства. Программным директором ассоциации является подвижница в распространении еврейской культуры Алла Ольхова, исполнительным директором - специалист по системному проектированию и управлению Владимир Борода. За социальные сети и контент отвечает Алина Бикбулатова.

Согласно планам «Маалота», создание Центра наследия евреев СССР предполагается осуществить в три этапа. На первом должен появиться «мобильный прототип» Центра «для демонстрации широкой публике и потенциальным спонсорам» его концепции, «детальной структуры и отличительных характеристик развития». Второй этап предполагает «полномасштабное строительство Центра», который должен выделяться оригинальной архитектурой и самым современным техническим наполнением. Одновременно со строительством на этом же этапе предполагается запустить в социальных сетях виртуальную составляющую будущего Центра. Завершать проект должно собственно открытие Центра, а также «расширение и развитие» его «экспозиционной,

образовательной, исследовательской, общественной и культурной составляющих», нацеленных, в том числе, на укрепление и поддержание «разносторонних связей с еврейскими русскоязычными общинами во всем мире» [10].

Будущий Центр должен стать многопрофильным комплексом, в который войдут «исторический музей, концертный зал, отдел сменяющихся выставок, русская библиотека (самая большая по количеству книг за пределами СНГ) и Исследовательский институт» [7]. Здесь же предполагается открыть лекторий, кинозал, различные курсы и кружки, детский центр, задумано даже проведение семинаров по кулинарным особенностям еврейских диаспор из разных регионов бывшего СССР [16].

Первоначально начать строительство предполагали в 2020 г., однако этому помешали ряд причин. *Во-первых*, пандемия COVID-19 и сопутствующие ей ограничительные меры, которые в Израиле были строги и продолжительны. *Во-вторых*, специфика местного законодательства [16]. Например, в Иерусалиме нельзя начинать стройку без проведения археологических раскопок. А это не просто затягивает сроки строительства. При обнаружении на выделенной территории культурно-исторических ценностей о планах возведения здания там можно забыть на долгое время (если не навсегда). Проблема законодательства породила в истории с Центром еврейского наследия СССР *третью проблему* - нерешенность вопроса о месте его строительства. По разным источникам, локацию выбирают между Иерусалимом, Тель-Авивом, Ашдодом и Лодом [7; 16; 33]. Но, несмотря на все препятствия, часть запланированного «Маалотом» реализовано. Главное - Центр еврейского наследия уже существует как онлайн-проект. В его рамках в медиапространстве Израиля, России и других стран подробно освещена работа и планы «Маалота». На официальном сайте амуты можно познакомиться с детальным виртуальным проектом здания Центра еврейского наследия СССР и его планировки. Из других заметных достижения отметим следующие: 1) начал работу Исследовательский отдел Центра; 2) подписано соглашение с Еврейским университетом в Иерусалиме, на основании которого сформирована «команда профессоров», которая будет отвечать за содержание (контент) музея; 3) достигнуты договоренности о долгосрочном сотрудничестве с амутой «Запомним и сохраним», представитель которой историк М. Бейзер, как отмечалось выше, вошел в Совет экспертов «Маалота»; именно он выступает в Центре куратором темы «Борьба советских евреев за репатриацию в Израиль»; 4) Исследовательский отдел Центра заключил договор с военно-историческим музеем «Энергия мужества» в Хадере; имеются

привлечения в Совет экспертов планы для курирования тем, связанных со Второй мировой войной, руководителя этого музея Давида Зельвенского [21]; 5) при активном участии амуты «Маалот» / Центра наследия евреев СССР проведен ряд научных форумов, из которых выделим онлайн-конференцию в декабре 2021 г., посвященную генералу Красной армии Якову Крейзеру [46]; 6) ассоциация «Маалот» разработала и реализует проект «От сердца к сердцу», в рамках которого новым репатриантам из России и Украины, поток которых с февраля 2022 г. существенно возрос, оказывается информационная помощь, поддержка и сопровождение при решении насущных вопросов [12].

Заключение (выводы). Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Наследие советских евреев в ГИ еще не получило должного представления в пространстве Музея еврейского народа на территории кампуса Тель-Авивского университета и амуты в Хайфе «Запомним и сохраним» - Центре документации еврейского национального движения в Советском Союзе. Этому имелись объективные и субъективные причины.

Государству Израиль с момента рождения в 1948 г. пришлось решать задачу объединения евреев, приезжающих в Палестину из разных регионов мира и отличавшихся языком, культурой и даже цветом кожи. Отцы-основатели ГИ объединяющим началом избрали один язык - иврит, одну веру - иудаизм и объединяющее политическое движение - сионизм, ставившее целью собирание и возрождение еврейского народа на исторической родине (Эрец-Исраэль). При таком положении дел открытие музея, посвященного истории только одной советской общины, пусть и весьма многочисленной, в 1940-е - 1950-е гг. было невозможно. Подобный шаг иные культурно-языковые общины Израиля могли воспринять болезненно, как ущемление своих прав, что ставило под угрозу выполнение задачи по объединению всех евреев ГИ. Прямым следствием выbranного курса стало снижение популярности русского языка в еврейской стране на бытовом уровне и в культуре. Ситуация не менялась и позже. Так, основная масса репатриантов, приехавших в страну из СССР после Шестидневной войны 1967 г., чтобы процесс ассимиляции и интеграции проходил быстрее, приняла иврит основным языком повседневного общения. При этом в семьях часто продолжали общаться по-русски. Эта коммуникация некоторое время способствовала сохранению культурно-языковой среды и передачи от старшего поколения к молодому истории российского/советского еврейства. Однако к 1990-м годам этот опыт передачи знаний о прошлом семьи или общины себя практически исчерпал. Выросло поколение, не говорящее

(или плохо говорящее) на русском языке, не знающее (и нередко не стремящееся знать) историю своих дедушек и бабушек, родившихся и выросших в Советском Союзе.

Богатое музейное пространство Израиля не решало проблему репрезентации советского еврейства. Музей еврейского народа в Тель-Авиве и амута в Хайфе «Запомним и сохраним» - Центр документации еврейского национального движения в Советском Союзе лишь частично снимали остроту проблемы. В XXI столетии сложившееся положение выглядело особенно странным на фоне обретения в Израиле своих культурно-исторических Центров евреями-репатриантами из Йемена, Марокко, Ирака, Германии, Эфиопии, вклад которых в историю ГИ при всем к ним уважении сложно сравнивать с русскоязычной общиной. Именно эта община, как говорил Д. Шехтер, «собственно придумала создание Государства Израиль и во многом реализовала это государство, а последняя волна /алии 1990-х гг. - А.А., В.Ч./ его сильно укрепила» [16].

Изменить сложившееся положение призван

проект амуты «Маалот» по созданию многофункционального Центра наследия евреев СССР в Израиле. Реализации проекта способствуют ряд факторов. Во-первых, массовая поддержка в ГИ и за границей. Во-вторых, наличие в еврейском музейном сообществе опыта по созданию технически оснащенных Центров, объединяющих выставки, исследовательские институты, лектории и зоны отдыха. В-третьих, возможность использования практик по репрезентации еврейской общины в России. Кстати, этот опыт, учитывая тесное сотрудничество «Маалота» с ФЕОР, по-видимому, уже перенимается. Во всяком случае, модель, которую спроектировала амута, во многом повторяет действующий в Москве Еврейский музей и Центр толерантности, созданный при участии Федерации еврейских общин России. Но даже, если по каким-то причинам создание Центра наследия евреев СССР и, следовательно, широкой репрезентации советских евреев в Израиле не состоится, можно констатировать, что цель «Маалота» частично достигнута: Центр, еще не открыв свои двери физически, уже принимает посетителей в онлайн-формате.

Список литературы

1. Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт: автореф. ... дис. д-ра социол. наук. Тюмень, 2004. 52 с.
2. АНУ - Музей еврейского народа: об АНУ. URL: <https://www.anumuseum.org.il/ru/about-anu/> (дата обращения: 06.05.2023).
3. Асмолов Г., Кочуровская А. Акционеры ЮКОСа займутся просвещением Израиля // Коммерсант. 2004. 6 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/472247> (дата обращения: 06.02.2023).
4. Ассоциация «Запомним и сохраним»: воспоминания. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/Memory.shtml (дата обращения: 03.06.2023).
5. Ассоциация «Запомним и сохраним»: наши интервью. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Interview_s/Interview.shtml (дата обращения: 03.06.2023).
6. Ассоциация «Запомним и сохраним»: хроника. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Chronicle_s/Chronicle.shtml (дата обращения: 03.06.2023).
7. Ассоциация «Маалот»: Маалот - Центр изучения наследия евреев СССР: видеоролик. URL: <https://www.maalot.org/copy-of-1> (дата обращения: 14.05.2023).
8. Ассоциация «Маалот»: наши партнеры. URL: <https://www.maalot.org/copy-of-4> (дата обращения: 14.05.2023).
9. Ассоциация «Маалот»: о нас. URL: <http://maalot.tilda.ws/team> (дата обращения: 14.05.2023).
10. Ассоциация «Маалот»: цели и задачи. URL: <https://www.maalot.org/copy-of-1> (дата обращения: 14.05.2023).
11. Бемпорад Э. Превращение в советских евреев: большевистский эксперимент в Минске / Пер. с англ. А.В. Глебовской. М., 2016. 349 с.
12. Борода В., Ольхова А. Проект «От сердца к сердцу»: оказание информационной помощи, поддержка и сопровождение новых репатриантов // XIV Штерновские чтения. Тель-Авив, 1 дек. 2022 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IT5EDVR4mCM> (дата обращения: 12.12.2022).
13. Бриман Ш. «АНУ»: чем удивит Музей еврейского народа? (19.04.2021). URL: <https://jewishmagazine.ru/articles/blogs/anu-chem-udivit-muzej-evrejskogo-naroda/> (дата обращения: 06.06.2023).
14. Выставка «40 лет отказа: борьба советских евреев за выезд». Глава 2 // Израиль для вас. 2007. 22 сент. URL: <http://il4u.org.il/blog/about-israel/history/vystavka-40-let-otkaza-borba-sovetskix-evreev-zavyezd-glava-2> (дата обращения: 03.02.2023).
15. Гросс Н. 40 лет спустя героическая борьба узников Сиона не забыта // Джерузалем Рипорт. 2008. 3 марта. URL: http://exodus.ejwiki.org/Chronicle_s/Exhibition_ReportRu.shtml (дата обращения: 03.02.2023).

16. Для кого в Израиле создается Центр наследия евреев СССР: интервью Д. Шехтера // ITON.TV. 24.02.2021. URL: <http://www.iton.tv/tema-dnya/15621-dlya-kogo-v-izraile-sozdaetsya-centr-naslediya-evreev-sssr.html> (дата обращения: 13.07.2023).
17. Дымшиц В. «Меня никто ни о чем не спрашивал» (евреи советской провинции) // Ежегодник Института евро-азиатских еврейских исследований, 5780 [2019-2020]. URL: <https://institute.eajc.org/меня-никто-ни-о-чем-не-спрашивал-евре/> (дата обращения: 04.02.2023).
18. Зельвенский Д. Музей «Энергия мужества» в Хадере // Крейзеровские чтения: материалы онлайн-конференции, Ашдод, 5 дек. 2021 г. URL: <https://disk.yandex.ru/i/tYrvhumY22hOgA> (дата обращения: 07.01.2023).
19. Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917-1941 / Пер. с англ. М., 2006. 475 с.
20. Зельцер А. Еврейское самосознание евреев-солдат и офицеров Красной Армии // Крейзеровские чтения: материалы онлайн-конференции, Ашдод, 5 дек. 2021 г. URL: <https://disk.yandex.ru/i/1ZXaus9jYgWV2Q> (дата обращения: 06.01.2023).
21. Интервью Давида Шехтера для ФЕОР: пресс-релиз ассоциации «Маалот» - Центра наследия евреев СССР. 2021. 12 янв. URL: <https://feor.ru/press-center/press-reliz-assocziaczii-maalot-czentr-naslediya-evreev-sssr/> (дата обращения: 13.07.2023).
22. Костырченко Г.В. Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. 521 с.
23. Ощепков И.В. Репрезентация // История философии: энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.А. Грицанов. Мн., 2002. С. 880-883.
24. Программа Зимней Школы по иудаике «Феномен советского еврейства: от этничности к идентичности». URL: https://sefercenter.org/rus/education/educational_programmes/_progr_school.pdf (дата посещения: 12.12.2022).
25. Рейхман Г. На линии огня. Евреи СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Опыт коллективного портрета // Победа - одна на всех: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24 апр. 2014 г. Витебск, 2014. С. 302-305.
26. Рейхман Г. Сохранение памяти о воинах-евреях Второй мировой войны: из опыта работы военно-исторического музея «Энергия мужества» (Хадера, Израиль) // Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов на российское общество: Междунар. науч. конф., Новороссийск, 12-15 сент. 2016 г.; сб. ст. Пенза, 2016. С. 353-360.
27. Таратута Ю. Ирина Невзлина: «Я никогда не забываю, что произошло»: интервью // Forbes Woman. 2015. 31 авг. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/zhenshchiny-v-biznese/298305-irina-nevzlina-ya-nikogda-ne-zabyvayu-chto-proizoshlo> (дата обращения: 06.02.2023).
28. Хинич М. Выставка «40 лет отказа: борьба советских евреев за выезд» // Израиль для вас. 2007. 10 нояб. URL: <http://il4u.org.il/blog/about-israel/history/vystavka-40-let-otkaza-borba-sovetskix-evreev-za-vyezd> (дата обращения: 05.03.2023).
29. Центр наследия евреев из бывшего СССР создается в Израиле // Jewish.ru. 2016. 19 апр. URL: <https://jewish.ru/ru/news/articles/174542/> (дата обращения: 14.11.2022).
30. Шварцман Й. Наша выставка (Лод. 05.12.2007). URL: http://exodus.ejwiki.org/Chronicle_s/ExhibitionShwartsman.shtml (дата обращения: 03.02.2023).
31. Шехтер Д. Приветствие: ассоциация «Маалот» // Крейзеровские чтения: материалы онлайн-конференции, Ашдод, 5 декабря 2021 г. URL: <https://disk.yandex.ru/i/csVMk-wUIEPCGQ/> (дата обращения: 06.01.2023).
32. Шляхтина Л.М. Образовательная функция музея в современных условиях // Studia Culturae. 2006. № 9. С. 160-172.
33. Штерн И. Центром наследия евреев СССР в Израиле станет Лод // ИА Израиль «ИнтерСМИ». 2023. 23 янв. URL: <https://intersmi.news/articles/141867-centrom-naslediya-evreev-sssr-v-izraile-stanet-lod> (дата обращения: 24.01.2023).
34. ANU - Museum of the Jewish People: Board of Directors. URL: <https://www.anumuseum.org.il/board/> (дата обращения: 06.02.2023).
35. Carnvek S. Second life for Beit Hatfutsot Museum of the Jewish People // Israel Ministerial of Foreign Affairs, 2012. 18 Jan. URL: http://www.mfa.gov.il/MFA/IsraelExperience/Beit_Hatfutsot_Museum-Jan_2012.htm (дата обращения: 06.02.2023).
36. Gitelman Z. Jewish Identities in Postcommunist Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity. Cambridge, 2012. 372 p.

37. IsraelPerson. Центр духовного наследия советских евреев - мечта воплощается в жизнь // Израиль в лицах. 2016. 19 апр. URL: <https://israelperson.co.il/centr-dukhovnogo-nasledija-sovetskikh-17541.html> (дата обращения: 14.11.2022).
38. Yalen D. The shtetl in the museum: representing Jews in the eras of Stalin and Putin // East European Jewish Affairs. 2015. Vol. 45. P. 174-189.
39. Museums around the world in the face of COVID-19: UNESCO report. 2020. May. 31 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373530> (дата обращения: 12.12.2022).
40. Zieve T. #46 Irina Nevzlin - Altering traditional paradigms of Jewish life // The Jerusalem Post. 2017. 20 Sept. URL: <https://www.jpost.com/international/altering-traditional-paradigms-of-jewish-life-irina-nevzlin-504884> (дата обращения: 06.02.2023).

REPRESENTATION OF THE USSR REPATRIATES' LEGACY IN THE MUSEUMS OF THE STATE OF ISRAEL

The article examines issues of representation of Soviet Jews in the museum space of the State of Israel. Sources of various types have been studied, indicating the coverage of this problem by the Museum of the Jewish People on the campus of Tel Aviv University and the amuta in Haifa "Let's Remember and Preserve" - the Documentation Centre of the Jewish National Movement in the Soviet Union. When developing the issue, methods of personal, activity, cultural and selective approaches were used. It is concluded that the representation of the community of immigrants from the USSR in the space of the museums studied does not correspond to the significance and contribution that this part of the population made to the birth, formation and development of the State of Israel. In addition, it was noted that the considered museum sites do not reveal the phenomenon of the "Soviet Jew," which includes representatives of regions that differ in their way of life and mentality, and do not sufficiently solve the problem of building a reliable bridge between the older generation of Russian-speaking repatriates and their descendants born in Israel. The "Ma'alot" community, created in 2016 and setting the goal of its activities to open a Heritage Centre for the Jews of the USSR in Israel, can change the current situation. And although certain difficulties arose along the way of these plans (the COVID-19 epidemic, the peculiarities of the legislation of the State of Israel, the choice of location, the fighting in Gaza and their consequences), the structure of the Centre has already been created, its project has been drawn up, its pages are widely represented on the Internet, and employees - at scientific and public sites.

Keywords: State of Israel, Soviet Jew, representation, Museum of the Jewish People, "Let's Remember and Preserve" - Centre for Documentation of the Jewish National Movement in the Soviet Union, Israeli Centre for the Heritage of Jews of the USSR.

References

1. Akulich, E.M. (2004). Muzej kak sociokul'turnyj institut: avtoref. ... dis. d-ra sociol. Nauk [The museum as a socio-cultural institute: abstract ... dissertation of the Doctor of Social Sciences]. Tyumen', 2004. 52 s.
2. ANU - Muzej evrejskogo naroda: ob ANU [ANU - Museum of the Jewish People: about ANU], available at: <https://www.anumuseum.org.il/ru/about-anu/> (Accessed 6 May 2023).
3. Asmolov, G., Kochurovskaya, A. (2004). Akcionery YuKOSa zajmutsya prosve-shheniem Izrailiya [YUKOs shareholders to educate Israel] // Kommersant. 2004. 6 maya, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/472247> (Accessed 6 February 2023).
4. Associaciya «Zapomnim i soxranim»: vospominaniya [Association "Let's remember and keep": memories], available at: http://www.soviet-jews-exodus.com/Memory_s/Memory.shtml (Accessed 3 June 2023).
5. Associaciya «Zapomnim i soxranim»: nashi interv'yu [The Association "Let's remember and save": our interviews], available at: http://www.soviet-jews-exodus.com/Interview_s/Interview.shtml (Accessed 3 June 2023).
6. Associaciya «Zapomnim i soxranim»: xronika [The association "Let's remember and save": chronicle], available at: http://www.soviet-jews-exodus.com/Chronicle_s/Chronicle.shtml (Accessed 3 June 2023).
7. Associaciya «Maalot»: Maalot - Centr izucheniya naslediya evreev SSSR: videorolik [Maalot Association: Maalot Center for the Study of the Jewish Heritage of the USSR: video], available at: <https://www.maalot.org/copy-of-1> (Accessed 14 May 2023).
8. Associaciya «Maalot»: nashi partnery [Maalot Association: our partners], available at: <https://www.maalot.org/copy-of-4> (Accessed 14 May 2023).
9. Associaciya «Maalot»: o nas [Maalot Association: about us], available at: <http://maalot.tilda.ws/team> (Accessed 14 May 2023).
10. Associaciya «Maalot»: celi i zadachi [Maalot Association: goals and objectives], available at: <https://www.maalot.org/copy-of-1> (Accessed 14 May 2023).
11. Bemporad, E'. (2016). Prevrashhenie v sovetskix evreev: bol'shevistskij e'ksperiment v Minske [Turning into Soviet Jews: the Bolshevik Experiment in Minsk] / Per. s angl. A.V. Glebovskoj. M., 2016. 349 s.
12. Boroda, V., Ol'xova, A. (2022). Proekt «Ot serdca k serdcu»: okazanie informacionnoj pomoshhi, podderzhka i soprovozhdenie novyx repatriantov [The project "From heart to heart": providing information assistance, support and support for new repatriates] // XIV Shternovskie chteniya. Tel'-Aviv, 1 dek. 2022 g., available at: <https://www.youtube.com/watch?v=IT5EDVR4mCM> (Accessed 12 December 2023).
13. Briman, Sh. (2021). «ANU»: chem udivit Muzej evrejskogo naroda? (19.04.2021) [ANU: what will

- surprise the Museum of the Jewish People? (19.04.2021)], available at: <https://jewishmagazine.ru/articles/blogs/anu-chem-udivit-muzej-evrejskogo-naroda/> (Accessed 6 June 2023).
14. Vystavka «40 let otkaza: bor'ba sovetskix evreev za vyezd». Glava 2 (2007) [The exhibition "40 years of refusal: the struggle of Soviet Jews to leave". Chapter 2] // Izrail' dlya vas. 2007. 22 sent., available at: <http://il4u.org.il/blog/about-israel/history/vystavka-40-let-otkaza-borba-sovetskix-evreev-za-vyezd-glava-2-9> (Accessed 3 February 2023).
15. Gross, N. (2008). 40 let spustya geroicheskaya bor'ba uznikov Siona ne zabyta [40 years later, the heroic struggle of the prisoners of Zion has not been forgotten] // Dzheruzalem Riport. 2008. 3 marta, available at: http://exodus.ejwiki.org/Chronicle_s/Exhibition_ReportRu.shtml (Accessed 3 February 2023).
16. Dlya kogo v Izraile sozdaetsya Centr naslediya evreev SSSR: interv'yu D. Shextera (2021) [For whom the Center for the Heritage of the Jews of the USSR is being created in Israel: an interview with D. Shechter] // ITON.TV. 24.02.2021, available at: <http://www.iton.tv/tema-dnya/15621-dlya-kogo-v-izraile-sozdaetsya-centr-naslediya-evreev-sssr.html> (Accessed 13 July 2023).
17. Dymshic, V. (5780 [2019-2020]). «Menya nikto ni o chem ne sprashival» (evrei sovetskoj provincii) [No one asked me anything" (Jews of the Soviet province)] // Ezhegodnik Instituta evro-aziatskix evrejskix issledovanij, 5780 [2019-2020], available at: <https://institute.eajc.org/menya-nikto-ni-o-chem-ne-sprashival-evre/> (Accessed 4 February 2023).
18. Zel'venskij, D. (2021). Muzej «E'nergiya muzhestva» v Xadere [The Energy of Courage Museum in Hadera] // Krejzerovskie chteniya: materialy onlajn-konferencii, Ashdod, 5 dek. 2021 g., available at: <https://disk.yandex.ru/i/tYrvhumY22hOgA> (Accessed 7 January 2023).
19. Zel'cer, A. (2006). Evrei sovetskoj provincii: Vitebsk i mestechki, 1917-1941 [Jews of the Soviet province: Vitebsk and small towns, 1917-1941] / Per. s angl. M., 2006. 475 s.
20. Zel'cer, A. (2021). Evrejskoe samosoznanie evreev-soldat i oficerov Krasnoj Armii [Jewish identity of Jewish soldiers and officers of the Red Army] // Krejzerovskie chteniya: materialy onlajn-konferencii, Ashdod, 5 dek. 2021 g., available at: <https://disk.yandex.ru/i/1ZXaus9jYgWV2Q> (Accessed 6 January 2023).
21. Interv'yu Davida Shextera dlya FEOR: press-reliz asociacii «Maalot» - Centra naslediya evreev SSSR (2021) [Interview by David Schechter for FEOR: press release of the association "Maalot" - the Center for the Heritage of Jews of the USSR]. 2021. 12 yanv., available at: <https://feor.ru/press-center/press-reliz-associacii-maalot-centra-naslediya-evreev-sssr/> (Accessed 13 July 2023).
22. Kostyrchenko, G.V. (2012). Tajnaya politika Xrushhyova: vlast', intelligenciya, evrejskij vopros [Khrushchev's Secret Policy: the government, the intelligentsia, the Jewish question]. M., 2012. 521 s.
23. Oshhepkov, I.V. (2002). Reprezentaciya [Representation] // Istoriya filosofii: e'nciklopediya / sost. i gl. red. A.A. Gricanov . Mn., 2002. S. 880-883.
24. Programma Zimnej Shkoly po iudaike «Fenomen sovetskogo evreïstva: ot e'tnichnosti k identichnosti» [The program of the Winter School on Judaism "The phenomenon of Soviet Jewry: from ethnicity to identity"], available at: https://sefercenter.org/rus/education/educational_programmes/_progr_school.pdf (Accessed 12 December 2023).
25. Rejxman, G. (2014). Na linii ognya. Evrei SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. Opyt kollektivnogo portreta [In the line of fire. Jews of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. The experience of a collective portrait] // Pobeda - odna na vse: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Vitebsk, 24 apr. 2014 g. Vitebsk, 2014. S. 302-305.
26. Rejxman, G. (2016). Soxranenie pamyati o voanax-evreyax Vtoroj mirovoj vojny: iz opyta raboty voenno-istoricheskogo muzeya «E'nergiya muzhestva» (Xadere, Izrail') [Preserving the memory of Jewish soldiers of the Second World War: from the experience of the military Historical Museum "Energy of Courage" (Hadera, Israel)] // Pamyat' i vremya: vliyanie vojn i vooruzhennyx konfliktov na rossijskoe obshhestvo: Mezhdunar. nauch. konf., Novorossijsk, 12-15 sent. 2016 g.; sb. st. Penza, 2016. S. 353-360.
27. Taratuta, Yu. (2015). Irina Nevzlina: «Ya nikogda ne zabyvayu, chto pro-izoshlo»: interv'yu [Irina Nevzlina: "I never forget what happened": interview] // Forbes Woman. 2015. 31 avg., available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/zhenshchiny-v-biznese/298305-irina-nevzlina-ya-nikogda-ne-zabyvayu-chno-proizoshlo> (Accessed 6 February 2023).
28. Xinich, M. (2007). Vystavka «40 let otkaza: bor'ba sovetskix evreev za vyezd» [Exhibition "40 years of refusal: the struggle of Soviet Jews to leave"] // Izrail' dlya vas. 2007. 10 noyab., available at: <http://il4u.org.il/blog/about-israel/history/vystavka-40-let-otkaza-borba-sovetskix-evreev-za-vyezd> (Accessed 5 March 2023).
29. Centr naslediya evreev iz byvshego SSSR sozdaetsya v Izraile (2016) [The Center for the Heritage of Jews from the former USSR is being created in Israel] // Jewish.ru. 2016. 19 apr., available at: <https://jewish.ru/ru/news/articles/174542/> (Accessed 14 November 2023).

30. Shvarcman, J. (2007). *Nasha vystavka (Lod. 05.12.2007)* [Our exhibition (Lod. 05.12.2007)], available at: http://exodus.ejwiki.org/Chronicle_s/ExhibitionShwartsman.shtml (Accessed 3 February 2023).
31. Shexter, D. (2021). *Privetstvie: asociaciya «Maalot»* [Greeting: Maalot Association] // *Krejzerovskie chteniya: materialy onlajn-konferencii, Ashdod, 5 dekabrya 2021 g.*, available at: <https://disk.yandex.ru/i/csVMk-wUIEPCGQ/> (Accessed 6 January 2023).
32. Shlyaxina, L.M. (2006). *Obrazovatel'naya funkciya muzeya v sovremennykh usloviyakh* [The educational function of the museum in modern conditions] // *Studia Culturae*. 2006. № 9. S. 160-172.
33. Shtern, I. (2023). *Centrom naslediya evreev SSSR v Izraile stanet Lod* [The center of the heritage of the Jews of the USSR in Israel will be Lod] // *IA Izrailya «InterSMI»*. 2023. 23 yanv., available at: <https://intersmi.news/articles/141867-centrom-naslediya-evreev-sssr-v-izraile-stanet-lod> (Accessed 24 January 2023).
34. ANU - Museum of the Jewish People: Board of Directors, available at: <https://www.anumuseum.il/board/> (Accessed 6 February 2023).
35. Carnvek, S. (2012). *Second life for Beit Hatfutsot Museum of the Jewish People* // *Israel Ministerial of Foreign Affairs*, 2012. 18 Jan., available at: http://www.mfa.gov.il/MFA/IsraelExperience/Beit_Hatfutsot_Museum-Jan_2012.htm (Accessed 6 February 2023).
36. Gitelman, Z. (2012). *Jewish Identities in Postcommunist Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity*. Cambridge, 2012. 372 p.
37. IsraelPerson (2016). *Centr duxovnogo naslediya sovetskikh evreev - mechta voploshhaetsya v zhizn'* [The Center of the Spiritual Heritage of Soviet Jews - a dream come true] // *Izrail' v licax*. 2016. 19 apr., available at: <https://israelperson.co.il/centr-duxovnogo-nasledija-sovetskikh-17541.html> (Accessed 14 November 2023).
38. Yalen, D. (2015). *The shtetl in the museum: representing Jews in the eras of Stalin and Putin* // *East European Jewish Affairs*. 2015. Vol. 45. P. 174-189.
39. *Museums around the world in the face of COVID-19: UNESCO report*. 2020. May. 31 p., available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373530> (Accessed 12 December 2023).
40. Zieve, T. (2017). *#46 Irina Nevzlin - Altering traditional paradigms of Jewish life* // *The Jerusalem Post*. 2017. 20 Sept., available at: <https://www.jpost.com/international/altering-traditional-paradigms-of-jewish-life-irina-nevzlin-504884> (Accessed 6 February 2023).

Об авторах

Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет (Россия), E-mail: vlchernoperov@rambler.ru.

Анисимова Анастасия Павловна – преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет (Россия), E-mail: withluprod@gmail.com.

Chernoperov Vasily Lvovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (Russia), E-mail: vlchernoperov@rambler.ru.

Anisimova Anastasia Pavlovna – Lecturer, Department of General History and International Relations, Ivanovo State University (Russia), E-mail: withluprod@gmail.com.

Щупленков О.В., кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия)

Щупленков Н.О., кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия)

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕЯ А. БРИАНА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Основная цель исследования заключается в необходимости выявить причины, воспрепятствовавшие интеграционным процессам на европейском континенте в межвоенный период, исходя из новых материалов по данной теме, имеющих место в западной прессе. В ходе исследования основной упор делался на установлении ключевых фактов помешавшим амбициозным планам Аристиды Бриана. Рассматривается план А. Бриана о создании Соединенных Штатов Европы. Анализируется Меморандум Европейского Федерального Союза об организации системы Федерального Европейского Союза, технические моменты организации Системы для Федерального союза Европы, включающей ряд основных предварительных условий на начальном этапе процесса построения Европейского сообщества. На основе Меморандума анализируются предложения для будущих исследований в основных областях, в которых организация могла бы быть наиболее привлекательной, определения ее отношений с Лигой Наций и изучения внешних связей Европы. Основными методами являются идеографический, сравнительно-исторический и ретроспективный. Исследование выполнено в соответствии с принципом историзма и опирается на обширную источниковую базу, основу которой составляют недавно оцифрованные документы Лиги Наций, отдельные публикации в прессе и работы западных историков.

Ключевые слова: Бриан; Европейский Союз; историография; Лига Наций; Меморандум; солидарность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-189-197

Введение. В начале двадцатого века Европа столкнулась с чрезвычайно сложной ситуацией из-за тяжелых разрушений, вызванных Первой мировой войной. Нестабильность усугублялась возникшим в результате этого дисбалансом, вызванным изменением политических границ континента после конфликта. Кризис носил глобальный характер, включая самые разные аспекты, подчеркнутые разделением Европы на победителей и проигравших. Важное значение имели также негативные последствия на экономическом уровне в результате развития национальной экономики всеми европейскими государствами. Ограничительный и сфокусированный взгляд на внутреннем рынке, который из-за изменения границ не соответствовал предыдущему традиционному рынку, что привело к серьезным сбоям в торговле и негативным последствиям. На социальном уровне наиболее заметными негативными последствиями были рост национализма, который стал популярным и стал движущей и сплавивающей силой общества, а также ограничение мобильности людей на континентальном уровне [2]. Впоследствии национализм был вытеснен фашизмом и коммунизмом, которые придали ему идеологические оттенки, но которые никогда не пренебрегали и не обходились без патриотизма как основного источника защиты своих интересов. Последствия Первой мировой войны ощущались далеко за пределами континентальных границ. Соединенные Штаты (США) стали мировой державой, призванной возглавить Западный мир, Союз Советских Социалистических Республик (СССР) вышел на международную арену, бросив вызов хрупкой социальной стабильности, порожденной кризисом социально-политической си-

стемы развитых стран мира [11]. Усилия по восстановлению, направленные на смягчение разрушительных последствий Первой мировой войны, оказались под угрозой из-за невозможности для национальных экономик получить доступ к большому общему европейскому рынку из-за меркантилизма, навязанного национализмом. В то же время США ввели высокие пошлины на европейские товары, защищая их внутреннее производство. В результате американская экономика экспоненциально ускорила свое развитие, получив возможность извлекать выгоду из значительно более крупного объединенного капиталистического рынка и массовой иммиграции из Европы. СССР позиционировал себя как мировая держава, которую следует учитывать на экономическом уровне благодаря созданию обширного унитарного рынка, хотя и с альтернативной экономической моделью, основанной на коммунистических предположениях [12].

Быстрое развитие национальных границ и огромный прогресс в области транспортных средств, облегчающих мобильность людей, породили необходимость глобального регулирования многих аспектов жизни общества. Стремясь установить общие стандарты на основе консенсуса, в 1919 году была основана Лига Наций (SN), которая своей работой обеспечила международные стандарты, необходимые в период глобализации. Дифференцированное законодательство на национальном уровне представляет собой серьезное препятствие для международных отношений и порождает напряженность в отношениях между государствами. Таким образом, были установлены общие правила в таких важных областях, как здравоохранение и лечение эпидемий, дорожное, речное и

морское движение или условия труда. Два наиболее важных аспекта SN затрагивали как европейский мир (приоритет после Первой мировой войны), так и создание системы общих норм в Европе, которые способствовали бы плавному развитию отношений между государствами.

Объекты и методы исследования. А. Бриан, французский политик с большим опытом государственного управления своей страной, занимая пост министра иностранных дел, способствовал миру в Европе благодаря тесным отношениям с немецким политиком Г. Штреземаном [3]. Результаты примирения между Францией и Германией, начатого обоими политиками, привели к тому, что они совместно получили Нобелевскую премию мира в 1926 году. В контексте примирения с Германией французский политик разработал план объединения Европы на общих условиях, несмотря на предупреждение Сейду, экономиста и директора отдела торговых отношений министерства иностранных дел Франции, о высокой вероятности немецкого господства в Европе, обусловленного ее экономическим потенциалом. Поэтому Бриан решил действовать, и его план смягчения будущего германского господства был основан на уменьшении роли государств и повышении важности единой Европы [11]. Больше Европы означало меньше Германии или меньше Франции. Именно этот принцип руководил Ж. Монне при представлении плана Р. Шумана, который после его постепенного развития привел к созданию нынешнего Европейского Союза [1].

Поэтому дальновидный А. Бриан представил план, направленный на установление контроля над будущей германской гегемонией, содействие экономическому развитию и социальной стабильности в Европе, развитие системы стабильного мира на международном уровне, расширение прав и возможностей Европы на международной арене и предоставление реальной альтернативы для сохранения французского значения в нестабильных международных рамках. В конечном счете, это было сложное и амбициозное видение, которое требовало новаторских и смелых действий.

Результаты и их обсуждение. На Генеральной ассамблее Лиги Наций 1929 года состоялся запуск европейского проекта, спонсируемого Брианом, который был представлен в мотивационном выступлении 5 сентября, всего через несколько дней после обвала на Нью-Йоркской фондовой бирже. Бриан призывал к созданию Европы, альтернативной реваншизму, господствовавшему после Первой мировой войны, предлагая решить экономические проблемы Европы как средство достижения стабильного мира на континенте. В его предложении подчеркивалась концепция, согласно которой экономическое сотрудничество должно осуществляться посредством политической воли в

форме некоей абстрактной федеральной связи. Таким образом, экономическое сотрудничество является вопросом не только технических мер, но и сотрудничества между правительствами.

Тем не менее, внутренние противоречия европейского плана Бриана были очевидны уже в его торжественном заявлении, в котором он решительно упомянул о федеративной ассоциации Европы как способе объединения континента путем создания уз солидарности и экономического сотрудничества, но явно исключая любую передачу национального суверенитета и призывая к союзу наций.

Очевидно, это была дихотомия; любая федеральная связь требует создания более высокого уровня суверенитета, при котором члены ассоциации разделяют свою власть, создавая новый уровень принятия решений. С другой стороны, солидарность также требует некоторой формы общей идентичности, даже если она нечеткая, для поддержания обмена ресурсами. С точки зрения общей идентичности, основным последствием выступления Бриана стало вдохновляющее создание Неправительственного бюро по вопросам европейского гражданства, которое начало общественную кампанию в поддержку «федеративного европейского гражданства» [7]. Все это означало, что практическая реализация идей, выдвинутых Брианом, столкнулась со структурными проблемами с момента его публичного заявления в Женеве [39].

После выступления Бриана французский дипломат и его команда составили меморандум, который 1 мая 1930 года был распространен среди 27 европейских государств-членов Лиги Наций для изучения и критики [19]. Документ был задуман как первый проект для продвижения вперед в создании Федеративного Европейского союза и был официально представлен Лиге Наций, включая мнения, критические замечания и дополнения европейских государств, с которыми были проведены консультации, в сентябре 1930 года.

Лига Наций, изучив документ, решила учредить совместную исследовательскую миссию для Европейского союза (ЕСЕС), избрав путем аккламации самого Бриана президентом нового учреждения, а первого Генерального секретаря Лиги Наций Э. Драммонда – его секретарем. Избрание Драммонда означало присутствие британца на ключевом посту в новой комиссии, чтобы контролировать процесс и не допустить, чтобы он нанес ущерб интересам Великобритании. В то же время это предполагало практическое признание того, что новая комиссия не будет иметь собственного функционера и будет полагаться на технических специалистов Лиги Наций в своей работе. Первый аспект имеет решающее значение, поскольку Соединенное Королевство неохотно шло на европейскую интеграцию, по-

сколькx это нанесло бы ущерб его торговым интересам, приоритетом которых Лондон считает мир и стабильность в Европе.

Создание исключительно европейского рынка означало бы исключение Великобритании, имперские обязательства которой препятствовали ее членству в Европе, поскольку это была глобальная страна с владениями по всей планете. Очевидно, что в зените своего могущества Британская империя не могла и не хотела отказываться от своего глобального статуса, но и от своего главного торгового партнера, Европы. Таким образом, Вестминстерское соглашение ставит во главу угла европейское сотрудничество на политическом уровне и свободную торговлю на экономическом уровне в противовес политической и экономической интеграции.

В экономических вопросах Бриан выступал за преобразование различных национальных рынков в единый европейский рынок путем создания условий, которые интенсифицировали бы и улучшали промышленное производство, поощряли свободное передвижение рабочей силы по Европе для борьбы с безработицей и снижения связанной с этим социальной нестабильности. Бриан утверждал, что экономическая интеграция имеет основополагающее значение как для политической, так и для социальной стабильности [8].

Кроме того, Бриан стремился распространить модель национальной солидарности на единый Евросоюз. Концептуально идея солидарности проистекает из сплоченности членов группы, помощи нуждающимся и обеспечения стабильности и спокойствия для всего. Большинство государств внедрили модель солидарности через идею нации, общей группы, поддерживаемой чувством социальной идентичности, с высоким уровнем интеграции и общей культурной самобытностью.

Однако экстраполировать эту национальную солидарность на международный или даже наднациональный уровень сложно [10]. По этой причине Меморандум Бриана не включал каких-либо конкретных мер, которые способствовали бы европейской солидарности, выходящей за рамки абстрактных задач. Следует также иметь в виду, что предложение о федеративном Европейском союзе не предусматривало общего экономического фонда. Следовательно, понятие солидарности в предложении Бриана было лишено практического смысла, поскольку речь шла скорее о желании, чем о реальном предложении.

Экономические цели изначально были сосредоточены на создании взаимодополняющего союза между участниками, по замыслу более близкого к свободному рынку, чем к общему рынку, поскольку свободная торговля не влияет на суверенитет [14]. Последующие постоянные ссылки на эко-

номическое сближение Европы и развитие таможенного союза, упомянутые в Меморандуме, следует понимать как общую концепцию.

Бриан принял во внимание описанные выше внешние последствия предлагаемой европейской организации, поскольку в Меморандуме подчеркивалось, что Европа не может быть построена в качестве альтернативы или общего фронта против какого-либо члена международного сообщества [9]. Очевидно, он имел в виду США, СССР и Британскую Империю [40], великие державы на международной арене, проявляющие большой интерес к европейским делам, которые подозревали, что роль европейской организации будет ролью нового конкурента в мировых делах.

Отношения с СССР были более сложными, поскольку он стал наблюдателем на европейских встречах, но в то же время большинство членов организации считали его противником. Кроме того, на последних заседаниях Комиссии по изучению Европейского федеративного союза до полного краха Лиги Наций СССР стали наиболее активным партнером в отношении европейского развития в общих рамках, возможно, для контроля процесса и интернационализации своей внутренней политики.

Бриан стремился к ежегодному сменяемому президентству, чтобы избежать доминирования более могущественных европейских государств. Однако окончательное подчинение Лиге Наций сделало создание Европейской конференции ненужным, поскольку окончательная решающая роль была предоставлена Генеральной Ассамблее Лиги Наций [16].

Идея, выдвинутая Брианом, была расплывчатой и открытой для интерпретации, поскольку она явно стимулировала создание независимых институтов нового Европейского Союза, но, в свою очередь, подчиняла их практическому уровню Общества Наций [17].

Французское правительство в контексте работы Комиссии по изучению Европейского союза (CEUE) заключило несколько торговых соглашений, основанных на снижении тарифов, таких как соглашение по пшенице с Венгрией, направленное в Комиссию 27 августа 1932 года [36], или соглашение, подписанное 27 августа 1932 года. 14 ноября 1934 г. между Францией и Австрией об условиях ввоза австрийских товаров во Францию [37]. Аналогичным образом правительство Германии проинформировало Европейский союз о торговом соглашении с Румынией, включающем преференциальные таможенные пошлины на импорт ячменя для пастбищ и румынской кукурузы [32], и запросило преференциальные таможенные пошлины на пшеницу венгерского происхождения при импорте в страну [33].

В Меморандуме содержались аргументы в

пользу политического сотрудничества, основанного на произвольной системе безопасности и с постепенным принятием политики международных гарантий, провозглашенной в Локарно (в первую очередь гарантий неприкосновенности границ). Таким образом, политическими столпами единства Европы были те же принципы, что и в Лиге Наций, – позитивная гарантия готовности государств-членов разрешать конфликты мирным путем. Эта система должным образом сработала в случае с Аландскими островами (Ахвенанмаа), поскольку Финляндия и Швеция стремились к мирному урегулированию вопросов суверенитета и защиты шведского меньшинства в Финляндии. Однако в большинстве случаев эта система была неэффективной, как в случае с Вильнюсом, в который были вовлечены Литва и Польша, или в случае с Клайпедой между Литвой и Германией, где балтийская страна действовала в одностороннем порядке, защищая свою собственную выгоду, не принимая во внимание другие соображения. В конечном итоге система рухнула из-за безнаказанности Италии и Японии в их агрессии против Эфиопии и Маньчжурии [43]. Эти действия показали, что модель работает только в том случае, если между соперниками существует реальная воля к сотрудничеству [41].

Европейская конференция так и не стала реальностью, поскольку в создании такого органа не было необходимости из-за подчинения Лиге Наций, включенной в Меморандум и получившей широкую поддержку европейских государств. Ассамблея Лиги Наций взяла на себя роль Европейской конференции и уполномочена рассматривать и утверждать отчеты Комиссии. В соответствии с резолюцией, принятой в Женеве 8 сентября 1930 года [25], Ассамблея закрепила создание Комиссии по изучению Европейского союза 17 сентября 1930 года, четко подчеркнув сотрудничество между правительствами в обеспечении мира в Европе посредством совместных действий [20].

Совет на своем заседании 23 января 1931 года действовал соответствующим образом. Европейский союз действовал в соответствии с теми же процедурами, что и остальные комитеты Лиги Наций, включая возможности разработки своих собственных конкретных правил в соответствии с конкретными потребностями и создания специальных комитетов со своими собственными членами для решения конкретных проблем [42].

Основной целью Европейского союза на протяжении всего его существования было создание условий, необходимых для расширения европейского рынка и поглощения продукции экономик стран-участниц [13; 24; 44].

Экономический кризис и сокращение финансирования представляют собой серьезную

проблему для развивающихся экономик Центральной и Восточной Европы. Правительства Франции и Англии представили в Европейский союз несколько докладов по этому вопросу, в которых упоминались проблемы колебаний покупательной способности золота, конкретные восстановительные работы в отдельных странах, двойное налогообложение, предоставление займов Лиги Наций и вопросы, связанные с сельскохозяйственными кредитами [21].

Аспект занятости привлек особое внимание, поскольку он был направлен на решение определенных специфических для Европы проблем, таких как работники речных судов или другие трансграничные работы. Рабочее движение было приоритетом для европейской организации из-за его влияния на социальную стабильность. Например, Генеральный секретариат Лиги Наций направил в Европейское сообщество меморандум, подготовленный директором Международного бюро труда, по некоторым вопросам, представляющим особый интерес для европейских государств в отношении свободного передвижения трудящихся [22]. 28 мая 1931 года Европейский союз предложил в соответствии с работой Международного бюро труда создать в Лиге Наций подкомитет, состоящий из шести членов самой Комиссии и шести членов Административного совета Международного бюро труда. Целью этого нового органа было бы изучение проблем, вызванных демографией, и, в частности, возможность немедленного развития европейского распределения рабочей силы и переселения рабочих в пределах континента [28]. Комитет по безработице, который спонсировался Комиссией по изучению Европейского союза, собрался 1 и 2 июля 1931 года в Международном бюро труда в Женеве. Его основная работа была направлена на стимулирование миграционных потоков в Европе с целью постоянного уравнивания спроса и предложения рабочей силы [31].

В Меморандуме предлагалось координировать работу европейских почтовых, телеграфных и телефонных систем и регулировать радиовещание по его транснациональному охвату. У Лиги Наций был свой собственный Комитет по коммуникациям и транзиту (ССТ), и правительство Германии предложило изучить его использование на европейском уровне [27]. В связи с этим Комиссия по изучению Европейского союза обратилась к Совету с просьбой поручить ССТ изучить вопрос о режиме торговли электроэнергией в Европе и включить правительства Бельгии, Чехии, Норвегии и Испании в список участников. Еще одним приоритетом для правительства Германии было освобождение жидкого топлива от таможенных пошлин при пересечении европейской границы, поскольку Германия является страной

транзита [28]. Для изучения этого вопроса при Комитете по связи и транзиту был создан Консультативный и технический комитет, выводы которого были приняты Европейским союзом и одобрены Советом Лиги Наций на заседании, состоявшемся 22 мая 1931 г., на котором было предложено как исключение из правил, снизить таможенные пошлины на жидкое топливо. Та же заявка была направлена в Международную авиационную комиссию, Международную ассоциацию воздушного движения, Международные речные комиссии, Международную Почтовую конференцию, Международную Ассоциацию Автомобильных клубов, Международный туристический альянс, Международную федерацию коммерческого транспорта, и в Общественную палату [30]. Рабочая нагрузка, возложенная Европейским союзом на ССТ, была такова, что его генеральный секретариат запросил у Лиги Наций дополнительные средства для надлежащего выполнения возложенных на него задач [18; 29].

На Европейской конференции, состоявшейся в Женеве в 1931 г., посвященной гигиене в сельских районах, были представлены сравнительные исследования европейских проблем здравоохранения, собранные по запросу различных органов здравоохранения на континенте [45]. Меморандум включал организацию Конференции директоров европейских медицинских колледжей, которая в конечном итоге состоялась в Дрездене в июле 1930 года [21]. На втором заседании Комиссии, состоявшемся 16-21 января 1931 г. в Женеве, был представлен ряд отчетов, приложенных к работе, проделанной Лигой Наций за предыдущие 10 лет в области здравоохранения [23], что подчеркнуло большое значение, придаваемое европейскому здравоохранению [26; 38].

На административном уровне сотрудники Генерального секретариата Лиги Наций работали в Европейском союзе, принимая на себя ответственность за составление повестки дня каждой сессии, общение между государствами-членами, координацию с другими комитетами организации, подготовку сессий (Европейский союз не имел полномочий проводить заседания) [24]. Предлагаемая должность подлежала окончательному утверждению Советом Лиги Наций после рекомендаций Подкомитета по бюджетным вопросам. Бюджет Европейского союза в основном покрывал расходы на заседания Комиссии, типографские работы и другие мелкие расходы. Огромная работа Комиссии означала, что Совет дважды обращался с просьбой о выделении дополнительных средств: один раз в размере 28 000 франков в 1930 году и один раз в размере 100 000 франков в 1931 году. Также актуальны с бюджетной точки зрения расходы, понесенные другими комитетами Лиги Наций при выполнении работ,

заказанных СЕУЕ. Однако Лига Наций с общим годовым бюджетом в 25 миллионов золотых франков никогда не отдавала приоритет финансированию европейской организации с выделением соответствующих средств [46].

Наконец, на международном уровне. Бриан был искренне обеспокоен международной оппозицией его предложению. Первое препятствие возникло в связи с колониями и традиционными особыми связями европейских государств с другими частями планеты. Особенно актуальными были дела Соединенного Королевства и его доминионов, распространившихся по всему миру, и Французской колониальной империи, двух доминирующих держав в европейской политике. Бриан тщательно избегал конфликта, подчеркивая взаимодополняющую сущность предлагаемой европейской организации. На пятом заседании Европейского экономического сообщества виконт С. Челвудский, делегат от Британской империи, вежливо предложил Бриана на пост президента, похвалил его, а затем раскритиковал за то, что он повлиял на создание европейской таможенной зоны в мире [34]. Хендерсон в 1932 году выразил предпочтение своего правительства зоне свободной торговли перед Единым рынком [35]. Реакция США также вызвала обеспокоенность, поскольку возможное создание Американского союза по примеру Европейского Союза было реальным страхом, выраженным Германией в ее ответе на Меморандум от 11 июля 1930 года. Эти аспекты нельзя считать основополагающими в неудаче создания единой Европы в межвоенный период, но в совокупности они дискредитировали проект.

Заключение (выводы). Европейская идея А. Бриана, выдающегося политического лидера, удостоенного Нобелевской премии мира и пережившего крайне нестабильный период во французской политике, отличалась от его практической реализации. Бриан предлагал создать Европейский федеративный союз, но он не был ни федеральным, ни европейским и никогда не был союзом. Первое предложение, Меморандум, и его последующая разработка через Комиссию по изучению Европейского союза не содержали каких-либо федеральных предпосылок. Изучение имеющихся данных показывает отсутствие интереса к разделению суверенитета между самими государствами, к созданию независимого института и даже к интеграции экономики. Предложение Бриана также не было полностью европейским, поскольку европейские государства возглавляли крупные мировые империи, что делало это предложение непрактичным. Даже тема СССР, Турции и Исландии вызвала напряженные дебаты по поводу их европейскости.

Легкость членства в ЕС привела к массо-

вому участию, в том числе 27 европейских государств с очень разными приоритетами, потребностями и уровнями развития, что сделало невозможным любое соглашение, выходящее за рамки общих правил. Только небольшая организация с Францией и Германией в качестве мозгового центра, но открытая для любого европейского государства, действительно заинтересованного в участии, имела бы какие-либо шансы на успех.

Совершенно другим моментом является

обоснованность предложения Бриана как общего принципа единства Европы, основы для будущих поколений, подчеркивающего области, в которых необходимо работать для создания Европы. Руководство для будущих поколений, которое, несомненно, сыграло решающую роль в предложении, разработанном Ж. Монне (активным членом Лиги Наций), которое спустя десятилетия привело к созданию нынешнего Европейского Союза.

Список литературы

1. Европейский Манифест // Европейский альманах. История. Традиции. Культура / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1991. 176 с.
2. Княжинский В.Б. Провал планов «объединения Европы». Очерк истории империалистических попыток антисоветского «объединения Европы» между Первой и Второй мировыми войнами. М.: Госполитиздат. 1958. 212 с.
3. Панарина Е.А. Развитие идеи европейской интеграции в первой половине XX века: Дис. ... к.и.н. Ставрополь, 2006. 279 с.
4. Панарина Е.А. Федеральный союз А. Бриана // Проблемы становления гражданского общества на юге России. Армавир, 2005. С. 133 – 137.
5. Чубарьян А.О. «Бриановская» Европа. // Метаморфозы Европы. М.: Наука. 1993. 253 с.
6. Юмашев Ю.М. Европейская идея и её развитие от «христианской республики» до Европейского союза // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 5–46.
7. Amar A.R. Of sovereignty and federalism // Yale Law Journal. 1986. Vol. 96. Pp. 1425–1520.
8. Bohling J. Colonial or Continental Power? The Debate over Economic Expansion in Interwar France, 1925-1932 // Contemporary European History. 2017. № 26 (2). 217–241.
9. Boyce R. Aristide Briand: defending the Republic through economic appeasement Histoire // Politique. 2012. № (1). Pp. 71–93.
10. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity. 1960. P. 253–276.
11. Daddow O. Interpreting the Outsider Tradition in British European Policy Speeches from Thatcher to Cameron // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2015. Vol. 53. № 1. Pp. 71–88.
12. de la Guardia R. M., Sánchez G.A.P. Las consecuencias de la Gran Guerra: la Paz de Versalles y la Sociedad de Naciones. Una visión desde Europa. In De la Sociedad de Naciones a la globalización: visiones desde América y Europa (pp. 131–142). Universidad Católica de la Santísima Concepción. 2020.
13. Fischer C. The Failed European Union: Franco-German Relations during the Great Depression of 1929–32 // The International History Review. 2012. № 34 (4). Pp. 705–724.
14. Hamulák O. La carta de los derechos fundamentales de la union europea y los derechos sociales // Estudios constitucionales. 2018. № 16 (1). Pp. 167–186.
15. Heinemeyer H.C. The treatment effect of borders on trade. The Great War and the disintegration of Central Europe // Cliometrica. 2007. Vol. 1. № 3. Pp. 177–210.
16. Ivic S. European commissions plan D for democracy, dialogue and debate: The path towards deliberation? // Journal of Law and Conflict Resolution. 2011. № 3 (2). Pp. 14–19.
17. Kitsikis D. La Grèce et le projet Briand d'Union européenne du 1er mai 1930 // Revue d'histoire moderne et contemporaine (1954-). 1965. № 12(3). Pp. 203–218.
18. League of Nations (1930) A. 46. 1930. VII. 21. Reply from the British government.
19. League of Nations (1930) VII. POLITICAL. 1930. VII. 4. Documents relating to the organisation of a System of European Federal Union.
20. League of Nations (1930) C. 693. M. 290. 1930. VII. Report by the secretary-general on certain technical questions, which have been dealt with by the League of Nations.
21. League of Nations (1930) C. 693. M. 290. 1930. VII. III. Report on the work of the Health Organisation in respect of European Health Questions.
22. League of Nations (1931) C-39-M-16-1931-VII. Commission of Enquiry for European Union. Note from the Secretary-General.
23. League of Nations (1931) C.144.M.45.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Minutes of the second session of the commission.
24. League of Nations (1931) C.204.M.82.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Or-

organisation sub-committee. Report by M. Motta on the constitution, organisation and procedure of the commission of enquiry for European Union.

25. League of Nations (1931) C.204. M.82.1931.VII. Annex 4. Commission of Enquiry for European Union. Organisation sub-committee. Report by M. Motta on the constitution, organisation and procedure of the commission of enquiry for European Union.

26. League of Nations (1931) C.272.M.125.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Note by the Secretary-General.

27. League of Nations (1931) C.316. K.146.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Supplementary Agenda Item 2.

28. League of Nations (1931) C.395. M.158.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Resolutions on economic questions.

29. League of Nations (1931) C.417(a). M.173(a). 1931. VIII. Advisory and Technical Committee for communications and transit. Resolutions adopted by the Committee at its Sixteenth Session.

30. League of Nations (1931) C-417-M-173-1931-VIII. Advisory and Technical Committee for Communications and Transit. Minutes of the sixteenth session.

31. League of Nations (1931) C.437.M.184.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Unemployment Committee.

32. League of Nations (1931) C.503. M.210.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. General Report submitted by the Coordination Subcommittee on Economic Questions.

33. League of Nations (1931) C.507. M.213.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. General Report submitted by the Coordination Subcommittee on Economic Questions.

34. League of Nations (1931) C.685.M.291.1931.VII. Minutes of the fifth session of the commission held at Geneva on Saturday, September 26th, 1931.

35. League of Nations (1932) C.35. M.19.1932.VII. German and British observations on the Report of the Sub-Committee of Economic Experts. January 9th, 1932.

36. League of Nations (1932) C.608.M.300.1932.VII. Commission of Enquiry for European Union. Communication from the Government of the French Republic concerning the text of the Arrangement which France has concluded with Hungary with regard to the importation of wheat quotas.

37. League of Nations (1934) C.580.M.271.1934.VII. Commission of Enquiry for European Union. Arrangement signed on November 14th, 1934, between France and Austria concerning the conditions for the importation of certain Austrian products into France.

38. League of Nations (1937) C.532.M.370.1937.VII. Minutes of the seventh session of the Commission held at Geneva on Friday, October 1st, 1937.

39. League of Nations (1945) C.99.M.99.1945.V. The Committees of the League of Nations. Classified List and essential facts.

40. Marks G. Europe and its empires: From Rome to the European Union // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2012. Vol. 50. № 1. Pp. 1–20.

41. Martín de la Guardia R., Pérez Sánchez G. *Historia de la integración europea*. Ariel, Barcelona. 2001. 293 p.

42. Mazower M. *Governing the world: The history of an idea, 1815 to the present*. Penguin. 2013. 496 p.

43. Northedge F. S. *The League of Nations: its life and times*. (Leicester Univ. Press). 1986. 342 p.

44. Outeda C.C. Andreas Papandreou: Towards the European Solidarity. In *The European Union and its Political Leaders* (pp. 243–259). Springer, Cham. 2022

45. Ramiro Troitiño D. La Comisión para el Estudio de la Unión Europea. El sueño europeo del periodo de entreguerras // *Historia Actual Online*. 2021. № 54 (feb. 2021). Pp.17–34.

46. Ramiro Troitiño D. El europeísmo de entreguerras ¿Un paso hacia la integración? El Memorandum de Briand y la Comisión para el Estudio de una Unión Europea // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2022. Vol. 44. Pp. 221–241

THE EUROPEAN IDEA OF A. BRIAND IN THE INTERWAR PERIOD

The main purpose of the study is to identify the reasons that hindered the integration processes on the European continent during the interwar period, based on new materials on this topic in the Western press. During the study, the main focus was on establishing the key facts that prevented Aristide Briand's ambitious plans. A. Briand's plan for the creation of the United States of Europe is being considered. The Memorandum of the European Federal Union on the organization of the system of the Federal European Union, the technical aspects of the organization of the System for the Federal Union of Europe, which includes a number of basic prerequisites at the initial stage of the process of building the European Community, are analyzed. On the basis of the Memorandum, proposals are analyzed for future research in the main areas in which the organization could be most attractive, determining its relations with the League of Nations and studying Europe's external relations. The main methods are ideographic, comparative historical and retrospective. The research is carried out in

accordance with the principle of historicism and is based on an extensive source base, which is based on recently digitized documents of the League of Nations, selected publications in the press and the works of Western historians.

Keywords: Briand; European Union; historiography; League of Nations; Memorandum; solidarity.

References

1. Evropejskij memorandum. (1991). [The European Manifesto]. Istoriya. Tradicii. Kultura. Otv. red. A.O. Chubaryan. M.: Nauka.
2. Knyazhinskij V. B. (1958). Proval planov "obedineniya Evropy". Oчерк istorii imperialisticheskikh popytok antisovetskogo "obedineniya Evropy" mezhdru Pervoj I Vtoroj mirovymi vojnami [The failure of the plans for the "unification of Europe". An essay on the history of imperialist attempts at anti-Soviet "unification of Europe" between the First and Second World Wars]. M.: Gospolitizdat.
3. Panarina E.A. (2006). Razvitie idei evropejskoj integracii v pervoj polovine XX veka [The development of the idea of European integration in the first half of the 20th century]. Dis... k.i.n. Stavropol.
4. Panarina E.A. (2005). Federalnyj soyuz A. Briana [A. Briand's Federal Union]. *Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva na yuge Rossii*. Armavir.
5. Chubaryan A.O. (1993). "Brianovskaya" Evropa ["Brianov's" Europe]. *Metamorfozy Evropy*. M. Nauka.
6. Yumashev Yu. M. (2015). Evropejskaya ideya I eyo razvitie ot "hristianskoj respubliki" do Evropejskogo soyuza [The European idea and its development from the "Christian Republic" to the European Union]. Trudy instituta gosudarstva I prava Rossijskoj akademii nauk, no 3, 5-46.
7. Amar A.R. (1986). Of sovereignty and federalism. *Yale Law Journal*, vol, 96, pp. 1425–1520.
8. Bohling J. (2017). Colonial or Continental Power? The Debate over Economic Expansion in Interwar France, 1925-1932. *Contemporary European History*, 26 (2), pp. 217–241.
9. Boyce R. (2012). Aristide Briand: defending the Republic through economic appeasement *Histoire. Politique*, (1), pp. 71–93.
10. Brown R., Gilman A. (1960). The pronouns of power and solidarity, p. 253–276.
11. Daddow O. Interpreting the Outsider Tradition in British European Policy Speeches from Thatcher to Cameron. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2015, vol, 53, 1, pp. 71–88.
12. de la Guardia R. M., Sánchez G.A.P. (2020). Las consecuencias de la Gran Guerra: la Paz de Versalles y la Sociedad de Naciones. Una visión desde Europa. In *De la Sociedad de Naciones a la globalización: visiones desde América y Europa* (pp. 131–142). Universidad Católica de la Santísima Concepción.
13. Fischer C. (2012). The Failed European Union: Franco-German Relations during the Great Depression of 1929–321. *The International History Review*, 34 (4), pp. 705–724.
14. Hamulák O. (2018). La carta de los derechos fundamentales de la union europea y los derechos sociales. *Estudios constitucionales*, 16 (1), pp. 167–186.
15. Heinemeyer H.C. (2007). The treatment effect of borders on trade. The Great War and the disintegration of Central Europe. *Cliometrica*, vol, 1, 3, pp. 177–210.
16. Ivic S. (2011). European commissions plan D for democracy, dialogue and debate: The path towards deliberation? *Journal of Law and Conflict Resolution*, 3 (2), pp. 14–19.
17. Kitsikis D. (1965). La Grèce et le projet Briand d'Union européenne du 1er mai 1930. *Revue d'histoire moderne et contemporaine* (1954-), 12 (3), pp. 203–218.
18. League of Nations (1930) A. 46. 1930. VII. 21. Reply from the British government.
19. League of Nations (1930) VII. POLITICAL. 1930. VII. 4. Documents relating to the organisation of a System of European Federal Union.
20. League of Nations (1930) C. 693. M. 290. 1930. VII. Report by the secretary-general on certain technical questions, which have been dealt with by the League of Nations.
21. League of Nations (1930) C.693. M.290.1930.VII. III. Report on the work of the Health Organisation in respect of European Health Questions.
22. League of Nations (1931) C-39-M-16-1931-VII. Commission of Enquiry for European Union. Note from the Secretary-General.
23. League of Nations (1931) C.144.M.45.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Minutes of the second session of the commission.
24. League of Nations (1931) C.204.M.82.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Organisation sub-committee. Report by M. Motta on the constitution, organisation and procedure of the commission of enquiry for European Union.
25. League of Nations (1931) C.204. M.82.1931.VII. Annex 4. Commission of Enquiry for European Union. Organisation sub-committee. Report by M. Motta on the constitution, organisation and procedure of the commission of enquiry for European Union.
26. League of Nations (1931) C.272.M.125.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Note

by the Secretary-General.

27. League of Nations (1931) C.316. K.146.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Supplementary Agenda Item 2.

28. League of Nations (1931) C.395. M.158.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Resolutions on economic questions.

29.29. League of Nations (1931) C.417(a). M.173(a).1931.VIII. Advisory and Technical Committee for communications and transit. Resolutions adopted by the Committee at its Sixteenth Session.

30. League of Nations (1931) C-417-M-173-1931-VIII. Advisory and Technical Committee for Communications and Transit. Minutes of the sixteenth session.

31. League of Nations (1931) C.437.M.184.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. Unemployment Committee.

32. League of Nations (1931) C.503. M.210.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. General Report submitted by the Coordination Subcommittee on Economic Questions.

33. League of Nations (1931) C.507. M.213.1931.VII. Commission of Enquiry for European Union. General Report submitted by the Coordination Subcommittee on Economic Questions.

34. League of Nations (1931) C.685.M.291.1931.VII. Minutes of the fifth session of the commission held at Geneva on Saturday, September 26th, 1931.

35. League of Nations (1932) C.35. M.19.1932.VII. German and British observations on the Report of the Sub-Committee of Economic Experts. January 9th, 1932.

36. League of Nations (1932) C.608.M.300.1932.VII. Commission of Enquiry for European Union. Communication from the Government of the French Republic concerning the text of the Arrangement which France has concluded with Hungary with regard to the importation of wheat quotas.

37. League of Nations (1934) C.580.M.271.1934.VII. Commission of Enquiry for European Union. Arrangement signed on November 14th, 1934, between France and Austria concerning the conditions for the importation of certain Austrian products into France.

38. League of Nations (1937) C.532.M.370.1937.VII. Minutes of the seventh session of the Commission held at Geneva on Friday, October 1st, 1937.

39. League of Nations (1945) C.99.M.99.1945.V. The Committees of the League of Nations. Classified List and essential facts.

40. Marks G. (2012). Europe and its empires: From Rome to the European Union. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 50, 1, pp. 1–20.

41. Martín de la Guardia R., Pérez Sánchez G. (2001). *Historia de la integración europea*. Ariel, Barcelona.

42. Mazower M. (2013). *Governing the world: The history of an idea, 1815 to the present*. Penguin.

43. Northedge F. S. (1986). *The League of Nations: its life and times*. (Leicester Univ. Press).

44. Outeda C.C. (2022). Andreas Papandreou: Towards the European Solidarity. In *The European Union and its Political Leaders* (pp. 243–259). Springer, Cham.

45. Ramiro Troitiño D. (2021). La Comisión para el Estudio de la Unión Europea. El sueño europeo del periodo de entreguerras. *Historia Actual Online*. 54, pp.17–34.

46. Ramiro Troitiño D. (2022). El europeísmo de entreguerras ¿Un paso hacia la integración? El Memorandum de Briand y la Comisión para el Estudio de una Unión Europea. *Cuadernos de Historia Contemporánea*, vol. 44, pp. 221–241.

Об авторах

Щупленков Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия), E-mail: oleg.shup@gmail.com

Щупленков Николай Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия), E-mail: veras-nik@yandex.ru

Shchuplenkov Oleg Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Yessentuki (Russia), E-mail: oleg.shup@gmail.com

Shchuplenkov Nikolai Olegovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Yessentuki (Russia), E-mail: veras-nik@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их **значимость (оценка) для науки**. Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег**, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы**.

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок**: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удалены). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

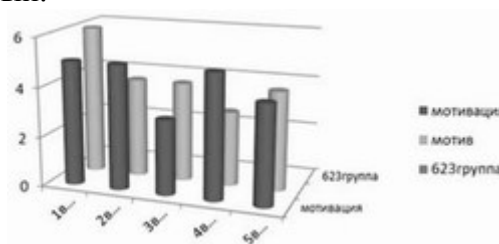

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (60) 2024

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 24.06.2024.

Дата выхода журнала в свет: 28.06.2024.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 25,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+